

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

II

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Н Т Р О П О Л О Г И И , А Р Х Е О Л О Г И И И Э Т Н О Г Р А Ф И И

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

№ 2

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М О С К В А 1 9 3 7 Л Е Н И Н Г Р А Д

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *И. Горбунов*

Председатель редколлегии академик *И. П. Мещанинов*

Ответственный секретарь *С. Н. Замятнин*

Члены редколлегии: *В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. П. Равдоникас*

Секретарь редакции *В. В. Храмова*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории	1
С Т А Т Ь И	
О. Н. Бадер (Москва). Илхачевский могильник	19
П. П. Ефименко (Ленинград). К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам	39
М А Т Е Р И А Л Ы	
В. В. Федоров (Ленинград). Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки	65
С. В. Киселев (Москва). «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси	71
А. В. Эбруева (Москва). Ананьинский могильник	91
В. А. Городцов (Москва). Подчеремский клад	113
Е. В. Жиров (Ленинград). Древние ижорские черепки	151
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К А Я Р А Б О Т А ЗА Р У Б Е Ж О М	
Н. М. Дурье (Ленинград). Город Тель-Эль-Амарна	161
М Е Л К И Е С О О Б Щ Е Н И Я	
В. И. Громов (Москва). Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г.	186
С. А. Локтюшев (Ворошиловград). Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе	195
А. А. Мансуров (Москва). К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий	199
Г. И. Петров (Ленинград). Некролог. Генри Фэрфильд Осборн	201
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К А Я Х Р О Н И К А	
А. С. Стрелков (Москва). Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии	205
С. А. Трусова (Ленинград). Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA	215
В. И. Селиванов (Ленинград). Археологическая работа Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г.	221
И. Н. Третьяков (Ленинград). Экспедиция по изучению «Арктического палеолита»	227
Э. В. Зиберт (Ленинград). Археологические находки на Аляске	228

Н. Захаров (Краснодар). Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареиное городище	229
М. З. Папичкина (Ленинград). Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям	230
Б. Рабинович (Ленинград). Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г.	241

SOMMAIRE

	Page
M é m o i r e s	
Notre tâche actuelle dans le domaine des recherches archéologiques à la lumière de la décision du Comité central du Parti communiste et du Conseil des commissaires du peuple de l'URSS concernant les manuels d'histoire	1
O. Bahder (Moscou). Le cimetière de Likhatchevo	19
P. Efimenko (Léningrad). Contribution à l'histoire de la partie onest du pays de la Volga dans le 1-er millénaire de notre ère d'après les sources archéologiques	39

M a t é r i a u x

V. Fedorov (Léningrad). Engins de pêche néolithiques de la vallée de l'Oka	61
S. Kiselev (Moscou). Les tumuli du type d'Afanassiévo près des villages Syda et Tessa, région de Minoussinsk	71
A. Zbrueva (Moscou). Le cimetière d'Ananino	95
V. Gorodcov (Moscou). Le trésor de la Podtchérama	113
E. Zirov (Léningrad). Crânes anciens de l'Ijora	151

L'archéologie à l'étranger

L. Lourié (Léningrad). La ville de Tel-el-Amarna	161
--	-----

B r è v e s c o m m u n i c a t i o n s

V. Gromov (Moscou). Quelques résultats des recherches sur le Paléolithique de l'URSS en 1935	189
S. Loktšušev (Vorochilovgrad). Sépultures rares et restes d'une station dans le bassin du Donetz	195
A. Mansurov (Moscou). Matériaux pour l'étude de la composition chimique des objets métalliques trouvés dans les fouilles	199

N é c r o l o g i e

G. Petrov (Léningrad). Henry Fairfield Osborne	201
--	-----

C h r o n i q u e

A. Strelkov (Moscou). Le 3-e Congrès international d'art et d'archéologie iraniens	205
S. Trusova (Léningrad). Réunion plénière de la Commission de l'Homme fossile de la Section Soviétique de l'INQUA	215
V. Selivanov (Léningrad). Les travaux archéologiques de l'Académie N. Marr d'Histoire de la culture matérielle en 1935	221
P. Tretjakov (Léningrad). L'expédition pour l'étude du «Paléolithique arctique»	227
E. Sibert (Léningrad). Trouvailles archéologiques à l'Alaska	228
N. Zacharov (Krasnodar). Les retranchements à la frontière nordcaucasienne de l'Etat du Bospore et le gorodistché de Krassnaïa-Battaréia	229
M. Paničkina (Léningrad). Aperçu des trouvailles archéologiques faites en 1934—1935 en URSS d'après les communications des journaux	230
B. Rabinovič (Léningrad). Les travaux du Secteur pour l'étude de la société archaïque de l'Ermitage en 1935	241

НАШИ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, В СВЯЗИ С РЕШЕНИЯМИ ЦК ВКП(Б) И СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР ОБ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

Решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории вместе с замечаниями товарищей Сталина, Жданова и покойного С. М. Кирова на конспекты учебников имеют огромное, в полном смысле поворотное значение для развития исторической науки в СССР, значение, далеко выходящее за пределы указаний, прямо относящихся к составлению учебников. В этих исторических решениях и замечаниях с исключительной глубиной вскрыты все коренные ошибки и недостатки, которыми страдает наша историческая наука, и вместе с тем указан путь к ее оздоровлению, к преодолению вредных, тормозящих ее развитие тенденций и влияний. Для каждого советского историка, в какой бы области он ни работал, решения партии и правительства об учебниках и замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова являются основополагающими документами, ставящими цели и указывающими пути для его дальнейшей исследовательской работы.

Это в полной мере относится и к археологии, являющейся одной из важных отраслей единой исторической науки и страдавшей теми же недостатками, которые указаны в решениях ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР. Вредное влияние школы М. Н. Покровского, заключавшееся в «антимарксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядах на историческую науку» (Ц. О. «Правда»), проявлялось и в области археологии, где конкретное изучение фактов нередко подменялось у нас абстрактным социологизированием, голым схематизмом, голым теоретизированием. Поэтому каждый советский археолог должен со всей глубиной продумать решения партии и правительства об учебниках и сделать из них до конца все выводы по отношению к своей науке и к своему участию в ней.

Необходимо также вспомнить, что еще в недавние годы троцкисты-вредители, хозяйничавшие в таких ведущих археологических учреждениях, как Гос. Академия истории материальной культуры, ставили под сомнение даже самую возможность существования археологии, как марксистско-ленинской науки, и тем самым дезориентировали некоторую часть ученых, работающих в области археологии. Одни из критиков,

выступавших в дискуссиях, имевших место в Ленинграде и Москве, и на страницах археологических изданий, отводили археологии скромную роль «вспомогательной исторической дисциплины», другие считали, что археология должна быть заменена историей материальной культуры, третьи доходили до требования полного упразднения археологии как самостоятельной науки. Крайнего выражения этот сумбур мнений достиг в некоторых выступлениях на археолого-этнографическом совещании в 1932 г., когда один из наиболее рьяных критиков В. К. Никольский, кстати сказать, ни в какой мере авторитетом в археологии не являющийся, — призывал разрушить археологию так, чтобы от нее не осталось «камня на камне». ¹

В то же время в некоторых изданиях («Сообщения» и «Проблемы» ГАИМК) предпринимались попытки опорочить и ликвидировать едва ли не все методы и приемы, которые археолог должен применять в практике своей исследовательской работы. Изучение стратиграфии культурных напластований, изучение археологических памятников по целостным комплексам, типологические классификации, сравнительное изучение культурных остатков и другие приемы археологического исследования в тех же изданиях были просто объявлены буржуазными методами. ² Взамен точного методического изучения вещественных памятников и по ним — конкретной истории и конкретной истории культуры, предлагалось изучать, как «единицу исторического исследования», общественно-экономическую формацию, без какой-либо методики, начисто выброшенной за борт.

Все эти крайности являлись результатом безответственной, а подчас и просто вредительской критики, направленной к дезориентации широких кругов советских археологов и к разрушению самой советской археологии. Без сомнения, беспощадная критика всех враждебных и чуждых марксизму-ленинизму взглядов и установок является необходимым условием развития советской науки. И советская археология не могла бы развиваться в должном направлении, если бы серьезная критика буржуазных методов, буржуазных взглядов и борьба с различными извращениями марксизма-ленинизма не расчищали перед ней правильный путь. Критика и самокритика были и будут абсолютно необходимым звеном нашей исследовательской работы. Но критика должна вестись с правильных марксистско-ленинских позиций и с глубоким знанием дела, в противном случае она принесет вред, а не пользу. Особенно вреден в критике антимарксистский, ликвидаторский мелко-буржуазный радикализм, всегда готовый с помощью пустой звонкой фразы выбросить за борт любые ценности, любые достижения, созданные наукой и культурой человечества.

¹ См. материалы и статьи, печатавшиеся в связи с археолого-этнографическим совещанием в Сообщениях ГАИМК за 1932 год.

² См. статью И. И. Смирнова: «Возможна ли марксистская история материальной культуры?» Сообщения ГАИМК 1932 г., № 1.

И если попытки этих враждебных марксизму-ленинизму критиков не имели прямого успеха, получив решительный отпор, то все же связанные с ними и питавшие их тенденции продолжают существовать и действовать до настоящего времени, причиняя существенный вред нашей науке.

Нельзя отрицать, что конкретно-исторические исследования и в археологии до сегодняшнего дня нередко подменяются вульгарно-социологическими рассуждениями по поводу тех или иных памятников, под видом, якобы, изучения по ним социально-экономических формаций. Даже в наиболее серьезных археологических работах, выходящих в последние годы, мы наблюдали постоянное стремление авторов проследить по археологическим фактам лишь самые общие, так сказать, типовые черты социально-экономической структуры и социально-экономического развития изучаемых обществ, без желания углубиться в изучение формы их конкретного исторического существования. Достаточно просмотреть только тематику большинства наших исторических исследований по археологическим материалам, чтобы понять, на чем авторы их сосредоточивают свое внимание. Такие темы, как «Родовое общество в Приуралье», «Разложение рода и феодализм на Енисее», «Родовое общество в степной полосе Восточной Европы», «Родовое общество в Приднепровье» и т. п. являются типичными в этом смысле. В этих работах речь обычно идет об этапах и так называемых вариантах социально-экономических формаций, причем авторы нередко пользуются готовыми, априорно взятыми схемами и лишь переносят эти заранее построенные схемы на свой материал, вместо того, чтобы с помощью марксистско-ленинской методологии делать объективные, непосредственно из материала вытекающие конкретно-исторические выводы. В результате получается, что, например, родовое общество пунктуально, до мелочей одинаково разлагалось на Енисее, в степях Восточной Европы, в предгорье Урала и в Средней Азии. В результате получается, что мертвая схема в работах некоторых наших археологов подменяет живую историческую действительность.

Бесспорно, что изучение истории материального производства и социально-экономической истории по археологическим данным является нашим достижением, нашим существенным продвижением вперед по сравнению с буржуазной археологией, занимающейся, как правило, формальным изучением вещей без стремления использовать их в качестве полноценных исторических источников. Но, неуклонно продолжая работу по изучению истории материального производства и социально-экономического развития общества, необходимо избежать голого социологизирования и схематизма, приводящего к подмене подлинного исторического знания ненужным шаблоном из штампованных фраз.

Значительный уклон в сторону социально-экономического схематизма и социологизирования чрезвычайно существенно помешал советской археологии выполнить ее прямые и весьма важные задачи. Изучая общие типовые черты социально-экономических структур по археологическим

данным, археологи часто забывали о том, что общее всегда проявляется в особенном и частном, что культура общества не существует вне ее этнической формы, т. е. не существует вне племени, союза племен, народа или нации. Культурные остатки прошлого, с которыми советский археолог непосредственно имеет дело как с историческим источником, всегда являются прежде всего памятниками истории различных этнических групп — племен и народов, некогда населявших или населяющих и теперь территорию Советского Союза. Поэтому археология может быть особенно полезна в деле изучения истории племен и племенных культур, начиная со времени первого появления человека на территории нашей родины и до возникновения письменности, точно так же, как и в деле изучения истории народов (и их культуры), до великой пролетарской революции не имевших письменности. Конкретное историко-археологическое исследование не может не быть исследованием по истории и по истории культуры того племени или того народа, на изучении вещественных памятников которого оно строится, т. е. исследованием, вскрывающим этнические формы и местные этнические особенности исторического процесса. Подготовить и внести свой вклад в историю народов СССР, разработать историю первобытно-коммунистических племен, обитавших на территории нашей страны, разработать историю народов, поздно овладевших письменностью, собрать и обработать полноценный материал по истории — особенно древней истории — культуры всех народов СССР — вот задачи, которые на первом месте стоят перед советской археологией, задачи особенно ответственные и важные в тот момент, когда партия и правительство призывают всех советских историков к тщательному, глубокому изучению конкретной истории народов СССР.

Между тем, наши археологи этими задачами занимались в гораздо меньшей степени, чем изучением общих вопросов социально-экономического порядка. У нас крайне мало исследований, которые ставили бы своей целью проследить историю хотя бы одного племени или народа с помощью археологических фактов, как тем более нет общей картины конкретной, т. е. племенной истории нашей страны в первобытно-коммунистическую эпоху. И если авторам учебников по истории СССР справедливо ставится в вину, что они смешали в общую кучу дофеодальный и феодальный период истории, то значительная доля этой вины падает на археологов, так как именно археологический материал дает наиболее благодарные возможности изучить особенности дофеодального периода истории в различных районах территории СССР, периода, до сих пор еще надлежащим образом не изученного нами.

Необходимой и важной частью истории народов СССР являются вопросы о самом происхождении народов, об их формировании из более ранних первобытных племен, т. е. вопросы этногонии. И если эти вопросы чрезвычайно слабо у нас разработаны, то ответственность за это ложится опять-таки в значительной степени на археологов, имеющих в своем материале большие объективные возможности для разработки

этногонических проблем. Необходимо составить на основе тщательного, кропотливого изучения культурных остатков карты расселения племен на территории нашей родины в различные эпохи их существования, необходимо проследить, когда, почему и каким образом возникали из отдельных племен крупные племенные союзы, как эти союзы укрупнялись и на грани классовой истории, в борьбе друг с другом и с внешним врагом, превращались в народы, уже хорошо известные письменной истории. Одна проверенная и убедительно обоснованная материалом племенная карта ценнее десятка псевдо-социологических сочинений «по поводу» археологических памятников, а между тем, где у нас эти карты? Где исследования по вопросам этногонии? Археологи еще не принялись всерьез за эту совершенно необходимую для исторической науки работу. Они или отмахивались от разработки этногонических проблем или и здесь сбивались на схематизм, пользуясь готовыми априорными концепциями.

Так, своевременная, правильная и нужная борьба против буржуазного миграционизма и теории заимствований, имеющих своей подосновой антинаучную расовую теорию, некоторыми исследователями, совершенно неправильно прикрывавшимися именем Н. Я. Марра, была истолкована в смысле полного отрицания всяких переселений и всяких заимствований. Отсюда возникла странная схема этногонического процесса, с помощью которой происхождение каждого народа объяснялось так, как будто этот народ неподвижно сидел на одном месте со времен глубочайшей древности и при этом находился в полной изоляции от всяких влияний даже соседних с ним племен и народов. Вместо решения строго исследовательскими приемами с помощью анализа конкретных фактов вопросов о том, имело или не имело место в каждом конкретном случае расселение, переселение или заимствование, исследователи нередко хотя бы молчаливо пользовались этой ненаучной схемой, забывая о том, что в действительной истории переселения и заимствования не представляли ничего необычного. Достаточно напомнить о трудах Л. Г. Моргана и о «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. В этих книгах, как известно, приведено немало примеров, конкретно показывающих, как первобытные племена распадалась на части (сегментация племен), выделяя вторичные племенные группы, которые расселились, занимая новые и новые территории, а иногда и переселялись в места, далеко отстоящие от их первоначальной родины, что сделали, например, ирокезы в Северной Америке. Не будет ничего удивительного, если подобная сегментация, расселение и переселение племен имели место в отдаленной истории нашей родины, и надо не отрицать заранее такого рода факты, а изучать их и только с помощью конкретного материала.

Конкретно-историческое исследование требует тщательного, методического и объективного изучения первоисточников с максимально полным их охватом, с исключением субъективного к ним отношения и произ-

вольных, объективно необоснованных мнений. Между тем, схематизм развращал мысль исследователей, приучал их к верхоглядству, к пренебрежению объективными фактами, к безответственному отношению к своей науке и к своему материалу. Некоторые авторы с поразительной легкостью, вернее — легкомыслием, переходили в своих работах от одной наспех построенной схемы к другой, столь же лишенной серьезных научных доказательств — и это выдавалось за научные исследования. Рекорд в этом отношении побил В. К. Никольский, который ухитрился почти в каждой новой печатной своей работе давать новую периодизацию истории докалассового общества, устанавливая и затем упраздняя в этой истории новые этапы и даже новые формации. Другим примером крайнего субъективизма в археологии может служить свойственная ряду авторов бездоказательность исторической интерпретации вещественных памятников, заставляющая их с легкостью переносить одни и те же памятники из одной эпохи и даже формации в другие эпохи и другие формации. Так, один исследователь (Б. Л. Богаевский) в разных печатных своих работах последовательно истолковывал один и тот же комплекс памятников — то как принадлежащий могущественной морской державе, то как относящийся к эпохе феодализма, то как свидетельствующий о наличии разложения родовых отношений в данном обществе, — с тем, чтобы в конце концов отнести этот комплекс памятников к эпохе матриархата.

Указанные примеры далеко не единственные. Подобное отношение к науке в той или иной степени было свойственно ряду наших исследователей. Необходима глубокая конкретная критическая работа, чтобы вскрыть все подобные ошибки и это должно явиться одной из ближайших задач советской археологии.

Такого рода неустойчивость и произвольность исторических заключений без сомнения прямо или косвенно связана с разоблаченным партией отрицанием объективности исторического знания, характерным для М. Н. Покровского и его школы. Сам М. Н. Покровский, пользуясь, в частности, и археологическим материалом, очень легко переходил от одних своих суждений к другим, иногда прямо противоположным суждениям, не давая себе труда обосновать столь решительные перемены в своих взглядах. Так, в четырехтомнике по русской истории он утверждал, что славяне были в Восточной Европе и даже в верхнем Поволжье автохтонами, сидели здесь с первобытных времен, а в «Сжатом очерке» и в более поздних статьях писал, что славяне явились сюда как завоеватели и колонизаторы («небольшими группами»), покоряя и истребляя ранее жившие здесь автохтонные племена. Ни то, ни другое мнение не было обосновано М. Н. Покровским глубоким изучением конкретных фактов.

Идеалистическое в своей основе отрицание объективности исторического знания и субъективизм в науке не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом, строящим объективно-истинную подлинную историческую науку. В гениальных работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина

даны непревзойденные образцы объективных, строго проверенных, обоснованных огромным множеством фактов и потому незыблемых исторических выводов. Каждый историк, каждый археолог в процессе своей исследовательской работы должен непрестанно обращаться к трудам основоположников марксизма-ленинизма, глубоко штудировать эти труды, стремясь научиться тому, как нужно по-настоящему строить подлинную объективную историческую науку.

Чтобы избежать произвола и субъективизма в историко-археологических работах, нужно овладеть методикой и техникой историко-археологического исследования, добиваться точности и скрупулезности в добычании и обработке материала, овладеть мастерством научного исследования. Наплеватьское отношение к приемам исследования, выработанным наукой, не к лицу историку и археологу марксистам. Критический пересмотр методики, употреблявшейся в старой археологии, совершенно необходимый, вовсе не требует и не означает полной ликвидации всей этой методики, как, к сожалению, думали некоторые авторы. Так, например, глубоко характерный для старой археологии типологический метод совершенно правильно раскритикован у нас в качестве универсального метода построения археологического знания. Но тот же типологический метод в качестве вспомогательного приема первичной классификации археологических находок по типам, а иногда даже в качестве приема хронологизации, имеет законное право на свое существование и применение в советской археологии. Не разобравшись в массе вещей, не расклассифицировав их по материалу, форме и назначению, невозможно приступить к дальнейшей стадии их изучения — к исторической интерпретации. То же самое следует сказать относительно таких, выработанных старой наукой приемов, как изучение стратиграфии, сравнительное изучение и т. д. Необходимо внимательное и бережное отношение ко всему лучшему, что было выработано наукой в прошлом, с беспощадным устранением всего, что устарело, что тормозит дальнейшее развитие науки.

Овладение научным наследием прошлого и в области фактического знания и в области методики является важным условием успешности дальнейшей разработки науки и дальнейшего совершенствования ее исследовательских приемов. Новые задачи, которые стоят перед советской археологией, конечно, требуют и новых методов, новых приемов, над разработкой которых должны неустанно работать наши археологи, все более совершенствуя свои приемы исследования, все более повышая качество своей работы.

Успех конкретно-исторического исследования в значительной степени зависит от полноты источников, которыми располагает исследователь. Неопубликованный археологический материал обычно недоступен для широких кругов исследователей. Отсюда необходимость в систематических описательных публикациях новых археологических материалов, количество которых накапливается у нас с чрезвычайной быстротой в связи

с огромным размахом наших полевых экспедиционных исследований. К сожалению, и число и качество наших археологических публикаций значительно отстает от того, что действительно требуется в этой области нашей наукой. Если подсчитать число и объем в листах, с одной стороны, вышедших у нас в свет археологических публикаций материала, а с другой, — обобщающих работ, большею частью страдающих грехом социологизирования и схематизма, то получится разительная диспропорция не в пользу археологических публикаций. Многие раскопанные памятники даже исключительного научного значения, как палеолитические стоянки Мальта, Костенки, Тимоновка, как находки в Пазырыке на Алтае, как неолитические памятники северо-запада СССР, памятники эпохи бронзы Северного Кавказа и т. д., до сих пор не опубликованы. При этом качество имеющихся, относительно немногих публикаций, за некоторыми исключениями, очень невысоко. В публикациях вещественных памятников исключительно важную роль должны играть точные воспроизведения памятников в рисунках, чертежах, фотографиях и т. д., потому что внешний вид и форма памятника и являются в первую очередь опорой для исторических заключений. Иллюстративная часть в археологических изданиях должна быть поэтому безукоризненной, иначе пропадает самый смысл таких изданий. Между тем наши археологические публикации, особенно соответствующие издания Гос. Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, в большинстве печатаются на плохой бумаге со множеством опечаток и неточностей, с чрезвычайно плохими, почти газетными иллюстрациями, по которым, как правило, совершенно невозможно составить себе верное представление об опубликованных памятниках. Какая польза от таких публикаций?

Необходимо приступить к систематическому, лучшее всего серийному изданию вновь открываемых археологических материалов, с соблюдением всех требований, которые советская археология вправе предъявить к публикациям вещественных памятников.

Недостаток конкретных историко-археологических исследований и публикаций материала, недостаток крупных синтетических трудов в этой области, которые могли бы привлечь к себе широкое общественное внимание, послужили, может быть, важной причиной к тому, что археология не завоевала еще у нас достойного места в советской исторической науке, не показала должным образом то значение, которое она может иметь для построения исторического знания. В частности, это выразилось и в том факте, который не может не вызывать тревоги, что археология до сих пор не получила развернутого преподавания в советских исторических вузах. Только в Ленинградском Институте истории, философии и лингвистики читались некоторые специальные курсы по археологии в сочетании их с курсами по этнографии и при таком учебном плане, который не может обеспечить подготовку специалистов. На кафедрах университетов были введены лишь краткие курсы по истории доклассового общества,

задача которых — дать лишь общее представление об основных этапах развития доклассового общества как на археологическом, так и на этнографическом материале. Между тем, современная археология представляет весьма сложный комплекс научных знаний, тесно увязывающийся, с одной стороны, с рядом естественно-научных дисциплин, а с другой, — являющийся необходимым дополнением ко всем разделам истории, особенно ранних эпох.

Овладение современными археологическими знаниями и навыками исследовательской работы требует нескольких лет упорного труда, без чего не может быть подготовки археологов-специалистов. Необходимо высказать горячее пожелание, чтобы развернутое систематическое преподавание археологии со всеми смежными с ней дисциплинами было организовано как преподавание особой специальности в советских исторических вузах, хотя бы в некоторых из них. Иначе трудно было бы разрешить вопрос о подготовке кадров новых советских археологов, в которых все более и более ощущается острая нужда.

Необъятная территория нашей родины изобилует множеством археологических памятников, представляющих музейные ценности часто огромного значения и являющихся важными, иногда единственными источниками истории различных эпох, начиная от времени первоо- появления здесь человека. Каждый год открываются у нас все новые и новые палеолитические стоянки — эти древнейшие свидетельства истории человечества, — и палеолит территории Советского Союза в лице таких памятников, как Костенки, Гагарино, Мальта, Елисеевичи, стоянки Кавказа и Крыма, по своему значению давно уже встал по меньшей мере в один уровень с классическим палеолитом Западной Европы. Многочисленные неолитические стоянки нашей лесной полосы вместе с относящимися к ней памятниками искусства, например наскальными изображениями, точно так же, как памятники неолита и энеолита более южных районов, например, Триполье, могильники и курганы эпохи раннего металла, — являются драгоценными источниками истории племен, обитавших на территории СССР в эпоху развитых родовых отношений. Поселения и курганы со скорченными костяками эпохи бронзы во множестве разбросаны в наших степях, более поздние памятники которых — скифские и сарматские курганы своим золотом знамениты во всем мире, а для нас они особенно ценны в качестве источников истории ранних кочевнических племен и их союзов. Античные города-колонии северного Причерноморья, бесчисленные городища, курганы и могильники славянских и финских племен, памятники народов Кавказа, Средней Азии, дальнего Севера и Дальнего Востока и т. д. без конца — представляют огромные, скрытые в земле научные сокровища, которыми в праве гордиться народы СССР, потому что в этих памятниках запечатлелась их история. На обязанности — почетной обязанности — советской археологии лежит охрана, разыскание, раскрытие и историческое изучение этих бесчисленных

и разнообразных памятников. Здесь колоссальное поле для работы многих поколений, здесь, без сомнения, нужны новые кадры хорошо подготовленных, любящих свое дело, владеющих мастерством этого дела людей и, конечно, организация подготовки молодых археологов-специалистов должна быть у нас поставлена сейчас в неотложный порядок дня.

Ликвидаторские тенденции и в области археологии должны быть нами изжиты раз и навсегда. Советская археология имеет необъятную область для работы и законное право не только на существование, но и на блестящий расцвет в Советском Союзе, предоставляющем безграничные возможности для научной работы. Ее задачи определяются совершенно четко, как разыскание, раскрытие, обработка, оформление и изучение вещественных памятников в качестве исторических источников. Достигнет ли в ближайшее время расцвета советская археология— это зависит от самих археологов. Но непременным условием ее дальнейшего развития является неуклонное выполнение, применительно к этой области исторического знания, всех требований, которые партия и правительство в своих решениях с такой мудростью и глубиной предъявили к советской исторической науке.

Наша великая социалистическая страна требует великой исторической науки. Советская археология должна внести достойный этого требования вклад в общее дело создания великой науки истории нашей родины.

Редакция

NOTRE TÂCHE ACTUELLE DANS LE DOMAINE DES RECHERCHES ARCHÉOLOGIQUES A LA LUMIÈRE DE LA DÉCISION DU COMITÉ CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE ET DU CONSEIL DES COMMISSAIRES DU PEUPLE DE L'URSS CONCERNANT LES MANUELS D'HISTOIRE

RÉSUMÉ

La décision du Comité central du Parti communiste et du Conseil des commissaires du peuple de l'URSS concernant les manuels d'histoire et les observations des camarades Staline, Jdanov et Kirov relatives à ces manuels ont une très grande importance pour le développement de la science historique dans l'Union soviétique, et leur portée dépasse de beaucoup les limites des indications se rapportant directement à la rédaction des manuels. Elles mettent en lumière les erreurs et les défauts dont souffre notre science et montrent en même temps la voie de la guérison. Pour tout historien soviétique, dans quel domaine qu'il ne travaille, elles constituent des documents fondamentaux qui fixent les buts à atteindre et tracent la voie à suivre dans les recherches ultérieures.

Ceci s'applique pleinement aussi à l'archéologie, une des branches les plus importantes de la science historique. L'influence nuisible de l'école

de M. Pokrovskij s'est fait sentir également sur le terrain archéologique, où l'étude concrète des faits était souvent remplacée par une sociologisation abstraite, un schématisme pur, une théorétisation dans le vide.

Il est nécessaire de rappeler que récemment encore les trotskistes saboteurs, qui étaient les maîtres dans quelques-unes de nos principales institutions archéologiques, telles que l'Académie d'Histoire de la Culture matérielle, mettaient en doute la possibilité même de l'existence de l'archéologie en tant que science marxiste-léniniste et désorientaient par là une partie des savants travaillant dans le domaine de l'archéologie. Certains auteurs assignaient à l'archéologie le modeste rôle de «branche historique auxiliaire», d'autres estimaient qu'elle devait céder la place à l'histoire de la culture matérielle, d'autres encore allaient jusqu'à exiger sa suppression pure et simple comme science autonome.

En même temps on tentait de discréditer et de «liquider» presque tous les méthodes et procédés appliqués par les archéologues dans la pratique. Certains critiques déclaraient que c'étaient des «méthodes bourgeoises» qui ne devaient pas trouver place dans la science soviétique. Au lieu de l'étude des monuments matériels et, d'après eux, de l'histoire et de l'histoire de la culture concrètes, ils invitaient à étudier la formation économique-sociale, en tant qu'«unité de l'investigation historique», sans aucune méthode archéologique spéciale, celle-ci étant tout bonnement jetée par dessus bord.

Ces tentatives de «liquider» l'archéologie comme science et de dénigrer ses méthodes de recherche étaient une manifestation du radicalisme petits bourgeois hostile au marxisme-léninisme, quand elles n'étaient pas tout simplement le fait de saboteurs, qui poursuivaient le but de désorienter la masse des archéologues soviétiques et de détruire l'archéologie soviétique elle-même. Et bien qu'elles n'eurent pas de succès immédiat, grâce à la résistance énergique qu'elles rencontrèrent, les tendances dont elles étaient l'expression continuent d'exister et d'agir aujourd'hui encore, faisant un tort sensible à notre science.

On ne peut nier qu'à l'heure actuelle, les recherches historiques concrètes continuent fréquemment à être remplacées par des considérations sociologiques sur tel ou tel monument, sous prétexte d'étudier d'après eux les formations économique-sociales. Même dans les travaux archéologiques les plus sérieux parus dans ces dernières années nous constatons une tendance constante de leurs auteurs à ne dégager des faits archéologiques que les traits les plus généraux, pour ainsi dire typiques, de la structure et de l'évolution économique-sociale des sociétés étudiées, sans vouloir approfondir les formes de leur existence historique concrète. Il suffit de lire les titres de la plupart de nos études historiques basées sur des matériaux archéologiques pour reconnaître sur quoi ces auteurs concentrent leur attention. «La société de clan dans la région de l'Oural», «Le déclin du clan et le féodalisme sur l'Énisséï», «La société de clan dans la zone des steppes de l'Europe

orientale», «La société de clan dans la région du Dniepr», etc. — voilà de titres typiques de ce genre. Dans ces travaux, les auteurs utilisent souvent des schémas tout faits, acceptés à priori, se bornant tout simplement à reporter ces schémas établis d'avance sur les matériaux rassemblés par eux au lieu d'en tirer à l'aide de la méthode marxiste-léniniste les conclusions historiques concrètes objectives qui en découlent directement. C'est ainsi qu'on aboutit, par exemple, à ce que la société de clan s'est décomposée d'une manière exactement identique, jusque dans les moindres détails, sur l'Énisséï, dans les steppes de l'Europe orientale, dans la région subouraliennne et en Asie Centrale. Le schéma abstrait se substitue ainsi à la réalité historique vivante.

La déviation marquée vers le schématisme et le sociologisme a grandement entravé l'accomplissement des tâches directes et fort importantes de l'archéologie soviétique. Les archéologues oubliaient souvent que le général s'exprime toujours dans le spécial et le particulier, que la culture de la société n'existe pas en dehors de sa forme ethnique, c'est-à-dire en dehors de la tribu, de l'union de tribus, du peuple ou de la nation. Les restes de culture du passé, que l'archéologue soviétique utilise comme sources historiques, sont toujours avant tout des monuments de l'histoire des différents groupes ethniques qui habitaient jadis ou habitent encore le territoire de l'URSS. L'étude historico-archéologique concrète doit forcément être une étude de l'histoire de la culture de la tribu ou du peuple, sur les monuments matériels desquels elle se fonde, c'est-à-dire une étude qui dégage les formes ethniques, et les particularités ethniques locales, du processus historique. Élucider l'histoire des tribus communistes primitives qui peuplaient notre pays, l'histoire des peuples qui se sont assimilés tardivement l'écriture, rassembler et étudier une documentation historique intégrale, surtout sur l'histoire de la culture ancienne de tous les peuples de l'URSS — telles sont les tâches qui se posent en première ligne devant l'archéologie soviétique, tâches particulièrement difficiles et importantes à l'heure présente, lorsque le parti communiste et le gouvernement invitent tous les historiens soviétiques à une étude scrupuleuse et approfondie de l'histoire concrète des peuples de l'URSS.

Or nos archéologues s'occupent beaucoup moins de ces tâches que de questions générales d'ordre économique-social. Si les questions de l'origine même des peuples, de leur formation à partir de tribus primitives plus anciennes, sont si mal éclaircies chez nous, la responsabilité en retombe en grande partie sur les archéologues, qui avaient à leur disposition un matériel permettant d'aborder largement les problèmes ethnologiques. Une carte des tribus vérifiée et établie sur des documents sûrs a plus de valeur qu'une dizaine d'ouvrages pseudo-sociologiques écrits «à propos de» monuments archéologiques, et pourtant les archéologues cherchaient à éviter les problèmes ethnogéniques, ou bien se fourvoyaient ici aussi dans le schématisme, utilisant des conceptions toutes faites.

C'est ainsi que la lutte opportune, justifiée et nécessaire contre les théories bourgeoises des migrations et des emprunts, qui s'appuyaient sur la théorie antiscientifique raciale, a été comprise par certains auteurs dans le sens d'une négation absolue de tout emprunt ou migration. Il en est résulté un étrange schéma du processus ethnogonique, selon lequel tout peuple apparaissait comme fixé une fois pour toutes au même endroit depuis l'antiquité la plus reculée et complètement isolé de toute influence extérieure, même de la part des tribus et peuples voisins. Ces auteurs oubliaient qu'en réalité les migrations et les emprunts n'avaient rien d'exceptionnel dans l'histoire. Il suffit de rappeler les travaux de L. H. Morgan et «L'origine de la famille, de la propriété et de l'État» de F. Engels, où sont cités, comme on sait, nombre d'exemples de tribus primitives qui se sont scindées en plusieurs parties, dont chacune allait s'établir à part, et qui parfois émigraient dans des régions fort éloignées de leur patrie première. Il n'y aurait rien d'étonnant à ce que pareilles segmentations et migrations de tribus aient eu lieu aussi dans l'histoire ancienne de notre pays, et on doit non pas nier par avance les faits de ce genre, mais les étudier à l'aide des matériaux concrets.

Les recherches historiques exigent une étude approfondie, méthodique et objective des sources premières, au lieu que le schématisme corrompait la pensée des historiens, les habituant à mépriser les faits. Certains auteurs passaient avec une surprenante facilité, ou plutôt légèreté, d'un schéma hâtivement construit à un autre tout aussi fragile, et cela passait pour des recherches scientifiques. Le record en ce genre était détenu par V. Nikolskij, qui a réussi à donner presque dans chaque nouveau travail publié par lui une nouvelle périodisation de l'histoire de la société primitive sans classes, établissant, puis supprimant dans cette histoire des étapes, voire des formations nouvelles. Un autre auteur interprétait tour à tour le même complexe de monuments tantôt comme appartenant à un puissant état maritime, tantôt comme datant de l'époque féodale, tantôt encore comme témoignant de la décadence des relations de clan dans la société donnée, pour finir par rapporter ce complexe à l'époque du matriarcat.

Pareils instabilité et arbitraire dans les déductions historiques se trouvaient certainement en connexion directe ou indirecte avec la négation de l'objectivité des connaissances historiques, caractéristique pour M. Pokrovskij et son école. M. Pokrovskij lui-même, qui utilisait aussi entre autres les matériaux archéologiques, passait avec la plus grande facilité d'une opinion à une autre, parfois diamétralement opposée, sans se donner la peine d'exposer les raisons de changements aussi brusques dans sa manière de voir.

Pour éviter l'arbitraire et la subjectivité dans les travaux historico-archéologiques, il faut s'assimiler la méthode et la technique de la recherche historico-archéologique, acquérir l'art de l'investigation scientifique. La revision critique des méthodes appliquées par l'ancienne archéologie, abso-

lument indispensable, ne signifie aucunement leur abolition complète, comme l'on cru malheureusement certains auteurs. Ainsi, la méthode typologique, critiquée à bon droit chez nous en tant que méthode universelle de la science archéologique, est tout à fait justifiée comme procédé de classification des objets archéologiques par types, et parfois même de chronologisation. Il en est de même de procédés élaborés par l'ancienne science archéologique tels que l'étude stratigraphique, l'étude comparative, etc.

L'assimilation de l'héritage scientifique du passé tant dans le domaine des faits que dans celui de la méthode doit être la base de l'édification ultérieure de notre science et du perfectionnement de ses méthodes d'investigation.

Le succès des recherches historiques concrètes dépend dans une large mesure de la plénitude des sources que le savant a à sa disposition. Malheureusement, nos publications archéologiques sont encore loin de satisfaire, comme nombre et comme qualité, aux exigences réelles de notre science. Beaucoup de monuments découverts, dont certains offrant un intérêt scientifique exceptionnel, comme les stations paléolithiques de Malta, de Kostenki, les trouvailles de Pazyryk (Altaï), les monuments néolithiques du nord-ouest de l'URSS, les monuments de l'époque du bronze dans le Caucase du Nord etc., ne sont pas encore publiés. De plus, la qualité des publications faites jusqu'ici laisse beaucoup à désirer, à de rares exceptions près. Les illustrations des ouvrages archéologiques doivent être d'une exécution impeccable, autrement leur édition même n'a pas de sens. Or nos publications archéologiques, comme par exemple celles de l'Académie Marr d'Histoire de la Culture matérielle, sont imprimées pour la plupart sur du papier de mauvaise qualité et abondent en fautes d'impression et en inexactitudes.

Les défauts que présentent nos recherches historico-archéologiques et la publication de nos matériaux, et le nombre insuffisant de grands travaux synthétiques dans ce domaine dignes de susciter l'intérêt général, ont été peut-être une des causes essentielles de ce que l'archéologie n'a pas encore conquis chez nous la place qui lui serait due dans la science historique soviétique. Cela s'est traduit, entre autre, dans le fait alarmant que l'archéologie n'est pas encore enseignée comme il convient dans nos écoles supérieures d'histoire. Pour se familiariser avec les méthodes modernes des recherches archéologiques, il faut plusieurs années de travail assidu, sans lesquelles la formation d'archéologues spécialistes n'est pas possible. Il est indispensable d'organiser l'enseignement de l'archéologie et de toutes les branches voisines en tant que science spéciale dans les écoles supérieures historiques, au moins dans quelques-unes d'entre elles. Autrement, il serait difficile de résoudre le problème de la formation des cadres de nouveaux archéologues soviétiques, dont le besoin se fait sentir toujours plus vivement.

L'immense territoire de notre patrie abonde en monuments archéologiques, qui ont souvent une énorme valeur pour les musées et constituent des sources importantes, parfois uniques, pour l'étude de l'histoire des dif-

férentes époques, depuis la première apparition de l'homme dans le pays. Depuis longtemps déjà le Paléolithique de l'URSS, représenté par des monuments tels que Kostenki, Gagarino, Malta, Iélistiévitchi et les stations du Caucase et de la Crimée, a acquis une importance pour le moins égale au Paléolithique classique de l'Europe occidentale. Les nombreuses stations néolithiques de la zone forestière et les monuments néolithiques et énéolithiques des régions plus méridionales — par exemple Tripolié, les cimetières et tumuli de l'ancien âge du métal — sont des sources précieuses pour l'étude de l'histoire des tribus qui habitaient le territoire de l'URSS à l'époque du développement des relations clanales. Les monuments plus récents — tumuli scythiques et sarmates, antiques villes-colonies du littoral nord de la mer Noire, gorodistché, tumuli et cimetières innombrables des tribus slaves et finnoises, monuments des peuples du Caucase, de l'Asie Centrale, de l'Extrême Nord et de l'Extrême Orient, etc., etc. — représentent d'énormes trésors scientifiques cachés dans la terre, trésors dont les peuples de l'URSS peuvent être fiers, parce que ces monuments reflètent leur histoire. Un champ d'activité immense s'ouvre ici pour de nombreuses générations à venir, et il exigera sans contredit des cadres toujours plus nombreux d'archéologues bien préparés, aimant leur métier et en ayant acquis la maîtrise.

L'archéologie soviétique a devant elle un vaste champ de travail. Elle peut prétendre de plein droit non seulement à l'existence, mais aussi à un brillant avenir, car l'URSS offre des possibilités illimitées au développement du travail scientifique. Notre grande patrie socialiste exige une science historique digne d'elle, et l'archéologie soviétique doit contribuer à la créer dans une mesure qui réponde à cette exigence.

С Т А Т Ь И

О. Н. БАДЕР

(И.-ИССЛ. ИНСТ. АНТРОПОЛОГИИ МГУ)

ЛИХАЧЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

(К вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяновской культуры.)

По материалам Калининского музея

После первой сводки относящегося к могильникам фатьяновского типа материала, сделанной А. А. Спицыным («Медный век в Верхнем Поволжье») в 1903 г. и дополненной им в 1905 г., сколько-нибудь существенных исследований этих памятников на верховьях Волги не производилось вплоть до 1925 г., когда В. И. Смирновым был исследован могильник у с. Говядиново под Костромой. В 1928 г. на средства Ярославского музея мною были произведены проверочные раскопки могильника у дер. Фатьяново, нуждающиеся в продолжении. В последнее время, в 1933 г., руководившей мною экспедицией по линии работ на новостройках были произведены раскопки и обследования фатьяновских местонахождений на Волге у деревень Санниково¹ и Рыболовка,² а экспедициями Д. А. Крайнова в 1934 и 1935 гг. — раскопки и разведки в районе дер. Ваулово близ г. Тутаева. Однако этот материал почти не издан. В то же время старый материал изучен далеко не достаточно. В настоящей работе, оставляя пока в стороне результаты незаконченных мною раскопок собственно-Фатьяновского могильника, я хочу остановиться на материале старых раскопок Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике, представляющем значительный интерес, и в связи с этим затронуть некоторые общие вопросы.

* * *

В 1903 г. Н. Е. Макаренко произвел небольшие раскопки на одном из верхне-волжских дофеодалных городищ, расположенном на левом берегу Волги, ниже впадения в нее р. Щербахи, близ с. Троицкого, километрах в 10 от г. Зубцова Калининской области (б. Тверской губ., рис. 1). По имени его тогдашнего владельца, городище было названо Лихачевским.

¹ О. Н. Бадер. Отчет о работах экспедиции ГАИМК на Москва-Волгострое в 1932—1933 гг. Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935.

² О. Н. Бадер и М. В. Талицкий. Могильник у д. Рыболовки, там же.

В двух из шести сделанных на городище раскопов, под толщей культурных отложений этого памятника, в подстилающем их грунте были обнаружены два древних погребения фатьяновского типа.

В том же году Н. Е. Макаренко было сделано сообщение об этом на Тверском Археологическом съезде, напечатанное в «Трудах» съезда.¹ Отчет о раскопках на Лихачевском городище был напечатан в 1904 г. в «Известиях» Археологической комиссии.² В этом отчете довольно подробно издан найденный в погребениях инвентарь.

При осмотре материала в экспозиции и научном хранилище Калининского музея мною были замечены некоторые черты, побудившие меня

Рис. 1.

более внимательно заняться этим забытым могильником. В результате, при содействии Калининского музея, мне удалось произвести реставрацию керамики и сделать ряд заключений, проливающих новый свет как на Лихачевский могильник, так и, отчасти, на всю группу аналогичных ему памятников Верхнего Поволжья.

Материал из Лихачевского могильника невелик. Раскопками были случайно вскрыты всего два погребения (рис. 2).

Погребение 1 найдено в траншее I на глубине 1,78 м. Плохой сохранности скелет взрослого человека лежал на правом боку, повидимому, в скорченном положении, с неправильно раскинутыми костями

¹ Н. Е. Макаренко. Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях. Могильник медного века в Зубцовском уезде Тверской губ. Тр. Второго обл. археол. съезда, изд. Тверск. уч. архивн. ком., Тверь, 1906 г., стр. 63—72.

² Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. ком., вып. 6, СПб., 1904, стр. 79.

ног, головой на запад, с горшком в ногах и несколькими орудиями и украшениями.

Погребение 2 найдено в траншее IV на глубине 1.07 м. Еще менее сохранившийся детский костяк был обнаружен на спине, кости ног в беспорядке, первоначальное положение их неясно. Ориентировка головой на западо-северо-запад, у головы глиняный горшок, при погребении также несколько вещей (см. отч. Макаренко).

Надо думать, что костяки в обоих погребениях первоначально лежали в обычном для этих могильников скорченном положении. Положение второго костяка, лежавшего на спине, встречается и в других могильниках, что отнюдь не свидетельствует обязательно о том, что именно это положение было первоначальным. В 1930 г. при раскопках Кузьминского фатьяновского могильника на р. Дубне (Московской обл.) я имел возможность кроме типичного положения на боку наблюдать скорченное положение, с верхней частью туловища, завалившейся на грудь.¹

Беспорядочное положение некоторых костей скелета, в данном случае —

костей ног, наблюдается и в других могильниках (напр., в моих раскопках в Чувашии в 1934 г. и т. д.). Очевидно, это результаты хозяйничанья в могиле животных, проникавших туда через нору.

Однако, и заваливание трупов на грудь или на спину, и расчленение, и приведение в беспорядок костяка возможны скорее всего при условии, что труп погребенного в это время находился не в сжатом землей, тесно ограниченном положении, а в достаточно значительном пустом пространстве. Из этого можно сделать тот вывод, что могилы некоторых фатьяновских кладбищ в момент погребения не заполнялись землей,

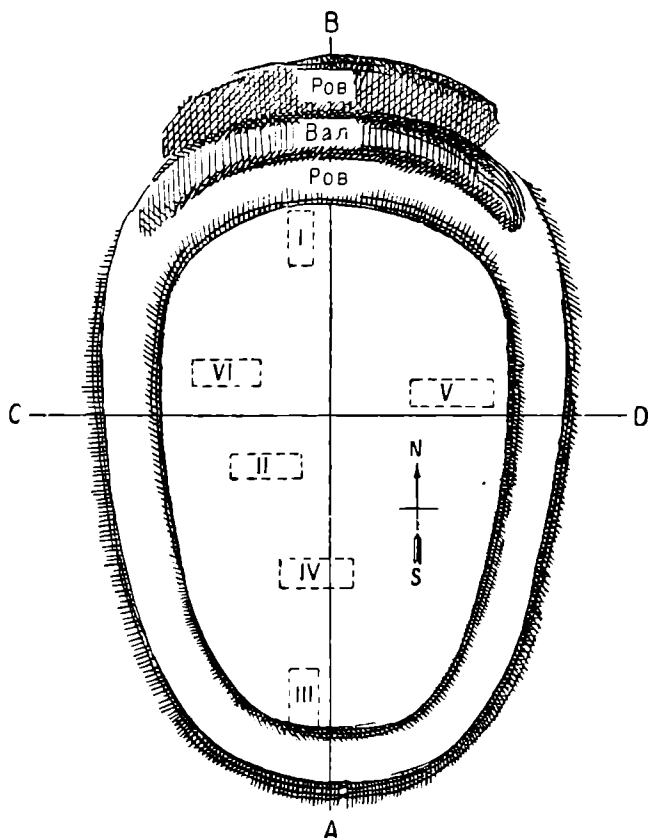

Рис. 2. План раскопок Лихачевского городища и могильника (по Н. Е. Макаренко).

¹ О. Н. Бадер. Раскопки Кузьминского фатьяновского могильника на р. Дубне в 1930 г. Доклад, читанный в Научно-исслед. Инст. антропологии МГУ 2 III 1931 г.

а оставались пустыми, будучи, надо думать, лишь сверху как-то прикрыты, защищены от расхищения животными.

К аналогичному выводу пришла О. А. Кривцова-Гракова при раскопках Горкинского фатьяновского могильника Ивановской обл., изучая разрезы могильных ям.¹

В пользу того же заключения о пустом пространстве в могилах говорит, мне кажется, и обнаруженное мною в Кузьминском могильнике укрепление стенок могилы путем обмазки их глиной, а также остатки скреплявшего могилу сруба, обнаруженные Д. А. Крайновым в исследованном им в 1934 г. Вауловском могильнике.²

Наконец, о том же свидетельствует неправильное положение костяков и в некоторых других погребениях времени «бронзового века», например, в курганах «Три брата» в Калмыцкой обл., раскопанных в 1934 г. П. С. Рыковым, и др.

Что касается найденных при погребениях предметов, изданных в упомянутом отчете Н. Е. Макаренко, то мне хочется остановиться на трех моментах. Прежде всего — рисунки в отчете Н. Е. Макаренко, данные в разных масштабах, не всегда дают достаточно наглядное представление о предметах. Таково изображение топора на рис. 15. В натуре этот предмет представляет собою весьма крупный кремневый полированный топор клиновидной формы с симметричным профилем, — в свое время это было великолепное орудие

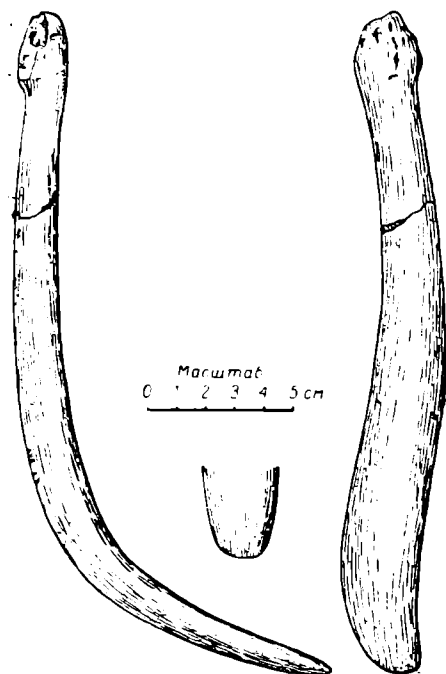

Рис. 3. Орудие из рога северного оленя.

для обработки дерева. Обращает на себя внимание его неолитическая форма.

Исключительный интерес представляет найденная в Лихачевском могильнике своеобразная «костяная поделка неизвестного назначения в виде лопаточки с искривленную рукояткою» (отчет Макаренко, рис. 14). Разбирая кости скелетов из погребений, мне удалось среди них обнаружить вторую часть этого орудия и склеить ее с первой, в связи с чем изменился и облик предмета (рис. 3).

Как оказалось, орудие сделано не из кости, а из рога. По определению, любезно произведенному для меня проф. С. Н. Боголюбским, мате-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Раскопки Горкинского могильника. Доклад, читанный в засед. Комисс. по изуч. фатьяновской культуры МОГАИМК, 1 II 1935 г.

² Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Вауловского фатьяновского могильника в 1934 г., читанный на Пленуме ГАИМК в Ленинграде 7 II 1934 г.

риалом для изготовления этого орудия послужил рог северного оленя. Орудие представляет собою изогнутый предмет 30 см длиною по изгибу и 25.3 см по прямой. Длинная, округлая в сечении рукоятка не имеет следов специальной обработки, но поверхность ее сильно сглажена от употребления. Обработанной частью орудия является его рабочий конец, соструганный с двух сторон, больше с внешней, сильно уплощенный, шириной около 2 см, с острым, равномерно округлым в плане краем. Сторона рабочего края, внешняя по отношению к общему изгибу орудия, чрезвычайно сильно сглажена от употребления; противоположная сторона тоже сглажена, но не столь сильно, не больше, чем ручка. На внешней стороне орудия сохранились 8 поперечных насечек лезвием.

Какому назначению могло отвечать описанное орудие? Мне не удалось с достоверностью выяснить этого вопроса ни самому, ни с помощью целого ряда московских этнографов, к которым я обращался. Это не ложило для керамики; оно неудобно в качестве обычного кочедыка. Может быть, оно имело не только какое-либо одно назначение.

Возможно, напротив, что оно служило для какой-либо одной определенной цели, например, для особого вида плетения из коры. Правдоподобным кажется использование его при сдирании крупных кусков коры с деревьев и шкур с животных. Наиболее вероятным мне кажется, судя по расположению и характеру сглаженных от употребления и сработанных частей, применение его в качестве ложила или гладила при работах с кожами или чем-либо подобным. Конечно, пока не удастся подобрать для объяснения назначения описанного орудия ясной этнографической параллели, ни одна из вышеприведенных догадок не может быть признана вполне достоверной. Необходимо учесть, что упомянутое орудие было найдено при женском погребении.

При погребениях найдено также по одному глиняному сосуду. Оба горшка оказались разбитыми на мелкие куски, хотя на рисунках погребений они представлены в цельном виде. Возможно, что в момент их обнаружения они, будучи раздавлены землей, еще сохранили свою форму, но при попытке взять их, распались на части. Однако, нужно отметить, что в коллекции Калининского музея представлены далеко не все части этих сосудов. Отчет Н. Е. Макаренко не дает ответов на возникающие в связи с этим вопросы.

Сосуд из погребения № 2 весной 1934 г. нам удалось частично склеить и реставрировать при помощи гипса (М. В. Талицкий). Это бомбовидной формы сосуд с почти цилиндрической, низкой (2 см) шейкой (рис. 4) и с обычным для подобных сосудов характерным вдавлением на дне (диам. 2.5 см), слабо выступающим также с внутренней стороны сосуда и являющимся, по видимому, следами положения пальцев мастера при выделке круглой чашки — будущей основы сосуда. Наибольший диаметр сосуда около 13 см, диаметр шейки 11 см, общая высота 11.8 см, средняя толщина стенок 4 мм. Цвет сосуда красноватый, местами с темно-

коричневым оттенком. Шейка покрыта орнаментом из густых вдавлений тонкого, короткого, кажется, зубчатого (неясно) штампа в виде густого ряда трехколенчатых вертикально-направленных зигзагов, которые заключены между двумя горизонтальными линиями. Последние прочерчены тонким орудием с угловатым концом, давшим неглубокую черту с ровным дном, двумя углами и крутыми стенками (рис. 4). Под нижней чертой в основании шейки орнамент переходит на плечи сосуда в виде одного, время от времени прерывающегося ряда густо расположенных вдавлений того же штампа, нанесенных группами по 7—9 вдавлений, длиной по $1\frac{1}{2}$ —2 см каждая, с короткими промежутками между ними. Вся остальная поверхность сосуда от орнамента свободна.

Рис. 4а.

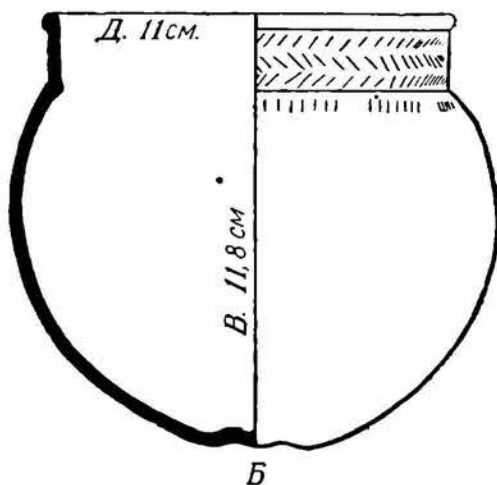

Рис. 4б.

Глиняный сосуд из погребения 2 № 2.

Описанный сосуд вполне типичен для могильников фатьяновского типа.

В исследованных двух погребениях Лихачевского могильника нет сверленных каменных топоров-молотов. Однако В. А. Плетнев¹ сообщает: «В поле имени Ив. Фед. Лихачева, селе Троицком, выпахан каменный топор-молоток (опись Тверск. музея, № 5653)».

Благодаря любезности Е. А. Мирожиной (Калининский музей) я получил возможность поместить здесь присланные мне ею описание и фотографии этого топора (рис. 5). Он сделан, повидимому, из серого мелкозернистого песчаника; длина его 12.5 см, наибольшая ширина 5.5 см, толщина в средней части (длина сверлины) 4.5 см, у лезвия — 4.7 см и у обушка — 2.5 см. Лезвие сбито. Диаметр сверлины 3.2 см. Форма топора, как видно по его фотографии (рис. 5), простая, клиновидная, и для

¹ В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903 г., стр. 90.

Верхнего Поволжья не нова. Связь этого топора с описываемым могильником или соответствующим последнему поселению — вполне вероятна.

Всего в 3 км от с. Троицкого, в с. Терешкове, известны находки еще двух каменных сверленных топоров; такие же находки сделаны еще немного ниже по Волге, у с. Спасского и у дер. Иружи.¹ Речь об этих находках будет ниже.

Наблюдавшиеся на черепе второго погребения следы окиси меди связаны с каким-то небольшим предметом, повидимому, тонким украшением, легко подвергшимся разрушению. Весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с несохранившейся бронзовой сережкой — тонким спиральным колечком со слегка сплюснутыми концами, какие не раз были найдены у черепов в подобных погребениях, в особенности в самое последнее время. Следы окиси находятся на ушном отверстии и под скуловым отростком левой височной кости.

Из материалов, представленных в коллекции Н. Е. Макаренко, особо следует подчеркнуть находку костей животных. Несколько бус представляют собою позвонки рыбы, повидимому, щуки. Длинные, тонкие пронизки сделаны из трубчатых костей птиц или мелких хищников. Среди украшений из просверленных зубов животных представлены поделки из зубов медведя и кабана. Среди костей погребения № 1 мне удалось отделать несколько зубов и части челюсти свиньи, а также лучевую кость рыси (по определению проф. С. Н. Боголюбского). Не подлежит сомнению, что части этих животных были в момент погребения намеренно положены в могилу. К сожалению, место их в могиле восстановить невозможно. Наконец, как я указывал, одно из орудий в погребении № 1 сделано из рога северного оленя.

Эти определения также прибавляют несколько существенных новых штрихов к сумме наших сведений о фатьяновской культуре. Медведь, а также рысь и северный олень, найденные здесь в погребениях этого типа впервые, позволяют нам с полной уверенностью говорить о климатических условиях и преобладающем ландшафте того времени на Верхней Волге.

Рис. 5. Каменный топор-молот, найденный близ Лихачевского могильника.

¹ В. А. Плетнев, ук. соч.

Несколько слов необходимо сказать о палеоантропологических остатках могильника. В материалах раскопок представлены далеко не все части двух найденных скелетов. Причина этого лежит в плохой сохранности костяков. Оба черепа раздавлены на много частей. Остатки переданы для реставрации и хранения в Гос. музей антропологии МГУ. По определению старшего научного сотрудника Музея Т. А. Трофимовой, скелет погребения № 1 принадлежал женщине среднего возраста. Череп длинноголовый, низкий, со слабо развитым рельефом как в области надбровья, так и в затылочной, с отчетливо выступающими лобными буграми и сохранившимся метопическим швом. Плечевые кости грацильного строения.

Погребение № 2 принадлежало ребенку в возрасте около 5 лет.

Повидимому, череп из погребения № 1 вполне соответствует длинноголовому антропологическому типу, установленному А. П. Богдановым по черепам собственно-Фатьяновского могильника.

Лихачевский могильник, в первых же незначительных раскопках давший столь интересный материал, без сомнения, должен быть подробно исследован, и по возможности скорее. Условия расположения его на городище чрезвычайно облегчают его дальнейшее исследование и, будучи связаны с неизбежным предварительным снятием всей площади выше лежащих культурных отложений городища, придают этим комбинированным раскопкам своеобразную сложность и двойной интерес. Большая разбросанность могил, создающая значительные трудности поисков их при раскопках почти каждого фатьяновского могильника, в данном случае исключается, так как расположение могильника на нешироком мысу с крутыми склонами естественно и резко ограничивает пределы его распространения, по крайней мере с двух сторон (рис. 2). С третьей стороны поиски могил, конечно, не должны ограничиваться пределами городища. Раскопки, начатые на внутренней площадке городища, по исчерпанию последней должны быть продолжены под его валом и на площади вне городища; это единственное направление, куда, помимо площадки городища, можно продолжать раскопки могильника. Таким образом вместо обычной при начале исследования фатьяновских могильников гадательности здесь мы имеем возможность заранее планировать раскопки с полной определенностью и на относительно незначительной площади. В то же время, судя по находкам Н. Е. Макаренко, могильник обещает быть весьма содержательным.

При раскопках могильника, помня о выпаханном неподалеку в поле топоре-молоте и о прочих фатьяновских находках поблизости, необходимо произвести самые внимательные поиски следов соответствующего поселения в окрестностях.

Говоря о расположении Лихачевского могильника на древнем городище, я должен сказать несколько слов по поводу тех соображений, которые были высказаны в последнее время К. Я. Виноградовым, в частности,

на моем докладе по поводу данного памятника.¹ Соображения К. Я. Виноградова касаются взаимоотношений между фатьяновской и дьяковской культурами.² В недавно напечатанной статье³ в числе новых фактов, которые дают обследованные им могильники, К. Я. Виноградов подчеркивает: «Наблюдается частое наличие на одном и том же месте памятников фатьяновской культуры и эпохи „дьяковских городищ“». «Характерно, что в культурных слоях дьяковских городищ попадались неоднократно вещи типа фатьяновской культуры». Эти замечания могут создавать неправильные представления относительно взаимоотношения между фатьяновской и дьяковской культурами. Необходимо сказать со всей категоричностью, что о каком-либо взаимоотношении поселений и могильников названных культур, разделенных солидным промежутком времени, не может быть речи. Их совпадение в одних и тех же местах имеет характер исторической случайности; о какой-либо связи здесь можно говорить в той же мере, как о связи между фатьяновскими могильниками и русскими поселениями, также нередко встречающимися на одних и тех же местах. Находимые же в дьяковских слоях кремневые пластины,¹ похожие на фатьяновские, вообще мало характерны, могут являться случайно подобранными почти на любом раннем памятнике и прежде всего свойственны самим городищам дьяковского типа.

Конечно, материал прежних раскопок фатьяновских памятников фрагментарен. Некоторые находки и даже результаты целых раскопок и раньше считались недостоверными и плохо документированными. Подчас на них трудно опираться. Данные новых, последних раскопок чрезвычайно интересны, но лишь в небольшой мере нашли свое отражение в печати. Однако и раньше при внимательном рассмотрении наличного материала и надлежащем направлении исследования можно было сделать целый ряд весьма существенных заключений и выводов. До последнего времени в этом отношении было сделано очень мало. Главное внимание было направлено, помимо описания материала, — на его типологическую систематизацию и на рассмотрение вопросов о возможных путях появления соответствующей древней культуры. Но не подлежит сомнению, что, например, давно пора попытаться дать характеристику основных форм хозяйства древнего общества, соответствующего могильникам фатьяновского типа. Только при этом условии в дальнейшем можно пытаться дать характеристику общественного строя соответствующего общества, — этим будет облегчено и разрешение вопросов о соотношении памятников

¹ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники верховьев Волги. Доклад, читанный на засед. «Фатьяновской» комиссии МОГАИМК, 21 II 1935 г.

² Термин «культура» я употребляю в настоящей работе условно, как чисто-рабочий термин.

³ К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы, № 11—12, 1934.

фатьяновского типа с другими группами памятников центральных областей Европейской части СССР.

Об основных формах хозяйства древнего «фатьяновского» общества нашими исследователями до сего времени сказано очень мало и совершенно недостаточно. А. А. Спицын в своей первой сводке 1903 г.¹ и в дополнении к ней,² так же как и в своих последних работах, вовсе не разрабатывал этого вопроса. В. А. Городцов в сводной работе, напечатанной в 1915 г.,³ отмечает: «До сих пор остается совсем неизвестным, был ли знаком владелец фатьяновской культуры с земледелием, имел ли он домашних стадных животных, занимался ли рыболовством, металлургией и т. п.». И далее: «Признаки стадного скотоводства и речного рыболовства в фатьяновской культуре совершенно отсутствуют, хотя по времени могли быть присущи ей». Охота считалась основным средством существования «фатьяновцев». В 1927 г. В. А. Городцов, возвращаясь к вопросу о фатьяновских могильниках,⁴ пишет: «Население занималось преимущественно охотничьим промыслом, ради которого оно, вероятнее всего, и углубилось в средне-русские леса».

В 1929 г. К. Я. Виноградов⁵ подтверждает: «Охота на диких зверей и птиц составляла их главное занятие». А истекшей зимой, он же, заключая свою статью,⁶ в которой приводит обширный свежедобытый материал, лишь призывает «быть более осторожными в выводах по ряду вопросов, как, например, по вопросу о главной отрасли хозяйства того времени, каковой раньше считали охоту»; но ни одного положительного хотя бы предположения относительно этой главной отрасли хозяйства он сам не делает. Остановлюсь коротко на некоторых своих соображениях по этому вопросу, поскольку он, мне кажется, освещается материалами и наблюдениями, касающимися верховьев Волги.

Охота на диких животных безусловно играла большую роль в хозяйстве «фатьяновцев». В инвентаре погребений представлены орудия охоты — кремневые наконечники стрел и копий. Правда, количественно этот инвентарь не очень велик. Он как бы оставляет место чему-то другому, более существенному. Зато в фатьяновских погребениях в виде украшений, орудий или отдельных костей найдены остатки следующих диких животных: бурого медведя, волка, лисы, рыси, северного оленя, а также

¹ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. Зап. Отд. русск. и слав. археол. ИРАО, т. V, вып. 1, СПб., 1903 г.

² А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. Зап. Отд. русск. и слав. археол. ИРАО, т. VII, вып. I, СПб., 1905 г.

³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. истор. музея за 1914 г. Москва, 1915.

⁴ Бронзовый век на территории СССР. Больш. Сов. Энцикл., т. 7, 1928, стр. 617.

⁵ Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. Изд. Волоколамск. музея, 1929 г.

⁶ К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы истории докапитал. общества, № 11—12, 1934 г.

хомяка (Кузьминский и Лихачевский могильники дают весь этот список). Однако исследование могильников не дает нам возможности установить количественно — преобладавшие, излюбленные фатьяновскими охотниками виды животных; на присутствие или отсутствие в могилах костей тех или иных животных, несомненно, влияли и обстоятельства идеологического порядка; на поставленный вопрос может в какой-то мере ответить только исследование поселений. Относительно способов охоты, помимо употребления вышеуказанных орудий, мы не имеем пока конкретных указаний.

Не подлежит сомнению и наличие рыболовства. Вещественные доказательства этого, как было отмечено, налицо в том же Лихачевском могильнике в виде позвонков щуки (?).

Находки раковин обыкновенной речной улитки, ореховой скорлупы (Кузьминский могильник) и пр. свидетельствуют о том, что некоторую роль играло также собирательство, но роль эта, даже на ряду с охотой и рыболовством, едва ли была велика.

Охота, рыболовство и собирательство не составляли единственного источника существования носителей фатьяновской культуры и не были даже в этом отношении основными. Хозяйство фатьяновцев определяется в первую очередь наличием и ведущей ролью разведения домашних животных и мотыжного земледелия. Эту точку зрения за последние годы я неоднократно высказывал как в устных выступлениях, так и в печати.¹ Необходимо эти положения обосновать и развить. Я рассчитываю сделать это по другому поводу, здесь же укажу лишь на некоторые факты и соображения.

Отдельные находки остатков некоторых видов домашних животных известны уже давно, но почему-то не привлекали к себе соответствующего внимания исследователей. Так, в собственно-Фатьяновском могильнике И. С. Поляковым в 1878 г. был обнаружен скелет молодого козленка,² А. А. Спицыным в 1895 г. на Великосельском могильнике найдены кости животных, правда, вне погребений.³ Здесь были обнаружены «кости коровы (бабки от трех коровьих и пары телячьих ног)».⁴ В 1903 г. раскопки Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике дали кости свиньи.⁵

¹ 1) Археологические исследования Научно-исслед. Инст. антропологии МГУ за 10 лет. Наука и жизнь, № 1, 1935 г. 2) Археологические исследования на Москва-Волгострое. Наука и жизнь, № 4, 1935 г. 3) Работы экспедиции ГАИМК на Москва-Волгострое в 1934 г. Сдано для печати в ГАИМК в 1934 г. 4) Археологические исследования ГАИМК на Москва-Волгострое. Сдано для печати в Москва-Волгострой. 5) Отчет о работах ГАИМК на Москва-Волгострое в 1934 г. Сдано для печати в ГАИМК.

² А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье.

³ Там же.

⁴ Архив ГАИМК, дело № 79, 1895 г. Цитирую по П. Н. Третьякову (к ист. докл. общ. Верхн. Поволжья).

⁵ Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. ком., вып. 6, СПб., 1904 г.

В 1925 г. второе погребение козленка найдено В. И. Смирновым в Говядиновском могильнике. Начиная с 1928 г., находки погребений свиньи не повторялись в раскопках К. Я. Виноградова, Д. А. Крайнова и моих (могильники Ивановогорский, Буланинский, Кузьминский, Сущевский и Вауловский). Для Буланинского могильника отмечена также кость овцы. В Балановском могильнике ЧАССР отмечены амулеты из «зубов, повидимому, лошади».¹ Уже перечисленных указаний на присутствие домашних животных достаточно для того, чтобы разрешить вопрос о существовании скотоводства в древне-фатьяновском обществе в положительном смысле. Но мои раскопки Кузьминского могильника на р. Дубне, произведенные в 1930 г., не оставляют больше никаких сомнений. По определениям, сделанным в 1932 г. В. С. Слодкевичем (Академия Наук), здесь представлены: козел или баран, свинья, корова, лошадь и собака. Все изложенное дает основание установить окончательно, что в древнем фатьяновском обществе существовало вполне развитое скотоводство, объектом которого служили все основные виды домашних животных.² Если домашние животные так хорошо представлены даже в могильниках,³ то изучение соответствующих этим могильникам поселений даст, несомненно, еще большее количество костей домашних животных. И лишь раскопки поселений, как отмечалось уже в отношении охоты, дадут в наши руки материал для суждения о большем или меньшем значении в скотоводстве «фатьяновцев» разведения каждого отдельного вида домашних животных. Впрочем, уже сейчас необходимо отметить, повидимому, особое значение, которое имели свинья и коза, что следует как из количества находок их, так и из целого ряда наблюдавшихся захоронений их целых или почти целых особей при погребениях человека. Скотоводство в древне-фатьяновском обществе никак не могло быть кочевым, как предположил недавно П. Н. Третьяков.⁴ Список домашних животных свидетельствует о том, что это было скотоводство оседлое. Можно заранее предположить, что оно было связано с земледелием.

Если заключение о существовании скотоводства в соответствующем обществе базируется на достаточном количестве неоспоримых фактов, то для обоснования существования здесь земледелия в настоящее время мы еще не располагаем таким количеством бесспорных данных. Некоторые факты и соображения все же можно привести.

Следует решительно отвергнуть сделанную Московским историческим музеем попытку доказать существование плужного земледелия

¹ И. Тихонов. Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. Проблемы, № 2, 1934, стр. 123.

² Северного оленя здесь нет пока оснований относить к числу домашних животных.

³ В Кузьмине, напр., вскрыто всего 5 могил.

⁴ П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, № 3, 1931.

(с каменными лемехами) в хронологически близких «фатьянову» обществах нашего севера.¹ Значительно больший интерес для нас имеют находки зерен пшеницы и земледельческих орудий в андроновских (раскопки О. А. Кривцовой-Граковой 1930—1935 гг.) памятниках, следы земледелия в некоторых территориально более близких культурах европейской части СССР², а также явно земледельческий характер срубно-хвалынской культуры.

На территории распространения фатьяновской культуры каменные мотыгообразные земледельческие орудия известны в некоторых стоянках позднего неолита. Правда, мы не имеем никаких оснований считать, что земледелие в то время играло большую роль в хозяйстве, которое продолжало оставаться рыболовно-охотничьим.³ Здесь и в более поздних стоянках Волго-Окской обл., безусловно, очень близких к «фатьянову» по времени, уже наблюдается процесс, который в конце концов приводит к преобладанию земледелия, к изменению характера поселений и т. д. Таким образом еще в очень раннее время земледелие было не чуждо для населения бассейна Оки и Волги. Здесь же следует отметить находку трех бронзовых серпов на Нижней Клязьме, о которой упоминает В. А. Городцов.⁴ Позднее место этой находки было обследовано Н. М. Соколовым и П. И. Поповым,⁵ а в 1927 г. мною. К сожалению, дюна Полонижник, на которой сделана находка, очень сильно разрушена, и культурные остатки на ней настолько бедны и фрагментарны, что затрудняют даже отнесение их к какому-либо определенному типу памятников.

Говоря о земледелии у «фатьяновцев», мне хочется прежде всего отметить, что высказанное некоторыми исследователями предположение, будто бы известные фатьяновские кремневые топоры клиновидной формы являются земледельческими мотыгами, безусловно ошибочно. Это не мотыги, а топоры и теса хорошей работы, о чем прежде всего свидетельствуют их острота и характер сработанности лезвия. Однако, мне кажется, на основании других находок имеется возможность говорить и о мотыгах. В этом отношении чрезвычайно интересна находка Д. А. Крайнова в Вауловском могильнике, представляющая собою каменное орудие из довольно крупной, уплощенной, удлинненной формы гальки с заостренным концом и сделанными с противоположного конца с двух сторон выбоинами, образующими удобный перехват для скрепления орудия с рукояткой. Способ скрепления ясен: это мотыгообразное орудие с попе-

¹ Напр., см. А. Я. Брюсов. Древние поселения на рр. Суна и Черной, «Сов. Карелия», 1930, № 9—10, стр. 94.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, 1935 г.

³ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахинской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934 г.

⁴ Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

⁵ Н. М. Соколов и П. И. Попов. Заметки о современном состоянии дюнных стоянок в долине реки Клязьмы в окрестностях гор. Вязников Владимирской губ. Владимир, 1917 г.

речным к плоскости рукоятки «лезвием». Рабочий конец орудия зашлифован или, вернее, сильно сглажен от употребления, и характер сработанности орудия почти не оставляет сомнения в том, что оно было в постоянном соприкосновении с землей.¹ Учитывая его форму, можно считать упомянутое орудие земледельческой мотыгой. Весьма желательно его скорейшее издание.

В связи с вауловской приобретает для нас особое значение находка каменной же, несколько более крупной, но аналогичной по форме мотыги, сделанная О. А. Кривцовой-Граковой в раскопках ранне-земледельческого поселения срубно-хвалынского типа в урочище «Волчий Овраг» у сел. Пустынь, б. Пензенского уезда (выставочные залы Гос. Исторического музея).

Возможно, что в качестве костяного наконечника мотыги служил «обломок кости домашнего животного с заостренным концом, длина 25 см» из Михеевского могильника.² К сожалению, я не могу высказаться об этой находке с большей определенностью, так как К. Я. Виноградов на описании этого орудия не останавливается, а определить его сам я не имел возможности (хранится в Калужском музее).

Наконец, повидимому, вполне достоверной находкой следует считать зернотерку, найденную в Говядиновском могильнике В. И. Смирновым в 1925 г. Говядиновский могильник еще не издан, но краткое описание этой находки приводится П. Н. Трегьяковым.³ Она представляет собою «большой плоский курант от ручной мельницы... Его большие размеры (16 см в поперечнике) дают право видеть в нем не что иное, как орудие переработки зерна».

Помимо приведенных фактов можно привести еще один весьма существенный довод. В 1924—1928 гг., во время многочисленных обследований древних поселений в бассейне Нижней и Средней Оки, я установил на большом материале одну вполне определенную закономерность, а именно, что расположение древних поселений в различных топографических условиях, в различном соотношении с водоемом, на различной над ним высоте — тесно связано с культурным содержанием этих поселений.⁴ Древние, типичные рыболовно-охотничьи неолитические стоянки, как правило, располагаются низко, у самого водоема. Для поздних стоянок, например, стоянок с «текстильной» («сетчатой») керамикой и кремневым инвентарем орудий — наблюдается все менее прочная зависимость

¹ Аналогично тому, как в 1926 г. я установил земледельческое назначение костяных «клепцов» из костяных городищ («Городища Поветлужья»).

² К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы, № 11—12, 1934 г.

³ К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934 г.

⁴ O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätzen im Okatahle. Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsingfors, 1929.

от водоема, все более частая удаленность от него, повышение уровня расположения над водоемом. И, наконец, наблюдается общий переход поселений на высокие берега, в условия, характерные для наших современных поселений тех же районов; последнее характерно для древнейших памятников дьяковского типа. Существенное изменение топографических условий расположения поселений было продиктовано коренным изменением ведущих форм хозяйства, а именно—переходом от хозяйства рыболовно-охотничьего к земледельческо-скотоводческому. Недавно собранный М. В. Воеводским и А. В. Збруевой материал в Верхнем Поволжье заставил меня сделать те же выводы и для этих районов.¹

Изменение условий расположения поселений не ограничивается одним повышением их над водоемами, что может быть вызвано отчасти и другими причинами, например, потребностью укрепления поселений и пр. Одновременно начинается постепенное расширение зоны, занятой поселениями, углубление их все дальше и дальше во внутренние лесные массивы, нередко в сторону от озер и речек, постепенное и все более полное освоение оседлыми поселениями самых глубин страны в сторону глухих водоразделов (к сожалению, районы самих водоразделов, по вине плохого планирования наших обследований, очень плохо изучены). Это — поселения дьяковского типа (включая сюда и самые поздние дофеодальные поселения) и, позднее, — русские поселения. Описанное явление представляет собою не что иное, как процесс последовательного освоения страны земледельцами.²

Вернемся к могильникам фатьяновского типа. Мы не можем сейчас говорить о соответствующих им поселениях, но не подлежит сомнению, что последние располагались недалеко от могильников. Следовательно, районы расположения могильников — это районы обитания «фатьяновцев». Где, в каких частях страны располагаются могильники? Из числа 10 могильников, изучавшихся мною лично, один расположен на берегу озера (Владычино), три на берегах крупной реки Волги (Лихачево, Санниково, Рыболовка) и один у заболоченной долины незначительной реки (Кузьмино). Остальные пять находятся в иных условиях: один — на берегу ничтожной реченки или, скорее, ручья, в глухом лесном крае, вдали от более крупных водоемов (Взгляднево); второй — в расстоянии около 20 км от Волги, но в стороне от какой бы то ни было речки (Фатьяново), третий — в чрезвычайно глухой лесной местности, изобилующей заболоченными участками, в нескольких километрах от истоков маленькой реченки (Мытищи); четвертый — на самом водоразделе между бассейнами Волги и Оки, близ болота, между истоками двух небольших, текущих в разном направлении

¹ М. В. Воеводский, А. В. Збруева и О. Н. Бадер. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой). Участок по р. Шексне. Изв. ГАИМК, № 109. Выводы.

² О. Н. Бадер. Археологические исследования Научно-исслед. Инст. антропологии МГУ за десять лет. Наука и жизнь, № 1, 1933 г.

речек (Протасово); и, наконец, пятый — в нескольких километрах от последнего, недалеко от одной из упомянутых речек (Икша). Окрестности названных пяти могильников вообще мало характерны или вовсе не характерны для расположения древних рыболовно-охотничьих стоянок. К тому же мои усиленные поиски близ могильников следов каких-либо поселений таких стоянок ни разу не выявили.

Аналогичную картину дает ряд отдельных находок вещей фатьяновского типа, известных мне в Московской области.

С целью проверки этих наблюдений я произвел опыт картографирования находок каменных сверленных топоров на территории Калининской области, воспользовавшись для этого главным образом книгой и археологической картой В. А. Плетнева и собраниями Калининского и некоторых районных музеев,¹ а также, отчасти, и материалами Комиссии МОГАИМК по изучению фатьяновской культуры.² К сожалению, не во всех отмеченных на карте случаях имеются точные топографические данные о пунктах находок. Однако имеющиеся данные и общее расположение местонахождений на карте повторяют картину, уже отмеченную для первых десяти случаев, а именно: около половины местонахождений располагается вдоль Волги, неподалеку от нее, на берегах притоков и у озер. Другая половина широко разбросана по всему краю, иногда связана с мелкими речками у самых водоразделов, иногда же вообще с ними не связана.³ Для полной убедительности этого довода необходимо привлечение значительно большего материала, и я это рассчитываю сделать; но и вышеприведенные примеры дают много (рис. 6).

Таким образом картина распространения памятников фатьяновского типа, как мы видели, частью вполне естественно совпадает с картиной распространения в стране охотничье-рыболовческих поселений, частью же не совпадает с нею. Условия расположения этой последней группы фатьяновских памятников аналогичны расположению позднейших поселений, земледельческий характер которых не оставляет сомнений.

В самом деле, какие иные обстоятельства могли побудить и «фатьяновцев» к оседлости нередко в самых недрах лесных массивов? При каких хозяйственных условиях существование таких поселений было возможно? Предположения об охоте и рыболовстве для объяснения этого вопроса отпадают. Древние рыболовы-охотники, как мы знаем, также проникали

¹ Приношу глубокую благодарность Е. А. Мирожной, составившей для меня список сверленных топоров Калининского музея, в отношении которых имеются сведения о месте их находки.

² Некоторые из известных мне лично топоров-молотов я не занес на карту, так как отношение их к фатьяновской культуре сомнительно.

³ Здесь необходимо учесть, что более слабая заселенность водоразделов и в наше время снижает, по сравнению с другими районами, самую возможность обнаружения древних памятников, а большая удаленность от центров затрудняет поступление находок в музеи.

далеко в глубь страны, но их поселения всегда оставались на берегах рек, речек и озер, которые могли служить для рыболовства. Скотоводство также не могло являться здесь решающим условием. Скорее, напротив, выпас скота удобнее производить близ рек, в речных поймах. Особенности распространения фатьяновских памятников, быть может, позволяют поставить вопрос, не были ли в это время приречные районы заняты поселениями других обществ с иным хозяйственным строем, рыболовно-охотничьим? Но факты свидетельствуют, как будто, об ином. По крайней мере Верхняя Волга дает нам время от времени на своих берегах явно фатьяновские находки.

Итак, трудно объяснить себе особенности распространения фатьяновских могильников иначе, как лишь ведущей ролью земледелия. Только на базе земледелия возможно было такое расширение зоны оседлого обитания.

После того, как приведен целый ряд доказательств в пользу существования земледелия в древнем «фатьяновском» обществе, следует отметить полную вероятность предположения о том, что именно с земледелием связано появление в фатьяновской культуре большого количества кремневых топоров клиновидной формы. В самом деле, это наиболее часто встречаемая в могильниках категория орудий. На стоянках неолитического типа, даже самых поздних, шлифованные кремневые топоры являются относительной редкостью, хотя техника их изготовления была прекрасно освоена. Клиновидный топор¹ был [одним из существеннейших орудий фатьяновцев и является одной из черт, придающих культуре лесной характер. Именно фатьяновский кремневый топор очень удобен для обработки дерева. Он отличается нередко значительными размерами, имеет сильно уплощенную форму, обычно расширенное, тонкое лезвие и, как правило, очень остро наточен. Такой топор мог в значительной мере обусловить самую возможность «подсечного», лесного земледелия и играть здесь такую же роль, которую позднее, несомненно, сыграл в распространении земледелия железный топор. Мы знаем о наличии в рассматриваемой культуре также и металлических, медно-бронзовых топоров, но они, в силу ряда причин, не могли играть, на ряду с кремневыми топорами, сколько-нибудь заметной роли в борьбе с лесом.

Фактом огромного значения является открытие для фатьяновской культуры прочной металлической пилы с широким лезвием, ясные следы действия которой имеются на описанном мною молоте из бивня мамонта, найденном в Рыболовском могильнике.² Однако, в виду не абсолютной достоверности отношения этой интереснейшей находки к фатьяновскому могильнику, о пиле, до подтверждения ее присутствия новыми находками, не буду пока говорить.

¹ Иногда это не топоры, а тёсла.

² О. Н. Бадер и М. В. Талпцкий. Могильник у д. Рыболовки. Изв. ГАИМК, вып. 109.

Мы не можем еще сказать ничего определенного о фатьяновских поселениях. Но мы знаем теперь, что это были поселения прежде всего земледельцев и скотоводов. Я думаю, что поселения эти могли носить характер не «стоянок», а «селищ», т. е. поселений, обычно выше расположенных, без обязательного и неперемennого соседства с рекой или озером, т. е. как мы имеем это, например, для селищ дьяковского типа и русских селищ. Это общее сходство распространения и условий расположения памятников и является причиной нередко случайного совпадения памятников этих типов на одном и том же месте. Как будто выясняется, что отдельные фатьяновские местонахождения нередко группируются в весьма ограниченных районах, что я имел возможность наблюдать не раз.¹ Это представляет значительный интерес, так как, весьма возможно, в будущем позволит нам говорить о вполне определенных гнездах, очагах расселения родовых групп этого времени на территории лесистой страны, как это мы в свое время отмечали в отношении неолитических стоянок.²

При рассмотрении вопроса об экономической основе каждой древней культуры необходимо прежде всего выяснить вопрос о природных условиях, в которых развивалось соответствующее общество. Мы знаем, что «за промежуток времени³ между началом отступления последнего оледенения и исторической эпохой был, по крайней мере, один период, отличавшийся климатом более сухим и теплым, чем современный», — так называемый «ксеротермический» период. «В это время ландшафтные зоны, по сравнению с теперешними, были смещены к северу, и лесостепь, возможно, доходило до берегов Финского залива». Во всяком случае, в интересующем нас районе, а именно между г. Калининским и границей Ивановской Промышленной обл. А. П. Ильинский⁴ обнаружил «степные» формы растительности на песчаных грядах в волжской долине. По мнению А. П. Ильинского, эта растительность представляет собою в Верхнем Поволжье реликт безлесной фазы послеледниковой эпохи.

Не была ли фатьяновская культура связана именно с ксеротермическим периодом? Некоторые московские археологи в последнее время склоняются в сторону положительного ответа на этот вопрос, что ведет к совершенно своеобразному подходу при разрешении проблемы происхождения и социально-экономического облика фатьяновской культуры.

¹ Напр., О. Н. Бадер и др. Археологические памятники зоны Москва — Волгостроя. Изв. ГАИМК, вып. 109; О. Н. Бадер. Отчет о работах экспедиции ГАИМК на Москва — Волгострое в 1934 г.

² О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106.

³ Л. С. Берг. Ландшафтно-географические зоны СССР. 1931.

⁴ А. П. Ильинский. К истории развития флоры Средней России. Изв. Главн. бот. сада, XXI, вып. I, 1922.

Мне представляется несомненным, что фатьяновская культура — типичная лесная культура. Одним из убедительных доводов в пользу этого является присутствие в ней не только таких животных, как лиса и волк, но также медведя, рыси и северного оленя.

Все вышесказанное позволяет нам совсем по-иному посмотреть не только на затронутые здесь могильники верховьев Волги, но и на всю фатьяновскую культуру в целом. Я не останавливаюсь на всех прочих вопросах изучения этой культуры, многие из которых могут быть более или менее разрешены на уже наличном в настоящее время материале. Конечной задачей нашей работы здесь явится восстановление конкретной формы общества «фатьяновской культуры», которое, без сомнения, было обществом родовым, и последовательных этапов истории этого общества. Но разрешению этой задачи должны предшествовать суммирование и изучение всего имеющегося археологического материала. Одним из первоочередных требований этого изучения является картографирование фатьяновских местонахождений на ряду с картографированием памятников некоторых других культур, наиболее близких фатьяновской хронологически. Сопоставление таких карт может дать исключительные по своему значению результаты.

O. BANDER

LE CIMETIÈRE DE LIKHATCHEVO

RÉSUMÉ

En 1903, N. Makarenko a exécuté des fouilles archéologiques du gorodistché de Likhatchevo, dans l'ancien district de Zoubtsov du gouvernement de Tver (aujourd'hui région de Kalinine) (fig. 1). Il a mis au jour 2 sépultures d'âge beaucoup plus ancien (fig. 2), se rapportant à la culture dite de Fatianovo de l'époque du bronze. D'après certains indices, l'auteur incline à croire que lors de l'inhumation les deux tombes n'ont pas été ensevelies sous un amas de terre, mais seulement protégées en dessus par quelque recouvrement.

Dans le compte rendu publié par N. Makarenko, certains des objets trouvés dans les sépultures n'ont pas été décrits avec suffisamment de détails, comme par exemple les vases de terre cuite à fond rond, l'un des petits tessons (fig. 4) et un curieux instrument, fait en bois de renne d'après la détermination du prof. S. Bogoliubskij (fig. 3). Parmi les pièces conservées au musée de Kalinine, il se trouve également une hache-marteau perforée en pierre (fig. 5), recueillie près du cimetière et s'y rapportant apparemment. D'après T. Trofimova, une des sépultures appartient à un enfant de 5 ans environ, l'autre à une femme d'âge moyen. Le crâne

de celle-ci répond entièrement au type dolichocéphale établi par A. Bogdanov sur les matériaux du cimetière près du village de Fatianovo.

Le cimetière de Likhatchevo ne fournit pas de données suffisantes pour juger de l'aspect économique de la culture à laquelle il se rapporte. Jusqu'à ce jour, la culture de Fatianovo était considérée comme étant essentiellement celle de chasseurs. Cependant les matériaux rassemblés précédemment, et surtout les résultats fournis par les fouilles exécutées dans ces dernières années par l'auteur, lui permettent d'y établir en outre l'existence de la pêche, de l'élevage et de l'agriculture — l'élevage et l'agriculture jouant justement un rôle prépondérant dans l'économie de cette époque. Comme animaux domestiques, on y a déterminé le chien, le porc, la chèvre, le mouton, la vache et le cheval. L'existence de l'agriculture est attestée par des trouvailles d'instruments agricoles (par ex. houe en pierre, mesures pour le grain), ainsi que par la situation des monuments de la culture de Fatianovo dans des conditions de paysage qui diffèrent, comme l'a constaté l'auteur, de celles où se trouvent les stations néolithiques, en ce sens que ces monuments s'écartent du voisinage de l'eau, encore obligatoire pour ces dernières. La notation sur la carte des différentes trouvailles de haches-marteaux perforées sur le territoire de l'ancien gouvernement de Tver (fig. 6) confirme aussi en partie l'affirmation de l'auteur. La culture de Fatianovo apparaît donc comme la première étape de l'assimilation économique par l'agriculture et l'élevage des parties du pays couvertes de forêts inhabitées constituant les régions de partage des eaux.

En ce qui concerne les conditions naturelles existant à cette époque, la prédominance du paysage forestier typique est incontestable, comme en témoignent au premier chef les restes d'animaux tels que l'ours, le lynx, le renne, etc., trouvés dans les sépultures du type de Fatianovo.

П. П. ЕФИМЕНКО

К ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ ¹

Тема, разрабатываемая мной в настоящее время, имеет своим основным содержанием, прежде всего, изложение наличного археологического материала, территориально связанного с обширным лесным краем, расположенным между Окой и Волгой. По времени выбранный мной круг памятников относится к одной, определенной эпохе—к I тысячелетию н. э.

Почему археологические памятники данного района и данного времени заслуживают особенного внимания—будет видно из дальнейшего. Однако я не свожу свою задачу к подытоживанию достаточно большого накопленного в настоящее время фактического материала по памятникам I тысячелетия н. э. в Западном Поволжье. Моя работа является вместе с тем некоторым опытом исторического анализа археологических источников с точки зрения тех общих проблем, которые выдвигает история края.

Трудности, стоящие перед исследователем в этой области, носят многообразный характер.

Нельзя забывать, что в нашей литературе до сих пор нет никаких обобщающих работ для памятников указанной территории, так как, например, популярная книжка профессора Саратовского университета П. С. Рыкова ² уже по своему характеру преследует все же несколько иные задачи. Более того, кроме старого труда А. А. Спицина, ³ не удовлетворяющего нас сейчас ни в смысле полноты, ни в отношении территориального охвата материала, у нас нет простых сводок данных по раскопкам, облегчающих возможность пользования этими источниками.

Помимо этого, далеко не весь имеющийся археологический материал нашел себе место в печатных изданиях, а то, что опубликовано, в большинстве случаев носит такой характер, что пользование им в качестве

¹ Настоящая статья представляет краткое изложение содержания труда, подготовляемого автором по производственному плану Секции археологии ЦАЭ.

² П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы. Москва, 1933 г.

³ Древности бассейнов рек Ока и Камы. Мат. по археол. России, № 25, 1901 г.

первоисточника, без обращения к коллекциям, разбросанным по музеям Москвы, Ленинграда и провинциальных городов — Рязани, Муроме, Пензы и т. д., представляется совершенно невозможным.

Естественно, что предпринятый мною труд в этих условиях, при огромном количестве разнообразного вещевого материала, был бы вообще невыполним в пределах имеющегося в моем распоряжении времени, если бы не то благоприятное обстоятельство, что значительная часть наиболее крупных собраний — Гос. Исторического музея, Рязанского музея, Гос. музея этнографии и других — мною была проработана в прежние годы. Более или менее исчерпывающим образом обработанные коллекции по таким памятникам, как Кошибеевский, Лядинский, Томниковский, Серповской, Подболотьевский, Максимовский, Борковской, Кузьминский, Курманский и многие другие могильники Западного Поволжья, давшие свыше тысячи комплексов хорошо проверенного погребального инвентаря, вместе с материалами, полученными при моих личных раскопках могильников и городищ на Оке и Суре в 1920—1928 гг. (Шатрищенский, Гавердовский, Вакинский, Ивановский могильники, городище у Вышгорода на Оке и проч.), составили тот необходимый фонд, который мог быть положен в основу намеченной работы.

Можно поставить вопрос, какую цель преследует предпринятый труд, какие археологические и общеисторические проблемы могут быть поставлены и разрешены на основе привлекаемого материала. Попытаюсь вкратце изложить состояние нашего знания археологических памятников Западного Поволжья, что поможет ответить на поставленный вопрос и показать, почему именно данная территория и определенный круг ее памятников заслуживает внимания исследователя.

Хорошо известно, что на территории Западного Поволжья, как и во всей лесной полосе от верховьев Днепра до Урала, в I тысячелетии до н. э. широкое распространение имеют памятники, обычно именуемые в археологической литературе «костеносными городищами». Это название происходит от массы костей животных, встречающихся в толще культурного слоя городищ этой эпохи. Находки, сопровождающие отбросы обитания, в виде различных изделий из кости и камня вместе с редкими вещами из металла, меди и железа и грубой, но очень характерной глиняной посуды, составляют обычное содержание их культурных напластований.

Встречающиеся на таких городищах группы землянок достаточно первобытного устройства, как и вся совокупность относящихся к ним вещественных остатков, свидетельствуют о весьма простом, мало развитом хозяйстве и соответственно столь же невысоком культурном укладе этого лесного населения, занимавшегося, на ряду с рыболовством и охотой, разведением домашних животных (лошадей, коров, свиней, мелкого рогатого скота) и земледелием в его самых первобытных формах. Для уровня культурного развития этих лесных обитателей показателем, например, тот

факт, что лошадь ими разводилась главным образом как убойный скот, о чем говорит масса костей лошади в отбросах жилья.

Советские исследователи, имевшие дело с этими памятниками, более или менее единогласно приходят к выводу о крепком еще родовом быте населения, занимавшего небольшими группами лесные укрепленные поселки.

Памятники этого типа, которые в средней полосе Европейской территории СССР могут быть прослежены вплоть до начала н. э., известны в значительном числе и в Западном Поволжье не только на Оке и ее притоках, но и гораздо южнее, например, в окрестностях Саратова, где в своем распространении к югу они, видимо, придерживаются границы распространения лесов. Западную границу их приходится искать где-то в области течения Дона, где вместо них мы встречаем памятники так наз. скифо-сарматского типа. Можно добавить, что эти ранние городища между-речья Оки, Волги и Дона входят в группу городищ, известных под именем дьяковых, или городищ с сетчатой и рогожной керамикой, которые тянутся по правому берегу Волги и по ее правым притокам далеко на север — до Озерного края. Датировка их, в особенности для средней Оки, может считаться довольно хорошо установленной.

В последующее время археологические исследования дают возможность наблюдать интересное явление. Городища указанного типа исчезают, и на их месте появляются памятники существенно иного характера. Эти последние известны нам главным образом в двух своих основных типах: во-первых, в виде остатков поселений и, во-вторых, в виде сопровождающих их могильников с весьма выдержанным, постоянно повторяющимся инвентарем.

Что касается первых, т. е. поселений, то, к сожалению, они очень мало изучались, и это обстоятельство не позволяет представить их себе в какой-то общей и законченной картине. Но, во всяком случае, можно говорить с полной уверенностью, что последние в эту эпоху и по составу сопровождающих их находок и по своему характеру значительно отличаются от поселений предшествующей эпохи. С могильниками дело обстоит иначе. Они всегда привлекали к себе несравненно больше внимания как вследствие легкости исследования, так и потому, что их раскопки неизбежно доставляли большое количество вещевого материала — оружия, украшений и т. д.

Первые значительные раскопки подобных памятников на территории края относятся к концу восьмидесятых и к девяностым годам прошлого столетия и связаны с Лядинским и Томниковским, Курманским, Борковским, Кузьминским, Максимовским и некоторыми другими находками древних захоронений.

Время этих могильников, относящихся, без сомнения, к разным периодам жизни древнего населения Западного Поволжья, не могло быть определено с достаточной точностью и давало место различным толкованиям. Одни (Спицын) относили более ранние могильники края, типа

Борковского и Кузьминского могильников, к VIII—IX вв., видя в них памятники, непосредственно предшествующие в области Оки так наз. русским курганам.¹ Другие (Селиванов) считали возможным говорить в отношении их о значительно более древней эпохе.

Столь же неясным оставался вопрос о взаимоотношении могильников рязанской группы и городищ дьякова типа. Очень распространенным было представление о возможной их одновременности. Во всяком случае, мнение всех исследователей, имевших дело с этими памятниками, сходилось в том, что большинство известных нам могильников существовало не одно столетие и что в целом они составляют весьма однородную группу находок, преемственно сменяющуюся на территории Западного Поволжья могильниками позднейшего времени (XIII—XVII вв.), в отношении которых уже не могло быть сомнения в возможности относить их к той или другой из современных национальных групп — к мордве с ее мокшанской, эрзянской и тюрюханской ветвями, к мари́йцам, чувашам и т. д.

Если принять во внимание, что лишь очень немногие районы Европейской территории СССР (Камское Поволжье, Крым и Кавказ) находятся в столь же благоприятном положении в отношении наличия могильников массового типа, известных для очень больших периодов времени, измеряемых не одним тысячелетием, уже одно это обстоятельство заставляет отнести к памятникам Западного Поволжья с особенным интересом. Возможность располагать типичными, много раз повторяющимися комплексами инвентаря в их преемственных изменениях для столь значительных периодов времени имеет и то несомненное значение, что она позволяет поставить и более общий вопрос об известных формах отображения исторического процесса в археологических остатках подобного характера.

Однако, для того чтобы этот вопрос мог быть решен с должной степенью фактической достоверности, необходимо, прежде всего, найти приемы, дающие возможность расположения всего вещевого материала в ясном хронологическом соотношении отдельных комплексов находок.

В своей более ранней работе,² посвященной, в основном, методике анализа могильников массового типа, я наметил те приемы, которые должны лечь в основу изучения погребальных памятников подобного характера. Сущность изложенных там взглядов сводится к следующему. Наблюдения над инвентарем могильников Западного Поволжья типа, например, Кузьминского или Борковского могильников, показывают, что за внешней случайностью находок в отдельных захоронениях вещей различных видов и форм, в особенности предметов личного убора, в этих

¹ Кошибеевский могильник определялся А. А. Спицыным VI—VII вв., т. е. на полтысячелетие позже действительного времени его возникновения. То же приходится сказать и относительно могильников собственно-рязанской группы.

² Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этногр., т. III, в. I, Ленинград, 1926 г.

древних кладбищах можно проследить стойкие сочетания этого рода остатков, складывающиеся в типический инвентарь, свойственный погребениям определенной эпохи.

Выделяя с помощью особого графического приема ряды одновременных захоронений, мы можем, далее, установить общую картину истории данного могильника, отображающую, в пределах возможного, историю оставившего его поселка. Таким образом, при изучении комплекса захоронений, охватывающих известный, более или менее длительный период, исследователь, прежде всего, стоит перед задачей установить изменения, происшедшие в составе инвентаря на протяжении существования того или иного могильника. Сопоставление ряда могильников, объединяющихся в хорошо устанавливаемые территориальные группы, дает, в свою очередь, представление об исторических судьбах более значительных общественных образований и периодов, в течение которых в могильном инвентаре, сопровождающем погребения, для этих групп памятников можно заметить существенные изменения, условно названные нами стадиями и обозначенные буквами латинского алфавита.

Применение этого принципа к изучению группы древнейших могильников, известных по течению Оки в пределах Рязанского края, показало, что они распадаются на ряд таких типических комплексов захоронений, последовательно сменяющих один другой на протяжении тех шести — семи веков, к которым относится существование этих могильников.¹

Оказалось, что эти комплексы погребений с их характерными особенностями инвентаря имеются во всех могильниках рязанской территории, что свидетельствует об исторической общности населения края в данную эпоху. Можно было установить, с другой стороны, что рязанские могильники возникают в определенное время, непосредственно следующее за временем возникновения городищ дьякова типа, и что заканчивают свое существование они также в одно время — в VII в., когда памятники этого типа исчезают на всем рязанском течении Оки.

Анализ отдельных могильников делает очевидным, что они оставались группами древнего населения Окской долины, сидевшими в продолжение сотен лет поблизости от могильников, в где-то рядом расположенных поселках. Продолжительность непрерывного существования этих поселений, как правило, насчитывает до четырех — пяти столетий.

Вопреки ранее существовавшему взгляду, что древние рязанские могильники могут быть современны дьяковым городищам, удалось пока-

¹ Я принимаю для них теперь названия, несколько измененные по сравнению с прежней схемой, принятой мной в работе «Рязанские могильники», хотя основные этапы и их последовательность сохраняются в старом виде. Некоторая перестановка буквенных обозначений отдельных стадий оказалась неизбежной по ряду причин, прежде всего для того, чтобы ввести древнейшие погребения, I—II вв., в общую буквенную нумерацию. Таким образом история окских могильников для меня сейчас начинается со стадии А (а не Кош.), далее без изменения идет стадия В (III—IV вв.), стадия С (V в.), наконец, D-I (вместо C-I) и D-II (прежде D-VII в.).

зять, в частности на основании наших раскопок наслоений Вышгородского городища, что эти места захоронений с их богатым вещественным инвентарем появляются в следующее за этими городищами время, когда, в результате быстро развертывающегося исторического процесса, в среде населения Окской долины происходит коренное изменение облика его материального уклада.

В своей работе, являющейся продолжением ранее начатых исследований, я ставлю своей целью, во-первых, собрать весь материал, относящийся к данному кругу памятников, и, во-вторых, дать, в меру имеющегося фактического материала, освещение того процесса, который обусловил появление могильников и связанных с ними поселений на местах, ранее занятых первобытным населением городищ дьякова типа. Необходимость и своевременность подобной попытки очевидна, если учесть, что за полным отсутствием каких-либо письменных свидетельств, которые могли бы быть привлечены для восстановления ранней истории края, археологический материал является единственным источником, могущим быть использованным для этой цели.

Если говорить главным образом о течении Оки, где интересующие нас сейчас древнейшие могильники края исследованы лучше, чем где-либо в других местах Западного Поволжья, результаты предпринятого нами их изучения в кратких чертах представляются в настоящее время в таком виде.

Около начала н. э. население, занимавшее лесные области Западного Поволжья, испытывает, как мы уже сказали, какие-то значительные исторические сдвиги. Оно нередко держится своих старых мест обитания, о чем свидетельствуют встречающиеся на городищах по Оке слои с остатками этого времени, лежащие поверх слоев с вещами дьяковских поселений. Однако, например, в исследованном нами в 1920 г. городище у Вышгорода под Рязанью остатки, отвечающие эпохе могильников, были отделены от культурных напластований с сетчатой керамикой слоем, не содержащим никаких находок.

Отсюда можно сделать вывод, что в заселении Окских городищ как будто имеется эпоха, когда эти укрепленные поселки на время пустеют. Кроме того, у нас нет оснований думать, чтобы население, оставившее могильники, пользовалось, как правило, древними городищами с целью защиты. Скорее можно предполагать, что оно просто занимало удобные места по окраине речной долины, и связь поселений этого времени с городищами может быть часто совершенно случайной.

Еще важнее то обстоятельство, что жилища типа землянок, столь распространенные на городищах с сетчатой керамикой, здесь быстро исчезают. Такое наблюдение можно сделать, в частности, на основании результатов раскопок В. А. Городцова на городище у Троицы-Пеленицы, где не было найдено и следа таких землянок.¹

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Ряз. обл. музей, в. V, 1930 г.

Раскопки П. С. Рыкова у с. Армеева ¹ в верховьях Суры дают хорошую картину поселка этой эпохи. Он состоял из круглых хижин с полом, едва углубленным ниже уровня почвы, стены которых были обложены камнем и засыпаны землей. П. С. Рыков обращает внимание и на другое важное обстоятельство. В изученном им районе, на берегах Волги выше Саратова и в верховьях Суры и ее притоков в Саратовском крае, городища продолжают существовать и в эпоху могильников. Но их характер в это время существенно изменяется — из укрепленных селищ они превращаются во временные убежища, обслуживающие группы расположенных вокруг них мелких поселков. ² То же, несомненно, имеет место и севернее, в долине Оки.

Мы имеем возможность догадываться, чем объясняется этот процесс перехода населения Западного Поволжья к новому строю существования, нашедшему свое выражение в появлении могильников с их богатым и разнообразным составом вещественных находок. Выражением этого процесса было быстрое развитие техники, особенно в области обработки металла — меди и железа, появление ремесла как новой формы производства, о чем говорит, например, «стандартный» характер большинства металлических изделий, рост обмена иногда с очень отдаленными южными странами, наконец, то, что должно было стоять за этим процессом, — изменение форм общественной организации, отмечающее первый этап в разложении ранее крепких и жизненных родовых связей.

В своей указанной выше работе я связывал возможное объяснение тех новых явлений, которые приносят I—III вв. н. э. в области Оки, с передвижениями населения с востока из-за Волги и с юго-запада со стороны Днепра. Накопленные сейчас факты решительно говорят против вероятности смены населения в эту эпоху в Западном Поволжье как явления массового порядка. Некоторый ответ на вопрос, каковы были движущие силы этого быстрого исторического роста населения Оки и Суры, дает изучение характера распространения интересующих нас памятников в эпоху могильников и в предшествующее время.

Действительно, карта распространения памятников I—VI вв. на территории Западного Поволжья может представить большой интерес.

Главная масса ранних могильников, относящихся к этому времени, расположена, как было сказано, по среднему течению Оки. Отдельные памятники этого же типа известны, однако, и вне этого района на востоке и юго-востоке. Это — Кошибеево при слиянии Мокши и Цны, могильник у Кадома на Мокше, Сергачский и Ивановский могильники на низовьях Суры, наконец, Армеево, на крайнем юге Западного Поволжья. Три последние находки для нас особенно интересны, поскольку они показывают, что вся территория края в это время была занята более или

¹ П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

² П. С. Рыков. Чердымское городище. Изв. Саратов. влжне-волжск. инст. краеведения, т. VI, стр. 73 и сл.

менее однородным населением, стоявшим на одинаковом уровне общественного развития, имевшим одинаковые обычаи и пользовавшимся одним и тем же вещественным инвентарем.

До течения Дона эти памятники не доходят. Если судить по находке, сделанной в с. Ардибашеве, под Скопином, погребения конника с вещами, обычными для памятников VI—VII вв. степных и лесостепных районов нашего юга, уже южная часть Рязанского края принадлежала в эту эпоху населению, входившему в состав иной исторической группы. То же имело место и на Оке к западу от впадения в нее р. Москвы, куда находки типов рязанских могильников уже не распространяются.

Теперь, если мы присмотримся к тому, как распределяются памятники первой половины I тысячелетия собственно на территории Западного Поволжья, мы увидим весьма характерное явление. Если говорить о рязанских могильниках, то они никогда не встречаются вне пределов долины Оки. Они бывают расположены в этом ее течении или на склоне береговой возвышенности по правому берегу Оки, или, еще чаще, у самой поймы реки, на мысах и песчаных холмах среди заливных лугов. Вне этой узкой приречной полосы ни могильники, ни остатки поселений этого времени совершенно неизвестны.

Более подробная карта с нанесенными на ней высотными обозначениями помогает обнаружить еще один интересный факт. В Рязанском крае ранние могильники по Оке на западе, как было сказано, идут до низовьев р. Москвы и не встречаются дальше Коломны. На востоке последний—Курманский—могильник открыт у Касимовских высот, замыкающих с этой стороны долину Оки. Такое явление не представляет собой случайности. На карте можно видеть, что Коломна на западе и Касимов на востоке являются теми пунктами, куда упираются оба конца широкой пойменной долины Оки. Далее долина Оки значительно суживается, на известном протяжении почти теряя свою пойму.

Отсюда естественно сделать вывод, что притягательную силу для населения, занимавшего северную часть Рязанского края, составляли именно эти широкие открытые луговые пространства, протянувшиеся широкой полосой по течению Оки и ограниченные с юга густым чернолесьем правого берега Оки и болотистыми борами Мещерской низменности на севере.

Передвинувшись несколько дальше к востоку, за узкой грядой Касимовской возвышенности, мы находим снова пойменную низину, соединенную с широкой поймой р. Мокши. Здесь расположен Кошибеевский могильник и, несколько дальше, могильник у г. Кадома. Совершенно ту же картину представляют могильники у с. Иванькова и г. Сергача на низовьях Суры, лежащие на краю широкой речной долины. Только Армеевский могильник как будто дает несколько иную обстановку, будучи расположен на небольшой реке, среди и сейчас дремучих лесов; хотя точнее условия местности мы здесь не знаем. Приходится принять, однако, во внимание,

что этот могильник в основном относится к более поздней эпохе (VI—VII вв.) и к тому же имеет целый ряд таких особенностей, которые позволяют рассматривать его как памятник, стадийно отвечающий уже последующей исторической ступени.

Такой выбор места обитания, при сравнении поселений эпохи могильников и городищ дьякова типа, свидетельствует о каких-то серьезных изменениях в хозяйственных потребностях населения, поскольку памятники дьяковского времени совершенно не обнаруживают стремления к сосредоточению в описанных условиях. Если они известны в достаточном числе на рязанском течении Оки, то они идут и в глубь края и часто встречаются на мелких лесных реках. По наблюдениям П. Н. Третьякова, для них особенно характерной является близость мелких водоемов, очевидно, служивших для целей рыболовства.¹ Большое количество костей рыб, постоянные находки грузил, отпечатки сетей на посуде и т. д. указывают на большую роль последнего в условиях еще очень первобытного хозяйства населения этих поселков. Несомненно также, что в последующее время рыболовство могло иметь лишь вполне подчиненное значение: никаких прямых указаний на его существование в эпоху могильников мы не находим.

Содержимое могильников показывает, что собственно привлекало население в эту эпоху к большой реке с ее открытыми луговыми пространствами.

Присутствие остатков лошади в погребениях рязанских могильников составляет обычное явление.² Здесь это животное выступает, однако, уже не в виде убойного скота, как в эпоху городищ, но в качестве верхового коня, который входил, очевидно, в быт населения, оставившего древние могильники Западного Поволжья, как очень важный производственный элемент. Что это было действительно так, об этом свидетельствуют постоянные находки удила и предметов конского снаряжения, притом не только в мужских, но часто и в женских могилах. Во всех этих погребениях обычный инвентарь находок составляют копье, дротик, топор, при отсутствии лука и стрел, что в целом для ранней эпохи средневековья рисует вооружение не земледельца, но конного пастуха. С этим вооружением выступают в первой половине I тысячелетия н. э. конные дружины тех народностей, в жизни которых пастушество занимало значительное место и у которых значение коня не сводится еще к роли упряжного рабочего скота. В несколько более позднее время на приокских кладбищах среди людских погребений появляются конские могилы, часто с богатым инвентарем.

¹ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАНМК, в. 106, 1935 г., стр. 155.

² В рязанских могильниках еще не встречаются погребения коня, но кости, особенно черепа, часто кладутся в могилу (большею частью в засыпи могилы); вследствие плохой сохранности костей от них обычно сохраняются лишь зубы.

Нельзя сомневаться, что пастушество, для которого использовались прекрасные дуга по течению Оки, в эпоху возникновения могильников приобретает значение одного из очень важных видов хозяйственной деятельности населения края. Если оно практиковалось обитателями и дьяковых городищ, то теперь оно получает иной облик, более широкий размах, чем старое лесное скотоводство.

Недавно было высказано мнение (А. В. Арциховский), что кажущийся исторический разрыв между дьяковыми городищами и приокскими могильниками может быть объяснен растущей ролью земледелия, которое на этом этапе превращается из подсобного мотыжного земледелия — в правильное подсечное хозяйство, становящееся основным фактом хозяйственной жизни населения Оки.¹ Этим переходом к подсечному хозяйству можно было бы тогда объяснить и оставление им старых укрепленных деревень и его расселение в мелких разбросанных поселках.

Трудно возражать против вероятности естественного роста этого вида хозяйственной деятельности в эпоху могильников за счет охоты, рыболовства и других подобных источников добывания средств существования, в значении которых в жизни обитателей городищ трудно сомневаться. Но против ведущей роли земледелия в первой половине I тысячелетия н. э., к которой относятся рязанские могильники, можно привести серьезные возражения.

Прежде всего, нет никаких указаний на то, чтобы население, сидевшее в долине Оки в это время, жило в лесных заимках, периодически оставляемых по мере истощения плодородия почвы, как это должно было бы быть, если бы мы приняли приведенное выше объяснение. Напротив, мы видели, что это население жметя к реке, к ее луговой низине, не уходя в течение четырех-пяти-шести веков с раз занятого участка речной долины. Судя по сплошной ленте могильников, тянувшихся по всему рязанскому течению Оки, на ее более чем 200 км протяжении между устьем р. Москвы и Касимовской возвышенностью, эта территория, где мест, удобных для земледелия, очевидно, было не слишком много, в течение III—VII вв. была разделена между многими десятками небольших родовых общин.

Можно привести и некоторые другие наблюдения в отношении вещественных остатков в погребениях рязанских могильников, которые также не вяжутся с значительным ростом земледельческого хозяйства. Просмотрев большой наличный музейный материал, а также внимательно изучив все сохранившиеся остатки во вскрытых мною захоронениях Шатрищенского и Гавердовского могильников, я пришел к заключению, что в ранних могильниках Оки ткань для одежды всегда приготавливалась из шерсти.

¹ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 11—12, 1934, стр. 40.

Таковы одинаково остатки и нижней и верхней одежды, за исключением зимней — меховой.

Судя по качеству ткани (сохранившейся почти во всех погребениях, где имеются металлические, особенно медные, вещи), выработка ее уже в эту эпоху стояла на большой высоте. Лишь для обертывания тела в качестве полога употреблялась грубая и редкая, но также шерстяная ткань. В 2—3 случаях могли быть констатированы находки тонкой белой, вероятно, льняной ткани. Но эти последние относятся не к одежде в прямом смысле слова, а к чему-то вроде головного покрывала, остатки которого уцелели поверх некоторых металлических украшений. Самый же головной убор всегда приготовлялся из шерстяной ткани. Эти наблюдения приобретают тем большее значение, что во второй половине того же тысячелетия, когда роль земледелия становится очевидной, картина меняется и в отношении материала, служившего для приготовления одежды.

Не следует думать все же, что процесс хозяйственного развития для всего Западного Поволжья имел вполне однообразные формы. Если можно предполагать, что в благоприятных условиях, при наличии обширных луговых угодий быстро развивающееся скотоводство занимало, вероятно, главенствующее место, в ином природном окружении, например, в обстановке лесных пространств, на юге края, по притокам Дона, Оки и Суры, земледелие могло явиться в значительно большей степени показателем развития производительных сил общественных групп, сидевших в этих областях Западного Поволжья. Быть может, в связи именно с развитием земледельческого хозяйства стоит то обстоятельство, что на юге, судя по Армеевскому могильнику, значительно раньше, чем на севере, в области Оки, складывается новый тип могильников, во многом отличный от могильников ранней стадии.

Кроме того, мы располагаем некоторыми указаниями на то, что уже в начальный период могильников, в I—III вв., по крайней мере в некоторых районах, земледелие начинает приобретать довольно большое значение, хотя затем и оттесняется на второй план ростом пастушеского хозяйства. Так именно можно толковать находку серпа в одном из погребений Сергачского могильника, находки топоров обушного типа в ранних могилах Кошибеевского и Шатрищенского могильников, присутствие остатков полухолщевой ткани в тех же ранних захоронениях Кошибеева и т. п. факты.

В могильниках рязанской группы мы имеем возможность установить пять последовательных хронологических этапов, правда, не одинаковой длительности, отвечающих каждый промежутку времени приблизительно от 100 до 150—200 лет. Привятые нами сейчас их обозначения, как уже было сказано, несколько отличаются от тех, которые были нами предложены в работе «Рязанские могильники». Даем их здесь в самом кратком перечислении.

Стадия А (II в., вероятно, и некоторые десятилетия, с одной стороны, I в., с другой — III в. н. э.). Время наиболее ранних захоронений в Кошибеевском, Сергачском и Шатрищенском могильниках. Характерно присутствие вещей сарматских типов, известных, например, по Кубанским курганам в раскопках Н. И. Веселовского. В погребениях, относящихся к этой стадии, также очень обычны вещи, свойственные ранним пьяноборским могильникам Прикамья.

Стадия В (III—IV вв.). Представлена во всех могильниках Рязани, а также в Кошибеевском и Сергачском. В смысле определения времени особенное значение имеют часто встречающиеся привозные вещи, такие, как арбалетовидные фибулы, поясные пряжки и пр.

Стадия С (V в.). Характерны массивные, часто серебряные крестообразные фибулы и набор женских украшений хорошо выраженного типа.

Стадия D-I (VI в.). В эту эпоху получают распространение особые виды браслетов, гривн, нагрудных блях и проч. Кроме того, в погребениях этой стадии начинают встречаться вещи так наз. «готского» происхождения — фибулы с звериными и антропоморфными изображениями, особые — «геометрического» стиля поясные и уздечные наборы и пр.

Стадия D-II (Первая половина VII в.). Инвентарь захоронений близок к предшествующей стадии, но имеет и некоторые свои особенности.

Такова схема хронологического расчленения древнейших могильников Рязанского края, одинаково применимая, насколько мы знаем, ко всем могильникам Западного Поволжья той же эпохи. Почти ни один из этих могильников не исследован исчерпывающим образом. Однако на основании имеющегося материала мы можем утверждать, что большинство их охватывает почти все указанное время, за исключением, может быть, стадии А, хотя последняя известна не только в названных выше могильниках — Кошибеевском, Шатрищенском, Сергачском, но некоторые указания на присутствие погребений этого времени имеются и в других могильниках края.

В среднем, рязанские могильники, судя по Кузьминскому и Борковскому могильникам, должны были содержать от 200 до 300 и даже, может быть, до 400 погребений. Такое число захоронений не представляется особенно большим, если принять во внимание, что они должны были накопиться в течение очень долгого времени, за целый ряд столетий. Таким образом приходится скорее думать, что оставившие их поселки имели, в общем, очень небольшие размеры, не превосходя по числу населения небольшую общину всего из нескольких десятков членов.

Могильники с достаточным количеством вскрытых погребений, как Кузьминский и Борковской, на основании материалов которых можно

притти к некоторым выводам о характере самой общины, говорят еще об очень незначительной имущественной дифференциации внутри этих поселков в эпоху до VII в. Среди захоронений рязанских могильников почти нет таких, которые особенно бы выделялись своим богатством. Основную, численно преобладающую группу их составляют погребения с более или менее однообразным, в смысле набора вещей, инвентарем, различным, естественно, в погребениях мужских и женских. Но среди мужских захоронений, на ряду с могилами, содержащими оружие, принадлежности конской сбруи и некоторые украшения в виде металлических поясных наборов, браслетов, гривн, являвшихся, видимо, знаком отличия свободных членов общины, имеются все же и бедные погребения. То же можно сказать и о женских погребениях, обычно сопровождавшихся довольно большим числом различных украшений в виде подвесок, ожерелий, гривн, нагрудных блях, застежек и т. д.

Если это имущественное расслоение все же довольно слабо еще выражено в основной группе рязанских могильников, оно, напротив, весьма заметно уже в Кошибеевском могильнике, несмотря на его весьма, сравнительно, ранний возраст (I—IV вв.). Этот могильник, расположенный на восточной границе рязанских земель и отличающийся от приокских могильников своими размерами, значительно превосходящими обычную норму, имеет почти половину очень бедных погребений. Вероятно, это можно объяснить тем, что процесс расслоения в подобных больших общинах протекал в более ускоренном темпе, чем в мелких разбросанных поселках, где население жило еще в значительной мере родовым укладом.

Любопытный момент в ранних могильниках представляет погребальная обрядность, собственно не столько последняя, сохраняющая свои отличительные черты на протяжении всего тысячелетия, как расположение погребений и планировка самих могильников. С одной стороны, захоронения не имеют какой-либо выдержанной ориентировки по странам света. Последняя, обычно, настолько неустойчива, что не дает возможности говорить о каких-либо нормах в отношении положения могил, которых придерживалось население Оки в эту эпоху. С другой стороны, в могильниках в целом наблюдается несомненный порядок, несмотря на то, что среди рядом расположенных могил имеются захоронения всех стадий. При этом часто очень густо расположенные могилы никогда не пересекают и не разрушают одна другую. Это может служить прямым указанием на связь по родству населения поселка, так как лишь это обстоятельство может объяснить заботу, проявленную им в течение столетий к целостности погребений.

В настоящем кратком изложении трудно останавливаться на деталях, особенно представляющих уже специально археологический интерес. Кроме анализа ранее известных материалов по рязанским могильникам в подготавливаемой работе найдут место еще неизданные данные раскопок Глазова в Кошибееве и в Сергаче, затем данные наших раскопок

Шатрищенского, Гавердовского, Иваньковского могильников и ряд других собранных нами материалов.

Могильники рязанской группы заканчивают свое существование во всех известных нам случаях в одну определенную эпоху — около середины VII в. (стадия D-II). Странным образом ни один из них не переживает этой границы во времени, и памятники последующих столетий, по крайней мере до X в., остаются для Рязанской территории совершенной загадкой. Это создает впечатление, как будто край на данное время пустеет. Так ли это было в действительности, мы не знаем.

Единственное и очень показательное исключение в этом смысле представляет Курманский могильник, расположенный на крайнем востоке рязанского течения Оки у Касимовской возвышенности, где начинается уже собственно-Муромская территория. Погребения Курманского могильника идут в VIII в., а отдельные находки свидетельствуют, что небольшое и, видимо, очень бедное поселение существовало здесь вплоть до IX в., — как будто история края нашла свое отражение в жизни этого поселка.

Совершенно иную картину дают памятники смежной с Рязанской — Муромской области. Сопоставление их с рязанскими позволяет прийти к интересным заключениям. Могильники муромского района сходны с рязанскими могильниками в том отношении, что они имеют также характер больших кладбищ, существовавших на одном месте в течение ряда столетий. Их вещественный инвентарь свидетельствует в свою очередь о каких-то давних родственных связях населения Мурома и Рязани.

Нередко в недалеком расстоянии от этих могильников удавалось обнаружить и следы поселений. Последние, к сожалению, не были еще никем исследованы.

Если сравнить их с рязанскими, муромские могильники имеют значительно большие размеры. Такой вывод позволяет сделать, например, лучше исследованный Подболотьевский могильник, насчитывавший более тысячи погребений. Особенностью муромских могильников является весьма устойчивая ориентировка основной массы захоронений, всегда в одном положении — головой на север. Однако в истории муромских могильников, если руководствоваться ориентировкой могил, можно различить три этапа, несомненно отражающих определенные исторические сдвиги, происходившие в среде населения, занимавшего водораздел Оки и Клязьмы на протяжении второй половины I тысячелетия. В этом отношении наиболее показательным является тот же Подболотьевский могильник.

Погребения Подболотьевского могильника, как и других могильников Муромского края — Максимовского, Новленского, Корниловского и др., распадаются во времени на ряд групп, отвечающих стадиям D-II—III, E-I и E-II, F и G, охватывающим довольно длительный период времени от половины VII в. до XI в. включительно. В отношении столетий эти ста-

дни распределяются, приблизительно, следующим образом: D-II—III отвечает VII в. и, вероятно, началу VIII в. E-I более или менее совпадает с VIII в., хотя его последние десятилетия и по крайней мере половина IX в. приходится на более длительную стадию E-II; стадия F—вторая половина IX и X вв. Из нее можно было бы выделить некоторое количество погребений с признаками перехода к следующей стадии, которые, очевидно, относятся к последним десятилетиям X в., может быть и к самому началу XI в. Наконец, стадия G, с инвентарем «русских» курганных погребений, нужно думать, синхронична более ранним из этих последних, т. е. курганных захоронений. Основание для такой хронологизации мы находим в обширном могильном материале не только древних кладбищ Муромской земли, но и южных могильников — вроде Томниковского и Лядинского, где имеется много общих типов вещей, особенно среди предметов женского убора — застежек, нагрудных блях, подвесок и т. д.

Если мы вернемся теперь к ранее поставленному вопросу, то нетрудно установить, что наиболее ранние захоронения муромских могильников как в Подболотьевском, так и в Холуйском, Хотимльском и других могильниках, где они известны, обнаруживают еще отсутствие какой-либо устойчивой ориентировки. Здесь встречается одинаково направление на Ю, В, С, СЗ, ЮВ и т. д. Так происходит в VII в. и, видимо, еще в начале VIII в., в эпоху нашей стадии D-II—III. Но уже в стадии E-I ориентировка приобретает устойчивый, вполне выдержанный характер — на север, лишь с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. В эпоху расцвета муромских поселений, в VIII—X вв., к которым относится вся основная масса захоронений, это правило остается неизменным. Только к XI в. (стадия G) погребения получают обычную курганную ориентировку — головой на запад. Высказывалось мнение (А. А. Спицын), что эти позднейшие захоронения муромских могильников могут являться случайными «русскими» курганными погребениями на старых финских кладбищах. Однако уже тот факт, что они встречены не на одном Максимовском могильнике и то, что они имеют предшествующие им захоронения, представляющие переход к обычным погребениям XI в., указывают на их место в качестве последнего звена в истории муромских могильников.

Устанавливаемые нами три этапа в ориентировке погребений Муромско-Клязьменского края несомненно не случайны. Они связаны с весьма характерными явлениями в отношении изменения вещественного инвентаря могильников и отражают историю самих поселений.

По сравнению с рязанскими, муромские могильники имеют одну замечательную особенность — совершенно иное отношение к основной водной артерии края, Оке. Действительно, если могильники I—VI вв. в Западном Пovolжье вообще неизвестны вне узких пределов долин Оки, Мокши и Суры, здесь они, напротив, обнаруживают определенное стремле-

ние к отходу от рек. Только некоторые из них, как Урвановский, Пятницкий в г. Муроме, Перемиловский, напоминают по своему положению могильники ранней поры. Большинство же их разбросано далеко в стороне от Оки в глубине лесных водоразделов на мелких речках, иногда же в верховьях лесных оврагов.

Занимая возвышенную местность между Окой и Клязьмой, окруженную почти со всех сторон болотистыми низинами, эти могильники свидетельствуют о прочном освоении лесных пространств края населением, пришедшим сюда, очевидно, уже с иными хозяйственными целями, чем те, которые определяли связь поселений с долиной Оки в предшествующее время. Отлив населения от Оки в конце VI и VII вв. вряд ли может быть понят вне возрастающей роли земледелия. Приходится думать, что именно развивающееся земледельческое хозяйство подсечно-пашенного типа должно было побудить жителей приокских поселков передвинуться к северу на удобные сухие места Окско-Клязьменского водораздела с их легкими, супесчаными почвами, наиболее пригодными для этого вида хозяйства.

Если первые поколения этих починков еще сохраняют свои черты небольших родовых общин, быстрый рост населения лесных поселков очень скоро ломает старые формы общественных связей. Упорядочение могильников, как мест общественных кладбищ, смена случайной, разнохарактерной ориентировки захоронений строго выдержанным положением, головой на север, приходится объяснять в свете этого процесса оформления поселений как относительно уже достаточно крупных общин, строящихся на территориальном принципе. То же явление, упорядочение могильников в связи с введением общеобязательной ориентировки захоронений, наблюдается и в больших южных могильниках типа Томниковского и Лядинского. Здесь оно, судя по Армеевскому могильнику, устанавливается раньше, чем в Муромском крае, еще в VI—VII вв.

Новый тип общественных отношений, характерный для муромских поселков начиная с VIII в., лучше всего проявляет себя в одной любопытной черте, свойственной погребениям этого времени. В. А. Городцов в своем отчете о раскопках Подболотьевского могильника отмечает факт, совершенно неизвестный и видимо невозможный в условиях более древних рязанских могильников, — перерывание и разрушение старых могил последующими захоронениями. Такое «неуважение» к предкам может быть понятно только при допущении распада родственных связей в среде обитателей поселка, которому принадлежал Подболотьевский могильник.

Можно было бы привести целый ряд других соображений, подкрепляющих данное мной выше объяснение тех социально-экономических сдвигов, которые имели место в эпоху образования могильников Муромского края. В этом смысле существенное значение имеет, например, изменение характера такого важного орудия хозяйственной деятель-

ности, каким является топор, особенно в условиях подсечного земледелия, изменение, приходящееся как раз на это время. Сохраняя еще довольно долго старый тип втульчатого топора-кельта, в VI—VII вв. он приобретает совершенно иной облик, чем раньше, как в отношении качества отделки, так и по своим пропорциям и ширине рабочей части.

Находки холщевой ткани в могильниках этого времени дают уже прямое указание на растущее значение земледелия. Нельзя забывать также, что со стадии E-I вещественный инвентарь в могильниках Окско-Клязьменского междуречья получает дальнейшее значительное усложнение. Последнее явно должно быть связано с ростом ремесла. Вместе с тем различный по богатству, но выдержанный в отношении типов набор украшений, особенно в женских могилах, свидетельствует о стойких территориально-племенных «модах», сводящих к минимуму личные вкусы.

Значительный интерес представляет эпоха, которой заканчивается существование описываемых могильников Муромского края, падающая на XI в. (стадия G.). Обеднение инвентаря в погребениях, относящихся к этому времени, сходство его с инвентарем «русских» курганов XI в. отражает, очевидно, тот процесс закрепощения ранее свободного общинника, который застаёт начальная русская история в Муромской земле.

Любопытно, что этот процесс быстрым темпом идет лишь на территории, занятой старым земледельческим населением, на высоких водоразделах Оки и Клязьмы, где «языческие» кладбища очень скоро оставляются населением края, переходящим к погребениям в курганах и на погостах. Однако здесь же рядом, всего в 40—50 км от Мурома, на болотистых низменностях мещерской стороны, население еще очень долго, не менее 2—3 столетий, сохраняет черты племенной самобытности, как это показывают могильники типа Жабок, Заколпья и др.

Что ранние летописные города возникают в Муромском и Владимир-Суздальском крае на основе прежних земледельческих поселков, показывают раскопки Сарского городища (под г. Ростовом) и рядом с ним расположенного могильника, которые своими находками охватывают время от VII до XI—XII вв.

Анализ вещественных остатков, относящихся к муромским могильникам, приводит нас к выводу, что все современные им поселения этой территории укладываются в определенные хронологические рамки, с VII по XI в. Вопросу хронологизации могильников муромской группы уделяется довольно много места в нашей работе. Возникновение их на всем пространстве края, где они становятся нам известны, в определенное, достаточно точно устанавливаемое время, само по себе является фактом, заслуживающим большого внимания. Этот факт свидетельствует, в всяком случае, о том, что мы имеем здесь отображение исторических судеб не отдельных поселков, но большой общественной группы, вероятно, целого

племенного образования, которое естественно сопоставлять с старым населением края, известным в летописях под именем муромы.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все известные нам могильники Муромо-Клязьменского водораздела берут свое начало в ту эпоху, которой заканчивают свое существование могильники рязанского течения Оки. Отсюда можно было бы сделать простой и довольно естественный вывод, что исчезновение могильников в Рязанском крае в середине VII в. и появление их в те же десятилетия несколько дальше по Оке за Касимовской возвышенностью может быть следствием одной и той же причины — передвижения населения к востоку, на новые, достаточно удобные и ранее мало использовавшиеся земли.

Однако такое предположение наталкивается на довольно серьезные, противоречащие ему факты. В частности, с ним трудно было бы увязать устанавливаемый нами факт неполной тождественности, в этнографическом разрезе, инвентаря позднейших погребений рязанских и древнейших захоронений муромских могильников, хотя они и относятся к одной и той же стадии D-II, отвечающей по времени, в основном, первой половине VII в.

Таким образом вопрос о том, откуда в эту эпоху могло идти заселение лесных пространств, расположенных к северу от Оки, не может пока считаться разрешенным. Тем более, что до сих пор на всем нижнем течении Оки неизвестно ни одного могильника или поселения, уходящего в более раннее время, чем VII в., что, однако, не может служить доказательством их отсутствия, так как систематических поисков подобных памятников в этой части долины Оки до сих пор никем не велось.

Последний раздел моей работы посвящен могильникам южной части Западного Поволжья, от более ранних — типа Армеевского и Серповского — и кончая могильниками, уходящими в начальное время II тысячелетия н. э. В хронологическом разрезе они отвечают тем же стадиям, которые мной установлены для более северных районов Западного Поволжья. К сожалению, материалы по ряду могильников, аналогичных Томниковскому и Лядинскому, исследовавшихся за последние десять лет в разных пунктах Тамбовского и Пензенского края, остались для меня недоступными. Нужно пожелать, чтобы данные этих раскопок были опубликованы по возможности в ближайшее время, так как они несомненно внесут много нового в наше представление о древнем мордовском населении Западного Поволжья.

P. EFIMENKO

SUR L'HISTOIRE DE LA PARTIE OCCIDENTALE DU PAYS DE LA VOLGA AU 1-er MILLÉNAIRE DE NOTRE ÈRE D'APRÈS LES SOURCES ARCHÉOLOGIQUES

RÉSUMÉ

L'auteur donne un exposé sommaire d'un grand travail qu'il prépare, consacré aux monuments archéologiques du vaste pays forestier s'étendant entre la Volga, l'Oka et le Don. On peut observer ici le fait intéressant de la propagation rapide, au début de notre ère, d'un nouveau type de monuments, les nécropoles à tombes plates, avec nombreuses sépultures et riche mobilier funéraire. Dans la partie sud du pays, ce type se maintint sans interruption durant plus de 1500 ans, du I—II-e siècles au XVI—XVII-e siècles, où il fut remplacé par les cimetières chrétiens. Sur l'Oka et plus au nord, il cessa d'exister un peu plus tôt, au XI—XIII-e siècles.

La durée prolongée et ininterrompue de ce type de cimetière, dont le mobilier reflète les conditions d'existence de la population aux différentes époques, est une circonstance très favorable pour tenter de reconstituer d'après ce matériel les étapes essentielles du processus historique. Les cimetières les plus anciens forment un groupe fort homogène, représenté le mieux par ceux découverts sur le cours moyen de l'Oka, dans le pays de Riazan (cimetières de Kouzminskoïé, Borkhovo, Chatristchi, Gaverdovskoïé, etc.). Les trouvailles qu'on y a faites montrent que ces nécropoles, et évidemment aussi les agglomérations humaines qui les ont laissées, ont dû subsister très longtemps, durant des siècles. Elles embrassent pour la plupart une période d'au moins 5 à 6 siècles.

Ce genre de monuments était étudié jusqu'ici à l'aide de la méthode typologique, qui donnait certaines possibilités de dater les cimetières, tout en laissant beaucoup de place à la controverse sur ce point. Dans un travail antérieur, l'auteur a proposé un procédé spécial d'analyse statistique, à l'aide duquel il s'est trouvé possible de différencier dans chaque cimetière avec une grande exactitude les groupes de sépultures successifs qui l'ont constitué. Appliquant ce procédé, il distingue dans les cimetières du groupe de Riazan les 5 stades suivants: stade A (I—II-e siècles), stade B (III—IV-e siècles), stade C (V-e siècle), stade D-I (VI-e siècle) et stade D-II (I-e moitié du VII-e siècle).

L'étude des matériaux relatifs aux gorodistchés et aux cimetières de l'Oka amène l'auteur à conclure que le remplacement des monuments du type de Diakovo, qui correspondent à une économie encore très primitive, par les monuments du type des cimetières de Riazan, avec leur mobilier incomparablement plus riche, s'explique par le développement économique rapide du pays. Ce progrès économique se traduit non seulement dans l'apparition d'une grande quantité de métal, sous forme d'outils, d'armes et d'objets de parure, dans le perfectionnement de leur technique, etc., mais aussi dans le changement du caractère des localités elles-mêmes. La comparaison des restes de l'époque dite des gorodistchés de Diakovo avec

ceux des habitats de l'époque des cimetières montre que dans les premiers siècles de notre ère, la population des rives de l'Oka abandonne en général les anciens habitats fortifiés pour s'établir dans les villages ouverts. En même temps se modifie aussi le caractère des habitations: les huttes, avec aire creusée au-dessous du niveau du sol, cèdent la place à des cabanes bâties sur le sol, ordinairement circulaires en plan et de moindres dimensions que les anciens logis à demi-souterrains.

L'auteur ne partage pas l'opinion de certains savants qui expliquent le brusque changement survenu au début de notre ère dans les conditions d'existence de la population des rives de l'Oka, et qui provoqua l'abandon des gorodistchés, par le passage à l'agriculture sur terres défrichées. Il attire l'attention sur une particularité intéressante dans la répartition géographique des cimetières les plus anciens, qui sont toujours en relation avec les vallées de rivières où se trouvent de grandes étendues de prairies. Cela témoigne plutôt d'un genre de vie pastoral qu'agricole. La composition du mobilier funéraire des cimetières de la 1e moitié du 1er siècle s'oppose également à l'admission d'un rôle important de l'agriculture et parle au contraire en faveur d'une économie pastorale. C'est sur cette base que s'opère le processus de décomposition du clan patriarcal à sa première étape, reflété par les cimetières.

Les cimetières de l'époque suivante présentent, dans la partie ouest du pays de la Volga, deux groupes principaux: le groupe nord ou de Mourom et le groupe sud ou de Tambov—Penza. Le premier, qui comprend les cimetières situés dans la région de partage de l'Oka et de la Kliazma, montre que la population du pays n'a pas conservé les anciennes formes de son économie et de son organisation sociale. À cette époque, c'est bien l'agriculture qui joue le rôle dominant, comme l'atteste la situation des cimetières et des localités habitées auxquelles ils se rattachent, qui s'éloignent des grandes rivières et pénètrent à l'intérieur des massifs forestiers.

L'agrandissement considérable des cimetières, l'apparition de normes strictes touchant l'orientation des sépultures, le caractère des objets trouvés et d'autres données accusent l'allure accélérée du processus de formation de la commune territoriale à partir du VII—VIIIe siècles. Les dernières inhumations des cimetières de Mourom, qui datent du XIe siècle et présentent des traits de «sépultures de tumulus russes», indiquent un nouveau tournant brusque de l'histoire, lié au processus de féodalisation rapide du pays. Les cimetières de l'ancien type, tels que ceux de Jabki et Zakholpié, ne se maintiennent encore quelque temps que dans les bas-fonds marécageux de la région de Mestcherskoïé.

Un processus analogue s'observe aussi dans la seconde moitié du 1er millénaire, avec certaines particularités, dans le groupe sud des cimetières—dans les régions de Tambov et de Penza.

МАТЕРИАЛЫ

В. В. ФЕДОРОВ

РЫБОЛОВНЫЕ СНАРЯДЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ДОЛИНЫ Р. ОКИ

Исследуя в 1878 г. бобровые постройки около с. Чулково, в долине р. Оки Кировского края (б. Владимирской губ.), И. С. Поляков наткнулся у подножья песчаного холма «Плеханов бор» на деревянное сооружение, сделанное рукою человека; оно составляло часть рыболовного снаряда, относящегося к далеким временам. Рыболовный снаряд представлял собою как бы корзину из палок, воткнутых вертикально в дно большого водоема. Палки носили следы обработки рукою человека. Они были воткнуты в землю, как бы образуя круг. В центре найденного сооружения сохранились остатки костей рыб. И. С. Поляков определил свою находку, по аналогии с современными рыболовными снарядами, как рыболовную ловушку.

И. С. Поляков дает такой разрез слоев берега в месте находки: сверху находился «песок, лежащий слоем в 3 аршина толщиной, затем серая плотная глина — от 3 до 4 аршин», под ними следует «темная глина неслоистая, вязкая, содержащая в себе следы бобровых построек»; в этом же пласте глины, в нижних ее частях, встречаются раковины ныне живущих в здешних водах видов *Paludina*, *Planorbis*, *Cyclas*.

Нахождение снаряда в слое, поверх которого налегали толщи других слоев глин и песку, около 4¹/₂ м, заставило И. С. Полякова отнести этот рыболовный снаряд к неолитическому времени, тем более что в верхних слоях того же холма была обнаружена неолитическая стоянка. Воды р. Оки размывали часть слоев холма и вымыли из нижнего глинистого слоя интересное нас сооружение.¹

В настоящее время остатки упомянутого рыболовного снаряда хранятся в коллекциях Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук (зарегистрированы под № 100-III), но до сего времени не привлекали к себе должного внимания.

Нахождение подобного сооружения для нас интересно во многих отношениях: во-первых, в смысле определения его конструкции, позволя-

¹ И. С. Поляков. Исследование по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. Русск. геогр. общ. по Отд. этногр., 1882, т. IX, стр. 19.

ющей установить его назначение; во-вторых, в смысле выявления техники его изготовления, так как мы здесь впервые, в долине р. Оки, встречаемся с сооружениями из дерева, наконец, в третьих, в смысле определения древности этого замечательного сооружения. Решение этих вопросов дало бы нам новый материал для определения соответствующей стороны хозяйства человека, построившего подобное сооружение.

Рис. 1. Рис. 2. Рис. 3.
Деревянные части лова-
ушки, описанной
И. С. Поляковым.

Согласно описанию И. С. Полякова, ловушка, как он назвал упомянутый снаряд, состояла из ряда плоских палок, длиной около метра каждая; длина их всех была одинаковая, оба конца заострены; палки были сосновые и дрались из дерева, как лучины. Палки располагались в виде полукруга, диаметр которого имел около метра в длину; палки стояли одна около другой, образуя сплошной забор; вверху и внизу они были связаны поперечными перекладинами, так что, стоя в воде, они имели вид корзинки.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении частей от «ловушки», найденной И. С. Поляковым, сохранились только три деревянных предмета: первый из них кол (№ 100—III-10) из соснового дерева, округлой формы (рис. 1); верхняя часть этого кола была тщательно обрезана острым орудием, а нижняя — заточена и переходила в острый конец, причем обстругана так, что имела в сечении четырехугольную форму (рис. 6). Длина этого кола была 78.5 см, толщина 3—2 см. Кол с поверхности хорошо обструган и не имеет древесной коры. Нижний конец обломан.

Следующим деревянным предметом является деревянная палка (№ 100—III-9) (рис. 2), выделанная из толстого деревянного отщепы, имеющая в разрезе трапециевидную форму (рис. 4). Эта палка обстругана. Оба конца ее заострены. Самые же кончики палки отломаны. Эта палка-дранка имеет слегка изогнутую форму. Длина ее 85.5 см, ширина 1.9 см и толщина 2 см.

Третий деревянный предмет представляет также палку-дранку (№ 100—III-8) (рис. 3, в разрезе — рис. 5). Эта палка-дранка также обработана и заострена на одном конце. Другой ее конец отломан. Длина 70 см, ширина 3.3 см, толщина 1.5 см.

Все три предмета сделаны из соснового дерева.

Найденную ловушку И. С. Поляков сравнивал с существующими у местного населения рыболовными ловушками, носящими название «катазы».

Катазы устраиваются, по описанию И. С. Полякова, в виде сплошного забора из широких палок, в форме червонного туза. Проход находится на месте выступающего угла (?). Такая ловушка ставится обыкновенно при устьях потоков, вытекающих из стариц и озер.

Далее И. С. Поляков говорит, что он нашел свою ловушку не целой, а «наполовину или более обрушившеюся в воду». Как был устроен вход «в ловушку», исследователем не указано, хотя этот момент в описании «ловушки» имеет большое значение для определения ее конструкции.

Из современных рыболовных ловушек, кроме описанных И. С. Поляковым, ближе всего к нашей находке подходят так наз. «котцы». В большинстве случаев, однако, они сильно отличаются от описанной находки.

Ф. К. Волков дает описание одной из ловушек, употребляемой

в Добрудже (Румыния), где она носит название «кітці или котці». Она состоит из двух соединенных замкнутых загородок, из которых одна имеет в плане форму червонного туза, а другая круга (рис. 7) и делается из вертикально воткнутых кольев. Обе части ловушки соединены, образуя между собою узкий проход. Наружный вход в такую ловушку, как указано на рис. 7, делается там, где передняя часть ловушки имеет вдающийся угол. Против этого входа идет, перпендикулярно ему, загородка из кольев, как направляющая рыбу в ловушку. Рыба сталкивается загородкой и идет вдоль ее, к входу, и заходит в ловушку. Из первой части ловушки рыба попадает во вторую, где и остается. Обратные выходы запирают два кола (а). Благодаря округлой форме стенок отделений ловушки, а также кольям у входа рыба ходит по окружности, вдоль стенок, но выйти не может.¹

С некоторыми изменениями в устройстве подобная ловушка употребляется в Сев. Азии, где она носит то же самое название «котец». Здесь она состоит из двух частей: собственно ловушки, которая имеет

Рис. 3.

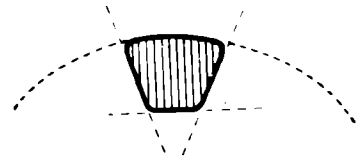

Рис. 4.

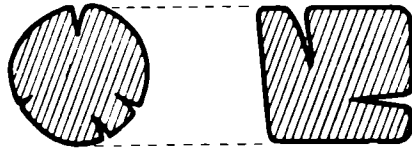

Рис. 6.

Разрезы частей ловушки, описанной И. С. Поляковым.

¹ Хв. Вовк. Українське рибальство у Добруджі. Мат. до Українсько-Руської Етнології, Львів, 1899, т. I, стр. 33.

форму бочки, и одного или двух «открылков». Обе ее части делаются из прутьев или дранок, длиною 2 м и более, связанных между собою веревкой или лыком, благодаря чему образуется частая решетка. «Котец» устанавливается в вертикальном положении так, чтобы нижние концы решетки были прочно воткнуты в дно водоема; верхние выставляются наружу над водой. Ловушка с одной стороны имеет входное отверстие, к которому близко подходит «открылок», оставляя небольшую щель для прохода рыбы внутрь (рис. 8). Лов основан на том, что некоторое водное пространство, чаще всего небольшая речка или озеро, сплошь перегораживается «котцом». Рыба, дойдя до «котца», старается найти проход и движется параллельно «открылку» в ту или другую сторону, пока не попадет

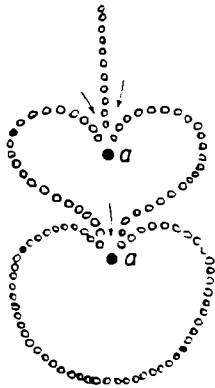

Рис. 7. План ловушки из Добруджи. Румыния.

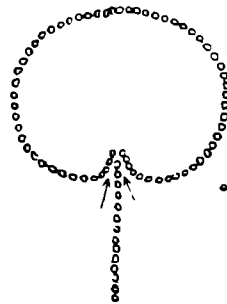

Рис. 8. План ловушки из Сев. Азьи.

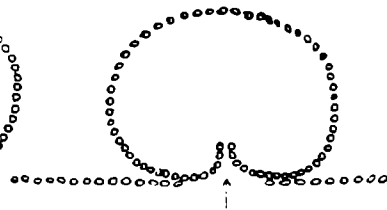

Рис. 9. План ловушки из Финляндии.

в проход, ведущий в ловушку. «Котцом» ловят рыбу весной, осенью и зимой.¹

В нижнем течении рр. Днепра, Днестра, Буга и Дуная употребляется почти аналогичная ловушка, описанная Н. В. Пономаревым. Здесь она также носит название «котцы» или «коты». Это — камышевая загородь, в виде почти сомкнутого круга, состоящая из камышин, связанных и воткнутых во дно или привязанных к кольям. Простой «котец» состоит из: 1) собственно «котца», т. е. камышевой клетки, служащей западней для рыбы, и 2) «лысы» или «лясы», представляющей довольно длинную камышевую изгородь. Изгороди загораживают рыбе ход и заставляют ее обходить препятствие. Если рыба пойдет к самому «котцу», то наткнется на «устенок» (отверстие котца). «Устенкок» устроен так, что рыба входит в «котец», раздвигая его, обратно выйти из него она не может. Устанавливается «котец» большей частью на медленно текущей или стоячей воде.²

¹ Сибирская советская энциклопедия, стр. 964.

² Н. В. Пономарев. Рыболовные снаряды и другие принадлежности рыбного лова, употребляемые в России. Печ. по распор. Росс. общ. рыболовства и рыбоводства, Москва, 1917, стр. 716.

У. Т. Сирелиус описывает рыболовную ловушку (рис. 10), которая состоит также из воткнутых в дно палок, расположенных в виде фигуры червонного туза (рис. 9). Вход в ловушку делался открытым, спереди, в средней части ловушки. По обеим сторонам входа ставились две изгороди, препятствующие прохождению рыбы мимо ловушки. Обычно высота прутьев делалась такой, чтобы они верхними концами выдавались из воды. Ставилась ловушка в устье небольших речек или ручьев.¹

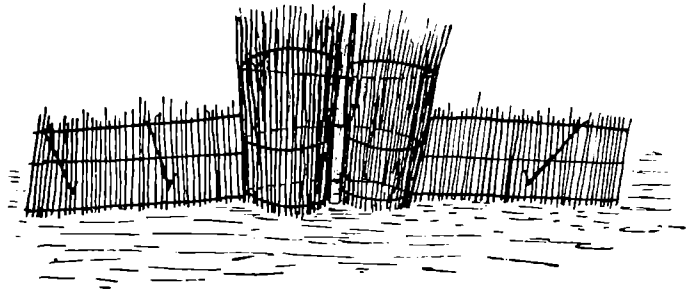

Рис. 10. Рыболовная ловушка из Финляндии.

Л. П. Сабанеев дает описание иного типа «котца» (рис. 11), «представляющего лабиринт из дранок, где зашедшая рыба не может повернуться и выйти обратно» (рис. 12). Такие котцы употребляются главным образом для ловли линей, шук и карасей, для которых этот лабиринт делается у самого берега, в перпендикулярном к нему направлении. К берегу отходит забор также из вбитых кольев.²

Описанные выше ловушки разных конструкций позволяют нам понять устройство ловушки, найденной И. С. Поляковым. В отличие от всех описанных ловушек И. С. Полякова наиболее, по видимому, простая по конструкции. У нее нет изгороди перед входом, что мы замечаем в описании ловушки Н. В.

Рис. 11. Рыболовная ловушка, описанная Л. П. Сабанеевым.

Пономарева и ловушек из Сев. Азии. Нет и боковых изгородей при входе как это имеет место у ловушек, опубликованных У. Т. Сирелиусом. Ловушка, которая описана Ф. К. Волковым, имеет еще более сложную

¹ U. T. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906 г., стр. 24.

² Л. П. Сабанеев. Рыбы России. Москва, 1911 г., стр. 716.

конструкцию и состоит из двух отделений и изгороди при входе. Ловушка в форме лабиринта с заборами, описанная Л. П. Сабанеевым, хотя и сделана из вбитых кольев, также представляет более сложную конструкцию и имеет иную форму, чем ловушка И. С. Полякова.

Рассматривая назначение найденных И. С. Поляковым предметов, мы можем отнести обе палки-дранки к составным частям, из которых были сделаны стенки ловушки. Круглый кол, заостренный только в нижней своей части, служил, по всей вероятности, для других целей. Из описания И. С. Полякова можно видеть, что подобные колья вбивались позади входов в ловушку или же ими укреплялись стенки. У И. С. Полякова не имеется описания входа в ловушку, почему и трудно полностью представить картину ее устройства. Что этот снаряд был предназначен для ловли или хране-

Рис. 12. План ловушки, описанной Л. П. Сабанеевым.

ния рыбы — лучшим доказательством служат находки внутри снасти костей рыб, по определению И. С. Полякова относящихся к семейству карповых (вроде леща и язя), а также к окуню, ершу и щуке.

Это сооружение было не единственным в данной местности. Около Хреновских холмов, против с. Павлова, на той же р. Оке И. С. Поляковым были найдены обломки палок, совершенно одинаковых размеров, обработанных тем же способом.

Вторая находка И. С. Полякова у Плеханова бора, хранящаяся в собраниях ИАЭ, представляет собою деревянную колотушку, сделанную из соснового дерева (рис. 13). Колотушка имеет вид довольно толстой головки с длинной, не совсем прямой рукоятью.

Длина ее 72.5 см. Головка имеет в длину 17 см, при толщине в 8 см. Длина рукоятки 56 см и толщина 12.5 см.

Колотушкой или вбивали колья ловушек или глушили рыбу при ловле. И. С. Поляков указывает, что рыбаки в б. Олонцкой губ. употребляли подобные колотушки, ударяя последними по воде для того, чтобы рыба, пугаясь, шла в невод. Следы обработки описанных выше предметов позволяют установить как приемы обработки дерева, так и те инстру-

Рис. 13. Деревянная колотушка, описанная И. С. Поляковым.

менты, с помощью которых они были обработаны. Последние несложны, хотя трудно сразу сказать, были ли они каменными или металлическими.

Как уже указал И. С. Поляков, палки-дранки были сделаны из соснового дерева. Рассматривая направление слоев древесины на поверхности, можно заметить, что они являются толстыми, продольными лучинами, отколотыми от толстого ствола. На рис. 4 и 5 мы пытаемся показать положение этих дранок по отношению к болванкам дерева, от которых они были отщеплены, равно и технику их отщипа. Одна из боковых сторон лучин является внешней поверхностью деревянной болванки, от которой была отщеплена «заготовка» такой лучины. От «заготовки» отщеплялись боковые части, и они, в конечном виде, принимали нужную форму лучины. В каком порядке все это делалось — установить в настоящее время трудно. Палки имеют слегка изогнутую форму по продольной оси в сторону, противоположную той, которая является внешней у болванки. Этот изгиб является следствием неправильного усыхания.

Каким именно орудием делался отщип дранки, трудно установить вполне точно, так как при деревянных предметах не найдено орудий. По всей вероятности, это был или каменный топор, или каменный нож.

Поверхность палок хорошо сглажена; на концах они заострены. Обработка концов палок-дранок позволяет нам установить два способа приготовления последних: первый — обстругивание острым орудием в виде каменного ножа, второй — сглаживание путем скобления. Концы палок были срезаны для придания им равной величины. И. С. Поляков взял из рыболовного снаряда не все его части, а ограничился только тремя палками разной формы. В своем описании он указывает, что рыболовный снаряд был сделан из нескольких одинаковой величины палок. Палки подгонялись по размеру одна к другой, для чего необходимо было срезывать с одной стороны лишние концы, а с противоположной делать их острыми (для втыкания в землю). Отсюда следует, что помимо отщипа применялись и другие приемы обработки, обстругивание, сглаживание и, наконец, срезывание, как разновидность обстругивания. Следы применения последней отчетливо заметны на конце рукоятки колотушки (рис. 14) и кола (рис. 15). Рукоятка колотушки хорошо обстругана и сглажена (рис. 13).

Обрезы рукоятки колотушки и кола вначале наводят на мысль, что они сделаны металлическим ножом, а не каменным. Слишком ярко выступают площадки срезов. Однако при сравнении наших срезов со срезами предметов, сделанных каменными ножами (например, палица австралийцев племени «Арунта» из Центральной Австралии в собрании ИАЭ, № 1336—86), мы замечаем тождество срезов. Мало того, при попытке сделать обрезку сосновой палки, сделанной из сырого полена, каменной (кремневой) пластинкой без ретуши (рис. 17), получилась та же картина. Обрез сосновой болванки в 3.5 см толщины был произведен кремневой пластинкой без ретуши в 8—10 минут.

При этом оказалось, что сырое дерево режется лучше, чем сухое, работу нужно производить путем пиления, а не прямым срезом, как это делается, металлическим ножом. На рис. 17 показан результат такой работы; и если сравнить этот срез со срезом на верхнем конце кола (рис. 15), то не трудно заметить общие черты. При срезе, полученном таким способом, получают характерные площадки с длинной осью вдоль движения каменного ножа; при срезе металлическим ножом получают площадки, вытянутые вдоль направления среза. При пилении

Рис. 14. Нижний конец колотушки, описанной И. С. Поляковым.

Рис. 15. Нижний конец кола, описанного И. С. Поляковым.

всегда получают уступы на площадках срезов, как результат неодинакового наклона лезвия каменного ножа при движении, в процессе пиления. При срезе металлическим ножом таких уступов не получается.

Последним типом обработки дерева, вернее первичным в данном случае, является тесание или обрубание дерева каменным топором. На

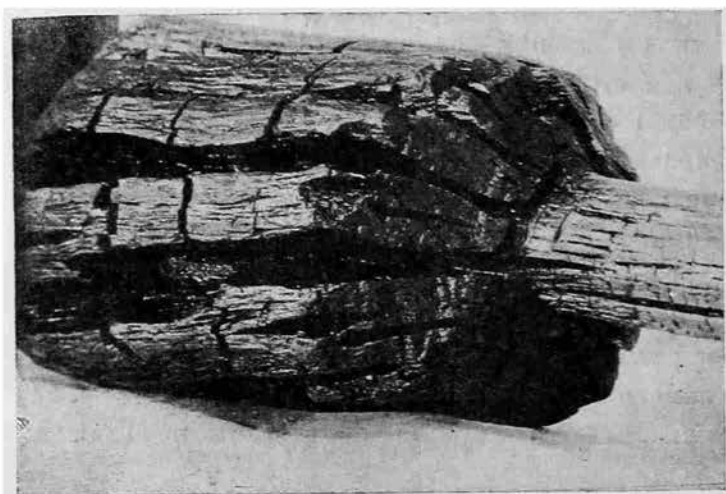

Рис. 16. Головка колотушки, описанной И. С. Поляковым.

рис. 13 этот способ обработки дерева отчетливо заметен в формировании головки колотушки. В верхней части, где она обтесана довольно грубо, она имеет довольно неправильную поверхность. При обрубании каменным топором получают неправильной формы выбоины (рис. 16). Работа каменным топором требовала большого размаха и удара, иначе, при всей остроте лезвия то-

пора, большого эффекта таким орудием не получишь. Сильный удар каменным топором не всегда правильно направлял последний в нужное место, чем, вероятно, и объясняется такое неправильное оформление верхней части головки колотушки. На нижней части колотушки, в месте перехода к рукоятке, удары каменного топора особенно заметны, заметны здесь и удары, произведенные неудачно (рис. 16).

Итак, способы обработки деревянных поделок человеком, жившим в местности Плеханов бор, заключались в следующем: обтесывание или обрубание, резание, обстругивание и, наконец, сглаживание. Инструментами, по всей вероятности, были: каменный топор или тесло, каменный нож или каменная (кремневая) пластинка и, наконец, кремневый скребок для сглаживания. Что эти орудия были каменные, а не иные, как видно из изложенного, доказывается рядом фактов. Помимо следов обработки дерева каменными орудиями, следует отметить нахождение этих находок *in situ* на большой глубине под толщею около 4¹/₂ м в высоту. Это также свидетельствует об их древности. Как было указано выше, все находки были обнаружены совместно с бобровыми постройками в одном слое глины. Следовательно, они все одновременны.

И. С. Поляков предполагает, что «ловушка» когда-то была поставлена ее хозяином, в нее попадалась рыба, а затем она была забыта. Водный бассейн, в котором она находилась, отлагая грязную, вязкую, черного цвета глину, покрыл всю ловушку слоем более чем на один метр толщины. Затем бассейн исчез, высох, место расположения ловушки начало заливаться водой только весной, во время половодья, отчего произошел сперва толстый слой серой глины, а потом и толща песка, в размерах, уже указанных выше. Отложение глины происходило правильно, из года в год, и только песок мог отложиться не так равномерно. Во всяком случае, для того, чтобы замкнуть ловушку, покрыть ее толщами глины и песку, необходимо допустить громадный промежуток времени, уходящий далеко за пределы исторического периода.

Другим непосредственным доказательством древности наших предметов являются находки древней керамики, характерной для позднего неолита, в том же слое, в котором были найдены деревянные предметы, о чем тоже упоминает И. С. Поляков. Находки керамики не являются здесь случайностью, так как на самом холме, у подножья которого были обнаружены деревянные предметы, находилась типичная неолитическая стоянка, известная в археологической литературе под названием «стоянки Плеханов бор».¹ Стоянка дала огромный инвентарь каменных орудий, керамики и других предметов. И эта стоянка здесь не единственная. Много других аналогичных стоянок располагается в этой местности в верхних слоях песчаных холмов, не заливаемых весной во время половодья, образуя собою как бы островки, заселенные в те далекие времена. Най-

Рис. 17. Обрез болванки, произведенный экспериментально.

¹ А. С. Уваров. Археология России. 1881 г., стр. 336. Журн. мин. народ. просв., 1878 г., стр. 117.

денный И. С. Поляковым у подножья Плеханова холма рыболовный снаряд представляет вероятно приспособление, с помощью которого население этих холмов ловило рыбу или хранило ее про запас.

V. FEDOROV

ENGINS DE PÊCHE NÉOLITHIQUES DE LA VALLÉE DE L'OKA

RÉSUMÉ

Encore en 1878 J. Poljakov a découvert près du village de Tchoulkovo, dans la vallée de la rivière Oka (ancien gouvernement de Vladimir) un intéressant dispositif fait de bâtons de bois datant d'une époque très reculée. Cet engin, qui ne s'est conservé qu'en partie, présentait l'aspect d'un panier formé de bâtons plantés verticalement en cercle dans le fond d'une grande pièce d'eau. Les restes d'os de poissons trouvés au centre ont amené Poljakov à supposer que cette installation était spécialement destinée au poisson (fig. 1—3). L'analyse de sa construction, comparée à celle des engins similaires actuellement en usage, ne permet pas d'établir d'une manière précise comment il est arrangé, ni de reconnaître sa destination exacte: piège à poisson ou vivier?

L'examen des objets en bois trouvés ici révèle une technique primitive. Ces objets étaient travaillés avec des outils de pierre, ce qui a été confirmé expérimentalement. Leur ancienneté découle de la profondeur de leur gisement (sous une couche de terre de plus de 4 m), ainsi que de la présence simultanée de céramique caractéristique du Néolithique tardif.

С. В. КИСЕЛЕВ

«АФАНАСЬЕВСКИЕ» КУРГАНЫ У СЕЛ СЫДЫ И ТЕСИ

Благодаря инициативе Гос. музея им. Мартьянова в Минусинске я смог в 1929 г. продолжить обширные археологические исследования на Енисее, охватив разведками весь правый берег р. Тубы и правобережье Енисея от устья Тубы до с. Усть-Сыды. По р. Сыде удалось подняться до окрестностей с. Сыдинского. Таким образом маршруты 1929 г. оказались дальнейшим непосредственным продолжением разведок 1928 г.¹ После разведки на могильниках сел Усть-Сыда, Сыда и Быстрая (последнее около Минусинска) были произведены большие стационарные раскопки самых разнообразных памятников. В их числе около Сыды были раскопаны 7 афанасьевских курганов (по дневникам №№ 11—17). В 1931 и 1932 гг., уже по заданию Гос. Исторического музея в Москве я продолжал вместе с Л. А. Евтюховой археологические работы на Енисее, обследовав в 1931 г. район сел Усть-Ербы, Копен, Абаканского-Перевозного, Баграда, Знаменки и Ербы и произведя здесь раскопки различных памятников.² В 1932 г. раскопки велись на «старых местах» 1928 г. около Усть-Теси и Теси. Здесь под Георгиевской горой удалось раскопать еще 4 афанасьевских кургана.

Сыдинские курганы расположены на нижней надпойменной террасе р. Сыды, к западу от села, в его поскотине среди задернованных, а кое-где и раздутых дюн. Какого-либо порядка в их расположении заметить невозможно; ясно лишь, что они группируются нарочито вместе, ближе к реке, к югу от дороги из с. Сыды в с. Усть-Сыда. К северу вдоль дороги тянется довольно обширный карасукский могильник, состоящий из плоских могил с оградками и без них.

Всего мы насчитали до 12 небольших курганов, под которыми можно ожидать открытие афанасьевских погребений.

¹ С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929 г.

² Опубликованные материалы: С. В. Киселев. Андроновские могильники у с. Усть-Ерба (Советская этнография, 1935 г., № 4—5, стр. 206). С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. Лгр., 1933 г.

Эти курганчики представляют собой невысокие насыпи из здесь же взятой земли, округлые, с повышением в северной части, где высота достигает 0.8—0.5 м. Их диаметры от 7 до 11 м.¹

Отличительной чертой насыпей является наличие на каждой из них кольца из камней. У большинства кольцо выложено из обломков плиток, положенных плашмя в ширину на 0.4 м и в глубь насыпи кладкой в 0.25 м. Диаметр кольца на 1—2 м меньше диаметра насыпи. Расположение кольца особое — его кладка начинается почти у самой подошвы южной полы кургана, где, следовательно, врыта в материк. Далее кладка кольца поднимается все выше и проходит в северной части или по самой вершине кургана или недалеко от нее по северной поле насыпи, но всегда значительно выше ее основания.

Я уже имел случай останавливаться на аналогичной особенности при описании исследованных в 1928 г. афанасьевских же курганов у с. Теси.² И теперь, как и тогда, я считаю такое расположение кольца доказательством преднамеренного насыпания курганов с повышением к северу, — доказательством, опровергающим распространенное мнение об образовании повышающегося к северу кургана лишь с течением времени, под влиянием якобы господствующих в степях южных ветров. По крайней мере для афанасьевских курганов это объяснение не годится.

Интересной новостью в Сыдинском могильнике являются случаи иной конструкции кольца.

На одном нераскопанном кургане и на исследованном под № 14 кольцо обычного расположения и размеров образовано не кладкой из обломков плит, положенных плашмя, но более значительными обломками плитняка, врытыми в насыпь на ребро, вертикально. Эта особенность сильно роднит кольца с овальными оградками андроновских могил, раскопанных в Усть-Ербе,³ и перекликается с оградками на карасукских курганчиках. Если же мы вспомним, что на некоторых карасукских курганчиках четырехугольная или округлая оградка из плит, врытых вертикально, замещена кольцом из плиток, положенных плашмя,⁴ то уже сделанные мною замечания в пользу тесного генетического родства карасукских и андроновских памятников с афанасьевскими получают новое подкрепление.

В виду сильной расплывчатости курганчиков трудно говорить о каких-либо повреждениях насыпи по внешнему виду.

¹ Курганы: № 11—диам. 6.5 м, выс. 0.75 м; № 12—8 м и 0.8 м; № 13—7.5 м и 0.8 м; № 14—9 м и 0.75 м; № 15—8 м и 0.5 м; № 16—11 м и 0.75 м; № 17—10 м и 0.76 м.

² С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 21, 22.

³ С. В. Киселев. Андроновские могильники у села Усть-Ерба (Советская этнография, 1935 г., № 4—5, стр. 206).

⁴ С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 47 и 81. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае (Материалы по этнографии, т. III, в. 2, стр. 91 и 94).

Все насыпи были сооружены из суглинистого песка, нарытого на месте. Раскопаны 7 курганов целиком, путем послойного снятия всей насыпи с закладкой контрольного шурфа в прилегающей целине. К сожалению, скудость травяного покрова и гумусных остатков не позволили сделать замеры соотношения мощности растительного слоя целика, кургана и погребенного чернозема.

В первом курганчике (по полевому дневнику № 11) при снятии насыпи, в западной части около кольца, на глубине 0.15 м от поверхности были найдены отдельные обломки глиняного яйцевидного сосуда, формованного от руки из лепт желтой глины,¹ украшенного чеканным елочным орнаментом по плечам гладким, а ниже зубчатым; по обрезу бортика — ломаная линия из вдавлений плоской лопаточки.

На глубине 0.76 м от вершины кургана, на горизонте, в центральной части открылась овальная яма длиной с З на В 2.45 м, шириной (максимальной) 1.15 м. Никаких следов покрытия замечено не было. В средней ее части, на глубине 0.25 м ниже горизонта, были найдены лежащими без всякого порядка череп, пяточная кость и обломки таза человека, а между ними обломок глиняного сосуда из желтой глины. С внутренней стороны сосуд был «вытерт» травой или зубчаткой, а с внешней украшен горизонтальными линиями.

На дне ямы, на глубине 0.65 м от горизонта, в полном беспорядке лежали сильно истлевшие остальные кости человека.

В ЮВ углу ямы оказались обломки глиняного сосуда, совершенно аналогичные найденному выше при черепе. Реставрацией окончательно была доказана принадлежность этих обломков одному сосуду, оказавшемуся горшковидным-круглодонным, высотой в 0.25 м. По форме он очень близок к найденному в 1928 г. около с. Теси в афанасьевском кургане № 14, погр. II; отличие лишь в плоском дне последнего.²

Оценивая факты двухслойного расположения костей одного костяка и наличие обломков второго яйцевидного сосуда в насыпи, я объясняю их действием грабителей, перерывших могилу, выкинувших часть костей и сбросивших обратно эти кости уже в полузасыпанную яму. Выброшенные обломки второго сосуда частью, вероятно, остались на поверхности и утратились, а частично вместе с землей, оставшейся от раскопа, «соединились» с насыпью.

В насыпи второго курганчика (№ 12) в центральной части, на глубине 0.2 м найдены следы сильно сгнивших костей и обломки гладкостенного сосуда из темной глины со значительной примесью песка. Детальное рассмотрение этих обломков убеждает в несвойственности их структуры и техники афанасьевской керамике и заставляет сблизить

¹ В виду того, что все сосуды афанасьевских курганчиков, раскопок 1929 и 1932 гг., формованы от руки, ниже, для сокращения, определение формовки при описании сосудов опущено.

² С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 30, табл. I, рис. 28.

их с более поздними, скорее даже тагарскими, баночными, чем с карасукскими сосудами (обломки эти занесены в коллекционную опись Минусинского музея под № 3).

На глубине 0.8 м от вершины второго курганчика, на горизонте, в центральной части открылась четырехугольная, с несколько скругленными углами яма длиной с З на В 3.5 м и шириной 1.8 м, покрытая накатом из сильно истлевших сосновых бревен, положенных поперек. Длина бревен 2.5 м, диаметр до 0.3 м. В центральной части накат не сохранился.

По удалении заполнявшей яму земли, содержащей сверху обломки погнувшихся бревен наката, на глубине 0.97 м, на дне были найдены беспорядочно разбросанные кости человека (отсутствовали кости черепа, таз и ребра). Первоначально, судя по сохранившимся нормальное положение костям правой руки, человек лежал у В стенки ямы, головой на Ю, с правой рукой, вытянутой вдоль тела. Здесь же в центральной части лежали сильно сгнившие куски рога и грудины марала, а также обломки трех сосудов. Один был из темной глины, яйцевидный с оттянутым бортиком. Его стенки украшали горизонтальные ряды нанесенных резьбой елочек. От него уцелели лишь отдельные куски, не позволяющие его реставрировать. Второй сосуд из серой глины, горшковидный, плоскодонный с накладным бортиком; украшен сверху девятью горизонтальными рядами елочек, нанесенных зубчаткой. В нижней части и изнутри его стенки сглаживались зубчаткой. Высота 23 см. Сохранился далеко не полностью. Третий сосуд из оранжевой глины также плоскодонный, горшковидный с накладным бортиком, украшен спускающимися почти до дна лентами, каждая из трех ломаных резных линий. Высота 16 см. Также не найдено нескольких кусков (табл. I, рис. 7). Оба эти сосуда очень близки к горшковидным же, найденным в 1928 г в афанасьевских курганах с. Теси.¹

У середины западной стенки ямы найдены обломки еще одного сосуда из темной глины, оказавшегося яйцевидным, с прямым бортиком. Стенки его «вытерты» зубчаткой и покрыты 9 горизонтальными рядами елочек, оттиснутых плоской лопаточкой, а внизу спускающейся на дно спиральной лентой из резной ломаной линии. Высота 26 см. И у этого нехватает ряда кусков (табл. I, рис. 3).

По своей форме с прямым бортиком этот сосуд сближается с рядом афанасьевских из Теси.²

Принимая во внимание наличие как бы пролома в накате, обнаружения над этим проломом в насыпи следов костей, беспорядочное состояние костяка, а также недостатки кусков у всех четырех сосудов, я считаю и это погребение подвергнувшимся ограблению. И не ценен ли особенно этот курган тем, что впервые позволяет говорить о времени ограбления

¹ С. В. Киселев. Материалы . . . , т. I, стр. 30, рис. 28, 29.

² Там же, стр. 28 и 29, рис. 21 и 24.

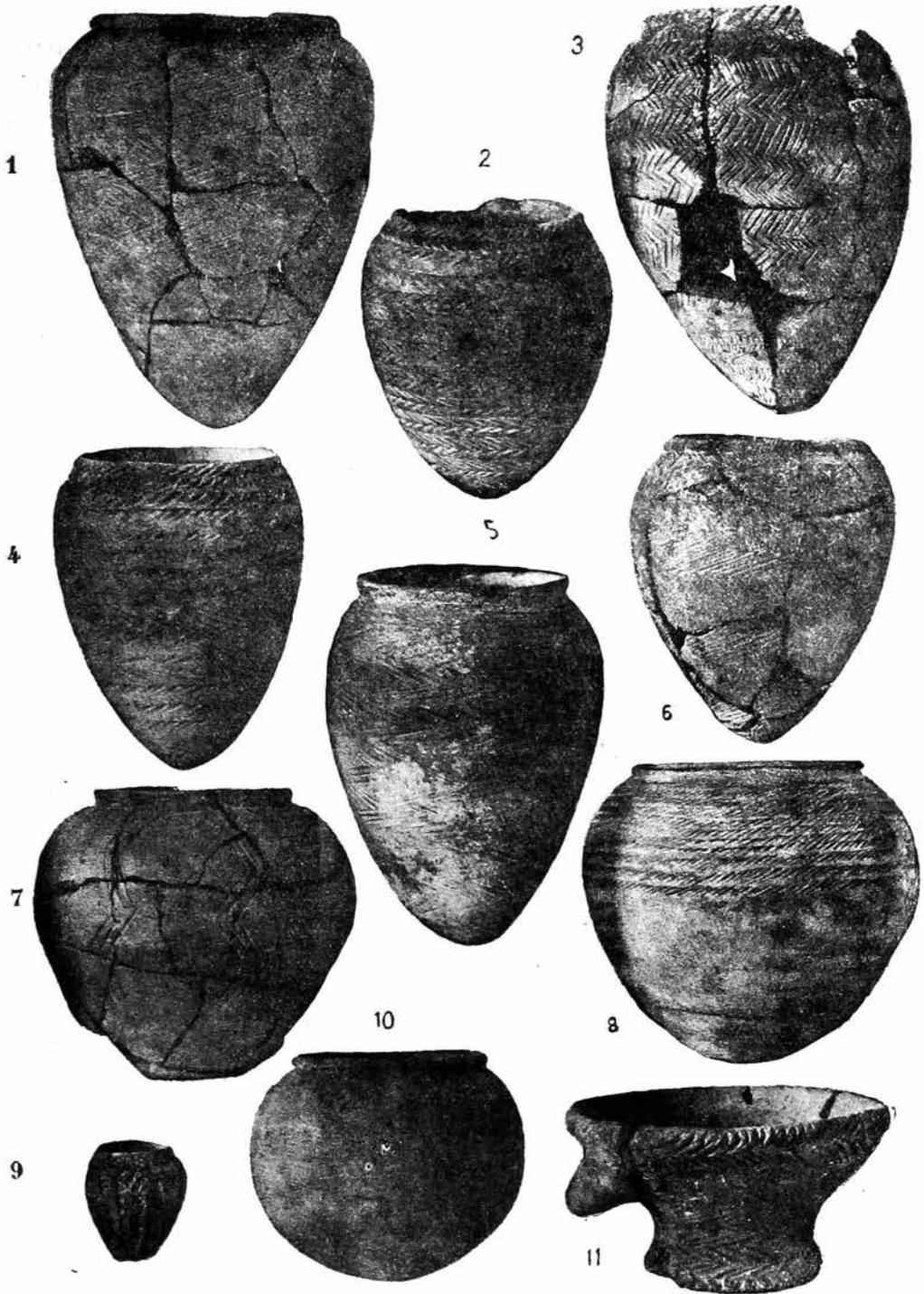

Рис. 1, 3, 6, 8, 11 — $\frac{1}{5}$ н. в.; рис. 2, 4, 5 — $\frac{1}{4}$ н. в.;
рис. 9 — около $\frac{1}{3}$ н. в.; рис. 10 — $\frac{1}{7}$ н. в.

афанасьевских могил? Повидимому, в этом плане надо расценивать находку в насыпи обломков скорее тагарского, чем карасукского горшка. Погоня за медью, приводившая в тагарское время, как мне уже пришлось установить вполне достоверно, к ограблению своих же курганов и часто вскоре после их сооружения,¹ могла толкать и на «раскопки» более древних погребений. Страх же перед покойниками, перед их духами, вполне возможный в условиях того времени (на стадии развитых родовых отношений), мог являться не менее сильным стимулом к тщательному сокрытию грабежа и этих древних могил, чем страх перед преследованием родовичей (и также духов), заставлявший заравнивать грабительские лазы на своих курганах так, что даже теперь опытный глаз не может найти на поверхности никаких следов «злодеяния».

В третьем курганчике (№ 13) могильная яма открылась под центральной частью насыпи на глубине от вершины в 0.8 м, на горизонте. Она четырехугольна, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 2 м, шириной 1.32 м и вся заполнена землей. На грунтовом дне ямы, на глубине 0.42 м от горизонта ближе к ЗЮЗ стенке в беспорядочной груде костей человека отсутствовали череп, таз, ребра, позвонки и кости ног.

Я думаю, что и здесь мы имеем дело с ограблением, тем более что наблюдавшаяся при раскопках большая твердость суглинка в насыпи над центром могилы и продолжавшаяся в самой яме заставляет даже при отсутствии уловимых глазом признаков нарушения земли подозревать здесь наличие повторной засыпки грабительского раскопа в сырую погоду, когда подмокшая земля могла слежаться очень крепко.

Под четвертым курганчиком (№ 14), замечательным тем, что на нем кольцо было сделано из плит, поставленных на ребро вертикально, оказалось два погребения.

Яма первого открылась на глубине 0.75 м от вершины, на горизонте, в центральной части кургана, несколько ближе к северу (ее ЮВ край приходился под центром кургана). Яма была четырехугольная, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 2.4 м и шириной 1.7 м. Сверху, посередине, вдоль ямы было положено одно сосновое бревно длиной в 3 м и диаметром 0.25 м. Так как никаких следов других бревен найдено не было, то следует, пожалуй, предполагать, что найденное бревно представляло среднюю опору, переводину для более легкого покрытия из сучьев, камыша и тому подобных материалов, исчезнувших скорее. При послойном извлечении земли, заполнявшей яму на глубине 0.15 м, в центральной части были найдены отдельные обломки двух яйцевидных сосудов. Один, из серой, тонкоотмученной глины, украшенный вдоль бортика резными линиями, ниже овальными выпуклостями, выдавленными изнутри, и по плечам рядами полукруглых вдавлений (табл. II, рис. 7). Второй сосуд из темносерой глины был украшен резной елочкой.

¹ С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 83, 84.

На грунтовом дне ямы, на глубине 0.55 м от горизонта, беспорядочно разбросаны остатки сильно истлевших костей человека. Здесь же, в центральной части оказались отдельные обломки круглодонного сферического сосуда из красно-желтой глины с примесью мелкого песка. Бортик оттянут и отогнут во-вне. По плечам украшен 12 горизонтальными резными линиями, промежутки между которыми с перерывами заполнены наклонными вдавлениями зубчатки. Зубчаткой же выглажены стенки изнутри. Восстанавливается диаметр сосуда—0.13 м.

Рядом с этим горшком найдены отдельные обломки того яйцевидного сосуда, украшенного елочкой, части которого были встречены в засыпи ямы выше. По совокупности черепков удалось установить наличие накладного бортика, нанесение елочки вдавлениями плоской лопаточки, наличие двух горизонтальных линий, прочерченных по одному из нижних рядов елочки. Диаметр в венчике, повидимому, имел около 0.14 м.

Наличие обломков одного и того же сосуда внизу и выше в засыпи могилы, а также отсутствие у других горшков ряда обломков заставляют видеть в беспорядочности расположения костей скелета свидетельство работы грабителей.

Яма второго погребения расположена южнее, в 1 м от первого. Она четырехугольна, длина с ЗЮЗ на ВСВ 2.4 м, и ширина 2 м. Никаких следов покрытия здесь не встречено.

По удалении земли, заполнявшей яму, на глубине 0.7 м, на грунтовом дне открыты остатки семи костяков людей.

Первый, повидимому мужской, лежал вдоль ЮЮВ стенки головой на ЗЮЗ, на левом боку, с немного согнутыми в коленях ногами. Череп сильно истлел, совершенно разрушились ребра и кости левой руки. Правая рука была вытянута вдоль тела. На голенях этого костяка лежали колени седьмого, тоже мужчины.

Второй мужской скелет лежал вдоль первого дальше к ССЗ, головой на ЗЮЗ, на левом боку, с несколько более согнутыми ногами. Череп и кости груди сильно истлели. Кости левой руки совершенно разрушились. От правой осталась только плечевая, лежащая от плеча наискось через грудь, что обычно указывает на положение руки, согнутой в локте, кистью перед лицом.

Третий костяк, повидимому женщины, лежал вдоль второго, головой на ЗЮЗ, на левом боку с ногами, сильно скорченными особым образом, когда под бедренные, лишь несколько выдвинутые вперед кости ног подогнуты плотно в обратном направлении голени. Сгиб настолько велик, что заставляет предполагать намеренный перелом в коленях. Череп сильно истлел. Совершенно распались кости рук, за исключением правой плечевой, лежавшей вдоль тела.

Четвертый, также, повидимому, женский, лежал вдоль третьего, дальше на ССЗ, головой на ЗЮЗ, на левом боку, с ногами, согнутыми под прямым

углом и в бедре и в колене. Череп и левая рука не сохранились, правая была согнута в локте и лежала кистью на тазу.

Пятый костяк лежал рядом с четвертым и вдоль ССЗ стенки. Он особенно сильно истлел и, кроме того, оказался погребованным норой суслика. Сохранились лишь сдвинутые ребра и кости правой ноги, судя по расположению которых костяк лежал головой на ЗЮЗ, на левом боку, с правой ногой, согнутой под прямым углом и в бедре и в колене. В СЗ углу ямы, следовательно, у несохранившегося черепа пятого костяка найдены отдельные обломки сферического круглодонного сосуда из желто-красной глины. Его стенки и снаружи и изнутри были «выглажены» зубчаткой. Из ранее найденных ближе всех к нему подходит сферический сосуд из кургана № 1, погр. I, около Теси.¹ К сожалению, его реставрация затруднена тем, что большинство частей исчезло, повидимому, благодаря сусликам, проложившим здесь ряд норок. Все описанные костяки лежали головами близко от ЗЮЗ стенки (в 20—30 см), оставляя ВСВ часть ямы свободной.

Здесь, в северо-восточном углу, найден шестой костяк молодой женщины, лежавшей вдоль ВСВ стенки, головой на ССЗ, на правом боку, с ногами, согнутыми под прямым углом и в бедре и в колене. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая же была несколько согнута в локте и кистью лежала на тазу. Череп, как и все кости, был плохой сохранности. Сейчас же к западу от черепа, перед лицом женщины лежали еле заметные остатки костяка младенца, повидимому, также скорченного. Здесь же, несколько северо-восточнее, лежала обоймочка из медной пластинки, покрытой выпуклостями, выдавленными изнутри (табл. II, рис. 8). В обоймочке сохранились остатки дерева, пронизанного медными же заклепками. В специальных отверстиях пластинки привешены 2 вращающиеся колечка. Несомненно, что наша обоймочка имеет то же назначение, что и близкие к ней обоймы из могилы VI Афанасьевского могильника. Наличие в ней остатков дерева может только подтверждать делавшееся предположение о принадлежности подобных обоймочек к оковке края деревянного сосуда.² Вместе с обоймочкой лежал костяной черешковый наконечник стрелы (табл. II, рис. 2). Сейчас же к ЮВ от косточек ребенка, «под подбородком» у женщины стоял маленький сосудик из коричневато-серой глины с вогнутым дном, украшенный вертикальными рядами елочек и одним горизонтальным вдоль бортика, высота 5.5 см (табл. I, рис. 9). Несомненно, что миниатюрный размер сосудика связан с назначением — быть положенным в могилу при ребенке. На это указывает небрежность его выделки, свидетельствующая о спешности изготовления, а также отсутствие на сосуде признаков его употребления в быту — нагара, натеков и т. п., часто встречающихся на афанасьевских сосудах. Между теменем женщины и ССЗ стенкой

¹ С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 30, табл. I, рис. 30.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 70, табл. II.

Таблица II

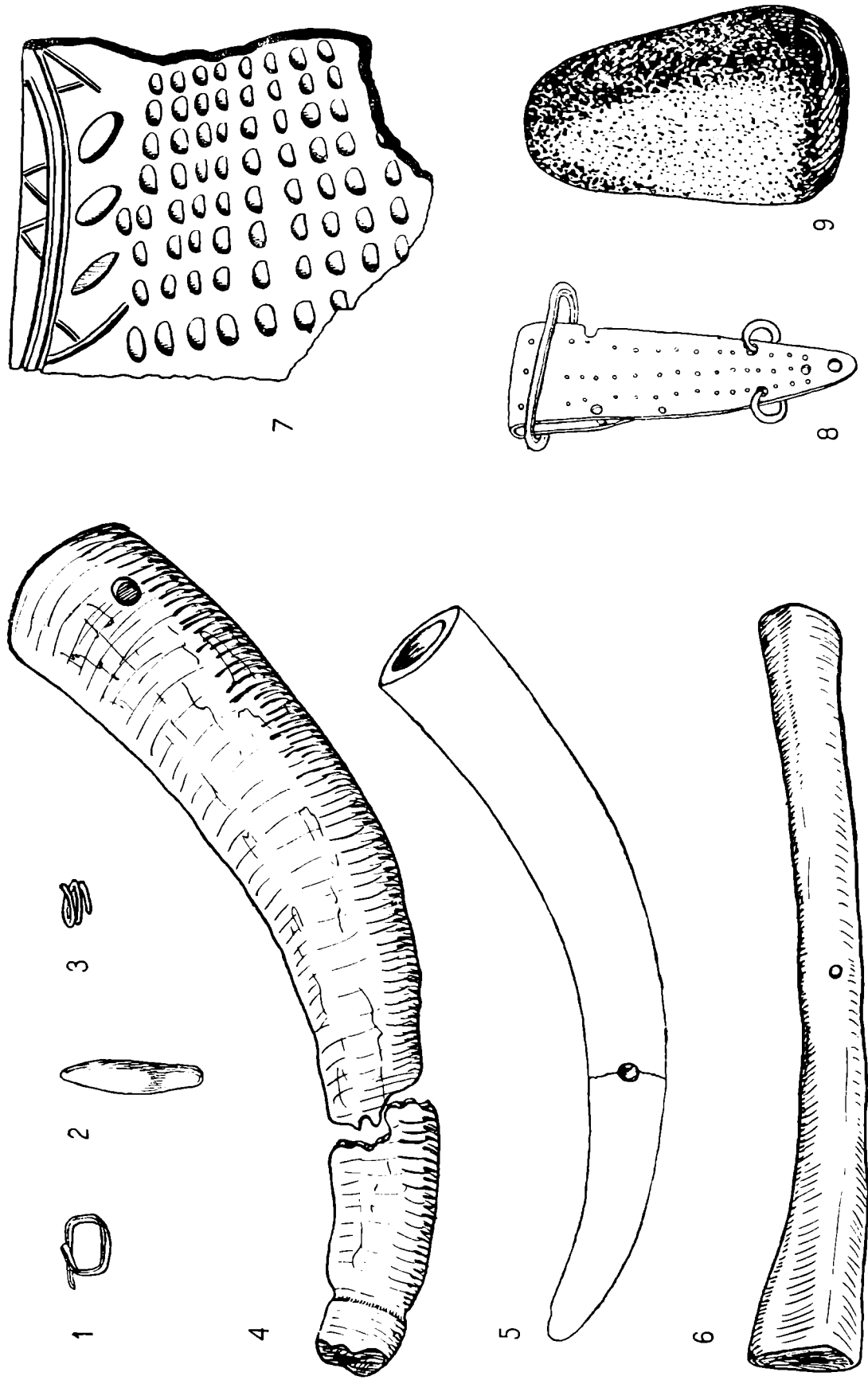

Рис. 1 и 3 — медные височные кольца; 2 — костный наконечник стрелы; 4 — обломок охотничьего (?) рога; 5 — ошлепанный рог; 6 — футляр из кости; 7 — фрагмент сосуда с ямочным орнаментом; 8 — бронзовая оковка; 9 — каменная терка.

ямы лежали два сосуда. Один из них имел вид плоскодонного горшка из серой глины, с оттянутым бортиком. Его стенки выглажены зубчаткой. Высота 15 см. К нему особенно близок найденный в 1928 г. в кургане № 14, погр. II, около с. Теси.¹ Другой сосуд был яйцевидный, из красновато-серой глины, с накладным бортиком. Он украшен по бортику перекрещивающимися вдавлениями зубчатки, ниже — семью горизонтальными полосками елочек, чеканенных зубчаткой, а внизу — ломаной линией, сделанной той же зубчаткой. Подобная форма и орнаментация обычны для афанасьевской керамики.²

Седьмой, повидимому мужской костяк, лежал в ЮВ углу ямы вдоль ЮВ стенки, головой на ВСВ, на правом боку, с ногами, скорченными до острого угла, но не сильно. Череп оказался довольно сильно истлевшим. Как уже отмечалось выше, ноги этого костяка скрещивались с ногами первого и лежали коленями на этих последних. Таким образом ясно, что седьмой костяк был положен в яму после первого. Перед лбом костяка в 15 см к ССЗ лежали в обломках 2 сосуда, оба яйцевидные с накладным бортиком, украшенные елочным орнаментом, нанесенным зубчаткой. Первый сделан из серо-желтой глины; высота 20 см (табл. I, рис. 6). Второй из красновато-серой глины, высотой 25 см (табл. I, рис. 1). Коллективные погребения уже известны в афанасьевских могилах. В Афанасьевском могильнике были обнаружены в одной яме два, три и даже пять скелетов. В последних двух случаях у женщины лежали останки ребенка. К сожалению, из описаний могилы № 6, содержащей пять костяков, нельзя узнать пол трех взрослых — были ли они все мужчинами или среди них были женщины, остается неизвестным.³

В курганах около с. Тесь в 1928 г. я встретил, не считая трехрусного, лишь два парных погребения. В одном случае найдены останки сильно истлевающего взрослого рядом с кучкой сожженных костей второго человека.⁴

Кажется несомненным, что материалы только что рассмотренного погребения при дальнейшем накоплении фактов помогут в более детальном изучении связей и представлений афанасьевского населения, стоявшего на одной из первых ступеней родового строя.

Пятый курганчик (№ 15) дал три погребения.

Могильная яма первого погребения открылась на глубине 0.5 м от вершины в центральной части кургана. Она была четырехугольна, длиной с З на В 1.55 м и шириной 1.45 м. Сверху ее закрывали три массивных плиты девонского песчаника, опиравшиеся на стенки. В центральной части покрытие было разбито так, что образовалось отверстие

¹ С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 30, табл. I, рис. 28.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения... , стр. 72, табл. III. С. В. Киселев. Материалы... , табл. I.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения... , стр. 66—68.

⁴ С. В. Киселев. Материалы... , стр. 39 и 47.

диаметром до 0.9 м. Яма была заполнена землей и обломками плит. На дне ямы, на материке (глубина 0.6 м) оказались в беспорядочной груде остатки сильно истлевших костей человека. Несомненно, что погребение было ограблено через лаз, шедший, вероятно, вертикально прямо в яму. Последняя, судя по тому, что осколки плит встречались повсюду в заполнявшей ее земле, при ограблении была еще пуста. Вероятно, и заполнение ямы землей в данном случае произошло при засыпке грабителями сделанного лаза. Дальнейшее оседание лишь дополнило первоначальный конус сброшенной грабителями земли. Эти заключения важны потому, что они, при одинаковости картины расположения костей в беспорядке всегда на дне ямы и на месте предполагаемого лаза, при отсутствии или худшей сохранности покрытий в других могилах, позволяют предполагать и в них ту же обстановку ограбления через пробитый сквозь покрытие лаз в еще пустое погребальное помещение.

Четырехугольная яма второго погребения открылась на горизонте в ЗСЗ части кургана и имела в длину с ЗСЗ на ВЮВ 1.5 м и в ширину 0.8 м. Сверху она была покрыта двумя плитами. Удалив плиты и заполнявшую яму землю, мы нашли на глубине 0.6 м на ее материковом дне костяк молодого человека, лежавшего головой на запад, на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Ноги, судя по сохранившейся первоначальное положение бедренной кости, были согнуты коленями вверх (рис. 1). У левого виска оказалась медная проволоочная спираль (табл. II, рис. 3), обычное, распространеннейшее украшение палеометаллической эпохи.

Рис. 1. Курган 5, погребение 2; см. положение левого бедра.

У ВЮВ стенки (в ногах) лежали 2 совершенно целых сосуда: яйцевидный из красновато-серой глины высотой 16 см, украшенный горизонтальными рядами елочки, оттиснутой зубчаткой, а внизу эффектной «розеткой», лучи которой сделаны также зубчаткой (табл. I, рис. 4), и другой, горшковидный-круглодонный из красно-серой глины с примесью крупного песка высотой 20 см, украшенный по плечам 11 рядами наклонных вдавлений зубчатки (табл. I, рис. 8). Первый сосуд находит себе ряд аналогий в ранее исследованных афанасьевских памятниках,¹ второй же может

¹ С. В. Киселев. Материалы... , табл. I, рис. 16, 17, 24. С. А. Теплоухов. Древние погребения... , табл. III, IV и особенно V, рис. 2.

быть сопоставлен лишь с находками в соседних Сыдинских курганах и Тесинских раскопок 1932 г. (см. ниже).

Яма третьего погребения открылась на горизонте в ВЮВ части кургана, у самого кольца. Она четырехугольна, длиной с ЮЮЗ на ССВ 1.3 м и шириной 0.65. Сверху ее покрывала плита девонского песчаника. По удалении плиты и заполнявшей земли на глубине 0.47 м, на дне найден костяк ребенка лет 5—6, лежавшего головой на ССВ, скорченно на левом боку, с руками — правой, согнутой в локте, кистью на тазу (правая плечевая откатилась к середине ВЮВ стенки) и левой, вытянутой вдоль тела. В ногах у костяка оказались два сосуда. Один, стоявший, яйцевидный, из желтовато-серой глины, высотой 16 см, украшенный совершенно аналогично только-что описанному из второго погребения, с которым он почти тождествен. Кажется, одна и та же рука здесь несомненна (табл. I, рис. 2). Другой лежал на боку, сферический-круглодонный, из красновато-серой глины, лишь заглаженный зубчаткой, высотой 22.5 см (табл. I, рис. 10). Из старых раскопок к нему близок найденный в 1928 г. в Теси плоскодонный сосуд из кургана № 1, погребение I.¹

Курганы, содержавшие одновременно со взрослыми особые могилы с детьми и подростками, уже не впервые найдены нами. Напомню хотя бы курган № 1 около Теси, в котором в 1928 г., на ряду с центральным погребением взрослого, в южном поле кургана, под кольцом, в отдельной яме было обнаружено погребение юноши.²

В насыпи шестого курганчика (№ 16), в западной части, у самого кольца, на глубине 0.05 м от поверхности найдены астрагал овцы и маленькая терка из серого камня с резко отшлифованным основанием (табл. II, рис. 9). Очень близкие к нашей, 4 терки были найдены в VI могиле Афанасьевского могильника.³ Конечно не следует считать их за терки зерна; для этого они слишком малы. Вероятно, они служили для растирания растений, может быть красок (или для полирования?).

В восточной части кургана, также на глубине 0.05 м, около кольца была найдена речная галька (длина 16 см), позволяющая считать ее или «секирообразным» оружием, подобным найденному мною в 1928 г., или так. наз. «колотушкой», хорошо известной первоначально только в катакомбных погребениях,⁴ потом найденной в афанасьевских,⁵ теперь же отысканной О. А. Граковой в поздне-андроновской землянке на Тоболе близ Кустаная⁶ и, что особенно важно, геологами на горе Темир в Хакас-

¹ С. В. Киселев. Материалы... , табл. I, рис. 30.

² Там же, стр. 35.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения... , стр. 68, табл. I, рис. 2—5.

⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. (Отчет Исторического музея за 1914 г.)

⁵ С. А. Теплоухов. Древние погребения... , стр. 68, табл. I, рис. 12.

⁶ Коллекция Кустанайской археологической экспедиции 1935 г., хранящаяся в Гос. Историческом музее.

сии¹ и на Колбинском хребте в Восточном Казахстане² в местах древних выработок медной руды или около них. При этом обращает на себя внимание обязательная почти для всех «колотушек» оббитость, изщербленность не массивного тела, а конца более тонкой «рукоятки». Повидимому, он и был рабочим концом орудия, имевшего дело с твердым материалом. Вполне возможно, что это орудие употреблялось как своего рода зубило или клин, забивавшийся в образованные нагреванием породы трещины для отделения от нее кустков. То обстоятельство, что на противоположном массивном конце почти нет следов ударов, говорит за то, что удары эти при загонке клина в трещину наносились орудием из более легкого материала, например, деревянной колотушкой или молотом. Последнее было, пожалуй, даже необходимо, так как при сильном ударе каменным молотом по каменному же клину разлетелся бы в куски или тот или другой, в зависимости от относительной крепости материалов, из которых они сделаны. Находки в древних выработках самих каменных молотов, известные еще со времен Эйхвальда,³ не могут служить здесь опровержением. Молоты могли употребляться для совершенно других работ, в первую очередь для размельчения руды, а может быть и для загонки деревянных клиньев и т. п.

Во всяком случае «горняцкий» характер «колотушки» можно считать установленным и поэтому находки подобных орудий приобретают теперь особое значение.

Под насыпью шестого курганчика оказалось две ямы.

Первая открылась в центральной части кургана на глубине 0.73 м от вершины, на горизонте (ее ЮЮВ стенка совпадала с центром кургана). Яма была четырехугольна, длиной с ЮЮВ на ССВ 2.6 м и шириной 2.2 м. При послойном удалении земли, заполнявшей яму, было встречено много обломков от девонского плитняка, возможных остатков некогда разбитых плит покрытия.

На глубине 0.5 м от горизонта на грунтовом дне ямы были найдены сильно истлевшие остатки двух костяков.

От первого, лежавшего, повидимому, ближе к ССЗ стенке ямы, сохранились лишь беспорядочно разбросанные обломки черепа и лопатки да ребро.

Второй костяк был также потревожен. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, второй покойник был положен вдоль ЗЮЗ стенки на правом боку скорченно, с руками — правой, вытянутой вдоль тела, и левой — согнутой в локте, кистью на левом колене.

¹ Хранится вместе с другими предметами из темпирских медных древних рудников в Минусинском музее, куда доставлена в 1931 г. Хакасско-минусинской геологической базой, ведшей на горе Темпир геологические разведки.

² Хранится в Гос. Русском музее в Ленинграде. Сведения об обстоятельствах находок мне любезно предоставлены обследовавшим Колбинский хребет С. Черниковым.

³ Эйхвальд. О чудских копях. Труды Восточного отд. Археол. общ., т. XII, 1856 г.

По середине дна ямы нашлись два обломка рога (охотничьего?) из рога благородного оленя. Тонкий конец его был отделан — округлен и отграничен нарезкой. В широкой части, от которой дошла только отколота вдоль половина у края оказалось отверстие, может быть, для привешивания (табл. II, рис. 4). Обломок такого же рога, имевшего также отверстия у широкого края, был найден в VI могиле Афанасьевского могильника. Однако там назначение предмета было, по видимому, иное так как внутренняя полость была не сквозной, но доходила от проксимального конца едва до половины.¹ Здесь может быть следует обратить внимание на находки изделий и просто кусков оленьего рога и астрагалов оленя в афанасьевских курганах. Они может быть не только утилитарны, но могут принадлежать к памятникам идеологии эпохи. Анализ изображений на карасукских стелах показывает нам большую отдаленность от карасукского времени той эпохи, когда олень занимал в представлении енисейцев то место, которое в карасуке постепенно терял уж и бык. Мне кажется, в связи с этим особенно важны наши афанасьевские находки оленьих остатков, позднее очень редкие. Они также позволяют считать афанасьевский период временем, когда еще была сильна традиция оленя. Последнее понятно: ведь только тогда (не раньше) в Минусинской котловине происходит переход от охотничьего быта к скотоводству, в котором сразу же, если судить по остаткам, приобретает значение бык.²

У ЗЮЗ стенки ямы лежали обломки от сосуда из желто-серой глины, оказавшегося по реставрации круглодонным-сферическим (высота 23 см), украшенным спускающимися по плечам парами ромбов сплошь из оттисков крупной зубчатки. Ниже расположены ленты наклонных вдавлений плоскозаточенной палочкой, образующие 2 горизонтальных ряда ромбов, в центре каждого из которых П-образная линия наклонных вдавлений. Несколько уплощенное дно покрыто беспорядочными оттисками крупной зубчатки. Не могу говорить здесь о слишком далеко идущих параллелях в орнаменте с некоторыми майкопскими и фатьяновскими сосудами, но считаю необходимым обратить внимание на несомненную близость только-что описанной орнаментации к последующей андроновской, времени, все отличия которого явились не внезапно и не со стороны, но в результате местной подготовки в предшествующий афанасьевский период. Это обстоятельство известно нам по отношению к скотоводству, металлургии, керамике, погребальным кольцам из плит, скорченному положению покойников. Сейчас узнаем это в отношении мотивов геометрической орнаментации сосудов.³ В ногах второго костяка лежали обломки (не все)

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 69, табл. I, рис. II.

² См. об 'олене', 'быке' и пр. С. В. Киселев. «Семантика орнамента Карасукских стел». (Сборник, изданный ГАИМК в честь Н. Я. Марра. Л., 1934 г., стр. 280 и сл.)

³ С. А. Теплоухов уже указывал на возможность связи между баночными афанасьевскими и андроновскими. Древние погребения..., стр. 83.

другого, яйцевидного сосуда из желтовато-серой глины с накладным бортиком (высота 26 см), украшенного 19 рядами наклонных вдавлений углом плоскозаточенной палочки, ниже — 2 рядами ломаной линии, образованной такой же печатью, и по дну — рядом наклонных вдавлений той же плоской палочкой.

Нарушенность костяков, сломанный рог, отсутствие кусков от сосудов, вместе с обломками плитняка от вероятного покрытия в засыпи ямы заставляют меня считать и это погребение ограбленным.

Яма второго погребения расположена на горизонте в 0.6 м к ЮЮ от первой. Она четырехугольна, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 1.65 м и шириной 1.2 м; дно на глубине 0.5 м. Яма оказалась пустой.

Седьмой курганчик (№ 17) содержал одну погребальную яму, открывшуюся на глубине 0.76 м, на горизонте, в центральной части. Яма четырехугольная, длиной с ВСВ на ЗЮЗ 2.8 м, шириной 2.5 м. На глубине 0.55 м на дне ямы обнаружены разбросанные без всякого порядка сильно истлевшие кости двух человек. Отсутствовали кости черепа, большинство ребер, тазовые кости и кости ступней и кистей.

Среди костей, также разбросанных в беспорядке, были найдены обломки трех сосудов. Первый очень крупный, сферический. Его толстые, до 1.5 см, стенки были сделаны из серо-желтой глины. Бортик накладной. Изнутри и снаружи он отделан зубчаткой. Аналогией ему может служить сферический сосуд диаметром в 0.5—0.6 м, найденный также в обломках в 1928 г. в кургане № 13 около Теси.¹ Другой сосуд — круглодонный, из красновато-серой глины — был, повидимому, особенно близок по форме к найденному в погребении II кургана № 15 (табл. I, рис. 8). Отлична лишь орнаментация по плечам четырьмя полосами елочек, нанесенных, повидимому, нарезным краем плоской гальки.

Половинку третьего сосуда удалось реставрировать. Он был яйцевидным, из желто-серой глины, с накладным бортиком (высота 25 см), украшен сплошь елочкой, нанесенной зубчаткой — самая обычная форма.

Кроме того, в СВ углу оказались еще два сосуда. Один, совершенно целый, яйцевидный, из желто-серой глины (высота 21 см), украшенный по бортику перекрещивающимися линиями, ниже — тремя горизонтальными резными, а дальше сплошь рядами резных елочек (табл. I, рис. 5). Большой округленностью своей формы он напоминает сосуд из могилы IX Афанасьевского могильника.²

Другой сосуд был разломлен землей пополам. Это — вазочка на коническом поддоне с массивной ручкой, имеющей 2 вертикальных отверстия. Дно вогнутое. Сделана из темной глины, окрашенной в яркокрасный цвет (высота 10 см). Снаружи украшена рядами резной елочек; 2 ряда такой же елочки идут вдоль бортика и с внутренней стороны (табл. I, рис. 11).

¹ С. В. Киселев. Материалы..., стр. 39.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения..., т. IV, рис. 2.

Подобные вазочки прочно вошли в инвентарь афанасьевских погребений. Одна найдена в IX могиле Афанасьевского могильника,¹ две нашел я около Теси в 1928 г.,² одну в 1932 (см. ниже). Судя по остаткам внутри них нагара, можно предполагать, что они служили или лампами или курильницами. Во всяком случае, они, вероятно, играли на Енисее ту же роль, что и их далекие аналоги из катакомбных и кая-кентских погребений.

Здесь же между сосудом и вазочкой был найден ланцетовидный осколок кремня без следов ретуши (длина 1.6 см).

В самом центре лежал трубчатый футляр (?), вырезанный из кости, длиной в 16 см (табл. II, рис. 6). Несколько меньших размеров футляр был найден в VI могиле Афанасьевского могильника.³

Те же основания, что и для предыдущего погребения шестого кургана, приводят меня к выводу об ограблении только-что описанной могилы.

* * *

Новые курганы, содержавшие афанасьевские погребения, были найдены нами у с. Теси в 1932 г. Они расположены в 500 м к востоку от группы, раскопанной в 1928 г., под ВЮВ склоном Георгиевской горы, среди значительного количества имеющихся здесь типично тагарских курганов. Трудность их распознавания заключалась в том, что кольца из плит на их насыпях или были разрушены, или сильно заросли дерном, так что без расчистки их скорее можно было угадывать, чем видеть. К тому же один из курганов с кольцом, будучи использован под могилы в позднейшее время, хотя и сохранил часть кольца, имел вместе с тем четырехугольную оградку тагарского типа, с вертикальными камнями по углам. Все 5 курганов, на которых было обнаружено кольцо, были нами раскопаны, но только четыре дали положительные результаты (№№ 8—11).

Насыпи этих четырех курганов, все округлые, с заметным повышением к северу (вершина приходилась на северной трети насыпи) были насыпаны из взятого здесь же лёссовидного суглинка.

Диаметром они были 8—10 м, высотой 0.45, 0.55 и 0.99 м.⁴ На насыпи каждого из них выложено кольцо из обломков девонского песчаника. Каждое кольцо сделано в различных своих частях по-разному. Отрезки окружности, выложенной в виде кладки на глубину до 0.3 м из плиток, положенных плашмя, чередовались с отрезками, образованными плитками, врытыми в насыпь вертикально, на ребро. Заметить какое-либо однообразие в распределении этих различной техники частей колец в отношении ориентировки и чередования не удалось. Повидимому, это не регулировалось. Все кольца были расположены одинаково. Начиная с вер-

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 73—74, табл. V, рис. I.

² С. В. Киселев. Материалы..., стр. 30, табл. I, рис. 25—27.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 68 и табл. I, рис. 6.

⁴ Курганы: № 8 diam. 9 м, выс. 0.45 м; № 9—8 м в 0.9 м; № 10—10 м в 0.55 м; № 11—8 м в 0.45 м.

шины, они спускались в южной части почти до самой подошвы насыпи. Сохранность их, как уже указывалось, была очень плохой; все же удалось установить, что их диаметры на 2.5 м меньше диаметров самих насыпей.

Наиболее интересным оказался курганчик десятый. По удалении насыпи, в центральной части, содержащей несколько обломков плитняка, на горизонте, в центре открылась квадратная яма, ориентированная сторонами в 2.7 м на ВСВ, ЗЮЗ и т. д. Тщательная зачистка ее пятна показала, что первоначально она была покрыта накатом из лиственничных бревен, положенных с ВСВ на ЗЮЗ, в настоящее время почти разложившихся, — лишь вдоль ЗЮЗ стенки на материке были заметны следы концов бревен. Дальнейшая зачистка установила, что в столь обширную яму позднее был впущен четырехугольный ящик из плит длиной с ВСВ на ЗЮЗ 1.8 м и шириной 1 м. Своей ЗЮЗ стенкой он примыкал прямо к ЗЮЗ же стенке большой ямы так, что от СЗ угла ящика до СЗ угла большой ямы оставалось 0.45 м. Исследование было начато с расчистки ящика. В земле, его заполнявшей, в самых различных местах было найдено большое количество обломков плитняка, вероятно, от разбитого покрытия.

На дне его на глубине 1 м от горизонта оказались беспорядочно разбросанными сильно разложившиеся кости двух человек. Последние, судя по сохранившимся первоначальному положению костям ног, лежали друг возле друга, головами на ВСВ, вытянуто на спине.

В СВ и ЮВ углах ящика найдено было по баночному сосуду темной глины, с рядом выпуклостей вдоль бортика. Около сосуда из ЮВ угла лежали 3 полушарные бронзовые бляшки, а в ЮЗ углу — кости передней ноги барана (с лопаткой).

Весь этот инвентарь и обрядность не оставляют сомнения в возможности отнесения этого погребения к тагарским, вероятно первой стадии.¹ Также несомненно и ограбление этой могилы с уничтожением плит покрытия, обломки которых находились и в насыпи и в засыпке ящика.

К сожалению, особенности почвы насыпи не сохранили никаких следов нарушения ее при впуске тагарского погребения. Земля содержала большую примесь гумуса, однотонно окрасившего ее в темносерый цвет и затруднившего распознавание пятен. То обстоятельство, что яма для ящика и внизу была вырыта в засыпи древней могилы, т. е. в почве, происходящей из той же насыпи, и не захватила нетронутого целика, исключило возможность изучения выбросовых пятен. По удалении ящика, когда удалось установить, что плиты его стенок были цельные, толщиной до 4.5 см, приступили к послойному вскрытию остальной части большой могилы. В заполнявшей ее земле попадались лишь отдельные следы гнилушек вероятно от верхнего бревенчатого наката.

На глубине 1 м от горизонта на грунтовом дне не потревоженной впуском ящика части ямы были встречены остатки погребения 6 человек.

¹ С. В. Киселев. Материалы... , табл. III, рис. 87, табл. IV, рис. 18.

В ЮЗ углу ямы, вдоль ЮЮЗ стенки был обнаружен костяк (А) взрослой женщины, лежавшей головой на ЗЮЗ, скорченно на правом боку, с руками, согнутыми на локте, кистями на животе.

В ЮВ углу ямы, вдоль ЮЮВ стенки был открыт костяк (Б) взрослой женщины, лежавшей головой также на ЗЮЗ, на спине с подогнутыми ногами, ступнями у таза. Кости рук отсутствовали.

Рядом с костяком А в 0.4 м к ССЗ найдены остатки костяка (В) взрослого мужчины, лежавшего, судя по сохранившимся первоначальное положение черепа и позвоночнику, головой на ЗЮЗ, на правом боку. Кости таза, рук и ног у этого костяка отсутствовали, ребра же были беспорядочно разбросаны справа и слева от позвоночника.

На черепе костяка В, у левого виска найдено медное проволочное кольцо обычного для палеометаллической эпохи вида (табл. II, рис. 1).

Рядом с остатками костяка В в 0.40 м к ССЗ лежал череп взрослого мужчины (Г).

В 0.3 м ССЗ от этого черепа в беспорядочной груде лежали сильно разрушившиеся обломки черепа и ребра взрослого человека (Д) и в 0.35 м дальше к ССЗ от них еще один череп взрослой женщины (Е).

В СВ углу ямы лежали обломки двух сосудов. По реставрации, один оказался горшковидным, с уплощенным дном (высота 16 см), украшенным по плечам пятью горизонтальными рядами наклонных вдавлений зубчаткой, с шестью интервалами шириной до 3 см. Ниже идут 14 таких же рядов, но уже опоясывающих сосуд кругом (табл. III, рис. 4). По форме наиболее близким к этому сосуду является найденный в кургане № 1 погребения I около с. Теси в 1928 г.¹

Второй сосуд — вазочка на коническом поддоне с ручкой, в которой имеется отверстие. Сделана из темной глины, сверху окрашенной в красный цвет (высота 10 см). По внешней стороне стенок идут горизонтальные полосы наклонных вдавлений зубчатым чеканом (табл. III, рис. 3). В настоящее время подобные вазочки известны из ряда афанасьевских погребений, одна из могилы III Афанасьевского могильника,² две из кургана № 4 около Теси (1928 г.)³ и одна из кургана № 17 около Сыды (см. выше).

К ЗЮЗ стенке ящика впускного погребения, в 0.25 м от СЗ угла, примыкали обломки двух сосудов. Один имеет обычную яйцевидную форму и украшен рядами вдавлений плоскостаточенной палочкой (высота 20 см, табл. III, рис. 1). Наиболее близким к этому сосуду считаю найденный в XVI могиле Афанасьевского могильника.⁴

Другой сосуд был также яйцевидный, но более широкий на плечах (высота 21 см). Стенки снаружи и изнутри выглажены зубчаткой. По сводам

¹ С. В. Киселев. Материалы..., стр. 30, табл. I, рис. 30.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 71, табл. V, рис. 1.

³ С. В. Киселев. Материалы..., табл. I, рис. 25 и 27.

⁴ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 74, табл. V, рис. 2.

1

2

3

4

Рис. 1, 2 и 4 — около $\frac{1}{4}$ н. в. Рис. 3 — $\frac{1}{3}$ н. в.

форме этот сосуд напоминает большую «яйцевидную остродонную корчагу», найденную в IX могиле Афанасьевского могильника.¹

В 0.15 м к Ю от этих сосудов лежал аккуратно опиленный рог, по видимому оленя, полый внутри и со сквозным отверстием ближе к тонкому концу (табл. II, рис. 5). Обломок подобного рога был найден в VI могиле Афанасьевского могильника.²

Подводя итоги исследованию этого кургана, нельзя не указать, что если стратиграфия его погребений и не имеет особого значения, так как вряд ли кто-нибудь станет сомневаться в большей древности афанасьевских памятников по сравнению с тагарскими, то самый факт использования тагарцами древнего кургана для своей погребальной постройки проливает некоторый свет на представления этих последних. Далеко не на всякой ступени развития встреча со старыми костями могла не препятствовать устройству новой могилы.³

Под курганчиком одиннадцатым, расположенным рядом с десятым, на горизонте, в центральной части отрылась четырехугольная яма длиной с ЗЮЗ на ВСВ 1.5 м и шириной 0.8 м.

После послойного удаления заполнявшей яму земли на глубине 0.7 м от горизонта на ее грунтовом дне оказались беспорядочно разбросанные кости взрослого человека и подростка. Среди костей по всему дну встречались обломки реповидного сосуда с несколько уплощенным дном (высота 15 см), украшенного горизонтальными рядами наклонных вдавлений зубчатого чекана (табл. III, рис. 2). Довольно близок к нему реповидный сосуд, найденный в 1928 г. в кургане № 1, погребение I около с. Теси.⁴

Беспорядочное состояние костей и отсутствие большого количества обломков сосудов говорят за ограбление этого погребения.

Другие два кургана оказались еще менее удачными. Под восьмым в центральной части открылась засыпанная землей четырехугольная яма длиной с ЗСЗ на ВЮВ 1.8 м, шириной 0.85 м и глубиной 0.8 м. На грунтовом ее дне найдены разбросанные в беспорядке кости взрослого человека, лежавшего, судя по сохранившимся первоначальное положение костей ног, головой на ЗСЗ, согнуто на правом боку. Череп, челюсть и часть позвонков и ребер отсутствовали, будучи, по видимому, выкинуты грабителями.

В насыпи курганчика № 9 на глубине всего 0.15 м от поверхности в ЮЗ части у самого кольца с внутренней его стороны найден сильно

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 73, табл. IV, рис. 3.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 69, табл. I, рис. 11.

³ В. П. Левашова, раскопавшая 4 афанасьевских кургана около улуса Красный яр, Чарковского района Хакассии в 1930 г., также встретила в кургане № 1 вводящие погребения различных эпох и среди них позднетагарские. (Отчет В. П. Левашовой за 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137.)

⁴ С. В. Киселев. Материалы..., стр. 29, табл. I, рис. 18.

истлевший костяк взрослого человека, лежавшего головой на В, согнуто, на правом боку. Кости рук отсутствовали.

Основная могильная яма открылась в центральной части с горизонта. Она была четырехугольной, длиной с ВСВ на ЗЮЗ 1.8 м, шириной 0.9 и глубиной 0.8 м. По стенкам яма была обставлена в виде ящика хорошо пригнанными девонскими плитами. По удалении заполнявшей ящик земли, на его грунтовом дне оказались кости взрослого человека, лежавшего, судя по сохранившимся первоначальное положение тазовым и бедренным костям, головой на ВСВ на спине с ногами, согнутыми коленями к Ю. Отсутствовали кости головы и правой руки.

При расчистке ящика выяснилось, что его стенки в СВ углу были разбиты.

Это обстоятельство заставило считать несомненной причиной нарушения расположения костей работу грабителей.

Последнее погребение является вторым афанасьевским, сделанным в виде ящика из плит. Оно важно в том отношении, что в месте его расположения нигде нет рядом карасукских могил, и поэтому отнесение его к афанасьевскому времени можно делать более уверенно, чем в первый раз в 1928 г. для погребения кургана № 8, недалеко от которого находились карасукские курганчики. Из них один, имея под собой ящик, по насыпи имел кольцо из камней, положенных плашмя.

Что касается первого костяка, найденного в насыпи, то я затрудняюсь считать его афанасьевским, так как очень близкие к нему погребения уже неоднократно были находимы в насыпях тагарских курганов.¹

Наконец, несколько слов о пятом кургане (№ 7) этой второй тесинской группы, имевшем на насыпи кольцо. Особенностью этого кургана является наличие на нем, помимо остатков кольца афанасьевского облика из обломков плиток, положенных плашмя, также и четырехугольной тагарской оградки с вертикально поставленными камнями на двух ее углах.

Повидимому мы здесь имеем второй после кургана № 10 случай использования в тагарское время древних курганов.

К сожалению, раскопки этого кургана, обнаружив 4 тагарские погребения, описывать которые здесь неуместно, не дали никаких следов древней могилы, вероятно, целиком разрушенной впускными.

* * *

Таковы материалы двух новых афанасьевских могильников Сыдинского и Тесинского II. Всеми своими особенностями они связываются

¹ С. В. Киселев. Материалы..., т. III, стр. 98. В. П. Левашева встретила в 1930 г. в афанасьевском кургане № 1 близ улуса Красный яр Чарковского района среди других вводных один костяк, очень сходный с нашим, но в каменном ящике, поставленном в насыпь, другой сходный костяк без ящика оказался на горизонте, оба головой на запад, как впускные в моих тагарских курганах 1928 г. (Отчет В. П. Левашовой о раскопках 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137.)

скорее с Тесинским I, чем с Афанасьевским. В этой связи прежде всего необходимо учесть наличие здесь кургана — надмогильного сооружения, совершенно отсутствующего под Афанасьевской горой. Так же как и в Теси I, некоторые погребения имеют здесь более сложные покрытия из плит, не известные афанасьевским могилам. То же можно сказать и о кольцах в насыпях. Их нет в Афанасьевском могильнике, могилы которого отмечены не кольцами, а круглыми площадками из камней. Не менее показательна и керамика. Если в Афанасьевском могильнике яйцевидных оказалось 79% всех сосудов, а в Тесинском I только 57%, то в Тесинском II из пяти настоящих яйцевидных только 2, а 2 ближе к сферическим и в Сыдинском яйцевидных 48%. Наконец, особенно может быть важно отсутствие во всех погребениях этих трех исследованных нами могильников костей домашних животных, лошади домашнего быка и овцы, довольно частых в могилах Афанасьевской горы. ¹

В 1928 г. я считал в отношении тесинских погребений наличие курганных насыпей, большую дифференцированность форм сосудов, сравнительную частоту находок металлических изделий и среди них, сходных с глазковским, а также более высокую технику шлифовки каменных орудий некоторыми основаниями для постановки вопроса о большей молодости тесинских курганов по сравнению с афанасьевскими могилами. ²

Так как мы только-что отметили большее сходство новых могильников с Тесинским I, чем с Афанасьевским, то все выводы относительно Тесинского I тем самым оказались связанными и с Сыдинскими и Тесинскими II курганами. Этому не противоречат и детали, подмеченные в ходе анализа отдельных комплексов. Укажу здесь прежде всего на наличие колец из вертикально поставленных плит.

Если кольцевые выкладки кажутся отступающими от традиции Афанасьевской горы, все могилы которой отмечены лишь круглыми площадками из камней, и невольно напрашиваются параллели с андроновскими ³ и карасукскими курганчиками, то новая конструкция кольца (с вертикальными плитами) в Сыде и Теси II прямо заявляет о близости к андроновским хотя бы Усть-Ербы ⁴ и Орака. ⁵

¹ Замечательно, что и в погребениях четырех афанасьевских курганов, раскопанных В. П. Левашовой близ улуса Красный яр Чарковского района Хакасии в 1930 г., также не найдено никаких костей домашних животных (Отчет В. П. Левашовой о раскопках 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137).

² С. В. Киселев. Материалы..., стр. 31 и 32.

³ В. П. Левашова. Отчет о раскопках андроновских курганов около ул. Подкуинского (Архив ГАИМК за 1932 г., № 137).

⁴ С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии (Советская этнография за 1935 г., № 4—5, стр. 206).

⁵ Отчеты Г. П. Сосновского о раскопках в окрестностях улуса Орак (бл. ст. Ужур) в 1925 и 1927 гг. (Архив ГАИМК за 1925 г., № 168; за 1927 г., № 128).

Вообще же кажется вполне закономерным в ходе развития религиозных представлений раннего родового общества постепенное осложнение первоначального солнечного знака над могилой — диска из камней, впоследствии кольца-кромлеха, — курганом, т. е. горой-небом.¹

Остается лишь одно затруднение к окончательному принятию предположения о более позднем времени сейчас известных нам уже четырех групп афанасьевских курганов с кольцами по сравнению с могилами Афанасьевской горы. Это — отсутствие в них костей домашних животных и животных вообще, за исключением оленя. Однако данный аргумент силен только тогда, когда мы рассматриваем кости животных в могиле в качестве остатков пищи, положенной с покойником. Между тем эти кости могут иметь совершенно иной смысл. Так, кости, и главным образом рога оленя, скорее осмыслились не как пища, но, вероятно, в связи с солярностью оленя. То же можно думать относительно быка и коня. Поэтому наличие или отсутствие костей животных в могиле может быть объяснено вторичным влиянием идеологической сферы и вовсе не обязательно свидетельствует в пользу или против наличия скотоводства в момент сооружения тех или иных курганов. При этом здесь, конечно, могут оказаться и локальные особенности.

Трудно при сильной ограбленности погребений сравнивать их по составу. Но, во всяком случае, все говорит в них об отсутствии еще каких-либо признаков нарушения первобытного коммунизма.

Погребения с большой коллективностью (до 6 костяков) также являются чрезвычайно важным моментом, связанным с представлениями о родственных отношениях.

Все это приобретает особую значимость потому, что в настоящее время мы уже не можем рассматривать афанасьевские памятники лишь в свете узколокальных проблем среднего Енисея. Раскопки т. Сергеева около Элекманара на Северном Алтае дали блестящий материал по алтайскому варианту афанасьевской культуры.² Если же мы вспомним к этому рисунки радловских картонов, дающих изображения типично-афанасьевских сосудов с Алтая,³ и указания на наличие афанасьевских черепков около Бийска, Барнаула и Семипалатинска,⁴ а также сходство афанасьевских форм с ямными юга Европейской части СССР (объясняемое не столько хронологической, сколько стадийной близостью), то убедимся, что, повидимому, начинает вскрываться огромный культурный пласт, который вне зависимости от его «людского состава» будет в дальнейшем характе-

¹ По вопросу о кромлехах на курганах, под ними и при них, см. И. И. Мещанинов, Кромлехи (Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 3). Его же, Кромлехи у славян (Сообщения ГАИМК за 1931 г., № 7).

² Хранятся в Ойротском музее. Летом 1936 г. дополнен раскопками Г. П. Сосновского.

³ Хранятся в Архиве ГАИМК.

⁴ С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 77.

ризовать ту стадию общественного развития, для которой характерны родовые отношения на основе возникающего скотоводства, совершенно подобно следующему андроновскому пласту, несомненно связанному с более высокой организацией родового строя, оснащающегося в степях уже земледелием, до тех пор, по видимому, заменявшимся простым собиранием растительных продуктов, т. е. эквивалентом охоты. Нам остается только прилагать все усилия к дальнейшему отысканию и исследованию памятников этой эпохи, знаменующейся самым началом первого крупного общественного разделения труда, когда «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров». ¹

S. KISELEV

LES TUMULI DU TYPE D'AFANASSIÉVO DANS LA RÉGION DE MINOUSSINSK

RÉSUMÉ

Poursuivant ses explorations archéologiques dans la région de Minoussinsk, l'auteur a fouillé en 1929 et 1932 près les villages de Syda et de Tessi plusieurs nouvelles sépultures de l'époque du bronze de l'énisséi moyen, appartenant au type dit d'Afanassiévo (3-e millénaire avant notre ère).

Ces sépultures sont marquées par des tertres circulaires, revêtus sur le pourtour d'un cercle de dalles. Elles renferment parfois plusieurs fosses funéraires, dans chacune desquelles sont inhumés de 1 à 8 individus. Tous les morts gisent dans la position accroupie, les genoux repliés.

Les objets métalliques sont très rares. Quelques bois de cerf, une râpe en pierre, des gaines en os. Poterie très curieuse — vases ovoïdes, sphériques, la plupart à fond circulaire, avec ornement produit par un instrument denticulé. Petits vases — cassolettes de forme originale.

Aucune des sépultures fouillées n'a fourni d'ossements d'animaux domestiques, bien qu'à cette époque l'élevage existât déjà sur les rives de l'énisséi. L'auteur n'a constaté aucune différenciation d'après le degré de richesse des sépultures.

À l'heure actuelle, des sépultures du type d'Afanassiévo analogues ont été découvertes dans l'Altaï. Il se peut qu'on en trouve également dans les steppes du Kazakhstan (on a déjà ici des trouvailles isolées de céramique).

Il semble qu'on voie se révéler ici une des couches archéologiques les plus anciennes des steppes de l'Eurasie, représentée dans les steppes de la région de la mer Noire par les sépultures «à fosses» et «à catacombes», et dont l'unité repose sur l'unité de technique de l'élevage à l'état naissant et sur l'identité des rapports sociaux, représentations et rites propres au clan matriarcal.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1934 г., стр. 139.

А. В. ЗБРУЕВА

АНАНЬИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В археологической литературе найдется мало памятников, которые имели бы столь важное значение и вместе с тем были бы в общем так плохо исследованы и изданы и так сильно разрушены раскопками, как известный Ананьинский могильник, расположенный на дюнном всхолмлении близ дер. Ананьино Челнинского кантона Татарской Республики.

По имени этого могильника получила название целая эпоха, он дал около 79 погребений и массу вещественного материала, хранящегося в музеях Москвы, Ленинграда, Казани и других музеях СССР и в Гельсингфорском музее Финляндии.

По подсчету А. М. Тальгрена, погребальный инвентарь могильника, без материала из раскопок 1930 г., состоит из 1500 объектов, не считая фрагментов сосудов и бус. Из них в Ленинграде хранится около 150 предметов, в Москве 140, в Казани 280, в других музеях СССР около 100 и в Гельсингфорсе 830.

Достаточно перечислить фамилии исследователей, чтобы представить себе, как сильно изрезана раскопками площадь могильника. Его раскапывали: П. В. Алабин (1858 г.), П. И. Лерх (1865 г.), проф. К. И. Невоструев (1870 г.), И. Р. Аспелин (1870 г.). В конце 70-х гг. могильник осматривали и производили частичные раскопки члены Казанского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете — Н. Ф. Высоккий, Н. Малиев, Н. А. Толмачов и П. Д. Шестаков; в 1880 г. его раскапывал Радаков, в 1881 — П. А. Пономарев, в 1891—1894 гг. — Ф. Д. Нефедов и после него — Н. Блинов.

Если вспомнить еще, что, начиная с 1858 г. до конца XIX в., могильник непрерывно раскапывался местными крестьянами, продававшими найденные вещи любителям старины, и разрушался весенними разливами Камы, то получится полное представление о степени разрушенности памятника.

К этому нужно прибавить, что материал из раскопок могильника чрезвычайно плохо издан: до сих пор в издании нет ни одного рисунка погребений с сопровождающим их инвентарем. Основные работы по рас-

копкам могильника П. В. Алабина и П. А. Пономарева были изданы без единого рисунка. Особенно приходится пожалеть о том, что до сих пор не изданы черновые рисунки П. А. Пономарева, исследования которого были произведены очень тщательно и сопровождались необходимыми зарисовками. Как это ни странно, но иллюстрации к погребальному инвентарю Ананьинского могильника мы находим, главным образом, в работах И. Р. Аспелина¹ и А. М. Тальгрена.² Из русских работ с иллюстрациями изданы материалы проф. Новоструева и Ф. Д. Нефедова, но ни тот ни другой не дали изображений погребальных комплексов.

В литературе известны 2 сводки по ананьинской культуре: А. А. Спицына (1893 г.), который впервые и весьма убедительно высказал мысль о культурном единстве древних могильников Вятки — Камы и костеносных городищ³ и сводка А. М. Тальгрена в работе «L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale», 1919 г.,⁴ где автор развивает и дополняет положения А. А. Спицына и высказывает мысль, что ананьинская культура развивалась из более древних местных культур века бронзы.

В течение 1925—1930 гг. Московский антропологический институт организовал ряд работ по изучению ветлужских и вятско-камских костеносных городищ, в частности раскопки Ананьинского могильника, произведенные в конце июля и начале августа 1930 г. под руководством Б. С. Жукова.

В виду того, что могильник был уже много раз раскопан и не только не исключена была возможность отсутствия на могильном холме нетронутых мест, напротив, последнее обстоятельство представлялось наиболее вероятным, Академический центр Татареспублики, организовавший совместно с Антропологическим институтом экспедиционные исследования 1930 г., поручил заведующему Археологическим отделом Центрального музея Татареспублики Н. Ф. Калинину произвести предварительное обследование памятника с целью выяснения современного состояния могильного холма и узнать, не находят ли местные жители после весенних разливов р. Камы и ее притока Тоймы человеческих костей или бронзовых предметов, вымытых из могильника.

Разведка Н. Ф. Калинина, на основании рассказов местных жителей и стариков, участников или очевидцев прежних раскопок могильника, вскрыла прежде всего грандиозность этих раскопок. Так, например, на работы под руководством П. В. Алабина в 1858 г. «согнали» крестьян с трех ближайших деревень б. Удельного ведомства в количестве свыше 100 чел., которые прорыли огромную траншею («канаву») по направле-

¹ Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien, 1877.

² А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale.

³ Археология восточных губерний России, вып. I.

⁴ А. М. Tallgren, там же.

нию с востока на запад; земля, выбрасываемая из траншеи, увозилась на телегах. О том, как поспешно и грубо производились раскопки Алабина, говорится и в работе П. А. Пономарева «Ананьинский могильник» и в других работах.

Во время раскопок 1894 г. под руководством Пономарева, при участии А. Ф. Лихачева и Малиева, площадь могильника была прорезана траншеями по направлению с севера на юг, причем П. А. Пономарев в своем описании работ по ананьинской дюне говорит о целой системе траншей, заложенных А. Ф. Лихачевым, не указывая их направления. Так как ни один из предыдущих исследователей памятника не оставил планов своих разрезов, указания местных жителей были чрезвычайно ценны.

Н. Ф. Калинин при осмотре могильника нашел часть черепной крышки и нижнюю челюсть человека в осыпи юго-западной части дюнного всхолмления. Таким образом, разведки Н. Ф. Калинина давали слабую надежду, что не весь материал памятника исчерпан предыдущими раскопками и размывами реки, но что еще возможна находка непо потревоженных мест.

Описывая поверхность могильного холма после его осмотра, П. А. Пономарев (1881 г.), Ф. Д. Нефедов (1893—1894 гг.) пишут следующее:

«На поверхности черноземного пласта, покрытой тощей травой, не без труда можно было различить несколько темных пятен — следов позднейших раскопок. Часть дугообразного вала на западном конце и узкая лощинка, которые становятся заметными только тогда, когда их укажут местные старики-крестьяне, — служат единственными свидетельствами обширных раскопок Алабина». ¹

«Ананьинский могильник... после сорокалетних раскопок и расхищений представляет безобразные груды земли и мрачные ямы». ²

«Печальный вид представляет в настоящее время этот памятник: по всей дюне лежат бугры черной земли, ямы, всюду рассеяны черепки, человеческие кости, камни...» ³

Песчаный холм, известный под именем Ананьинского могильника, представляет собою остаток большой дюнной гряды, вытянутой в общем с северо-запада на юго-восток, параллельно современному берегу р. Камы (рис. 1). Небольшие остатки этой гряды в виде невысоких песчаных холмиков, почти уничтоженных размывом Камы, находятся по обе стороны могильного холма на расстоянии около 500 м от него.

Самый могильный холм сильно размывает с юго-запада, так что дорога, находившаяся во время первых раскопок могильника с 1858 г. под самым

¹ П. А. Пономарев. Ананьинский могильник.

² Ф. Д. Нефедов. Археологические исследования в южном Приуралье и Прикамье в 1893—94 гг.

³ Там же.

холмом, в настоящее время проходит в расстоянии нескольких десятков метров к юго-западу (см. план могильника). Если верить старожилам, все прежние раскопки производились в части холма, смытой Камой. По этому поводу П. А. Пономарев в своей работе «Ананьинский могильник», упоминая об эскизе Шишкина, сделанном в последней четверти XIX в., где на окраине дюны, за изгородью, заметны отдельные черноземные холмики, пишет следующее:

«В настоящее время весенними разливами уже успело отрезать от дюны всю южную окраину, где стояла изгородь, и даже значительную

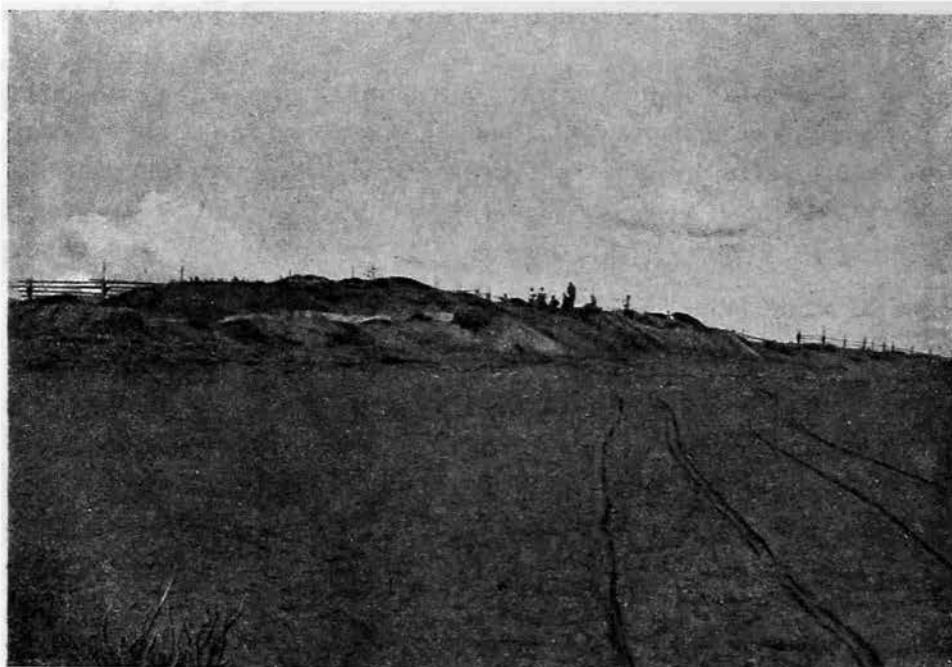

Рис. 1. Ананьинский могильник (могильный холм).

часть черноземного пласта, за противоположную, т. е. северную сторону которого давно уже пришлось перенести и изгородь».

Самый холм имеет два возвышения — восточное, где и производились раскопки, и западное, где жители дер. Ананьино до сих пор зарывают павший скот, причем при рытье ямы ни человеческих костей, ни бронзовых вещей ими никогда обнаружено не было.

Северо-восточная часть холма покрыта толстым слоем слоистого светлого песка, надутого в процессе движения дюны сравнительно недавно.

Поверхность могильника более или менее ровная, кое-где поросшая пучками редкой травы. Подъемный материал — фрагменты керамики, костей, бронзовых и железных предметов — рассеян на большом расстоянии, начиная от осыпи могильного холма до дороги, в юго-восточном направлении и от «Гуменщины» — остатка дюны у самой дер. Ананьино,

до небольшого возвышения в расстоянии около 500 м к северо-западу от могильника. Часть обломков керамики вполне соответствует обычному представлению о сосудах ананьинского типа, часть же отличается от него, — встречаются фрагменты плоских днищ.

Среди подъемного материала были найдены 2 бронзовых бляшки в виде двух рельефных кругов, соединенных перемычкой с петлями для прикрепления на обратной стороне.

Такие бляшки обычны для ананьинских погребений.

При зачистке края юго-западной части дюны обнаружена верхняя часть рукоятки ножа или кинжала с двумя загнутыми внутрь округлыми концами (один из них обломан) и часть какого-то бронзового предмета.

В первую очередь необходимо было вскрыть стратиграфию памятника и вместе с тем определить места, не потревоженные прежними раскопками. С этой целью была произведена зачистка осыпи дюны с юго-восточной стороны. Получилась следующая картина. Под слоем надвунного песка разной толщины залегает слой темнокоричневой, почти черной супеси, насыщенной гумусом, — «пласт жирного чернозема», в котором, по словам П. А. Пономарева, были вырыты могильные ямы. Под ним находится светлый слоистый песок, иногда с прослойками красной глины.

Характеризуя расположение и стратиграфию Ананьинского могильника, П. А. Пономарев пишет, что он расположен на гривке посреди южной окраины дюны, в том пункте, где дюна достигает наибольшей высоты и спускается в сторону Камы двухсаженной кручей, прикрытой сверху черноземом. Пласт чернозема имеет форму продолговатого овала, длиною в 30 саж. и шириною в 7 саж.; толщина черноземного слоя в средней части обрыва доходит до 3 арш., а во все остальные стороны постепенно сходит на-нет.

Этот-то едва заметный черноземный пригорок, находящийся на расстоянии версты к востоку от дер. Ананьинской, и есть большой Ананьинский могильник.

После выяснения стратиграфии, раскопки велись в нетронутых местах, очень немногочисленных и очень небольших по площади. Таких мест было обнаружено 6 и в одном из них, самом большом по площади, было найдено погребение (см. план раскопок, рис. 2).

В срезе юго-западной части могильного холма на фоне светлого дюнного песка очень ясно обозначилась могильная яма, выполненная слоем темнокоричневой супеси, которая углублялась в песок на глубину 1 м 10 см от поверхности могильного холма. На самом дне ямы обозначились концы бедренных костей ног человека.

На глубине 20 см среди светлого песка ясно вырисовалось могильное пятно в 1 м 20 см длины и 70 см ширины, вытянутое с СВ на ЮЗ. На глубине 50 см была обнаружена полоса сгнившего дерева, идущая по границе могильного пятна. Эта полоса быстро исчезла. Могильная

яма углублялась в слой светлого слоистого песка, лежащего в основании дюны на глубину 35 см. Общая глубина могильной ямы 110 см.

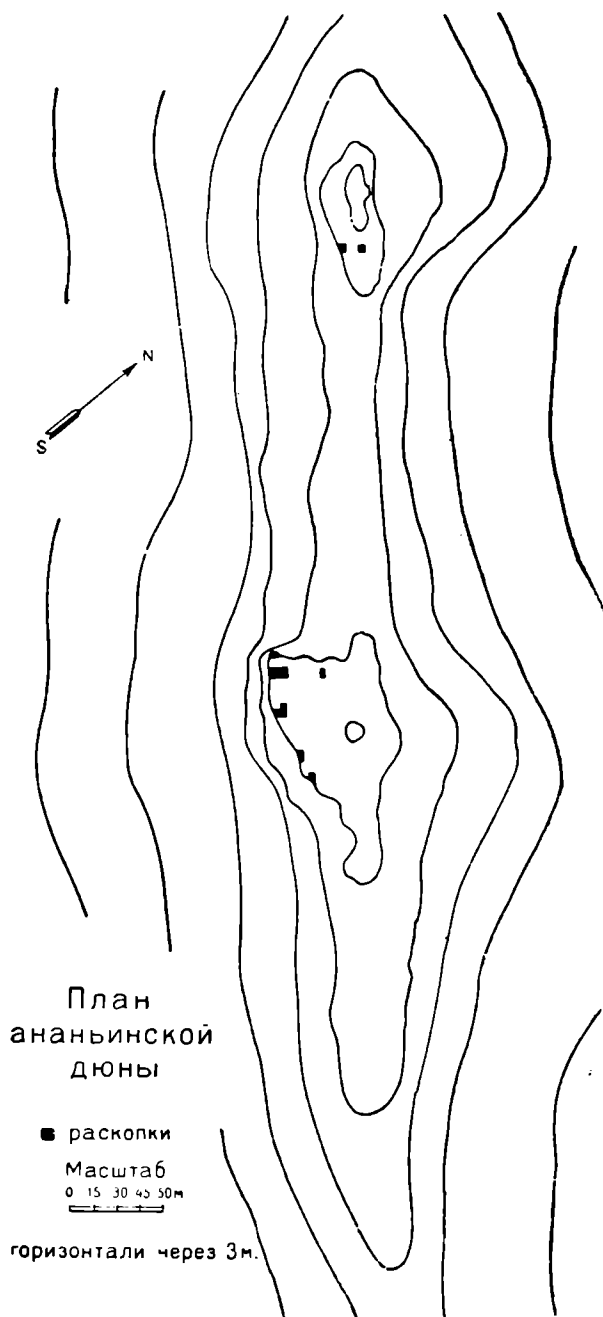

Рис. 2.

В могильной яме встречались угольки и мелкие косточки. В головах погребения были следы дерева, дававшего в плане впечатление следов воткнутых небольших жердей или прутьев.

Погребение было отчасти уже разрушено: берцовые кости и кости стоп были, повидимому, вымыты водой во время весенних разливов, которые уничтожили также и весь юго-западный край могилы.

Несмотря на очень осторожную расчистку скелета, оказалось возможным взять для лабораторной обработки лишь значительную часть черепа, нижнюю челюсть, ключицы, плечевые и бедренные кости. Кости таза, лопатки, ребра и позвонки, а также остальные кости рук частью не сохранились совсем, частью имели вид мелких, рассыпающихся при прикосновении фрагментов.

Кости ног скелета вероятно вследствие обвала, происшедшего после зачистки осыпи дюны в этом месте, находились значительно ниже общего уровня верхней части костяка.

Погребение (молодого мужчины) ориентировано на

СВ головой. Положение костяка — на спине, с вытянутыми конечностями. Череп раздавлен и лежал на правом боку (рис. 3—4).

При погребении обнаружены следующие вещи: в головах к СВ от черепа — мелкие жженые косточки и 2 левых плечевых кости лошадей

разной породы: одна — более крупной, другая — более мелкой.¹ Налево от черепа — бронзовый кельт обычного ананьинского типа с остатками дерева во втулке. Кельт — шестигранный, причем средняя грань значительно шире боковых.

Орнамент на обеих сторонах орудия состоит из рельефных линий. С одной стороны по краям втулки расположена зубчатая линия, ниже на средней грани находятся 4 горизонтальные линии, к которым на боковых гранях примыкают углы, направленные остриями к краям. Ниже параллельных линий на средней грани спускаются две пары изогнутых линий, достигающих до 2/3 общей длины орудия. С другой стороны орнамент несколько иной: по краям втулки расположены 2 волнистых линии и ниже 4-х параллельных линий на средней грани находятся 3 прямые вертикальные линии. Длина кельта 7 см, ширина втулки 5—6 см, ширина лезвия 5 см (рис. 5 и 6).

Недалеко от кельта, влево от черепа, лежала небольшая спираль из плоской бронзовой проволоки, с небольшой примесью серебра; длина 3 см, диаметр 1.3 см.

Подобная спираль была найдена П. А. Пономаревым в погребении Д, также возле черепа. Повидимому, это были остатки украшения, связанные с головным убором.

С правой стороны черепа вверху лежал железный нож со следами деревянной рукоятки. Поверхность ножа сильно попорчена ржавчиной. Повидимому, нож был однолезвийный, с дуговидным слегка выпуклым лезвием. Длина — 11.9 см, наибольшая ширина — около 2 см (рис. 7). Ножи такого типа известны и из Ананьинского могильника и из других памятников ананьинской эпохи.

Немного ниже ножа, также справа от черепа, помещалось большое железное копьё, древко которого, повидимому, примыкало к правой руке погребенного. Копьё, так же как и нож, плохой сохранности. Особенно

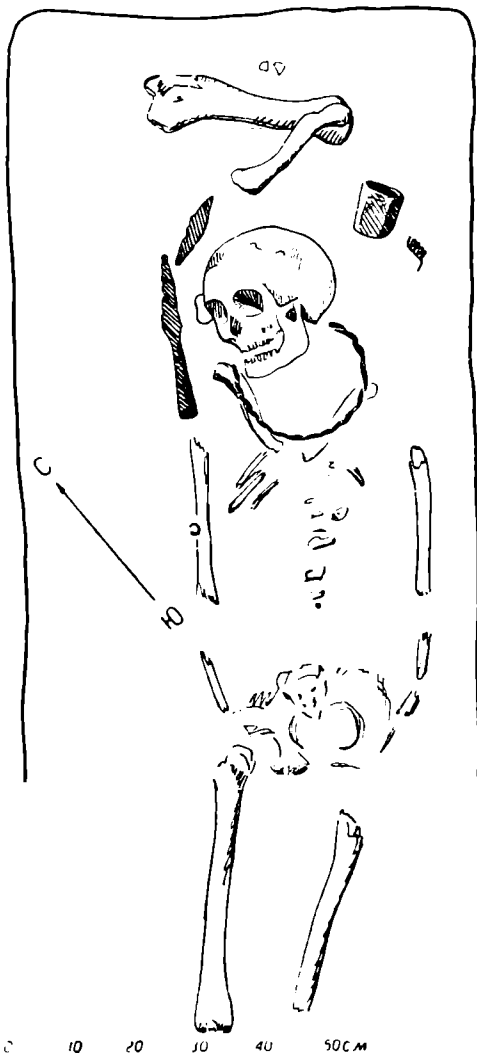

Рис. 3. Погребение мужчины (план).

¹ Определение костей сделано А. Н. Дружининым.

пострадало перо, имевшее, видимо, листовидную форму. Втулка довольно массивная, в нижней части — несомкнутая; часть нижнего края ее обло-

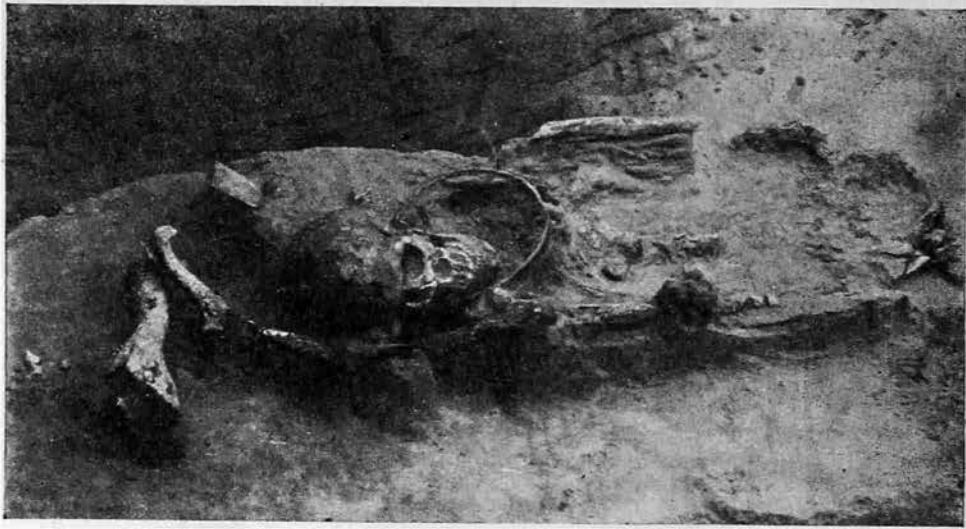

Рис. 4. Общий вид погребения.

мана. Длина пера около 12 см, втулки — 9 см (рис. 7). Железные копы имеются в коллекциях из раскопок Ананьинского могильника и представ-

Рис. 5. Бронзовый кельт ананьинского типа (лицевая сторона. $\frac{1}{1}$ н. в.).

Рис. 6. Бронзовый кельт (оборотная сторона. $\frac{1}{1}$ н. в.).

ляют собою обычную принадлежность погребального инвентаря мужских погребений.

Ниже черепа найдена бронзовая гривна из перекрученного четырехгранного дрота. Один конец ее расплюснен в плоскую лопаточку, другой

конец настолько плохой сохранности, что о форме его ничего сказать нельзя (рис. 8). Подобная гривна найдена П. А. Пономаревым при раскопках погребения Д.

У середины правого плеча лежало небольшое несомкнутое колечко из тонкой проволоки того же материала, что и спираль, диаметр его 1.3 см. Колечко может относиться к одежде, которая совершенно не сохранилась. Возле черепа лежало каменное орудие: окатанная водой галька желтовато-серого кварца, имеющая форму неправильной трехгранной призмы. Рабочими поверхностями служили боковые грани. Последние стертые, в особенности одна из них, а поверхность слегка заполирована.

Рис. 7. Копье и нож из железа (1/2 н. в.).

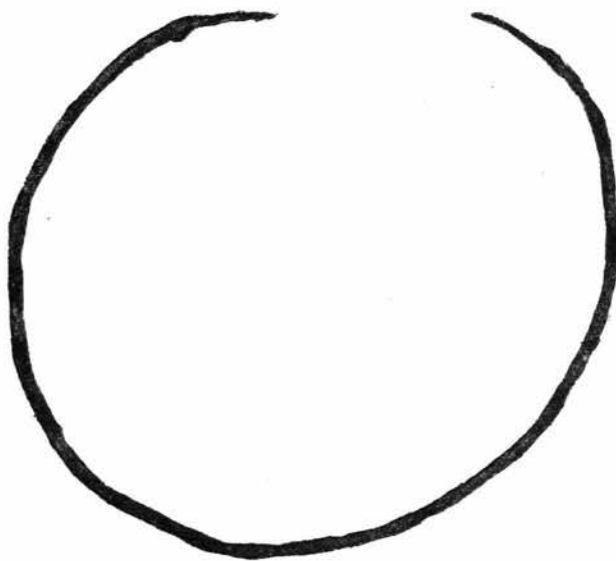

Рис. 8. Бронзовая гривна (1/2 н. в.).

Округлые плоские гальки со «стертыми», отчасти сбитыми краями найдены при раскопках экспедицией ГАИМК 1934 г. Галкинского городища, синхроничного Ананьинскому могильнику.

Два такие же предмета описаны в числе находок с Ананьинского могильника в работе А. М. Tallgren «L'époque dite d'Ananino...», р. 32, причем одно из них изображено на рис. 78 под № 5. А. М. Tallgren описывает их как орудия неизвестного назначения, не имеющие аналогий в литературе.

Под черепом лежал резец бобра, имевший, быть может, магическое значение.

Юго-западная часть могилы была разрушена еще до раскопок, и поэтому инвентарь погребения нельзя считать полным.

Как видно из сказанного, вскрытое погребение является типичным для Ананьинского могильника, но не отличается богатством инвентаря.

На материале одного погребения нельзя ставить вопрос о датировке памятника; поэтому приходится ограничиться указанием на датировку других исследователей, сделанную на основании анализа большого материала; А. В. Шмидт и А. М. Тальгрэн датируют Ананьинский могильник временем VI—II вв. до н. э.

Итак, работами экспедиции выяснено, что памятник почти окончательно разрушен раскопками, а также и весенними разливами. Нетронутые места встречаются редко и очень небольшими площадями. В дальнейшем возможно найти непо потревоженные участки с погребениями лишь при условии вскрытия всей площади могильного холма.

Описывая лежащий на ананьинской дюне пласт чернозема, достигавший в средней части обрыва мощности около 2 м, П. А. Пономарев не ставит вопроса, откуда он мог появиться на дюнном всхолмлении, связанном с древним течением р. Камы. Однако он пишет следующее:

«У подошвы дюны, на всем ее протяжении попадают в песок обделанные и необделанные кремни. Они встречаются и подле самого могильника, но опять-таки не в нем, а в песке, вымытом из дюны. Необходимость строгого разграничения этих памятников каменного века от древностей могильника выясняется уже из того, что первые встречаются в песке дюны совместно с характерными обломками глиняной посуды, не имеющей ничего общего с глиняной посудой могильника».

В результате сопоставления указанных данных, П. А. Пономарев приходит к заключению, что «песчаная дюна, почти сплошь затопляемая высокими весенними разливами, могла служить в период, предшествующий возникновению могильника, местом временных стоянок человека каменного века».

При этом П. А. Пономарев считает возможным провести аналогию между ананьинской дюной с ее памятниками и песчаными дюнами Оки, обследованными А. С. Уваровым, П. И. Кротовым и Н. Ф. Высоцким.¹

О древнем поселении на Ананьинской дюне, «там, где позднее был насыпан Ананьинский могильник», писал в 1893 г. А. А. Спицын, который в I главе своей работы «Приуральский край» (находки каменных орудий) сообщает, что «первый обнаружил здесь местонахождение каменных орудий П. А. Пономарев, добывший путем раскопок в окрестностях могильника кремневую стрелочку, несколько стрелковидных обломков, некоторое количество костей и своеобразные черепки».²

¹ Материалы по археологии восточных губерний России, стр. 13. П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанском ун-те, т. X., в. IV.

² Материалы по археологии восточных губерний России, вып. I.

Дальше А. А. Спицын описывает кремневые орудия с Ананьинской дюны в коллекции Малахова, а также доставленные им самим после поездки 1887—1888 гг. кремневые осколки, наконечники стрел и каменный обломок долота.

А. М. Тальгрэн в цитированной работе также говорит о том, что на дюне поблизости от могильника находились каменные и бронзовые предметы, не имеющие отношения к погребениям.

Еще при первом осмотре Ананьинской дюны в 1930 г. бросилось в глаза, что среди подъемного материала, состоящего из мелких обломков костей, кусочков бронзы и железа, обломков керамики, были встречены фрагменты плоских днищ глиняной посуды, которые не вязались с установившимися представлениями об ананьинских сосудах. Так как этот материал, очевидно, не имел отношения к погребениям, но мог принадлежать более древнему населению Ананьинской дюны, сотрудниками экспедиции было обращено особое внимание на слой темной супеси — «чернозема», о котором писал П. А. Пономарев.

В то время как в юго-западной части могильника темный слой с культурными остатками кое-где достигал мощности около 70 см, по направлению к СВ он становился все тоньше, уходя на значительную глубину под надувной песок.

Повидимому, главная часть поселения, которое существовало на Ананьинской дюне до использования ее для погребения, была в юго-западной части дюнного всхолмления. Об этом можно заключить и на основании данных раскопок 1930 г. и из вышеприведенных слов П. А. Пономарева, который говорит, что толщина черноземного слоя с культурными остатками в средней части обрыва доходила до 2 м.

Подъемный материал и, главным образом, находки в культурном слое свидетельствуют о том, что древнее поселение занимало большую площадь, простираясь дальше на ЮВ от могильного холма.

Весь материал, как найденный при раскопках, так и собранный на поверхности возле могильного холма, представляет собою единый комплекс. К сожалению, этот материал очень незначителен и состоит, главным образом, из фрагментов глиняной посуды (рис. 9) и костей животных.

Обломки глиняных сосудов в большинстве случаев очень небольшие. Исключение представляют фрагменты двух сосудов; один из этих сосудов удалось восстановить почти целиком.

Из всего керамического материала удалось выделить 63 сосуда. Все они сделаны от руки и имеют орнамент в верхней части. У половины их имеется примесь толченой раковины в глиняном тесте. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов в большинстве случаев заглажена при помощи тряпки или кожи, но у целого ряда фрагментов — при помощи зубчатого штампа, щепки и лощила, причем лощение не доведено до конца, имея вид отдельных блестящих полос на внешней, а иногда и на внутренней поверхности сосудов.

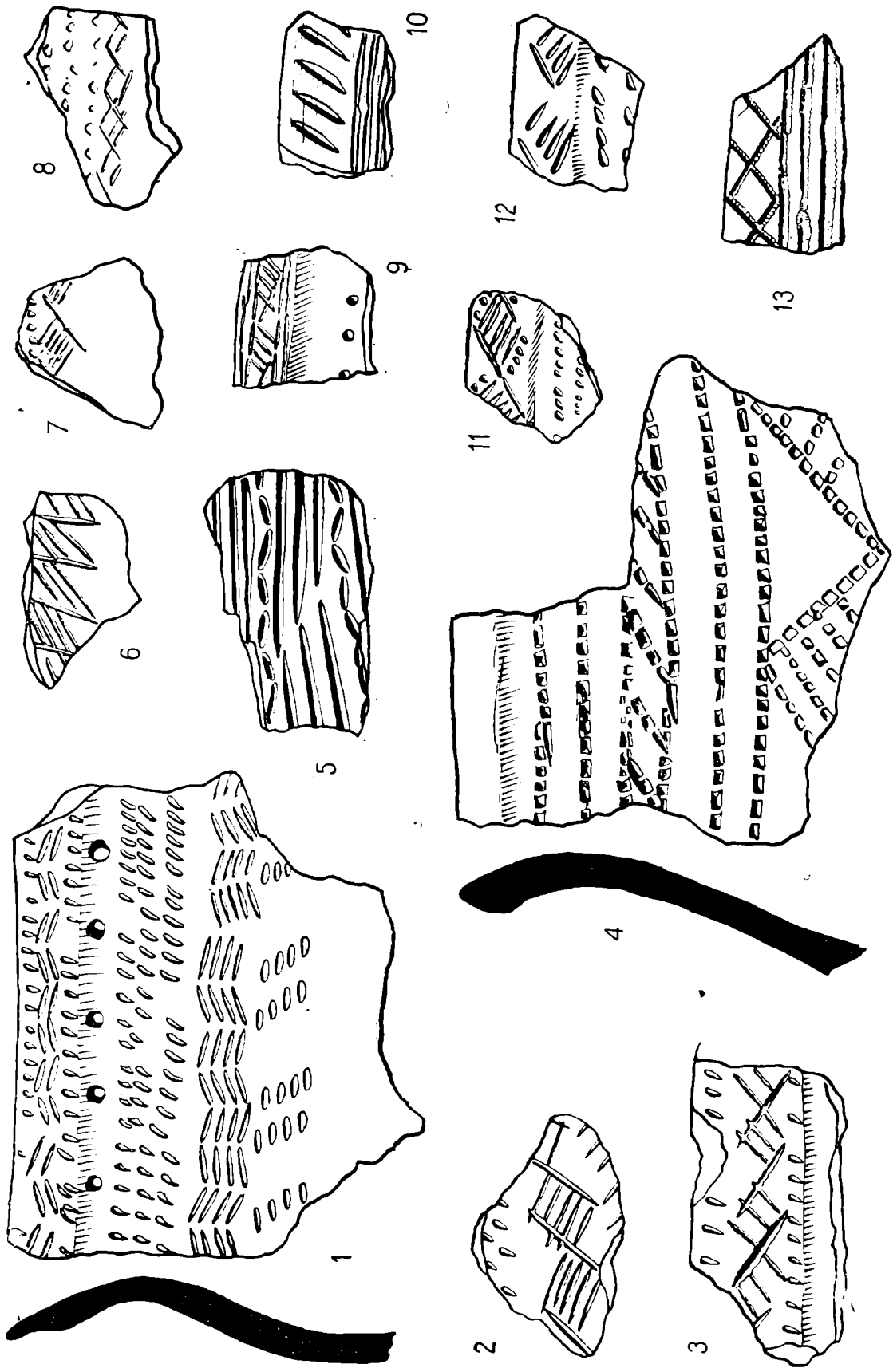

Рис. 9. Фрагменты орнаментированной глиняной посуды.

По форме все сосуды разделяются на 2 группы. К первой группе принадлежат плоскодонные сосуды с орнаментом из заштрихованных и незаштрихованных углов, ромбов и зигзагообразных линий, нанесенных движением острого предмета или зубчатым штампом, а также из ямочных вдавлений, расположенных по верхнему краю сосудов (15). К сожалению, описываемые фрагменты в большинстве случаев так незначительны по размерам, что точно установить форму каждого сосуда невозможно, но наличие среди обломков плоских дна, а также типичный орнамент позволяют более или менее определенно представить себе их формы.

Орнамент из заштрихованных углов, ромбов, зигзаговых линий характерен для сосудов срубно-хвалынской культуры, бытовавшей в среднем и нижнем Поволжье в течение долгого времени.

Сосуды с вышеописанным орнаментом относятся к поздней стадии развития этой культуры.

Керамика описанного типа с Ананынской дюны приведена в работе А. М. Тальгрена, который считает ее относящейся к более древнему времени, чем могильник, к медному веку.¹

Рис. 10. Глиняный сосуд (реставрирован. 1/2 н. в.).

Типичная керамика позднего срубно-хвалынского времени известна из раскопок могильника близ дер. Полянки в окрестностях Спасска б. Казанской губ., произведенных Н. П. Лихачевым в 1881 г.

Ко второй группе относится несколько сосудов из темносерой глины с примесью толченой раковины в глиняном тесте и шнуровым орнаментом, расположенным в верхней части сосуда. Безоговорочно к этой группе можно отнести 2 сосуда, от которых найдено большое количество фрагментов. Один из них удалось реставрировать (рис. 10).

Оба они имеют типичную форму ананынских сосудов, известных из раскопок П. В. Алабина и П. А. Пономарева. Это — чаши с округлым дном и выпуклыми стенками. Оба сосуда украшены шнуровым орнаментом, расположенным в верхней части. На одном из них орнамент имеет вид тройной зигзагообразной линии на месте перехода от шейки к стенке и пересекающихся линий, образующих ромбы на краю шейки и венчике.

Второй сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками, расположенными на шейке и плечиках сосуда (рис. 11).

¹ L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale, № 8—9, fig. 77.

Если мы взглянем на профили сосудов из раскопок Ананьинской дюны, в том числе и сосудов, имеющих орнамент из заштрихованных ромбов, то увидим, что здесь появляется уже признак, характерный для посуды костеносных городищ, — утолщение на шейке сосуда, так называемый «воротничок».

Археологические работы последних лет дают ряд оснований говорить о широком распространении так наз. срубной культуры, впервые открытой В. А. Городцовым в степях юга России и позднее исследованной П. С. Рыковым, В. В. Гольмстен, П. Д. Рау и В. А. Городцовым в Поволжье, где она бытовала и в более позднюю эпоху и известна под названием срубно-хвалынской. Но границы ее распространения до сих пор еще не установлены вполне точно: так, мы знаем поселения и могильник

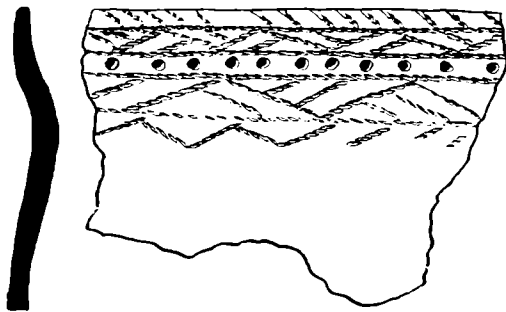

Рис. 11. Фрагмент глиняного сосуда с орнаментом (1/2 н. в.).

того же облика в Вязниковском районе б. Владимирской губ. (Липкинская дюнная стоянка и Мало-Окуловский курганный могильник). Наличие того же типа поселения можно установить в Ананьино и на селенье Отарка близ Ананьинского могильника, где экспедицией 1930 г. на приречных песках были обнаружены остатки древнего поселения, повидимому синхроничного Ананьинскому.

Следовательно, поселения срубно-хвалынского типа, широко распространенные в среднем и нижнем Поволжье и характерные для степных местностей, заходили далеко за границы современной степи, проникая в лесную область и соприкасаясь с типичными поселениями лесного края.

Но такое широкое культурное единство, которое мы можем проследить на большой территории, еще не говорит об единстве антропологического типа населения столь большой территории.

В коллекцию из раскопок Ананьинской дюны, кроме фрагментов сосудов, входит еще небольшое количество костей животных. Кости эти, по определению В. И. Громовой, принадлежат лошади, корове, свинье и мелкому рогатому скоту.

Следовательно, обитатели Ананьинской дюны имели уже все главные виды домашних животных, что говорит о развитом скотоводстве. Последнее совершенно естественно для срубно-хвалынских поселений позднего типа.

Вопрос об организации общества во время существования Ананьинского могильника и в предшествующие эпохи освещают две недавно появившиеся работы.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в работе «Родовое общество степей Восточной Европы», подвергнув анализу материал из раскопок на боль-

шой территории, в которую входит также среднее и нижнее Поволжье, характеризуют организацию общества для времени, предшествовавшего появлению Ананьинского могильника, — общества эпохи бронзы.

Для поздней стадии общественного развития изучаемой эпохи А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий устанавливают развитие земледелия и скотоводства, которые значительно увеличили общественное благосостояние и в то же время явились материальной базой для возникновения общественной дифференциации и обмена.

«Из установления нарастания экономического господства мужчины вытекает предположение, что на данной стадии общество, у мужчин которого в руках было основное богатство — скот, произвело уже ту „решающую революцию“, которая вызвала определение происхождения по мужской линии и наследование по отцу, тем самым и соответствующую форму семьи, т. е. патриархальную».

Инвентарь некоторых погребений Ананьинского могильника иллюстрирует закрепление тех патриархальных отношений, которые складывались в течение предшествующей эпохи, — некоторые погребения отличаются особой пышностью (могилы В, С и D из раскопок П. А. Пономарева).

А. В. Шмидт в своей последней работе «Очерки по истории северо-востока в эпоху родового общества», анализируя материал из раскопок памятников ананьинской культуры — могильников и мест поселения, приходит к выводу, что ананьинская эпоха — эпоха становления патриархально-семейной общины.

Хозяйство, в котором большую роль играли примитивное земледелие и скотоводство, а также охота и рыболовство, характерно для этой эпохи.

Развивается охота на пушного зверя, связанная с торговым обменом, и металлургия. В течение этой эпохи особенно важно развитие производства железных орудий, которое еще более усиливало значение мужчины. Обмен также играл значительную роль.

По мнению А. В. Шмидта, Ананьинский могильник дает нам отражение процесса образования частной собственности на скот, металлические предметы и украшения. Доказательством этому служит обилие погребального инвентаря как символическое и религиозное закрепление личных прав собственности в противовес родовым. «Мужчина, владелец имущества, оказывается владеет им и в „том мире“. Тем более сильным становится его право при смерти передать имущество сыну, а не отдавать его в материнский род. Положение личного имущества в могилу именно и следует рассматривать как эпизод в борьбе патриархальной семьи против рода». ¹

¹ А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока в эпоху родового общества. стр. 89.

Отмечая богатство могил вождей, А. В. Шмидт обращает внимание на тот факт, что в них имеются и обычные орудия труда, как показатель того, что все члены родовых групп участвовали в производственных процессах.

На основании находок могил без вещей (Зуевский могильник), А. В. Шмидт считает возможным установить в ананьинскую эпоху наличие рабства. Но таких могил в самом Ананьинском могильнике мы не знаем.

A. ZBRUEVA

LE CIMETIÈRE D'ANANINO

RÉSUMÉ

Le cimetière bien connu d'Ananino, qui a donné son nom à toute une époque de culture sur un vaste territoire au nord-est de la partie Européenne de l'URSS, est situé sur une butte dunaire près le village d'Ananino, canton de Tchelnine de la République Tatare. Il a été maintes fois fouillé à partir de 1858, tant dans un but scientifique que par les aborigènes en vue de l'extraction d'objets de bronze pour la vente. Aujourd'hui, la partie sud-est du cimetière, où se sont faites les principales fouilles, dirigées par Alabin et Ponomarev, n'existe plus, ayant été détruite par les eaux des crues automnales et printanières de la Kama. Sur une distance considérable tout autour du tertre, on rencontre épars à la surface des fragments d'objets en bronze et en fer et de poterie, dont une partie répond au type ordinaire de la poterie d'Ananino et l'autre en diffère.

Une mission envoyée en 1930 par l'Institut d'Anthropologie de Moscou sous les ordres de R. Žukov a exploré une sépulture masculine, déjà partiellement détruite, et a établi que dans presque toute la partie du cimetière encore existante le terrain était fortement retourné, ce qui ne donnait l'espoir de découvrir de nouvelles sépultures qu'à condition de fouiller des surfaces étendues. Ladite sépulture était orientée NE — SO, la tête vers le NE. Les ossements, qui étaient d'un homme jeune, gisaient dans une fosse de 1.20 m de long sur 0.70 m de large (dont l'extrémité SO avait été détruite par les eaux de la Kama), à une profondeur de 1.10 m. Les fémurs se trouvaient à un niveau plus bas que la partie supérieure du squelette. Les tibias et les os des pieds faisaient défaut, évidemment enlevés par les eaux de crue.

Le mobilier funéraire, du type ordinaire aux sépultures d'Ananino, consistait en un celté à section hexaédrique en bronze, une lance et un couteau en fer et un collier, une spirale et un anneau faits d'un alliage

contenant de l'argent. Sous le crâne était placée une pierre de forme prismatique à faces taillées et une incisive de castor. A cette extrémité du tombeau se trouvaient deux fémurs de cheval et de menus ossements calcinés.

Outre cette sépulture, on a fouillé en 1930 une petite parcelle d'une couche de sable limoneux foncé non remanié — couche archéologique appartenant à une station plus ancienne établie sur la dune d'Ananino avant que celle-ci ne serve de lieu d'inhumation. Le matériel trouvé dans cette couche comprenait des fragments de poterie et des ossements d'animaux. Leur analyse permet de rapporter cette station à l'époque ayant presque immédiatement précédé les inhumations, c'est-à-dire au début du 1-er millénaire avant notre ère, et d'établir que la culture dite d'Ananino provient d'une culture locale plus ancienne du type de Khvalinsk.

Cette conclusion est corroborée par les résultats de l'étude anthropologique des crânes de l'époque d'Ananino et de ceux des sépultures à fosses et des sépultures «à charpente» du type de Khvalinsk de la région de la Volga inférieure.

L'examen archéologique aussi bien qu'anthropologique conduisent donc aux constatations suivantes: 1) la culture d'Ananino s'est développée sur place de cultures locales plus anciennes; 2) elle est génétiquement liée à la culture «à charpente» du type de Khvalinsk de la région de la Volga moyenne et inférieure.

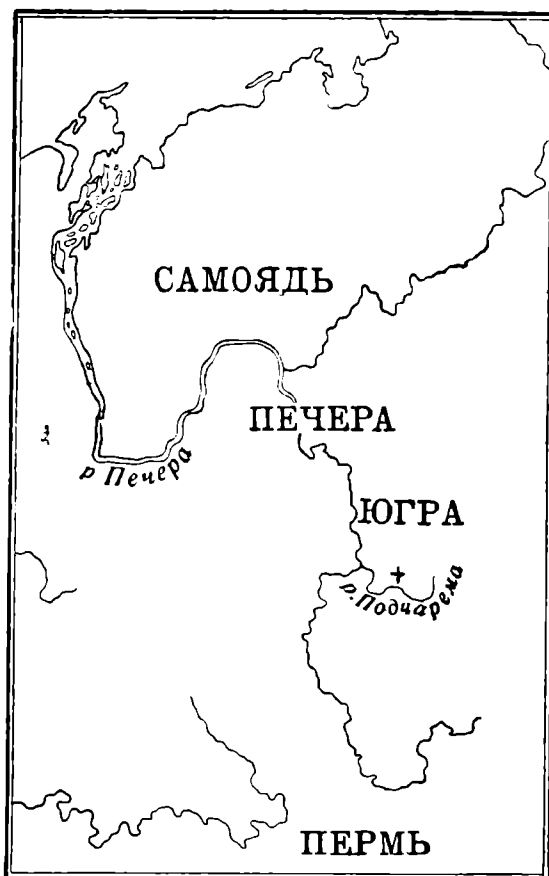
В. А. ГОРОДЦОВ

ПОДЧЕРЕМСКИЙ КЛАД

(Посвящается памяти почившего юного сына Игоря Васильевича Городцова)

В летний сезон 1929 г., в процессе геологических исследований западных предгорий Северного Урала, отрядом геолога проф. Е. Д. Сошкиной был найден чрезвычайно интересный клад так называемых чудских вещей. Находка сделана на правом берегу р. Подчеремы, правого притока р. Печеры (карта 1). Берег на месте находки высок и крут. Часть гребня его сползла вниз и увлекла с собою вещи, некогда закопанные в земле и теперь вновь обнажившиеся и открытые. Часть вещей попала в руки местных крестьян, работавших в геологическом отряде, но большая часть поступила в собрание студентки А. А. Колодяжной, сотрудницы экспедиции. Собрание ее состоит из 56 предметов, считая и обломки.

В 1930 г., продолжая в том же месте геологические исследования, проф. Е. Д. Сошкина вновь и более тщательно осмотрела место находки клада 1929 г. и нашла еще 14 предметов. Все эти предметы Е. Д. Сошкиной и А. А. Колодяжной были переданы мне для научного

Карта 1.

+ Крест обозначает место находки клада.

описания и сдачи на хранение в один из государственных музеев, что я и исполнил, передав 27 апреля 1931 г. все вещи на хранение в Государственный Эрмитаж. В 1933 г. геолог Н. А. Леднев передал две вещи в музей института антропологии и этнографии (МАЭ) при Академии Наук СССР, удостоверяя, что обе вещи взяты им у местного жителя, утаившего их при находке Подчеремского клада. К настоящему времени собрано всего 72 предмета. Все они принадлежат, несомненно, к одному кладу, так как в находках 1930 и 1933 гг. оказались вещи, парные с вещами 1929 г. Большинство из них замечательно по технике литья, отделке и орнаментации. К сожалению, прилагаемые рисунки не передают вполне их внешнего вида. Сохранность многих предметов превосходна: некоторые из них кажутся совершенно новыми, другие же достаточно свежими. В составе их имеются предметы бытовые и культовые. В число первых входят браслеты, височные кольца, бубенчики, привески, цепочки, спиральки и др.; в число вторых — образки и культовая утварь в виде ложек и наварший жезлов, украшенных изображениями божеств и священных животных, символических блях и привесок, в виде дисков и др. Очень возможно, что и все предметы клада обслуживали культовые потребности.

ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО ХАРАКТЕРА

1 и 2. Два парных спиральных браслета, сделанных из одинаково длинных пластинок, несколько суживающихся к одному концу. Широкие концы пластинок обрублены и имеют в ширину 0.8 см. Узкие концы пластинок завернуты в плоские петли; их ширина перед петлей не более 0.45 см. Для образования браслетов, пластинки завиты спиралью в три оборота. Узкие концы обеих пластинок, на протяжении 10.5 см, обвиты толстой нитью, может быть, цветною, но со временем утратившею окраску. Сверх нити наложена вторая обвивка узенькою бронзовою пластинкою так, что между оборотами спирали видна нить. Едва ли можно сомневаться в том, что более украшенная часть браслета направлялась по руке вперед к кисти.

3. Обломок переднего конца браслета, имевшего, как и предшествующие, двойную обвивку и плоскую петлю.¹ Ширина пластинки перед петлей 0.4, а длина всего обломка 105 см.

4 и 5. Два парных браслета, сделанных из длинных металлических пластинок, спирально завитых в четыре оборота. Ширина пластинок равняется 0.8 см. Оба конца одного браслета подкруглены; у другого же браслета один конец подкруглен, а другой украшен насечками.

¹ Сломанные предметы описываемого клада побывали в руках местных жителей, которые, захвативши их, ломали на части, чтобы определить, не золотые ли они, а потом возвращали обломки (к сожалению, не все) исследователям. В кладе же, повидному, все предметы были целыми.

Бронзовые спирально завитые в несколько оборотов браслеты на Европейской территории СССР сначала появляются на Кавказе, именно, они известны в составе Кобанских памятников XI—VIII вв. до н. э.; позже они появляются в скифской культуре, а еще позже — в восточно-финских культурах, причем ранее в камско-вожской (пермской), а после в окской; в последней они известны по Подболотьевскому могильнику VII—XI вв. н. э.

6 и 7. Два парных височных кольца, согнутых из круглых дротов, утоньшающихся к концам: один конец каждого дрота загнут в петельку.¹

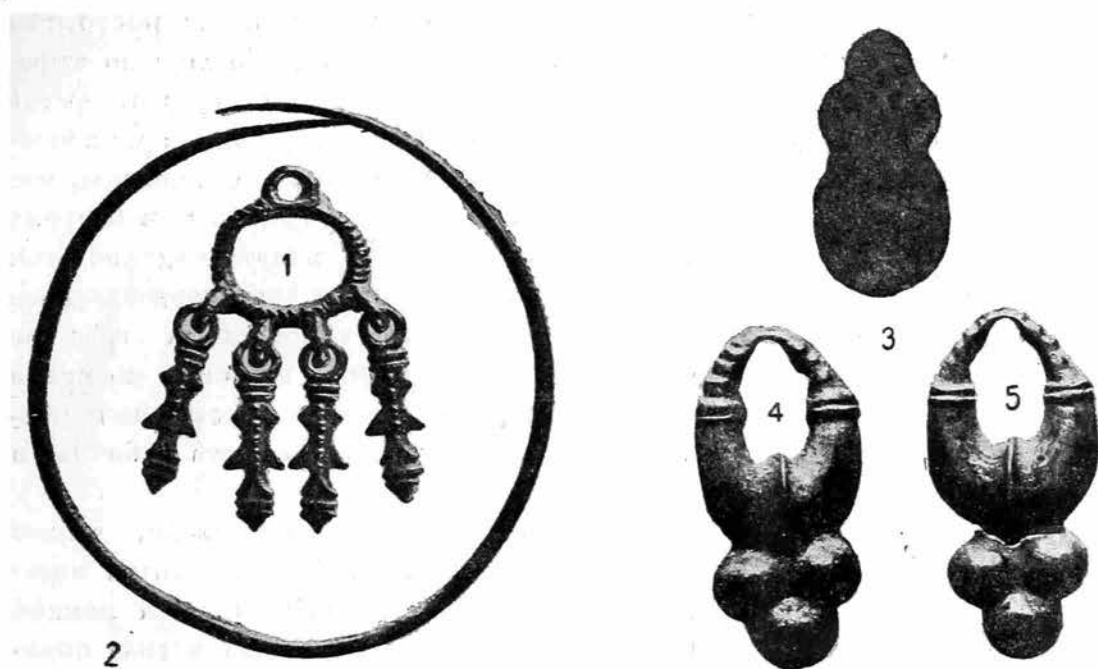

Рис. 1 — привеска; 2 — височное кольцо; 3 — медная пластинка; 4—5 — парные привески, $\frac{3}{4}$ н. в.

Диаметр колец равняется 8 см. На каждом кольце было по одной привеске (см. ниже, №№ 8 и 9, рис. 1 и 6). Височные кольца в Окской области появляются в первых веках н. э., о чем свидетельствует Борковской могильник близ г. Рязани, III—V вв. н. э. По своей форме и технике подчеремские височные кольца близки к бронзовой гривне Ишимского клада, Ачинского округа, приблизительно I—II вв. н. э.

8 и 9. Две парные привески, украшавшие описанные височные кольца. Привески одинаковы, каждая из них имеет форму эллиптического кольца с рубчатым орнаментом, воспроизводящим проволочную обвивку. Кольцо имеет сверху круглое ушко и четыре колечка внизу (рис. 1). Верхнее ушко служило для надевания привески на височное кольцо, а нижние колечки — для соединения с четырьмя листовидными привесками. Последние одинаковой формы и орнаментики. Любопытно, что листовидные подвески отлиты с кольцом в одной форме, что указывает на значи-

¹ Петелька одного кольца отломана и утеряна.

тельное искусство изготовления литейных сложных форм. Подобное явление в древних металлических вещах Восточной Европы не редко и хорошо характеризует местных мастеров литейного дела.

10 и 11. Две парных привески лунничной формы (рис. 4 и 5), получивших свое начало от скифских золотых лунничных серег; позже они существовали у сарматских племен. В подчеремском кладе эти формы представляются сильно огрубевшими, варваризированными и не кругло-выпуклыми, а односторонне-выпуклыми и орнаментированными только с одной лицевой стороны. Самое назначение их изменилось: прототипы их служили серьгами, а эти уже служат привесками, что хорошо выражено заменой иглы, служившей у серег для продевания через отверстие уха, простою дужкою, отлитую вместе с привескою. Дужки орнаментированы поперечными насечками; вершины дужек сильно сносены, что указывает на длительное употребление. Привески украшены в верхних концах парами поперечных выпуклых линий, а внизу — одиночными поперечными линиями и тремя дисками, может быть, воспроизводящими виноградные гроздья. Подобные изображения виноградных гроздьев (в форме пирамидки) в Печеро-пермском крае были известны во время великого переселения народов.¹ Лунничные привески надеты на вышеописанные височные кольца, причем одна из них была снята рабочим и сломана для определения — не золотая ли вещь.

12. Привеска эллиптической формы, напоминающей медальон, с ушком сверху и тремя выпуклыми дисками внизу (рис. 6). Средний щиток медальона гладкий, выпуклый, а по краям лучистый и обрамленный рамкой с веревочным орнаментом; нижние щитки, расположенные в виде пирамидки, также обрамлены веревочными узорами, напоминающими зернь. Ушко привески гладкое, имеет вид проволочной петли. Длина всей привески с ушком и нижними дисками равна 8,2 см, ширина 2,8 см. По общему стилю и величине медальоновидная привеска близка к лунничным привескам. Она также воспроизводит античные прототипы, именно золотые медальоны позднего сарматского времени (первых веков н. э.), распространенные в это время на юге Европейской СССР, но описываемая привеска более грубой, варваризированной формы.

13. Медная фигурно-обрезанная пластинка (рис. 3), имеющая на краях одной стороны ясные следы припаивания к какой-то вещи, похожей на только-что описанную медальоновидную привеску.

14. Височное кольцо, согнутое из скрученной проволоки (рис. 8). Концы кольца гладкие, постепенно утоншающиеся. Один конец, как у вышеописанных височных колец, был загнут в петлю, теперь разогнутую. Привесок на кольце не было. Диаметр его около 10 см.

15. Металлическая цепочка сложного витья, гибкая, в разрезе подчетырёхгранная (рис. 10). Оба конца цепочки вправлены в цилиндрики.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. III. стр. 82, рис. 86: на блюде изображена виноградная гроздь в форме пирамидки.

В один цилиндрик вставлен колокольчик (рис. 11), но не припаянный и легко вынимавшийся. Колокольчик украшен тремя выпуклыми поясками с насечками, напоминающими веревочный орнамент. В цилиндрик второго конца цепочки ничего не вставлено, но, возможно, что он соединялся с колокольчиком, найденным в 1930 г. (рис. 12). В цилиндрик хорошо также входит верхний конец пронизи, имеющей вид мухи-цикады (рис. 17). Длина цепочки 45 см; диаметр концевых ее цилиндриков около 1 см. Четырехгранные, кольчужные цепочки были распространены во время великого переселения народов; таковы: 1) прекрасная золотая цепь Суджинского клада IV в. н. э.; 2) золотая цепь Новочеркасского клада¹ и др.

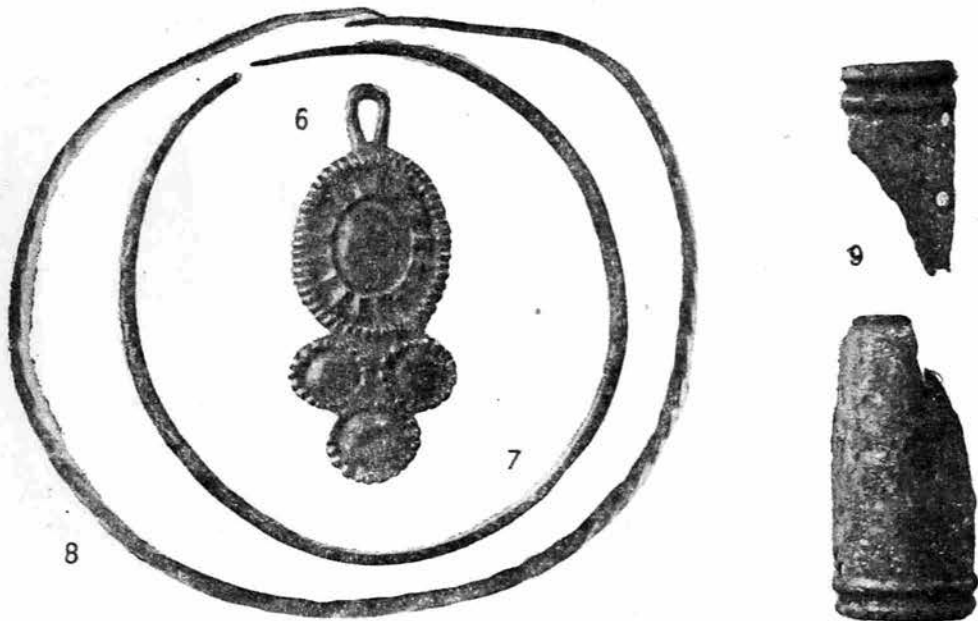

Рис. 6 — привеска; 7 — височное кольцо; 8 — то же, из скрученной проволоки; 9 — обломки цилиндра. $\frac{3}{4}$ в. в.

16 и 17. Два колокольчика (рис. 11 и 12), из них один имеет в высоту 4.7 см, другой 4 см. Меньший из них был вставлен в цилиндрик вышеописанной цепочки. Возможно, что и второй был также связан со вторым цилиндриком той же цепочки.

18 и 19. Две спирали с подвешенными на цепочках лапчатыми привесками (рис. 15 и 16). Одна из них имеет в длину 15 см, а другая 16.5 см.

20—24. Пять обрывков спиралей, повидимому оторванных от вышеописанных.

25. Двухскатная спираль, навитая на проволоку, длиной в 18 см (рис. 14).

26. Растянутая спиралька из узенькой двухскатной пластинки длиной в 7 см.

¹ Там же, стр. 138, рис. 162.

27 и 28. Две пронизи одинаковой величины и формы, в виде граненых трубочек, украшенных на концах выпуклыми поясками (рис. 20 и 21). Длина пронизей 4.5 см.

29. Пронизь гладкая, цилиндрическая, на концах украшенная выпуклыми полосками; длина 4.5 см (рис. 22).

30. Пронизь гладкая, цилиндрическая, на концах украшенная выпуклыми поясками; длина 4.9 см (рис. 23).

31. Гладкая цилиндрическая пронизь, украшенная на концах утолщениями в виде муфточек; длина 5.8 см (рис. 24).

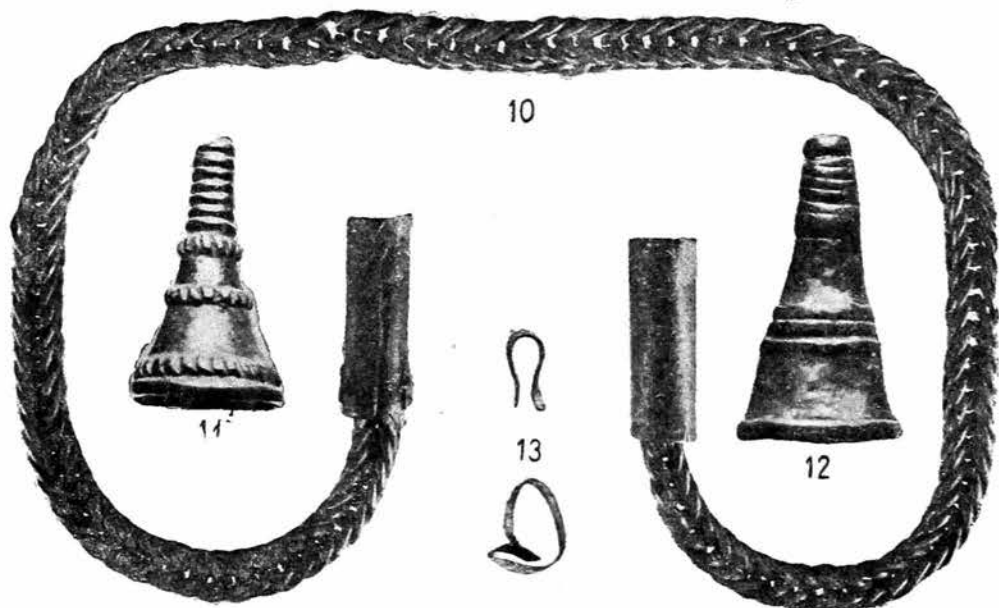

Рис. 10 — витая цепочка; 11—12 — колокольчики; 13 — металлические подделки. $\frac{3}{4}$ н. в.

Все описанные пронизи имеют почти одинаковые диаметры и могли нанизываться на один тонкий ремешок, составляя цепочку для подвешивания какой-нибудь привески.

32. Семь обломков тонкостенных бубенчиков, распавшихся на полушария (рис. 25).

33. Четыре полушария бубенчиков меньшего размера (рис. 26).

34. Два обломка тонких пластинок.

35. Тонкая и узкая пластиночка, согнутая в смятое колечко (рис. 13, внизу).

36. Два ушка от металлических привесок (рис. 19).

37. Два обломка от металлических пластинок.

38. Маленькая металлическая скобочка (рис. 13, вверху).

39. Пять обломков тонкой пластинки, украшенной вытисненными плоскими кружками. Ширина пластинки 1.4 см, общая длина их около 25 см. Бронзовые пластинки с подобными орнаментами найдены Ф. Д. Нефедовым в Котловском могильнике б. Вятской губ., Елабужского у., но пла-

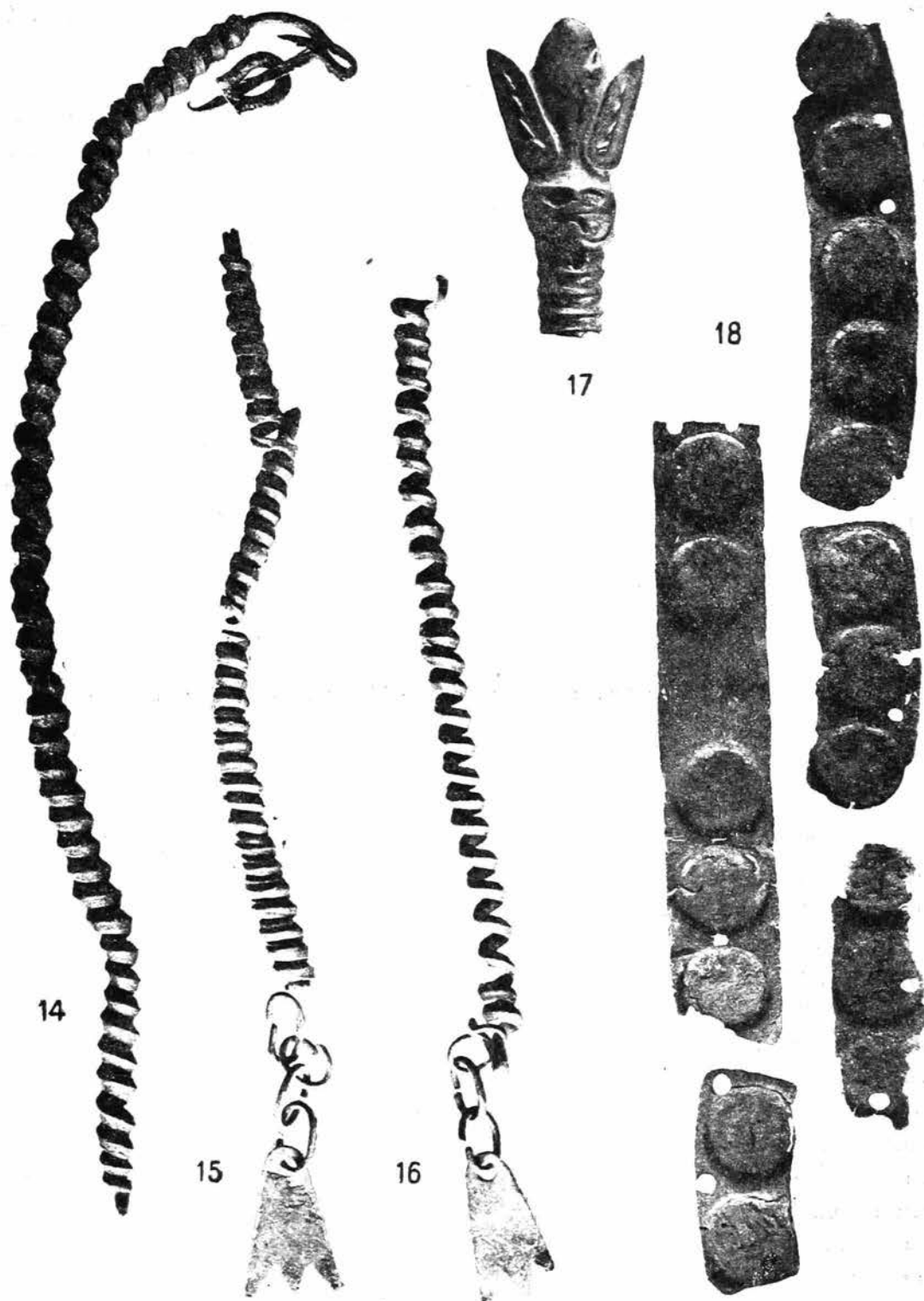

Рис. 14 — двухскатная спираль; 15—16 — спирали с подвесками; 17 — стилизованный верхний конец пронизи; 18 — обломки пластинок с бужгами. $\frac{1}{1}$ н. в.

стижки Котловского могильника короткие с двумя кружками,¹ тогда как пластинки описываемого клада длинные со многими кружками (рис. 18), однако их хорошо объединяет техника штампования кружков.

40. Два обломка, повидимому, одного металлического цилиндрика, украшенного выпуклыми поясками; на краях обломков видны круглые отверстия (рис. 9). По своей форме близки к пьяноборским первым веков н. э.²

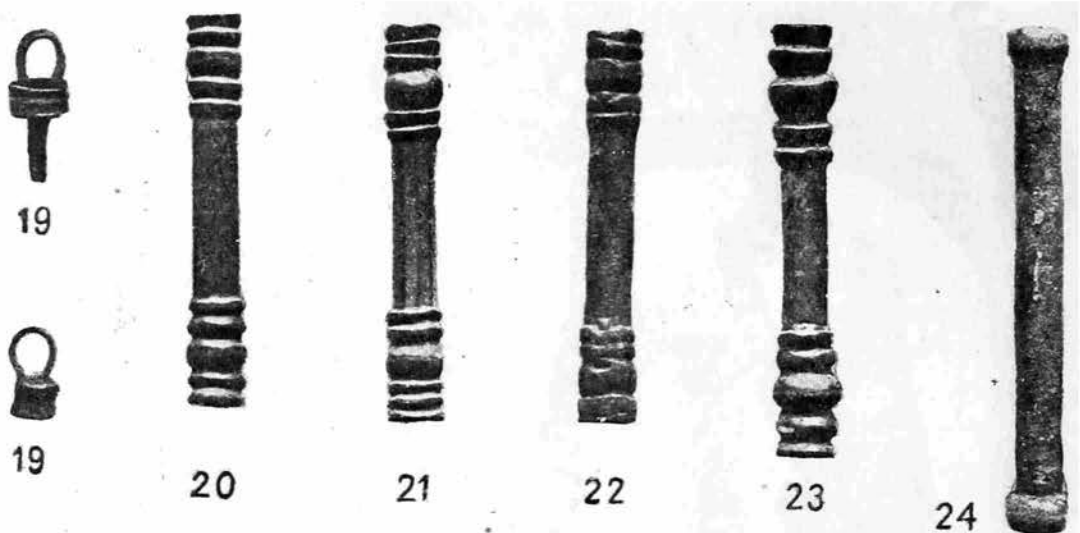

Рис. 19 — ушки от привесок; 20—24 — пронизи. $\frac{1}{1}$ н. в.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА

Прежде чем приступить к описанию культовых предметов уральского клада Подчеремы, необходимо коснуться самого культа, к которому относились предметы. Этот культ, насколько он выяснен по археологическим материалам, характеризуется обоготворением стихий природы: огня, воздуха, воды и земли, представлявшихся первобытному мышлению основными веществами мироздания. Символизируя стихийные силы, древнее население Печеро-Пермского края представляло стихию огня в форме круга, отображающего круг солнца, как первоисточник огня и жизни; стихию воды — в виде рыб и других существ, связанных с водою; стихию воздуха — в виде птиц и змеек, из которых последние напоминали змейки молний и небесные пространства, пересекаемые молниями; стихию земли, в данном случае очень богатую лесами, — в виде лесных зверей (медведя, лося) и лесных птиц (тетерева, рябчика) и др. Символизированные таким образом божества, соответственно отношению их к человеку, были разделены на главных и второстепенных, или на великих и малых, сильных и слабых.

¹ Материалы по археологии восточных губерний, изд. Московским Археологическим обществом, т. III, стр. 57, рис. 13, и табл. 12, рис. 26—28.

² Там же, табл. 15, рис. 10, и стр. 74.

А. А. Спицын дал всем «чудским» богам название «сульде»; название не очень удачное, но, за неимением лучшего, мы охотно используем его в настоящей работе. Сульде-отец отображает стихию огня, а вместе светила небесные и весь свет вообще: он оплодотворяет все живое и является хозяином всего сущего; он — великий охотник; его оружие — лук и стрелы; его трофей охоты — шкуры орлов, медведей, лосей и др. Сульде-отцу, в «чудском» изобразительном искусстве, присвоена довольно разнообразная иконография. Его изображают то в виде пожилого человека, то в виде человека с двумя или одним крылом, то в виде птицы с человеческой головой. Голова его покрывается шкурой с головы лося и реже — с головы орла. Ноги трактуются со ступнями или человека, или двукопытного животного (лося или оленя). Человеческие ступни имеют часто по три пальца; на руках же изображаются по три и по четыре пальца. Сульде-отец иногда путешествует по земле, но чаще несется на ящере, крупном водном животном. В покое он изображается сидящим с ладонями рук на коленях; в созерцании — стоящим, с руками, опущенными или упертыми в бока; в движении — мчащимся на ящере в сопровождении жены, иногда сына и второстепенных малых сульде; бурное его движение сопровождается быстро летящими и кричащими птицами и другими живыми существами; в семейном окружении — рядом с ним сидит жена (мать всего сущего), а иногда и сын, вероятно главный его помощник.

Сульде-мать является той богиней, которая существует в мифологии почти всего человечества со времени палеолитической эпохи; она отражает идею материнства, возникшую из первобытного миропонимания древнего человечества на социально-экономической базе матриархата. В чудской иконографии сульде-мать представляется в образе женщины, часто беременной и не только человеческими, но и животными плодами; последнее для указания, что она является матерью всего сущего. Ее часто изображают в длинной одежде с разными личными украшениями. Она совершает передвижения на ящере и верхом на коне, идущем по телу огромной змеи, символизирующей небесные пространства. Ее изображают то одну, то с сульде-сыном, то с сульде-отцом, ее мужем, то с тем и другим вместе.

Функции сульде-сына выражаются неясно. Он является спутником и, вероятно, помощником отца и матери.

Сульде-малые служат второстепенными божествами или духами. Они обычно сопровождают великих сульде. Их изображают то в виде мужчин, то в виде женщин. Очень вероятно, что первые являются преимущественно слугами отца, а вторые — преимущественно слугами матери.

На ряду с антропоморфными божествами, фигурируют и некоторые другие существа, пользующиеся очевидным культовым почитанием; таковы: ящеры, змеи, рыбы, некоторые виды птиц и животных. Изображения их сопутствуют антропоморфным божествам или служат привесками, играя очевидную роль амулетов. Этими изображениями украшается и культовая утварь: ручки ложек и навершия жезлов.

В Подчеремском кладе имеется металлических образков 3, пронизь в виде мухи-цикады 1, привесок птиц 5, привесок-коньков 7, привесок крылатых дисков 7, ложек 4 и наверхий жезлов 3. Всего 30 предметов. Все предметы металлические, литые, в окончательной отделке пройдены резцом. Литые в большинстве случаев очень тщательные. Некоторые формы отличаются большою сложностью и совершенством, указывающими на хорошее состояние местного литейного мастерства. Некоторые предметы выражают значительный художественный вкус. Мы начнем описание их с образков. Литые образков — одностороннее.

41. Культовое изображение на металлической пластинке шириною в 9 см и высотой в 4.5 см. На пластинке изображены две человеческие фигуры, сидящие на спине ящера (табл. I, рис. 1). В человеческих фигурах легко узнаются сульде-отец и сульде-мать. Впереди сидит отец, представленный без костюма, с лицом вправо. Над головой его изображена голова лося; в правой руке — жезл; непомерно крупный глаз представлен выпуклой точкой среди углубленной треугольной выемки; на руках и ноге по три пальца. Сзади сидит сульде-мать, пол которой подчеркнут стеатоцигией. Над головой ее та же голова лося, которая изображена и над головой сульде-отца. Голова животного изображена с большим глазом и длинным спущенным назад ухом; от головы спускается вниз его кожа, под покровом которой уются оба сульде. Глаз матери трактован так же, как и глаз отца, в виде выпуклой точки среди треугольной выемки. Правая рука простерта вперед, к спине отца; левая рука откинута назад, как бы для придерживания шкуры лося. На руках и правой, видной в изображении, ноге — по три пальца; от правого уха спускаются вниз две черточки, изображающие, по видимому, украшения.

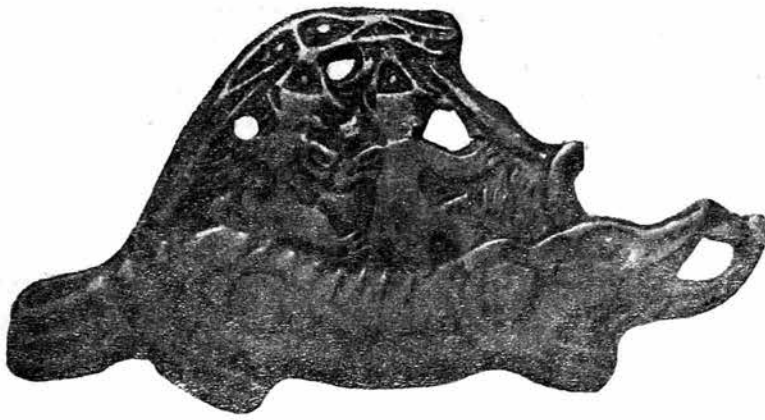
Ящер представлен в стремительном ходе вперед. Его голова напоминает голову рыбы (щуки); на затылке виден рог, поднятый вверх и немного загнутый вперед; глаз представлен выпуклой точкой среди овального углубления; под нижней челюстью обозначена борода или космы; спина щетинистая, лапы короткие и сильные с тремя пальцами каждая; мускулы плеча и бедра обозначены правильными выпуклыми кружками; хвост короткий и широкий, обозначен тремя космами.

Подобные образки в «чудской» культовой иконографии не редки. Мы знаем их в изданиях А. А. Спицына¹ и Д. Н. Анучина,² но, по сравнению со всеми изданными образками, описываемый имеет наиболее художественную трактовку.

42. Прорезной образец высотой в 6.5 см и шириною в 3.6 см. В середине образца изображен сульде-отец, идущий по земле, влево (табл. I, рис. 3). Его значение подчеркнуто изображением на темени головы орла или гри-

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 1, 94, 97 (образок с р. Ухты), 108 и 111.

² Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Мат. по археол. вост. губ., т. III, стр. 110, рис. 43, и стр. 111, рис. 49.

1

2

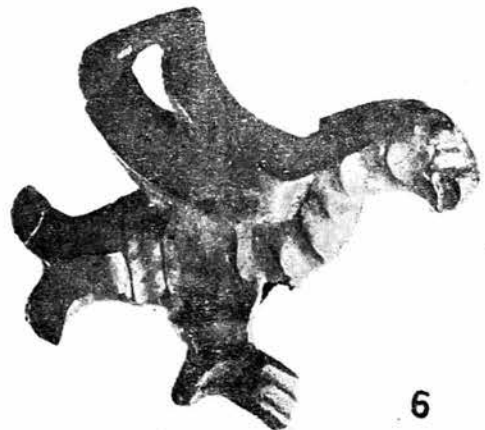
4

5

3

6

фона с большим глазом, выраженным выпуклым зрачком среди овального углубления; от затылка орла спускается лохол или грива, обозначенные тремя линиями. Голова сульде большого размера; лицо длинное с выдвинутым подбородком; глаз большой; на правой щеке резкая морщина; от уха спускаются вниз три коротких линии, обозначающие или украшения, или косы, или, может быть, даже шею птичьей головы, увенчивающей голову сульде (выражено неясно); шея сульде короткая; туловище мощное и все сложение коренастое; на руках обозначено по четыре, а на ногах — по три пальца. В левой руке сульде держит лук, в правой — две стрелы: сульде, очевидно, следует на охоту. Его сопровождают два малых сульде, представленные очень тощими фигурами, имеющими на головах лосиные головы на длинных шеях. Их руки и ноги имеют только по два пальца.

Изображения сульде с головою орла или грифона встречаются не часто: они известны на трех образках с р. Ухты и из д. Пешковой.¹

43. Прорезное культовое изображение шириною в 4.2 см, высотой в 3.2 см. На предмете изображен сульде-отец, сидящий на ящере, идущем влево (табл. I, рис. 2). Голова его повернута назад; взгляд устремлен кверху; подбородок сильно выдвинут, может быть, с целью обозначения бороды; левая рука вытянута вперед; правая опущена вниз к голове рыбы. Сульде одет в длинную одежду. Его сопровождают три рыбы, помещенные одна под рылом и две других сзади ящера. Рыбы, символизирующие стихию воды, в описываемой композиции обозначают движение сульде по водным пучинам. В «чуждской» иконографии рыбам иногда посвящаются специальные образки, что указывает на особое уважение к этим водным существам,² вероятно, игравшим в предшествующее время, а может быть и позднее значительную роль в хозяйстве.

44. Привеска в виде мухи-цикады, длиной в 4.3 см и шириною в 2.1 см (рис. 17). Привеска имеет значение даты и хорошего признака сношений с Крымом и вообще всем Причерноморьем. С цикадой описываемое изображение сближает округленное снизу брюшко и приделанные к телу крылья. Изображение напоминает медную, обложенную золотом цикаду из керченской катакомбы 1904 г., относящуюся к IV—V вв.³ Подчеремская привеска полая, сверху законченная цилиндром с выпуклыми поясками, который хорошо входит в цилиндрики вышеописанной цепочки (№ 15).

45—47. Три полых изображения тетерева, отлитые в одной форме (табл. I, рис. 4—6); у одной фигурки отбит клюв (табл. I, рис. 4). Длина целых фигурок равна 5, высота от лап до концов приподнятых крыльев 4.5 см. Фигурки отлиты и пройдены резцом не очень тщательно. Клюв загнутый, сильный, напоминает ястребиный; глаз очень велик и

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 131, 160 и 170; в последнем голова грифона возвышается над головой ребенка, очевидно, сульде-сына.

² Там же, стр. 106.

³ А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г., рис. 31.

выражен выпуклой точкой в середине овального углубления, обведенного снаружи круговой выпуклой линией. Перья на туловище изображены кривыми выпуклыми линиями; крылья подняты кверху; хвост разделен на две косицы; лапы толстые, имеют три пальца, направленные вперед, и один палец, направленный назад. В общем изображение хорошо передает характерные черты тетерева.

48. Полое изображение селезня, длиной в 4.4 см и высотой в 2.8 см (табл. II, рис. 1). Фигурка отлита очень схематично, без всяких украшений. Голова селезня сделана с ушами и напоминает голову лося, столь часто встречаемую в чудском искусстве. Глаза выражены слабо выпуклой точкой в продолговатом углублении; ноздри и уши обозначены также незначительными углублениями; ноги представлены двумя округлыми снизу лопастями; на хвосте характерная для селезня, приподнимающаяся кверху косичка; в спине, сзади шеи, имеется сквозное отверстие, указывающее на то, что фигурка служила привеской.

49. Полое изображение птицы, возможно, куропатки, длиной в 4.8 см и высотой в 3.5 см (табл. II, рис. 2). Изображение очень схематичное: клюв длинный и толстый, напоминающий морду лося. На голове два коротких уха. Глаза слабо выражены точечными углублениями. Ноги представлены двумя опущенными вниз лопастями; короткий хвост опущен вниз, как у куропаток; по телу вдоль проведены три орнаментальных углубленных полосы с выпуклыми точками внутри их. Подобный орнамент на полых фигурках птиц и животных чудского искусства наблюдается часто.¹ Наиболее близкое изображение птицы найдено в Грудятах, но последнее несколько лучше моделировано: грудятская птица без ушей и с более обильным орнаментом.² Близка также фигурка птицы, найденная в д. Марковой, которая имеет голову с ушами, напоминающую голову лося, но хвост ее трактован иначе и напоминает хвост селезня.³

Птицы многими народами в глубочайшей палеолитической древности почитались за божественные существа. Припомним изображения птиц из палеолитических стоянок с. Мезина, на р. Десне, и с. Мальты Иркутского округа. Все эти птицы вырезаны из кости. В металлический период самые цивилизованные народы Востока, Юга и Запада взирали на птиц как на выразителей воли богов, как на существа вещие и божественные. В плюмажи птиц облакались самые высшие боги древности. Такое отношение к птицам сохранилось и до наших дней и не только среди народов отсталых, в роде шаманистов, но, к немалому удивлению, и среди христианских народов, представляющих третье лицо своей божественной ипостаси в образе голубя. Можно полагать, что такое же отношение к птицам было и у древнего населения Печорского и соседнего с ним Пермского

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 300, 343, 347, 349, 350, 355, 356 и нек. др.

² Там же, рис. 340.

³ Там же, рис. 337.

1

2

3

4

5

6

7

Предметы культа (1/1 п. в.).

края, доказательством чему служит то, что некоторым изображениям птиц придаются головы священных животных (лосей), в чем выражается интелесный, но еще не разгаданный культовый синкретизм.

50—53. Четыре одинаковые привески-конька (табл. II, рис. 3—5).¹ Моделировка коньков двусторонняя. Отливка чистая. После отливки обработка закончена резцом, что послужило причиной несовпадения размеров, варьирующих в длину от 5.4 до 5 см и в высоту от 3.6 до 3.4 см. Голова с открытым ртом; ноздри вздуты и ограничены ясно выпуклым кольцом; глаза выражены выпуклой точкой среди продолговатой впадины; уши заострены, направлены вверх и вперед; шея длинная; тело вогнутое, седлистое; ног представлено две; каждая нога оканчивается колечком; хвост густой, связан с колечком задней ноги перемычкой. Вдоль уха, шеи и передней ноги идет выпуклая линия с косыми насечками, придающими линии форму шнура. По корпусу и задней ноге проведена выпуклая линия без насечек; эта линия на местах плечевых и бедренных мускулов разделяется, образуя нечто, напоминающее глазки, в середину которых помещены выпуклые, немного продолговатые точки. На спине помещено ушко для подвешивания к чему-либо.

54—56. Три одинаковых привеска-конька (табл. II, рис. 6 и 7).² Моделировка двусторонняя. Отливка чистая; после отливки фигурки пройдены резцом. Длина коньков 5.6 см, высота 3.3 см. Фигурки более массивные, чем предшествующие, и отливка их резче и выразительнее. Голова крупная; губы прорезаны глубоко; ноздри вздуты и обведены кольцевидным возвышением; глаза изображены выпуклой точкой в середине обширной выемки яйцевидной формы; уши длинные, направлены кверху и назад; шея короткая и широкая; корпус сутуловатый; ног две, каждая из них оканчивается кольцом; кольца связаны перемычкой, имеющей вид веревочки; хвост густой и длинный, соприкасающийся с кольцом задней ноги. Корпус, шея и передняя нога украшены веревочным орнаментом в одну линию; на спине имеется петля для подвешивания. Отдаленную аналогию описываемым конькам можно указать в бронзовом коньке Ильнешского городища, б. Сарапульского уезда.³ Ильнешский конек имеет также на спине петлю указывающую, что он служил, как и подчеремские коньки, привеской; его голова, шея, корпус и хвост трактованы иначе; ноги представлены в форме веревочек, не имеющих на концах колец, но эти ноги одинаково с подчеремскими связаны перемычкой в виде веревочки, что и сближает их.

Кони, подобно птицам, у многих народов пользовались мистическим уважением и признавались за божественные существа. Быстрые и горячие по своему характеру, эти животные во многих древних культах связы-

¹ Один конек поступил на хранение в Музей антропологии и этнографии при Академии Наук СССР; у этого конька передняя нога отломана.

² Одна привеска-конек хранится в МАЭ АН СССР.

³ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. Мат. по археол. вост. губ., т. III, стр. 64, рис. 20.

вались с обоготворяемым солнцем, являясь его символом. Такое отношение к коням существовало у приуральских и сибирских местных народов, в доказательство чего можно указать на бронзовые прорезные бляхи с р. Яи, из окрестностей Томска,¹ и из Ишимского клада, найденного километрах в 60 к северу от г. Ачинска, на которых изображены колено-преклоненные кони, стоящие на дисках, символизирующих солнце.² В Ишимском кладе найдено изображение другого бронзового конька, имеющего на концах двух своих ног овальные отверстия,³ сближающие этого конька с подчеремскими, что бросает свет на культовое значение последних.

Изображение коней в «чудской» культовой иконографии нередко. В этих изображениях кони иногда стоят или идут по телу змеи — символа небесных пространств,⁴ а иногда на них восседают великие судье.⁵ В виду всего сказанного, можно с значительной уверенностью считать и всех коньков Подчеремского клада за предметы солнечного культа.

В иконографии подчеремских коньков характерны и важны следующие черты:

- 1) скульптурная двусторонняя их обработка,
- 2) орнамент, имитирующий веревочный,
- 3) обозначение мускулов плеча и бедра кружками и
- 4) кольцевые изображения ноздрей и копыт.

По наблюдению А. А. Спицына, хорошо изучившего «чудской» культовой материал, скульптурные фигурки звериного стиля относятся к «золотому веку» «чудской» иконографии, время которого он относит к VIII—IX вв.,⁶ а А. В. Шмидт — к VI—VIII вв. н. э.;⁷ последнее определение, по нашему мнению, ближе к истине.

Орнамент, подражающий веревочному, в «чудской» иконографии нередок и часто переходит в точечный. Наиболее близким к веревочному орнаменту подчеремских коньков является такой же орнамент на предметах Ишимского клада.⁸ В обоих случаях орнамент хорошо воспроизводит натуру витя веревочек. Ишимский клад, судя по многим признакам, должен относиться ко времени не позже первых трех веков н. э.

Гораздо труднее определить время существования в искусстве манеры выражения мускулов плеч и бедер животных в виде кружков и волот. В пределах Европейской территории СССР эта манера возникает в сармат-

¹ Отч. Археол. комиссии за 1892 г., стр. 72.

² А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. V, рис. 1.

³ Там же, рис. 4.

⁴ Мат. по археол. вост. губ., т. III, стр. 125, рис. 79 и 80.

⁵ А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 228 и 231.

⁶ Там же, стр. 6.

⁷ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля. Оттиск, стр. 160.

⁸ А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. VI, рис. 5, 6, 8 и 10.

ской иконографии ранее начала н. э., но достигает наиболее широкого распространения в первых веках н. э., когда она усваивается готским стилем и передается к северным народам, которые удерживали ее в течение не менее тысячелетия. Более глубокие корни этой манеры кроются в среднеазиатском искусстве, из которого она была заимствована восточно-европейскими и западносибирскими народами. В предметах искусства Подчеремского клада эта манера была довольно распространена, и мы ее видим не только на коньках, но и на ящере одного из вышеописанных образков.

Еще более интересную черту представляют кольцевые изображения ноздрей и копыт коньков. Эта черта в искусстве возникает очень рано. Мы ее наблюдаем на дорогах скифских памятниках искусства, из которых золотой олень кургана Костромской станицы и золотая пантера кургана Келермесской станицы б. Кубанской области относятся ко времени VII—VI вв. до н. э., а золотой олень из кургана Куль-оба, близ Керчи, и золотая пантера, свернувшаяся в кольцо, найденная в Сибири, относятся к V в. до н. э.¹ Наиболее близкую аналогию по трактовке оконечности ног кольцом представляет птица (орел) Прохоровского кургана. Подобную птицу (орла) издал Д. Н. Анучин.² Еще более выразительным памятником художественной манеры украшать ноги кольцами является золотой орел из сибирского собрания Эрмитажа.³ Прекрасно выраженная кольцеватость ноздрей и конечностей имеется у коньков бронзового ажурного наконечника ножен кинжала из Минусинского округа,⁴ время которого близко к началу н. э. К этому же времени следует отнести бронзовую рукоятку ножа с головкой грифона из Котловского могильника Вятского округа⁵ (ныне Кировский край), где также хорошо выражена орнаментальная кольцеватость. В Ишимском кладе, относящемся к первым векам н. э., кольцеватость копыт коня уже заменяется овальными прорезями, указывая на вырождение манеры более древнего искусства.⁶ Между тем, эта манера в изображениях подчеремских коньков выражается так свежо и так ясно, как на лучших произведениях Восточной Европы и Сибири, относящихся ко времени до н. э. Для определения времени Подчеремского клада это явление составляет весьма важный признак. Изучая «чуждые» древности по изданным материалам, мы нигде не видим этого признака, а между тем изданные материалы, по мнению лучших исследователей, освещают период времени от VI до XIV в. н. э. Отсюда необходимо заключить, что

¹ Все четыре указанные золотые предмета хранятся в Гос. Эрмитаже, в Ленинграде.

² Мат. по археол. вост. губ., т. III, стр. 89, рис. 1.

³ Н. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. III, стр. 44 и 45, рис. 43 и 44.

⁴ А. А. Спицын. Археологический альбом, стр. 8, рис. 13.

⁵ Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье. Мат. по археол. вост. губ., т. III, стр. 57, рис. 14.

⁶ А. Ермолаев. Ишимская колл., табл. V, рис. 4.

коньки и, конечно, сопровождающие их другие предметы Подчеремского клада должны относиться ко времени ранее VI в. н. э. Этой дате, как мы увидим ниже, не противоречит и весь комплекс предметов, отличающихся такими чертами, какие не свойственны предметам позже VI в., с которого начинается все большее и большее падение «чудского» искусства, и если действительно существовал в этом искусстве «золотой век», то время его должно относиться не к IX и VIII вв., как это полагал А. А. Спицын, и не к VIII и VI вв., как, исправляя первую дату, указывал А. В. Шмидт, а к еще более ранним векам.

Что касается происхождения кольцеватого орнамента в древних памятниках территории СССР, то представляется очень правдоподобным, что оно было вызвано в жизнь сначала чисто утилитарными потребностями нашивать и набивать ювелирные украшения к тканям по более твердым (деревянными, костяным и др.) предметам. Первые кольцевые украшения должны были явиться на дереве и кости, а затем уже перейти на металлы. Хорошим образчиком, объясняющим древнейшее явление кольцеватых украшений в «чудском» искусстве, может служить костяная ручка ножа из вятских кировских костеносных городищ, обработанная в форме самой примитивной головки зверя, имеющего круглый кольцевой глаз, несомненно, выработанный металлическим циркулем.¹ Позже кольцевой мотив мог перейти в волюту и другие более живые орнаментальные фигуры.² Указывая приведенные примеры, я не хочу сказать, что примитивно обработанная костяная рукоятка ножа с кольцевым глазом зверя древнее рукояток более совершенной скульптурной обработки и с волутным орнаментом; нет они могли и сосуществовать, но первый из них несет более древние традиции кольцевого, циркульного орнамента.

Покончив с описанием коньковых привесок, переходим к описанию не менее интересной группы дисковых привесок. Таких привесок в кладе найдено семь; они легко подразделяются на два типа: 1) птичьего и 2) гроздьего. Все привески составлены из двух парных дисков, связанных перемычками. С лицевой стороны привески пройдены рездом и тщательно полированы, с обратной же стороны оставлены без всякой добавочной обработки.

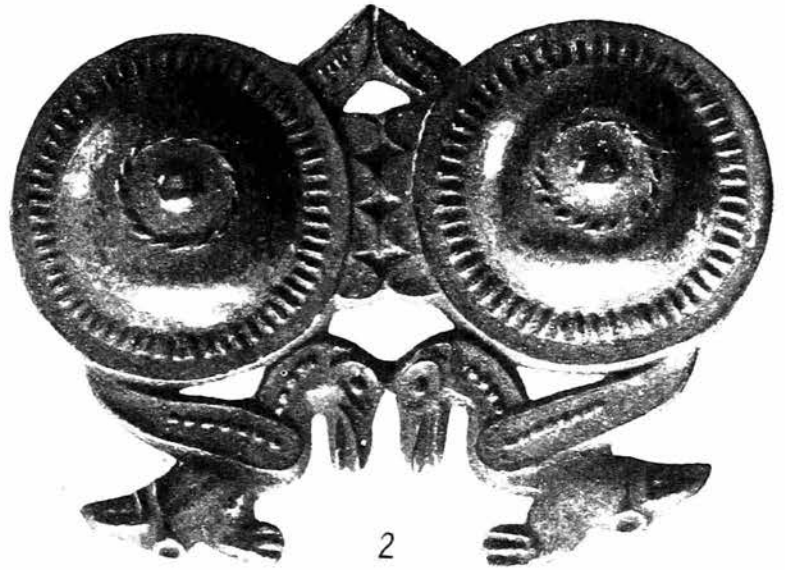
57—60. Четыре дисково-птичьи привески (табл. III, рис. 2 и 3) шириною в 8.5 см и высотой в 6.3 см. Диаметр каждого диска равен 3.8 см. Диски одинаковой округлой и выпуклой формы. С лицевой стороны их украшают: 1) центральные круглые выпуклости, напоминающие полусферные умбоны щитов, 2) внутренние кольца хорошего веревочного орнамента и 3) внешние более крупные кольца, украшенные поперечными линиями, сообщающими лучистость дискам. Каждый диск поддерживается летящей птицей. Птицы парные лбами соприкасаются друг с другом. Клювы

¹ Мат. по археол. вост. губ., т. I, табл. VIII, рис. 1.

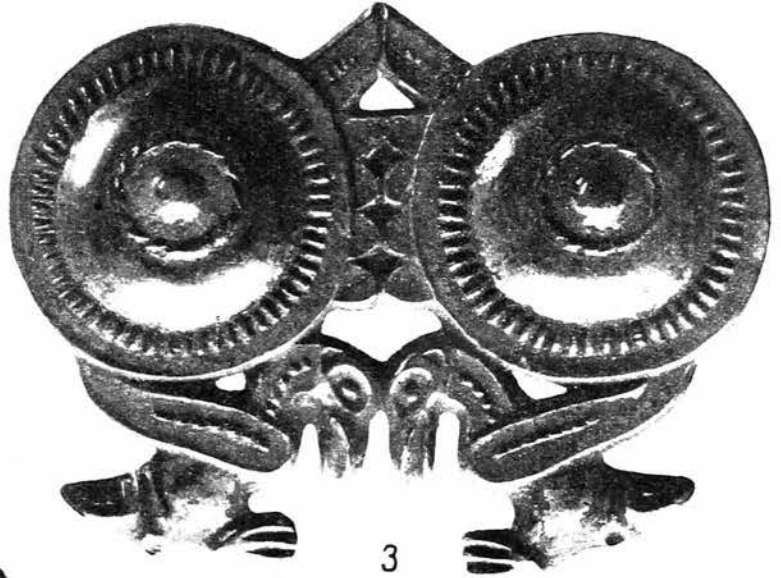
² Там же, рис. 2 и 3.

1

2

3

4

5

Предметы культа (1/1 п. в.).

птиц — орлиные; глаза изображены выпуклой точкой в середине овальной впадины; шеи украшены точечными или, может быть, веревочными линиями; крылья длинные, к концам заостренные; серединой каждого крыла проходит линия веревочного орнамента; хвосты отделены от корпусов парами выпуклых гладких линий; мощные, грубовато моделированные ноги представлены с тремя пальцами. Совершенно особый интерес возбуждают перемычки, соединяющие парные диски; из них верхняя составлена из двух конечных отрезков птичьих крыл, трактованных совершенно одинаково с концами крыл птиц, поддерживающих диски снизу. Серединой этих крыловых отрезков также проведены орнаментальные веревочные линии. Нижележащая широкая перемычка украшена полуовалами, изображающими концы хвостовых перьев. Подобные полуовальные ячеистые перья можно видеть на фигуре птицы с изображением человеческого лица на груди из Томского курганного могильника VIII в. н. э.¹ Таким образом, в перемычках парных дисков Подчеремского клада чрезвычайно художественно выражены птичьи крылья и хвосты сияющих дисков.

Диски, в особенности сияющие, лучистые диски, в искусстве с глубокой древности являются выразительными символами обоготворяемого солнца. Будучи связанными с другими символами того же солнца в виде, напр., птиц, диски получили художественную разработку в самых цивилизованных странах древнего мира: в Египте, Месопотамии, Иране и Индии, откуда позднее распространились во все страны Европы и, может быть, Северной Азии. В западноевропейском искусстве символы обоготворяемого солнца в виде диска, соединенного с птицей, существовали в начале ранней поры неометаллической (железной) эпохи, а, может быть, и несколько ранее, в конце поздней поры палеометаллической (бронзовой) эпохи, как допускает это Дешелетт.² В «чуждое» искусство севера СССР эти символы проникли, насколько это известно, значительно позже, вероятнее всего, около VII—V вв. до н. э. Проникновение их совершилось разными путями, шедшими с юга и юго-запада. Достигнув северных стран СССР, иконографические символы объединились, синкретизировались и дали нечто новое и своеобразное. Хорошей художественной иллюстрацией такого объединения и синкретизации служат описываемые диски Подчеремского клада. Нужно удивляться способности того художника, который впервые обдумал и спроектировал такую композицию, соединившую в одно целое три иконографических символа обоготворяемого

¹ Материалы по доисторической археологии России, табл. I, рис. 10. Изд. Русск. археол. общ., 1899 г.

² J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, II, 426—470. Дешелетт дает хорошее разъяснение солнечных символов в виде дисков и птиц как порознь, так и в соединении их вместе. Но, кроме того, по этому вопросу существует очень обширная литература.

солнца: 1) лучистый диск, 2) крылатый диск и 3) птиц, жизнерадостных вестников столь дорогого на севере весеннего солнца.

В птичьих дисках Подчеремского клада ясно выражено их культовое назначение. Интересно отметить, что в произведениях культового искусства приуральской «чуди», развивавшегося после V в. н. э., произведений, подобных описанным, не встречается, что указывает на явление таких произведений в более раннее время. По чистоте отделки и близости к натуре веревочного орнамента подчеремские диски ближе всего стоят к предметам Ишимского клада, украшенным таким же веревочным орнаментом.¹

61. Привеска дисково-гроздиевая (рис. 27), шириною в 9 см и высотой в 7.3 см. Диаметр парных дисков привески равен 4.2 см. Диски

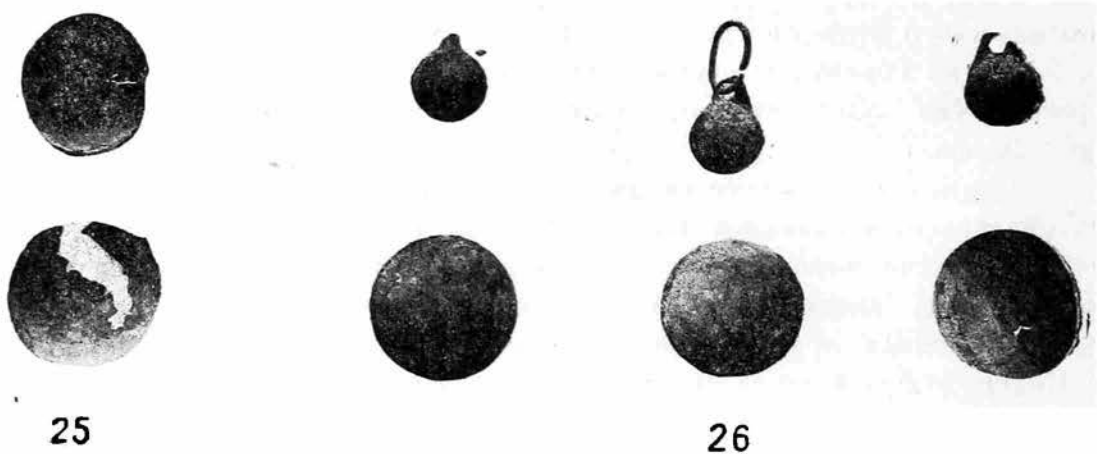

Рис. 25 — полушария от бубенчиков; 26 — бубенчики. $1\frac{1}{4}$ н. в.

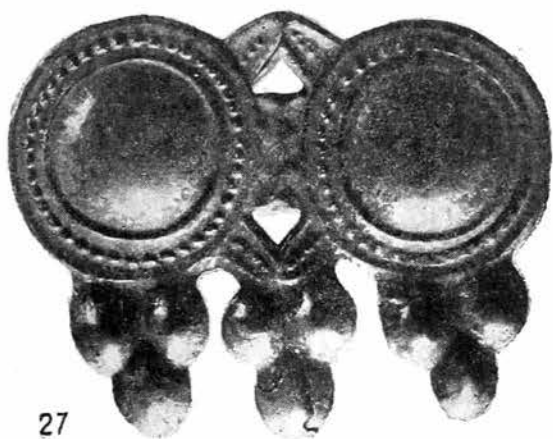
одинаковой формы. С лицевой стороны их украшают по две круговых выпуклых гладких и по одной пунктирной линии. Диски соединены тремя перемычками, образующими два трехугольных сквозных отверстия. Верхняя и нижняя перемычки представлены в виде соединенных отрезков птичьих крыл, украшенных посредине одной веревочной линией каждая. Отрезки крыл имеют совершенно такой же вид, как отрезки крыл описанных дисково-птичьих привесок. Точно так же трактована и средняя более широкая перемычка, покрытая полуовальными отрезками хвостовых перьев, но рисунок отрезков не так ясно передан, как в вышеописанных привесках. Под каждым диском и под перемычками подвешены изображения трех гроздей винограда, представленных в форме пирамидок из трех ягодок каждая. Привеска, повидимому, выражает ту мысль, что под благотворным влиянием крылатых дисков, символизирующих обоготворяемое солнце, произрастают плоды земные. Если это так, то интересно, что плоды изображаются не северной, а южной флоры. Это указывает, откуда шло то

¹ А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. V, рис. 8, и табл. VI, рис. 5, 8 и 10.

влияние, под действием которого слагались художественные образы и символы «чудского» приуральского искусства. В этом отношении описываемая вещь не менее любопытна, чем предшествующие. Подобных ей среди культовых предметов приуральского чудского искусства позднее V в., насколько известно в настоящее время, не существует.

62 и 63. Две совершенно одинаковые дисково-гроздевые привески несколько меньших размеров, шириною в 7.5 см и высотой в 5.5 см (рис. 28 и 29). Диаметр каждого диска равен 3.8 см. Вся наружная обработка и орнаментация совпадают с таковыми предшествующей дисково-гроздевой более крупной привески, с тою, однако, разницею, что диски их менее округлы и крылья птиц в верхней и нижней перемычках стали почти неузнаваемыми, а отрезки хвостовых перьев на средней широкой перемычке почти совсем не выражены. Такая разница указывает на то, что мастер резавший форму для отливки этих привесок, уже не понимал сокровенного смысла орнамента оригинала, с которого копировал свое произведение; между тем, он был, вероятнее всего, современником мастера, соорудившего предшествующие дисковые привески с полным пониманием смысла и значения их символической орнаментации.

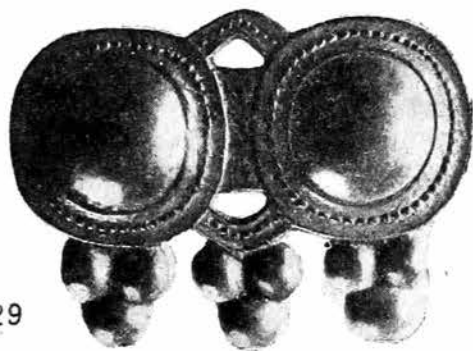
В дисково-гроздевых привесках любопытна художественная трактовка гроздей в виде трехъядерных пирамидок. Мотив этот в более позднем чудском искусстве отсутствует; он не наблюдается и в более раннем искусстве приуральской чуди: очевидно, он заимствован извне. Гроздевые мотивы в орнаменте очень распространены в искусстве народов Приднепровья, Крыма и Кавказа, где они совпадают по времени с циркулярными кружковыми

27

28

29

Рис. 27 — 29 — дисково-гроздевые привески. ¹ н. в.

орнаментами,¹ доведенными в Приднепровье даже до излишества.² Время широкой экспансии их относится к IV—V вв. н. э., но они известны и на вещах более раннего происхождения.

64. Ложка длиною в 17 см и шириною в 5 см (рис. 30 и 31). Лоточек ложки имеет в длину 10.3 см, а ручка 6.7 см. Лоточек хорошо углублен, эллиптической формы; по дну его продольно, серединой, проходят две выпуклых линии. Ручка художественно обработана в форме головы сульде-отца. Широко открытые глаза его смотрят на зрителя прямо; они изображены выпуклым зрачком, помещенным в середине большой впадины; нос острый с горбиной, хорошо выдвинут вперед, с широко вздутыми сквозными ноздрями; губы и подбородок выражены отчетливо; уши трактованы слабо, в одном из них имеется точечное углубление; головные волосы завиты в две косы, концы которых подняты кверху и связаны бантом; между косами оставлена щель, служившая, может быть, для подвешивания ложки.

В описываемом изображении сульде-отца имеется прекрасно выраженный и установленный тип, повторяющийся в иконографических произведениях разных времен чудского искусства. И что особенно любопытно, этот же тип наблюдается у птиц с человеческим лицом. В этом отношении особенно близко стоят птицы, из которых одна неизвестного происхождения, а другая из села Кимерть; обе изданы А. А. Спицыным.³ Повторяется этот тип и в других, главным образом, птичьих изображениях. Косы на голове сульде-отца встречаются также нередко.⁴

Лицевая поверхность ложки хорошо выглажена и слегка полирована; обратная же сторона оставлена в том виде, в каком она вышла из литейной формы. Изучая ложку с обратной стороны (рис. 31), можно заметить на ручке три отверстия: 1) щелевидное, на месте разделения головных кос и 2) два круглых отверстия, на месте ноздрей лицевой стороны; но что особенно интересно, так это то, что на месте соединения лоточка с ручкой изображены три выпуклых линии, похожие на проволоки, служившие для скрепления ручки с лоточком. Этих скреплений у других ложек описываемогоклада нет, и они, повидимому, не были нужны. Своею формою и расположением проволоковидные линии скреплений живо напоминают металлические проволоки, посредством которых римские ювелиры, в последние столетия до н. э. и первые столетия после

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, стр. 117, рис. 127—129. Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, табл. XIII, рис. 361, 365, 372 и 373. А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб, 1904 г., рис. 30.

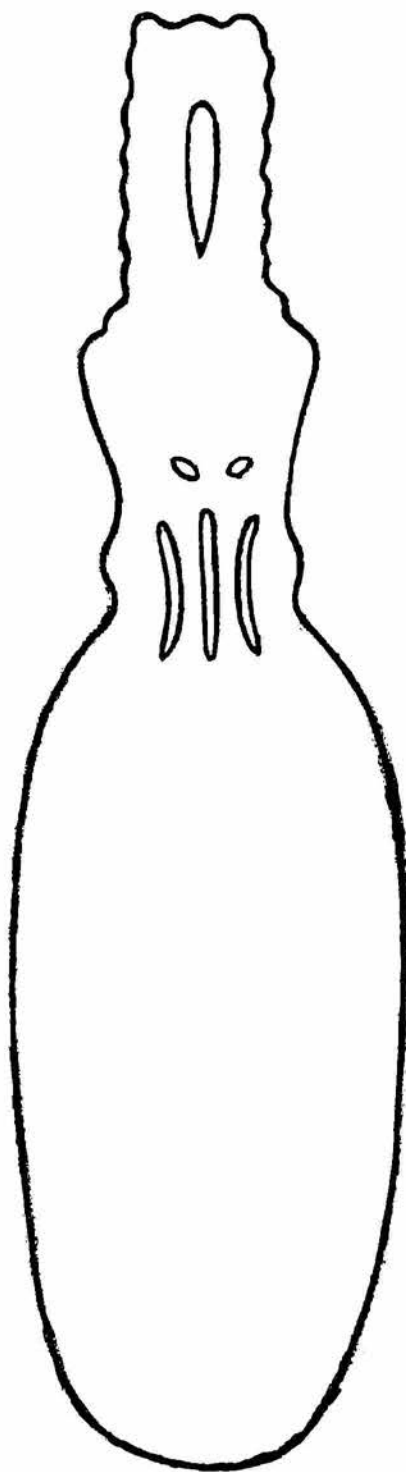
² Б. И. и В. Н. Ханенко, цит. раб., табл., VIII, рис. 254.

³ А. А. Спицын. Шаманские изображения, стр. 108, рис. 436, п. стр. 87, рис. 261.

⁴ Там же, стр. 86, рис. 237; А. Ермолаев. Пшимская коллекция, табл. VI, рис. 9.

30

31

Рис. 30 — 31 — ложка со стилизованной ручкой (30 — лицевая поверхность; 31 — оборотная). $\frac{1}{1}$ н. в.

н. э. скрепляли ручки с лоточками серебряных ложек,¹ а это показывает, какие реминисценции воспроизводит чудское приуральское искусство.

Л. А. Мацулевич в одной из своих работ,² описывая несколько ложек, относящихся к IV—V вв., замечает, что ручки в это время припаваются, а не прикрепляются проволоками, как это делалось в серебряных ложках галло-римского (более раннего) времени. Это указывает, что подчеремский ювелир воспроизвел детали ложек, относящихся ко времени ранее IV в. н. э.

65. Ложка длиной в 16.5, шириной в 6.7 см (рис. 32). Лоточек ложки овальной формы длиной в 7 см. Ложка найдена целою, но после находки ручка отломана. По дну лоточка идут три выпуклые линии, из которых средняя украшена поперечными насечками. Ручка имеет изящную художественную обработку: на конце ее изображена фигура медведя, лежащего на брюхе; его широколобая морда направлена к лоточку ложки; кончик носа выражен двумя поперечными выпуклыми линиями; глаза представлены выпуклыми зрачками (точками), поставленными в косых, продолговатых впадинах; уши полуовальной формы, отделены от головы рельефными линиями; передние ноги с тремя когтистыми пальцами, вытянутыми вперед; задние ноги, также трехпалые, вытянуты назад; лапы последних соединены перемычкой, замыкающей сквозное отверстие, необходимое для подвешивания ложки. Туловище медведя не видно: его художник ловко скрыл за широколобою головою. Медведь в мифологии урало-алтайской «чуди» играл роль божественного существа, и поэтому очень часто изображался на особых металлических пластинках-образках или, вернее, амулетах. Преобладают изображения головы с передними ногами; нередки и профильные изображения; но изображения в таком смелом художественном ракурсе, в каком представлен медведь на ручке описываемой ложки, очень редки. Голова, передние лапы и уши этого редкого экземпляра представлены, однако, в строго установленной канонической иконографии, которой чудское искусство следовало весьма продолжительное время. Характерными чертами этой иконографии медведя служат арочной формы уши, поставленные не сбоку, а наверху головы, и передние лапы, вытянутые вперед, параллельно морде. Таковы изображения голов медведя на металлических пластинках: 1) найденных на берегу р. Кыны, Кунгурского края, Пермского округа,³ 2) Гляденовского костыща того же округа⁴ и 3) Томского курганного могильника.⁵ Гляденовские изображения относятся к первым векам н. э. Датой им служат индопарфянские монеты:

¹ Musée Gallo-Romain de Saint-Germain-en-Laye. Cuillers d'argent (Epoque Romaine).

² Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 17 и 18.

³ А. А. Спицын. Шаманские изображения, стр. 102, рис. 378 и 380.

⁴ Отчет Археол. комиссии за 1897 г., стр. 50, рис. 144.

⁵ А. А. Спицын, цит. раб., рис. 376, и его же статья в одном из томов Зап. Русск. археол. общ.

1) Кадфиза 1, династии Турушки, царствовавшего от 30 г. до н. э. по 10 г. н. э. и 2) Санибара, царя Сакастана, царствовавшего в конце I в.

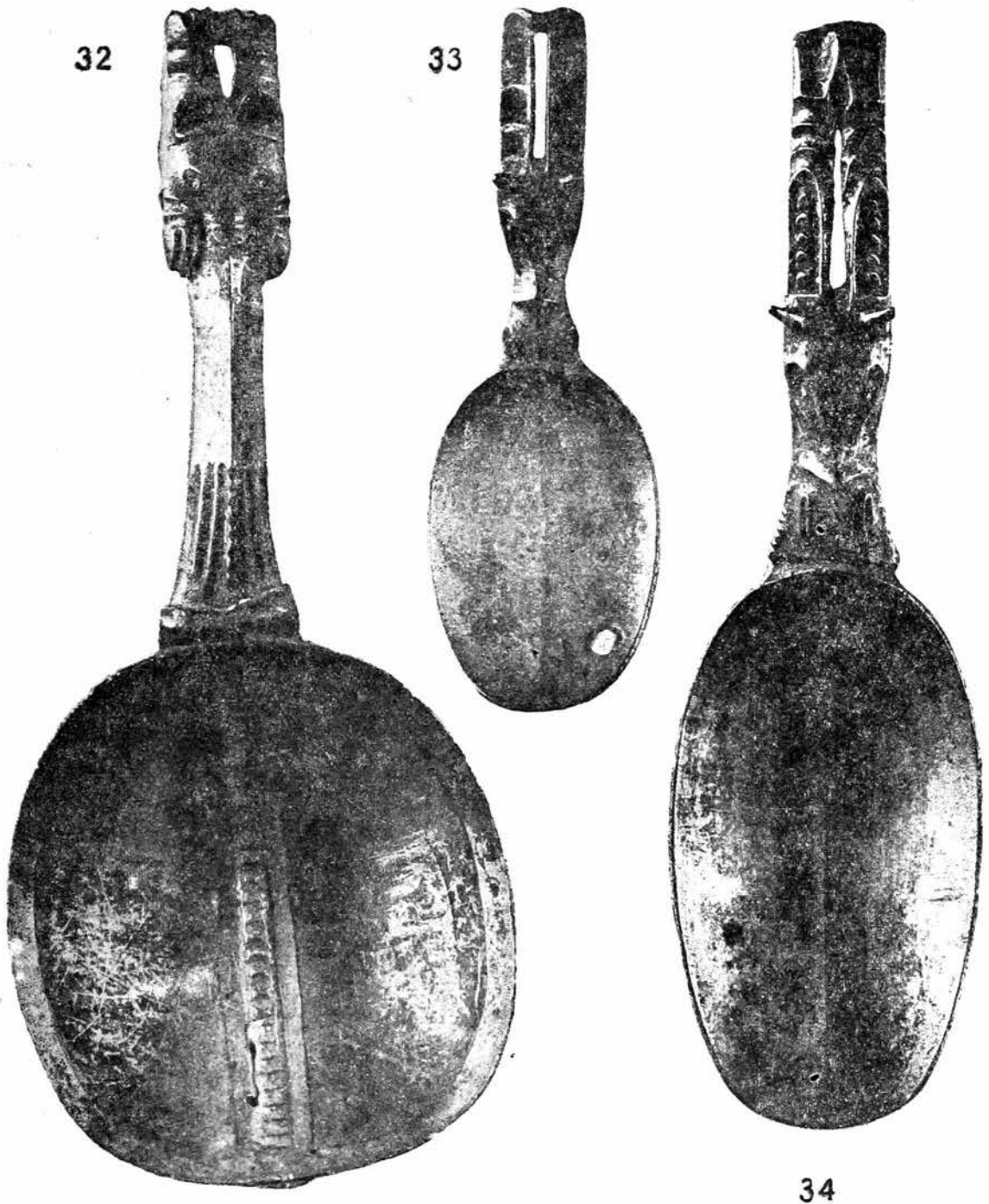

Рис. 32—34 — ложки со стилизованными ручками. $\frac{1}{11}$ н. в.

н. э. Мотив изображения головы или, вернее, передней части медведя en face был разработан скифами ранее н. э.: об этом свидетельствует бляшка из скифских Серогозских курганов,¹ на которой медведь изображен

¹ А. А. Спицын. Серогозские курганы, рис. 33.

в такой же позе, но более натуралистично. «Чудские» мастера, очевидно, подражали подобным образцам, придавая своим произведениям своеобразную стильность.

Особое внимание к медведю и его изображениям вызывалось у урало-алтайских народностей тем, что медведь у них был одним из древнейших и почетнейших тотемов, клятва и присяга которому считалась самою большою и нерушимую.¹

Ниже фигурки медведя ручка описываемой ложки становится двухскатною; гребень скатов, в нижней его половине, украшен насечками, а скаты — парами параллельных каннелюр. Ложка с лицевой стороны выглажена и слегка отполирована; с обратной же стороны оставлена неотделанною.

Металлическая ложка с овальным лоточком, похожим на описываемый, найдена Н. Г. Первухиным в б. Глазовском уезде, Вятской губ.² На ручке другой металлической ложки, найденной им же, прослеживается изображение, похожее на голову зверя, но неясное. Эта ложечка имеет эллиптический лоточек.³ Время ложек не определено.

66. Ложка длиною в 15 см, шириною в 4.4 см (рис. 34). Длина лоточка равна 7.7 см. Лоточек продолговатый эллиптической формы, хорошо углубляется; серединой его проходит продольная возвышающаяся линия. Ручка весьма художественной работы, представляет рогатую голову лося, при взгляде сверху. Фигура головы изображена в великолепном стиле. Уши выдвинуты в форме шпилек вверх. Зрачки глаз помещены в продолговатых глубоких впадинках; носовая часть отделена выразительно и натуралистично; рога вытянуты в плоскости лба, что вызывалось фигурой ручки; рога красиво стилизованы; вершины их соединены; между рогами оставлена длинная сквозная щель, могущая служить для подвешивания ложки, но для этой цели неиспользованная, что доказывается специальным ушком, отлитым с обратной стороны ручки, как раз над вершинами соединенных рогов.

Лося, как выше отмечалось, в «чудском» культе играли большую роль: изображения их фигурируют на всех чудских образках, где они, однако, никогда не передаются в такой художественной форме, как в описываемом случае, представляющем настоящий *chef d'oeuvre* ювелирного «чудского» дела.

Ложка с лицевой стороны тщательно выглажена и заполирована; с обратной же стороны оставлена только со слабыми следами отделки.

¹ Н. Харузин. Медвежья присяга и тотемистические основы культа медведя у вотяков и вогулов. М., 1899 г. В этом прекрасном исследовании автор приводит обширную литературу, ссылаясь на Новицкого (1715 г.), Палласа, Якушкина, Гондатти, Ahlquist'a, Самоквасова, Frazer («Totemism»), Marrilier («La place des totémismes dans l'évolution religieuse»), Patkanow'a, Ядринцева («О культе медведя»), Гондатти («Культе медведя») и мн. др.

² Н. Г. Первухин. Опыт археол. исследования Глазовского уезда, Вятской губ. Мат. по археол. вост. губ., вып. II, табл. IX, рис. 14.

³ Там же, рис. 15.

67. Ложка длиной в 9.5 см, шириной в 3 см (рис. 33). Лоточек длиной в 4.6 см. Ложка сходна с предшествующей, но в художественном отношении значительно слабее. Лоточек ее продолговатой эллиптической формы с продольной выступающей в середине линией. Ручка представлена в виде рогатой головы лося с выступающими вверх ушами и вытянутыми в плоскости лба рогами, но отделка деталей рогов и головы представляется более вялой, чем у предшествующей ложки. Между рогами оставлена сквозная щель, замкнутая в конце перемычкой, соединяющей рога и служащей для подвешивания ложки; с обратной стороны под перемычкой ушка нет. Лицевая сторона хорошо выглажена; обратная сторона носит следы потертости, может быть, от долгого употребления. В лоточке имеется сквозное отверстие, проеденное ржавчиной.

В «чудских» культурах Приуралья в настоящее время известны древние ложки деревянные, костяные и металлические; среди них есть ложки, довольно искусно обработанные и похожие на подчеремские, но еще неизвестны ложки такой художественной обработки, какую отличаются последние, представляющие как каждая в отдельности, так и в целом нечто неожиданное.¹

Подчеремские ложки разных размеров и форм. Но служили ли они для столовой потребности, это еще вопрос. Тот факт, что обратные стороны ложек оставались почти без всякой обработки, указывает на то, что они предназначались для декоративных целей. Известно, что приуральская «чудь» России и Сибири имела обыкновение украшать своих истуканов металлической посудой и разного рода привесками, поэтому невольно возникает мысль, не служили ли и подчеремские ложки для подобной цели? Украшающие их культовые изображения как будто говорят за это; а если бы это оказалось так, то можно было бы приписать такое назначение и всем прочим вещам клада.

68. Головка оленя длиной в 6.4 см, высотой от горла до вершины рогов в 3.9 см (табл. III, рис. 4). Предмет служил, вероятнее всего, навершием жезла. Фигура полая, ажурная, работы очень хорошей; особенно хороша отливка, требующая очень сложной литейной формы. После отливки предмет тщательно пройден резцом и выглажен. Стиль строгий и довольно изящный. Ноздри и рот прорезаны насквозь; зрачки глаз лежат в продолговатой глазной впадине, с выраженной слезничкой. Уши треугольные, украшенные линиями веревочного орнамента. Рога разветвлены и сведены концами друг с другом в форме купола. Горло и задняя часть черепа прорезаны насквозь. Прорезь горла эллиптической формы, длиной в 1.6 см и шириной в 1 см. Это отверстие могло служить для утверждения предмета

¹ В. С. Адрианов в 1935 г., в устье р. Полюя, притока р. Оби, близ г. Сале-Харда (б. Обдорска), на высоком берегу, на месте древнего селпща, нашел костяные ложки, ручки которых также украшены скульптурными изображениями высокого мастерства. Вещи хранятся в ИАЭ АН СССР. Автору настоящей работы они стали известны уже после того, как последняя была приготовлена к печати.

на ручке и для удобства отливки сложной литейной формы; первое менее вероятно, так как шея головки, сделанная в форме круглой трубки, указывает, что она служила для утверждения предмета на стержне. Шейная трубка украшена продольными каннелюрами. Диаметр ее равняется 1.3 см. Предмет мог служить навершием жезла. Совершенно схожая головка оленя издана в «Трудах VI Археол. съезда» Н. П. Лихачевым.

69. Голова барана длиною в 7.5 см, шириною в 3.5 см. (табл. III, рис. 5). Диаметр трубки 1.7 см. Отливка предмета не совсем удачная: в четырех местах металл не заполнил плоскостей, оставив отверстия; в двух местах (у правого глаза и между ноздрей) стенки литья оказались настолько тонкими, что выкрошились. Моделировка головы не очень хорошо передает натуру: нижняя часть морды скорее напоминает лося, чем барана, вид которого определяют только рога, да и то переданные художником не очень реалистично; очевидно, последнему бараны мало были известны, хотя следует отметить, что в Приуралье известны очень реалистичные изображения этих животных; таковы изображение литого барана из Гляденовского костыща и три изображения навершия рукоятки бронзового кинжала, найденного в д. Турбиной, против устья р. Чусовой;¹ оба эти предмета древнее Подчеремского клада.

70. Навершие жезла, длиною в 9.5 см, диаметром отверстия трубки внизу в 0.8 см (табл. III, рис. 1). Предмет отлит из серебристого металла; после отливки пройден тщательно резцом и отшлифован; поверхность его покрыта богатым орнаментом. На вершине поставлена полая фигура зверя (росомахи). Для прочной связи зверя с основанием служат четыре ноги, длинный хвост и перемычка, ведущая от морды зверя к основанию. Голова узкая; рот, глаза и уши выражены довольно ясно; тело и ноги украшены двумя точечными линиями; лапы трехпалые, когтистые; длинный хвост отмечен с боков косыми насечками.

Основание навершия в верхней части сделано шестигранным, слегка уплощенным и расширенным. Серединой левой грани (по телу зверя) проложена линия крупных точек; серединой же противоположной, правой, стороны проведены сверху вниз две параллельные выпуклые линии с веревочным орнаментом, расположенным в елку. Передние и задние пары граней орнаментированы косыми линиями, направленными друг к другу в елку. Орнаментированная часть трубки внизу подчеркнута тремя выпуклыми поясками, ниже которых трубка получает форму гладкого (без узоров) цилиндра; низ трубки подчеркнут двумя поясками более низкого рельефа, смягчавшего переход к гладкой деревянной или костяной ручке жезла.

Очень похожее металлическое навершие жезла, неправильно принимаемое за рукоятку ножа, найдено в дер. Хариной, Пермского округа,²

¹ А. А. Спицын. Археологический альбом, стр. 10, рис. 19.

² Материалы по археологии России, т. 26, табл. 23, рис. 3.

но харинское навершие выше и толще подчеремского, а с художественной стороны значительно слабее. Время харинского навершия — IV—V вв. н. э.

Закончив описание предметов Подчеремского клада, необходимо еще раз заметить, что до нас дошли не все вещи клада: часть их расхищена местными жителями. Похищенные вещи отчасти можно установить, если допустить, что в клад были вложены вещи целыми гарнитурами наряда, что представляется не только возможным, но почти несомненным. В описанных вещах мы имеем по четыре парных и обломок пятого, непарного браслета. Очевидно, комплект браслетов состоял из трех пар, а это показывает, что одного целого и части другого браслета недостает. Судя по сохранившемуся обломку, недостающие браслеты должны быть спиральными, плоскими, с концами, обвитыми нитями и металлическими узкими лентами.

В описанном составе имеется три височных кольца. Полагая, что гарнитур их был парный, можно заключить, что одного височного кольца недостает.

Возможно, что отсутствует одна парная крупная дисково-гроздевая привеска.

Отсутствует фигурная вещица, от которой сохранилось дно (рис. 3): отсутствуют две привески, от которых сохранились ушки (рис. 19) и, вероятно, несколько других мелких предметов, в виде бубенчиков, спиралек, пронизей и др. Все эти отсутствующие вещи, поскольку их формы устанавливаются, едва ли могли бы прибавить что-либо существенное, могущее оказать влияние на выводы, касающиеся времени и общего культурно-экономического состояния владельцев Подчеремского клада.

ВРЕМЯ ПОДЧЕРЕМСКОГО КЛАДА

Описывая вещи, мы касались определения времени каждой из них, когда представлялась для этого возможность; теперь же предстоит определить время, когда эти вещи существовали совместно и когда они могли быть положенными на хранение в клад. Для решения вопросов прибегаем к «методу определения времени исключением крайних дат». Сущность его заключается в определении того отрезка времени, когда все предметы описываемой культуры или отдельного комплекса, в роде описываемого здесь клада, сосуществовали. Для этого все предметы, имеющие установленную дату, наносятся на таблицу, где пунктирной линией обозначается время существования того или иного предмета. Если время существования какого-либо из них не совмещается с временем, отмеченным в таблице, то пунктирная линия проводится через всю таблицу без отметок ее концов стрелкою; если же начало и конец совмещаются со временами, отмеченными в таблице, то концы пунктирных линий

обозначаются стрелками. Когда все датированные предметы нанесены на таблицу, совершенно ясно выступает тот отрезок времени, в котором все предметы могли сосуществовать. Когда хронологический отрезок установлен, выходящие даты за пределы выясненного отрезка исключаются, как уже ненужные для датировки.

Само собою разумеется, что точность определения времени методом исключения крайних дат зависит от верности определения времени каждой категории, группы, отдела и типа предметов. Такое определение могло бы дать (и в будущем, наверное, даст) описание всех археологических предметов типовым методом. К сожалению, такая работа еще не выполнена, а поэтому в современных выводах нельзя избежать погрешностей.

Верность определения Подчеремского клада как памятника IV в. н. э. находит подтверждение в том, что самые характерные предметы клада не встречаются в приуральских «чудских» древностях в V в. и последующих.

Наибольшее сходство предметы Подчеремского клада выявляют с предметами Ишимского клада. Сходство их выражается: 1) в трактовке оконечностей конских ног в форме колечек; 2) в соединении дисков, символизирующих солнце, в Ишимском клада с коньком,¹ а в Подчеремском клада с птицами; 3) в трактовке круглых лопастей, обведенных веревочным (лучистым) орнаментом эллиптической привески Подчеремского клада (рис. 6); а в Ишимском клада — у круглой бляхи или привески (табл. IV, рис. 14); 4) в одинаковой живости воспроизведения веревочного орнамента, наблюдаемой на вещах Подчеремского и Ишимского кладов, и 5) в сходной трактовке кос на голове сульде-отца, приподнятых прямо кверху, что наблюдается на ручке ложки (рис. 30) и на образке в виде птицы с головою человека (почти несомненного сульде-отца) Ишимского клада (табл. VI, рис. 9).

Менее значительное сходство предметы Подчеремского клада имеют с предметами Гляденовского, время которого, несомненно, совпадало с концом I в. до н. э. и началом I в. н. э. Это доказывается находками в костнице индо-парфянских монет отмеченного времени. Однако необходимо заметить, что существование Гляденовского костница было очень продолжительным, поэтому в определении начальных и конечных дат костница существует значительное разногласие. А. А. Спицын и А. Гейкель датируют костница I—II вв. н. э., А. В. Шмидт — I—IV вв., а А. М. Таль-

¹ Совершенно схожий с Ишимским коньком, но лучшей трактовки, бронзовый коленопреклоненный конек найден в районе г. Томска и издан А. А. Спицыным (Шаманские изображения, стр. 103, рис. 381). Любопытно сопоставить сибирских коленопреклоненных коньков, как символов солнца, с таким же коленопреклоненным коньком, связанным с ладьей — символом солнца, — халдейской (месопотамской) мифологической иконографии (см. G. Maspero. Histoire ancienne, t. I, p. 690) и поставить вопрос, не из Месопотамии ли Сибирь заимствовала свой солнечный символ?

грен, заметив в инвентаре костыща предметы, аналогичные с предметами ананьинской культуры, начальную дату костыща отнес к VI—IV вв. до н. э.

Предметы Гляденовского костыща представляются более примитивными, чем предметы Подчеремского клада, но такое явление легко объясняется тем, что в костыще преобладали «вотивные» вещи, сделанные наспех. Совершенно такого же примитивного вида вотивные предметы, вырезанные из тонких листов железа и серебра, существуют в греческих (Керчь) и русских церквях, куда их приносят верующие и вешают на так называемые «чудотворные иконы», чая выздоровления изображенных частей своего тела (глаза, руки, ноги) или животных (лошади, коровы, овцы). Судить по этим предметам о современном им искусстве, конечно, нельзя: для этого вотивные вещи слишком примитивны.

С Гляденовским костыщем А. В. Шмидт синхронизирует пьяноборскую культуру, относя последнюю ко времени от II в. до н. э. до V в. н. э.¹ По круглым большим поясным бляхам с крючками² Пьяноборский могильник схож с Ишимским кладом;³ этот же последний, как выше отмечено, имеет по нескольким признакам сходство с Подчеремским кладом; следовательно, последний необходимо относить если не ко времени Пьяноборского могильника, то ко времени пьяноборской культуры, средняя дата которой совпадает с III и IV вв. н. э. К этой средней дате стоит близко отысканная нами дата Подчеремского клада.

В настоящее время, на основании археологического материала, стало положительно известно, что Приуралье в своем культурном развитии сначала испытывало влияние со стороны скифо-сарматского населения. С падением скифов и сарматов последовало влияние Римской империи и одновременно Индо-Парфянского царства, из них последнее могло сообщить обитателям Пермского края религиозные символы в виде ящера (индийского крокодила), птицы Гаруды и др., оказывавшие глубокое влияние на идеологию туземцев. На эту связь Пермского края с Парфянским царством указывают найденные монеты. Отражение влияния римлян зафиксировано на одной из ложек Подчеремского клада. Римляне же доставляли в Приуралье медальонообразные украшения эллиптической формы и пр. К началу IV в. все эти влияния прекратились, так как скифы и сарматы как самостоятельные объединения перестали существовать, пало и Индо-Парфянское царство, и Рим вывел свои легионы из Восточной Европы. Их место в отношении влияния на Приуралье заняло могучее царство Сассанидов. Приуралье обогатилось множеством драгоценных предметов в виде серебряных сосудов с невиданными ранее изображениями на них царей, служителей культа, разных символов, серебряных монет, также покрытых художественными сценами. Все это должно было производиться

¹ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, стр. 133.

² Материалы по археологии восточных губерний, т. III, табл. 15, рис. 1.

³ А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. VI, рис. 10.

глубокое впечатление на приуральцев, нашедших в привозных художественных изделиях знакомые сюжеты, но в более развитом и совершенном виде. Привозные предметы не могли остаться без влияния на местное искусство. В Печоро-Пермском крае это влияние оказалось весьма сильным, о чем свидетельствует и Подчеремский клад. Это отразилось на нескольких предметах. На образке (табл. I, рис. 30) изображен сульде-отец с головой орла на темени; справа и слева от него стоят две тощих фигуры сульде-малых с головами лосей, повернутые спинами к сульде-великому. Откуда взята эта композиция? Во всей уральской культовой иконографии до III в. н. э. ничего подобного не наблюдается. Берем одну из серебряных монет сассанидского царя Сапора (Шапура) I (240 по 271 г. н. э.), на которой видим все элементы описываемой композиции: на лицевой стороне монеты изображен бюст царя в головном уборе в виде головы орла,¹ а на оборотной стороне — изображены пылающий жертвенник, охраняемый двумя жрецами, поставленными спиной к жертвеннику. Имевшему в руках такую монету уральскому художнику, уже познакомившемуся отчасти с соответствующими образами в условиях собственного своего общества, нетрудно было создать композицию описанного образка, в котором парадная шапка Сапора I придана сульде-отцу, а фигуры жрецов приданы сульде-малым, сделанным тощими для обозначения их малого ранга и поставленным спиной к сульде-отцу для выражения того неравенства, при котором малые не смеют взирать на большего.

Берем монеты Варахрама II (275 по 292 г. н. э.) На этих монетах очень часто царь изображается с царицей и наследником. На голове царя корона, украшенная возвышающимся диском, поддерживаемым с боков крыльями птицы; на голове царицы — странный убор с головою свиньи, а на голове наследника — убор с головой птицы, иногда же, наоборот, убор царицы с головой птицы, а наследника — с головой свиньи.² Все это показывает, что носить головные уборы, украшенные головами птиц и животных, могли не только цари, но и их спутники.

Совершенно так же стали поступать и уральские идеологи и художники, начавшие украшать головные наряды сульде-малых головами животных, преимущественно лосей, пользовавшихся на Урале особым мистическим почитанием.

Диски и заменяющие их помпоны на коронах сассанидских царей являлись символами солнца; сопровождающие же их крылья птиц подчеркивали идею обоготворения светила. Обитатели Урала, сами поклонявшиеся, как и персы, солнцу, создали, по образу персидских, дисковидные птичьи и гроздевые привески.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. III, стр. 12, рис. 5.

² Там же, стр. 13 (рис. 6, и 2). В. Dorn. Collection des monnaies sassanides de feu le Lieutenant-général I. de Bartholomaei. St. Pétersbourg, 1875, t. IV, fig. 12 et 13.

На монетах Гормузда (Hormisdas) II (303 по 309 г. н. э.) диск на короне поддерживают не крылья, а целые фигуры птиц.¹ Такие изображения на монетах других сасанидских царей не встречаются. Между тем их точно воспроизводят четыре парных диска Подчеремского клада, поддерживаемые летящими птицами (рис. 44 и 45). Это — чрезвычайно важное явление указывает наиболее точную дату Подчеремского клада, который мог быть собранным и скрытым не ранее 303 г. н. э., что подтверждает наше определение времени клада IV в. н. э., причем образок клада (табл. I, рис. 3), воспроизводящий изображение Сапора I, мог быть сделан в конце III в. или же явился копией с оригинала III в. н. э.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДЧЕРЕМСКОГО КЛАДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ БЫТОВЫХ ЧЕРТ ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Вещественные памятники, в особенности в их комплексах, являются хорошими показателями быта, материального производства и общественных отношений их владельцев, а это придает особенное значение археологическим памятникам, по которым иногда, как по иероглифам, можно читать историю таких народов, от которых никаких письменных источников не сохранилось. Предметы Подчеремского клада в этом отношении заслуживают совершенно исключительного внимания, так как красноречиво и много говорят о промыслах, торговле, искусстве, культуре и т. д. соответствующего общества.

В жизни народности, к которой принадлежали владельцы клада, были хорошо известны различные промыслы. В состав их входили: охота, животноводство, земледелие, кроме того, высокоразвитая металлургия, свидетельствующая о столь же высоком состоянии многих других подобных же промыслов, более древних по своему происхождению и более необходимых по своему характеру; таковы: обработка дерева, кости, камня, волокнистых растений и шерсти.

Охота, в широком понимании, состоит из лова рыб, птиц и животных. О рыболовстве свидетельствуют изображения рыб на культовых образках Подчеремского клада. Возможно, что рыбы проникли в подчеремскую культовую иконографию как тотемы, и как таковые они могли служить в дальнейшем символами водной стихии, доставлявшей населению пищевые рыбные продукты.

С такой же оговоркой следует заметить, что, повидимому, еще большее экономическое значение имела охота на диких зверей и птиц. Это подчеркивается как многочисленностью изображений зверей и птиц в культовой иконографии, так и еще более тем, что главное божество культа изображается в виде охотника, вооруженного луком и стрелами (рис. 30).

¹ В. Dorn, t. IV.

Охоты велись преимущественно на мясных зверей: лося, оленя и медведя, дававших кроме мяса и большие шкуры, а также крупные кости, из которых первые нужны были для одежд, обуви, ремней, а вторые — для выработки разного рода орудий труда, предметов домашнего быта и украшений. Вероятно, не малую роль играли и мелкие пушные звери, вроде лисиц, соболей, куниц, бобров; хотя изображений их в кладе нет, но они изобилуют в составе вотивных вещей другого древнего приуральского комплекса — Гляденовского костыща, и было бы невероятным отсутствие промысла на этих ценных зверьков у подчеремских охотников, в особенности в виду существования торговых сношений с народами отдаленных южных стран, бедных дороною пушшиною.

Птицы убивались подчеремскими охотниками лесные и водяные (болотные). В кладе имеются изображения тетеревов и уток (рис. 33—36), но охоты могли производиться и на других птиц, вроде глухарей, рябчиков, куропаток, перепелов, гусей, лебедей и др.

Судя же потому, что не всем, а только некоторым видам животных и птиц уделяется особенное внимание, можно заключить о прежнем тотемическом значении подобных животных и птиц. Это тем вероятнее, что изображения их связываются с культовыми предметами.

Клад отразил и следы скотоводства. Домашние животные представлены в кладе изображениями коньков и барана. Исследования приуральских городищ, относящихся ко времени клада, указывают, что скотоводство в это время достигло в Приуралье значительного развития и в числе домашних животных, кроме лошади и овцы, были коровы, свиньи, собаки и, возможно, олени.

О существовании земледелия в Подчеремском крае свидетельствуют предметы развитого солнечного культа, обычно связываемого с земледелием. На Урале земледелие возникло очень рано. Существование его прослежено по памятникам начала первого тысячелетия до н. э., когда еще не закончилась смена медных орудий железными. Известны находки каменных форм для отливки медных или бронзовых серпов и находки самих серпов. В Шигирском и Горбуновском торфяниках найдены земледельческие орудия в виде примитивных деревянных заступов и копалок. Эти находки относятся к значительно более раннему времени. В первом же тысячелетии н. э., к которому относится Подчеремский клад, на среднем Приуралье становятся известными железные лемехи и сошники, свидетельствующие о знакомстве с сошным (плужным) земледелием. При таких условиях солнечный культ мог развиваться до той степени, о которой свидетельствует Подчеремский клад.

Горное дело стало известным в областях Урала очень рано. Об этом свидетельствуют так называемые чудские копи, первое появление которых относится до начала н. э. Ко времени Подчеремского клада жителям Приуралья было известно добывание железа, меди и других металлов.

Анализ предметов клада показывает, что приуральским мастерам были известны медь, олово, свинец, цинк и др.

В общем добывающая промышленность жителей Подчеремского края рисуется довольно развитою и соответствующею далеко не первобытному состоянию, что еще более подтверждается ремесленным производством и торговыми сношениями с отдаленными народами.

Ремесленное производство особенно хорошо представлено обработкой металла, доведенной до значительного совершенства. Чтобы придать наибольшую прочность и красоту металлическим изделиям, мастера делали разнообразные металлические сплавы. Приводим здесь анализы специаллистов текстуально (стр. 146—147).

Привожу также текстуально следующее заключение из работы В. В. Данилевского, издаваемой Государственной Академией истории материальной культуры:

«Результаты исследования заставляют допустить, что при производстве этих предметов имело место применение только двух металлов — меди и олова. Все остальные элементы попали в сплав, очевидно, случайно, как сопутствующие этим двум основным в их рудах... За исключением обломка браслета (№ 8), на всех этих предметах нанесен на поверхности слой металлического олова, несомненно нанесенный после их изготовления».

«...Для предметов этой эпохи, с Северного Урала такая техника становилась типичной, а, следовательно, характерным становится также и то обстоятельство, что металлурги данной эпохи располагали оловом, как металлом, находящимся не только в сплавах, но и в свободном виде. Наличие этой техники в ряде предметов из районов Северного Урала позволяет утверждать, что металлическое олово применялось в свободном состоянии в это время. Вместе с тем распространенность этих изделий из „серого металла“, как его называют историки, сопоставленная с результатами наших исследований, говорит в пользу предположения, что это олово местного происхождения».¹

Внешний вид некоторых в основе медных вещей почти неотличим от серебряных; таковы изящное навершие жезла, украшенное изображением россомахи, и второе навершие в виде головы барана (рис. 55 и 56). Вообще же все литые вещи клада, пролежавшего в земле около 1500 лет, оказываются лишь слегка покрытыми тонкою патиною.

Литейные формы и самое литье подчеремцев вызывают изумление. Лучшие вещи, вроде наверший жезлов, оказываются отлитыми и в весьма сложных формах. Дефекты литья в более дорогих предметах совершенно отсутствуют и наблюдаются только в более дешевых, да и то не часто. После отливки предметы подвергались дополнительной обработке посред-

¹ В. Данилевский. Историко-техническое исследование древних бронзовых и золотых изделий. Кавказ и Северный Урал.

АНАЛИЗЫ ДРЕВНИХ БРОНЗ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИСТОРИЧЕ

Спектраль

Найдены в одном месте на правом берегу

№№ по пор.	№ по лаб. журн.		Название вещи ²	Медь	Олово	Свинец	Цинк	Сурьма
	№ вещи							
1 Рис. 51	98/1931—1		Обломок ложки	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы
2 Рис. 10	101/1931—3		Коническая привеска	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
3 Рис. 37	102/1931—7		Полая фигура птицы; со звездочкой на голове	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
4 Рис. 55	100/1931—8		Голова лося	Есть	Есть	Есть	Следы	Следы
5 Рис. 56	99/1931—10		Навершие с фигурой зверя	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
6 Рис. 35	104/1931—11		Полая фигура птицы, клюв и передн. часть головы обломаны	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
7 Рис. 29	97/1931—15		Ажурная пластинка с фантастическим изображением	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы
8 Тип. рис. 4 и 47	103/1931—16		Обломок браслета	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
9	105/1931—18		Обломок серьги	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы

¹ Из-за незначительных размеров предметов и невозможности взятия проб для коли знали возможным взятые пробы с каждого предмета порядка 0.01 — 0.02 г). Все определения применялись электроды из электролитной меди. Медь определена мною капельным

² По актам передачи из Эрмитажа в ИИТ.

ИСКОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ГАИМК под общим руководством В. В. Данилевского.¹

ный анализ

р. Подчеремы (притока р. Печоры) в 1929 г.

Мышьяк	Золото	Серебро	Железо	Марганец	Никель	Кобальт	Висмут	Хром	Селен	Теллур
Следы	Следы	Следы	Есть	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—
Следы	Следы	Следы	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—
Следы	—	—	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—

качественного исследования пришлось ограничиться качественными определениями (мы проведены спектральным анализом, за исключением меди, так как при съемке спектрограмм анализом. В. Данилевский.

ством резцов и шлифовки, в чем мастера достигали также большого совершенства.

Клад не содержит памятников других отраслей производства, но если самая сложная из этих отраслей, каковою является ювелирная, достигала высокого совершенства, то и другие отрасли не могли стоять на слишком низком уровне развития; действительно, судя по находкам в городищах Западного Приуралья времени описываемого клада, дошедшие до нас памятники керамического и костяного производств стояли на сравнительно высоком уровне развития. Особенно поражают своим изобилием и своеобразною красотой костяные изделия, в состав которых входят орудия труда (копья, стрелы, иглы и др.) и предметы домашнего обихода (ложки, гребни, копаушки), часто сплошь покрытые геометрическими узорами. Нет никакого сомнения в том, что население было хорошо знакомо и с текстильным и с кожевенным производствами. Персонажи культовой иконографии клада нередко представляются облаченными в длинные одежды и покрытыми головными уборами.

Зайствованные мотивы в искусстве указывают на сношения подчеремской народности со скифами, сарматами, римлянами (вероятнее всего, с римскими колониями Северного Причерноморья — Крыма и Сев. Кавказа) и в особенности с сасанидской Персией. Наиболее удобный путь сношения с Персией мог идти по рр. Каме, Волге и Каспийскому морю, а в пределах Персии — по р. Тигру. Этим путем приуральцы, вероятнее всего, сбывали дорогие меха, воск и др., а взамен получали серебряные деньги, сосуды и другие ценные предметы,клады которых нередко открываются по западному Приуралью.

Археологические вещественные памятники не всегда дают возможность исследователю подойти к точному определению общественной структуры оставившей их древней народности. Особенно мало дают в этом отношении одиночные памятники, но комплексы их оказывают весьма значительную помощь. В этом отношении комплекс вещей Подчеремского клада имеет совершенно исключительное значение, так как помогает определению форм общественных отношений и идеологии.

Изложенное выше освещение материальной культуры народности Подчеремского края указывает, что эта народность переживала, повидимому, высшую стадию «варварства». По Л. Г. Моргану, эта стадия характеризуется железными орудиями производства, плужным или сошным земледелием, судоходством и сооружением городов.

Зная время Подчеремского клада и имея значительные коллекции предметов этого времени, хранящиеся в разных музеях, можно утверждать, что население Подчеремского края было хорошо знакомо с железными орудиями в виде топоров, наконечников копий, стрел, ножей, серпов и разных других более мелких орудий.

Земледельческие орудия, в виде лемехов, хотя на Северном Урале еще не найдены, но зато они найдены на Среднем Урале, где относятся

к разным столетиям I тысячелетия н. э. Развиваясь, эти орудия дифференцировались на несколько типов, что указывает на значительное усовершенствование земледелия и делает понятным явление в Подчеремском кладе прекрасно разработанных символов солнечного культа.

О древнем судоходстве обитателей северо-западного Урала свидетельствуют найденные изображения лодок на металлических бляхах культового назначения, а также и факт существования торговых сношений с Персией.

Укрепленные селения, в виде небольших городков, на Урале возникли очень рано, за несколько веков до н. э., и продолжали существовать до колонизации края русскими в XIV—XVI вв. н. э.

Таким образом, у подчеремского населения имеются все признаки, свойственные обществам высшей — третьей — стадии варварского развития. Этому состоянию соответствовала и форма общественных отношений, связанная с разложением родового строя и развитием социального неравенства. Это находит свое отражение в идеологии подчеремской культовой иконографии.

Известно, что люди создают богов по своему образу и подобию. В подчеремской иконографии мы видим главного бога окруженным ореолом величия, на которого низшие боги не смеют взирать, а это свидетельствует о том, что подчеремская народность находилась на ступени развития социального неравенства. В классовых обществах, как известно, идея социального неравенства пропагандируется представителями религиозного культа. Подобные явления наблюдаются у цивилизованных народов повсюду, но оно оказывается налицо и у древних варварских народов. Служители культов пропагандируют живую идею неравенства людей и беспрекословного служения бесправных и эксплуатируемых классов сильным, господствующим. Цель такой пропаганды особенно ярко выражается в наиболее дифференцированных классовых обществах. Это — цель живы за счет эксплуатации низших, угнетенных классов.

Распад родового строя у древнего населения Приуралья был связан со значительным развитием материального производства, о чем говорилось выше. Ранее население занималось преимущественно охотой, рыболовством и коллективным земледелием, дававшими незначительный прибавочный продукт; теперь часть населения занялась металлургией, ставшей самостоятельной отраслью производства. Это способствовало накоплению новых богатств в руках отдельных, немногих семей и вело к росту социального неравенства. Резкой классовой дифференциации в подчеремском обществе не могло еще быть, и речь может идти только о начале процесса образования классов.

V. GORODCOV

LE TRÉSOR DE LA PODTCHÉRÉMA

RÉSUMÉ

Le trésor de la Podtchéréma a été découvert en 1929 par l'étudiante A. Kolodiaznaja, travaillant dans le détachement géologique du professeur E. Soškina, sur la rive droite de la rivière Podtchéréma, affluent droit de la Pétchora. Il est conservé aujourd'hui au musée de l'Hermitage, à Léninegrad. Ce trésor renferme des objets domestiques et cultuels. Les premiers comprennent des bracelets, anneaux temporaires, pendeloques, grelots, chaînettes et autres objets de bronze, les seconds — de petites icônes en bronze, des crosserons, des représentations de divinités ou d'animaux sacrés, des plaques et pendeloques symboliques en forme de disques ailés et d'animaux mythiques, etc. Il est fort possible que tous les objets du trésor servaient aux besoins du culte. Leur nombre total atteint 70. Les objets spécialement destinés au culte offrent un intérêt tout à fait exceptionnel, comme témoignant d'un syncrétisme net de conceptions religieuses locales et persanes. Les plus intéressants sous ce rapport sont les disques ailés, tantôt soutenus par des oiseaux, tantôt surmontant des grappes de raisin: les premiers imitent les représentations persanes du soleil ailé divinisé, les seconds, par leur affinité avec la flore méridionale, indiquent la direction générale d'où sont venus ces motifs. Imitant les effigies de rois, reines et princes héritiers figurés sur les monnaies sassanides avec des coiffures en forme d'oiseaux et d'animaux, les possesseurs du trésor de la Podtchéréma représentaient coiffés de la même manière leur principal dieu, la déesse — sa femme et l'héritier divin — son fils.

L'auteur date le trésor du début du IVe siècle de notre ère, ce qui coïncide approximativement avec le règne du roi sassanide Hormusdas (de 303 à 309).

Le trésor reflète beaucoup de traits de l'existence de ses possesseurs, qui connaissaient l'agriculture, l'élevage, la chasse, ainsi que diverses branches d'industrie, en particulier la métallurgie. Tout cela atteste qu'ils traversaient le stade supérieur de la barbarie, lié avec le déclin des clans totémiques et le développement des rapports de classes et tous les côtés négatifs qu'il implique. La classe mieux différenciée des serviteurs du culte, qui se trouvait sous l'influence de l'idéologie du royaume des Sassanides, aborda l'élaboration d'un idéal d'ordre politique nouveau pour le pays, basé sur le régime féodal.

Е. В. ЖИРОВ

ДРЕВНИЕ ИЖОРСКИЕ ЧЕРЕПА

Летом 1932 г. в г. Красногвардейске (б. Гатчина), в карьере рядом со строящимся зданием городского Дома культуры были, случайно обнаружены древние погребения. На месте находок в том же году В. И. Равдоникасом, по поручению ГАИМК, были произведены раскопки. При этом было вскрыто 19 погребений, которые по В. И. Равдоникасу (3) принадлежали ижоре (инграм) и датируются временем от конца XIII до начала XV в. Палеоантропологический материал, представляющий костные остатки 15 человек (в том числе 9 почти полных костяков взрослых), поступил на хранение в Музей Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР.

Сохранность костяков весьма удовлетворительная. Столь обычные для древних погребений Ленинградской области посмертная деформация и выветривание костей на нашем материале почти не выражены. Незначительную деформацию потерпела только часть нижних челюстей, и у некоторых черепов повреждена наружная поверхность. Более значительные дефекты костяков и неполнота их объясняются тем, что часть погребений была потревожена до производства археологических раскопок, а также небрежностью технического персонала во время сборов и упаковки материала. Окраска костей варьирует от бурого до светложелтого цвета.

Половые различия выражены достаточно четко, и, при наличии у большинства обследованных индивидов тазовых и длинных костей (безыменные кости имеются у номеров: 5095/5, 8, 10, 11, 12, 14 и 15), возрастно-половая дифференцировка костяков не представила особых трудностей. Данные антропологического анализа хорошо согласуются в этом случае с особенностями инвентаря погребений. Так, мы видим (Равдоникас, 3), что при костяках из погребений 3, 5, 14, 16 и 17, определенных нами как женские, были найдены браслеты и кольца. При мужских же, по нашему определению, костяках из погребений 12 и 14 были обнаружены ножи. Погребения 2, 4, 6—9, 11, 15, 18 и 19 вещей не дали. В погребении 1 при детском костяке были найдены браслет и погремушка. Поэтому вероятной является его принадлежность к женскому полу.

Программа настоящего исследования составлена по Мартину (Martin, 10). В прилагаемой таблице индивидуальных и средних данных после наименования признаков приводятся соответствующие номера Мартина. По Ву и Моренту (Woo and Mogant, 20) произведены измерения перпендикуляров, служащих для вычисления фронтального (frontal) и симотического (simotic) указателей. В индивидуальных таблицах дистанция «Sub Jow» этих авторов названа «горизонтальным выступанием назнона»; получена она путем вычисления из треугольника $fmo-p-fmo$. Дистанция «SS» названа «высотой носовых костей» и измерялась симетром Мережковского.

Оценку основных диаметров и указателей черепа мы производили применительно к нормам, выработанным Шейдтом (Scheidt, 15), в которых проводится принцип половой дифференцировки материала.

Вместимость черепа, измерявшаяся пшеном, как у мужских так и у женских черепов весьма значительна (σ —1485, ϕ —1361). Это тем более достойно внимания, что размеры горизонтальной окружности и поперечной дуги средние и только медиальная дуга велика. Соотношения медиальных дуг лобной, теменной и затылочной костей весьма варьируют. По наибольшему продольному диаметру черепа распределяются на границах между средними и большими размерами («mittellang» и «lang» Шейдта), величины наибольшего поперечного диаметра — средние. Черепной указатель варьирует в пределах от 74 до 83, при $M \sigma$ — 78.7. Что касается высотных размеров, то тут прежде всего обращает на себя внимание громадная разница между высотой базион-брегма и ушной (ро-в) высотой черепа. Разница эта варьирует у $\sigma + \phi$ от 14 до 29 (!) мм, при средней для $\sigma + \phi$ в 21.1, для σ — 23.2 и для ϕ — 19.5. Мартин (10) в качестве максимума индивидуальных колебаний указывает 26 мм, цифру, полученную Олтекинггом (Oetteking, 11) на одном древне-египетском черепе. Средняя для древних египтян, которую Мартин приводит также в качестве наибольшей, равна 21.6. Отметим, что ушная высота вычислялась нами по формуле $\sqrt{pb^2 - \frac{1}{4}pp^2}$. Для черепа, давшего максимальную разницу, эта последняя была проверена путем измерения дистанций ро-ва. В связи с описанным явлением, по высоте базион-брегма мужские черепа входят в группу «высоких», женские — варьируют на верхней границе «средне-высоких», по ушной же высоте как мужские, так и женские черепа распределяются на границе между средними и низкими размерами. Соответственную картину дают высотные указатели.

Необычной является частота метопизма в данной серии — метопический шов имеется на четырех черепах (№№ 5095/3, 5, 10 и 14) из четырнадцати, т. е. в 28.6% случаев. Интересно указать, что на нашем материале наблюдается констатированное в литературе (библиография приведена Эссен-Мёллером — Essen-Möller, 8) количественное преобладание метопизма среди женских черепов: у нас на три женских метопических черепа приходится только один мужской. Известно, что с персистенцией

Ижорские черепа (2/9 н. г.).

метопического шва связаны общие изменения в форме мозгового черепа (Bolk, 7; Essen-Müller, 8; Romane, 13; Martin, 10), именно — увеличение наибольшего поперечного диаметра, наименьшей и наибольшей ширины лба, уменьшение наибольшего продольного диаметра и пр. Сравнивая женские метопические черепа нашей серии со всеми женскими черепами, включая метопические, получаем следующие результаты:

		Метопиче- ские	Все
Наибольш. продольн. диаметр . . .	1	172.3	174.4
» поперечн. »	8	142.3	138.4
Наименьш. ширина лба	9	99.0	95.7
Наибольш. » »	10	126.7	119.7
Черепной указатель	8:1	82.4	79.4

Вероятно, что большим процентом метопизма объясняется большой размах вариации формы мозгового черепа среди женской группы по сравнению с мужской.

Ламбдовидный шов чрезвычайно усложнен вормиевыми косточками, которые встречены у всех без исключения черепов, причем в ряде случаев очень крупные и в очень большом количестве. На 8 черепах из 14 встречены *Ossa epipterica*, причем иногда также необычного размера, и на одном черепе — стенокротация. Форма черепа в вертикальной норме, чаще всего овоидная, но встречается также и пентагоноидная форма. В форме медиальной дуги замечательна одна особенность — наивысшая точка черепа, ориентированного в немецкой горизонтали, совпадает с брегмой или располагается даже несколько впереди от последней. Надпереносье развито довольно сильно: определенное по схеме Брока, модифицированной Мартином, оно дало среднюю цифру для ♂ = 3.8. Лобные и теменные бугры выражены средне. Весьма часто (в 64%) встречается *depressio praelambdaidea*, причем на мужских черепах оно выражено очень четко. Мышечный рельеф черепа не очень развит; так, например, развитие наружного затылочного бугра по схеме Брока дало для мужчин $M=2$. В то же время на трех мужских черепах встречен затылочный вал, правда, не сильно выраженный. У черепа № 5095/3 непосредственно латерально и кзади от левого затылочного мышелка имеется цилиндрической формы *processus paracondyloideus*. Длина его равна 12 мм, поперечник — 10 мм. Суставная площадка этого отростка обращена вниз и назад и сочленяется с соответственной площадкой на поперечном отростке атланта.

Любопытна форма детского черепа № 5095/1. Как мы уже говорили, судя по археологическим находкам, череп этот принадлежал девочке. Более точный возраст ее определяется по прорезанию зубов (клыки и первые ложнокоренные вполне прорезались) 11—13 годами. Череп этот гипербрахикранен (головн. указ. — 88.3), имеет не по возрасту малые углы наклона и профиля лба и уплощенную затылочную область — сагитт. указ. затылочн. кости (31:28) = 87.9, указ. кривизны верхн. чешуи

[31 (1) : 28 (1)] = 97.9. В латеральных частях верхней трети лобной кости намечается вдавление. Непосредственно кзади от венечного шва имеется вдавление, идущее в обе стороны от брегмы параллельно венечному шву, примерно до начала *partis complicatae* последнего. Это вдавление несомненно должно быть отождествлено с *impressio parietalis* Шрейбера (Schreiber, 17), в разновидности — без перерыва в области брегмы, — которую описывает Айхель (Aichel, 6). Тот же комплекс признаков, в значительно ослабленной степени, имеется и у юношеского черепа № 5095/2. Вероятно, что оба эти черепа подверглись искусственной деформации кольцевого типа, которая поныне практикуется среди лопарей (Хатт, 5), и что орудием деформации послужил чепчик. Остается открытым вопрос о преднамеренности нашей деформации, тем более, что степень интенсивности ее невелика. Шлиц (Schliz, 16) из спорадичности находок искусственно-деформированных черепов в германских рядовых могилах сделал вывод о преднамеренном характере кольцевой деформации. Именно, он предположил, что искусственно-деформированные черепа принадлежали индивидам (преимущественно женщинам) с чрезмерно сильным ростом волос, причем волосы с очень раннего детства придерживались повязкой или чепчиком, вызвавшим деформацию. Надо, однако, указать, что собственный материал Шлица и иные литературные данные этого заключения не подтверждают.

Переходим к описанию лицевого черепа. Абсолютные размеры высоты лица и высоты верхней части лица — средние («mittellang» Шейдта). По скуловому диаметру мужские черепа относятся к «широким», женские же стоят на границе между «средне-широкими» и «широкими» формами. По лицевым указателям черепа мезопрозопны и мезэичны. Здесь же следует упомянуть значительные размеры бигониального диаметра у мужчин (100, 105, 110 мм).

Горизонтальная профилировка лица в целом должна быть охарактеризована как сильная. Фронтальный индекс у мужских черепов равен 21.2, у женских черепов — 16.9. Абсолютные размеры высоты спинки носа и симотический указатель у мужчин велики, а у женских черепов, для европеоидной популяции, несколько низки. Очень невысок фронтальный угол глазницы (♂ — 16.2). Низкие цифры дают также сагиттальные углы лица — по лицевому углу и углу средней части лица черепа мезо- и ортогватны, а по альвеолярному — слегка прогнатны. Но углы, образуемые спинкой носа с немецкой горизонталью и линией профиля лица, а также и медиальная кривизна носовых костей, определявшаяся нами по схеме Г. Вирхова, весьма характерны для европеоидов.

По глазничным указателям черепа хамэ- и мезоконхны, по носовому — относятся к мезорринам. По указателям верхней челюсти и нёбным — к брахиуранам, брахи- и гипсистафилинам.

Глубина собачьей ямки отмечалась нами по четырехбалльной схеме (0—3), причем мы получили $M \sigma = 1.4$, $M \text{♀} = 2.0$. Форма зубной

дуги, как правило, параболическая. Нижний край грушевидного отверстия имеет «типично-человеческую» форму и лишь в одном случае встречена *fossa praenasalis*. Развитие передней носовой ости — слабое ($M \text{ ♂} = 2.25$).

Относительно длинных костей необходимо оговорить, что измерялись только кости правых конечностей. У № 5095/6 измерена левая плечевая кость. Полученные путем вычисления по формулам Пирсона размеры роста для этого индивида, а также для № 5095/7, вероятно, превышают истинные. Причиной этому служат своеобразные пропорции, свойственные нашей серии, — весьма длинные по отношению к нижним конечностям руки и малая по отношению к бедру голень. Рост данной группы должен быть оценен как средний.

Краниология финнов не очень богата материалами, которые могли бы послужить нам для сравнения. Из числа палеоантропологических работ упомянем исследование Харузина (4) о черепах из Пюхтицкого могильника, датирующегося временем до XII в. Материал этот, однако, крайне незначителен — мужских черепов всего 4, из них два очень неполных. Курьезно, что Харузин находит возможным категорически отрицать принадлежность этих черепов финнам на основании сравнения их черепного указателя (черепа эти долихо- и мезокранные) с черепными указателями современных финских народностей. Весьма ценный материал — 32 костяка из финских курганов IX—XI вв. в Тихвинском уезде — был у Колмогорова. Поэтому достойно сожаления, что Колмогоров своим кранио- и остеометрическим исследованиям уделяет лишь несколько строк в археологической работе (8). Он пишет следующее: «Средний рост мужчины — 1622 мм, средний рост женщины (?) — 1502 мм. Головной указатель — 79.8; лицевой указатель — 53.6; носовой указатель — 47.2. Или, иначе говоря, перед нами среднерослый мезоцефал (с тенденцией к долихоцефалии) лепопрозоп и лепторин. Такими же чертами, приблизительно, характеризует антропологическая литература и современных финнов». По относительно большой программе исследованы Вейнбергом (Weinberg, 18) черепа львов (6 ♂ и 1 ♀). Любопытно отметить, что им на этих черепах получена разница между высотой базион-брегма и ушной высотой черепа, превышающая полученную нами: у двух черепов разница эта равна 30 (!) и 29 мм, средняя же для ♂ + ♀ = 26 мм. Территориально близкой является серия древних (XI—XII вв.) латышских черепов из Латгалии, подробными краниометрическими данными о которых мы обязаны Кнорре (Knorre, 9). Ближе к современности серия черепов из Пале, принадлежавшая, согласно Приману (Priman, 12), смешанному населению — ливам и латышам XVII—XVIII вв., и большая серия черепов эстов, послужившая материалом для диссертации Витта (Witt, 19). По краниологии современных финнов Финляндии нами использована сводная работа Ретциуса (Retzius, 14). Наконец, современная ижора в количестве 500 человек была измерена студентками ЛГУ — Преловой, Александровой и Уль (Золотарев, 1). Но материал этот

остался неопубликованным, и Золотарев сообщает только средние цифры роста (♂ — 1656, ♀ — 1547) и головного указателя (♂ — 82.55, ♀ — 83.58).

При изучении этих работ прежде всего обращает на себя внимание значительное сходство нашей ижоры с финнами Ретциуса. Обе серии весьма близки по абсолютным размерам продольного и поперечного диаметра, черепного указателя, наименьшей ширине лба, высоте лица и — несколько менее — по величине скулового и высотного диаметров. Следует отметить, что серия Ретциуса весьма разнородна по географическому и племенному составу. Примерно по тому же комплексу признаков намечается сходство и с древними латышами Кнорре, однако, последние отличаются от ижоры значительно меньшим поперечным диаметром, черепным указателем и высотой лица. Зато эсты Витта, ливы Вейнберга и черепа из Пале Примана отличаются от ижоры и финнов Ретциуса в одном и том же направлении. В этих сериях представлены преимущественно низкие и средневысокие черепа, с небольшими размерами наименьшей ширины лба, малым или средним («schmal» и «mittelbreit» Шейдта) скуловым диаметром и более низким лицом. Соотношения эти видны из нижеследующей таблицы:

	Ижора ♂	Финны ♂ (Ретциус)	Древние латыши ♂ (Кнорре)	Череп из Пале ♂ (Приман)	
Продольн. диам.	1	183.7	183.8	184.5	182.6
Поперечн. »	8	144.5	146.2	137.2	142.1
Наименьш. ширина лба . . .	9	100.2	99.2	99.6	97.0
Высотн. диам.	17	139.9	135.9	136.0	131.8
Скулов. »	45	138.8	135.5	139.2	130.6
Высота верхн. части лица . .	48	72.2	69.8	67.8	66.4
Черепн. указ.	8:1	78.7	79.6	74.1	77.0

Отсюда намечается возможность существования среди финнов Прибалтики двух краниологических типов, из которых один был представлен среди населения побережья, другой же был свойствен популяциям, более отдаленным от моря. Первый из этих типов отличается от второго более низким черепом и более узким лицом. Намечаются также различия по черепному указателю и высоте лица. Само собою разумеется, что заключение это имеет весьма предварительный характер и приобретет достаточную вероятность только при условии подтверждения его дальнейшими материалами и исследованиями.

Литература

(Сокращения: ZMA — Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie)

1. Золотарев, Д. А. Обзор русских антропологических работ по финно-угорскому населению СССР. Финно-угорский сборник, Л., 1928, стр. 1—26.
2. Колмогоров, А. Тихвинские курганы. Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911, т. I, М., 1914, стр. 411—434.

Итого

Main data table with columns for 'Итого' and various categories like 'Итого по виду', 'Итого по виду', etc. The table is organized in a grid with multiple columns and rows.

3. Р а в д о н и к а с, В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчине). Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 24—31.
4. Х а р у з и н, А. Л. Заметка о черепах Пюхтицкого могильника. Временник Эстляндской губернии, кн. I, 1893 г., Ревель, 1894, стр. 245—259.
5. Х а т т, Г у д м у н д. Искусственное формование головы ребенка у скаптинских лапландцев. Сборник Музея антропологии и этнографии ИАН, т. III, 1915, стр. 49—56.
6. A i c h e l, Otto. Ergebnisse einer Forschungsreise nach Chile — Bolivien, 2. Die künstliche Schädeldeformation. ZMA, Bd. XXXI, 1932, p. 3—62.
7. B o l k, L. Ueber Metopismus. ZMA, Bd. XXI, H. 2, 1920, p. 209—226.
8. E s s e n - M ö l l e r, Erik. Statistische Untersuchungen über die persistierende Stirnnaht (Metopismus). Anthropologischer Anzeiger, Jahrg. V, H. 4, 1928, p. 321—326.
9. K n o r r e, Georg, v. Kranologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens. ZMA, Bd. XXVIII, H. 3, 1930 p. 256—312.
10. M a r t i n, Rudolf. Lehrbuch der Anthropologie. 2 Aufl., Bd. II, Jena, 1928.
11. O e t t e k i n g, Bruno. Kranologische Studien an Altägyptern. Archiv für Anthropologie, N. F., Bd. VIII, 1909, p. 1—90.
12. P r i m a n, J. Pāles galvas kausi. Acta Universitatis Latviensis, XII, Riga, 1925, p. 367—379.
13. R e m a n e, A. Das Stirnnahtsproblem (Eine Entgegnung an Bolk). ZMA, Bd. XXIII, 1923, p. 153—178.
14. R e t z i u s, Gustave. Matériaux pour servir à la connaissance de caractères ethniques des races finnoises. Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte Rendu de la 7-e Session. Stockholm, 1874, t. II. Stockholm, 1876, p. 741—771.
15. S c h e i d t, Walter. Die rassischen Verhältnisse in Nordeuropa nach dem gegenwärtigen Stand der Forschung. ZMA, Bd. XXVIII, 1930, p. 1—98.
16. S c h l i z, A. Künstlich deformierte Schädel in germanischen Reihengräbern. Archiv für Anthropologie, N. F., Bd. III, 1905, p. 191—214.
17. S c h r e i b e r, W. Beitrag zur Kranologie der altperuanischen Schädel. ZMA, Bd. XII, 1910, p. 243—260.
18. W e i n b e r g, Richard. Crania livonica. Untersuchungen zur prähistorischen Anthropologie des Balticums. Jurjew — Dorpat, 1902.
19. W i t t, Hugo. Die Schädelform der Esten. Inaugural — Dissertation, Dorpat, 1879.
20. W o o, T. L. and M o r a n t, G. M. A Biometric Study of the «Flatness» of the Facial Skeleton in Man. Biometrika, vol. XXVI, 1934, p. 196—250.

E. Ž I R O V

CRÂNES ANCIENS DE L'IJORA

R É S U M É

L'auteur décrit une série de crânes provenant d'un cimetière du XIV-e siècle situé à Krasnogvardéisk (ci-devant Gatchina) et fouillé en 1932 par V. Raudonikas. Par l'ensemble de leurs caractères, ces crânes présentent un type européen bien marqué. S'en rapprochent le plus par

le type les crânes finnois modernes (Retzius) et les crânes lettons anciens de Latthalie (Knorre). Dans le tableau des mensurations individuelles, les dénominations des caractères en russe sont suivies des numéros correspondants des mensurations selon Martin.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА
ЗА РУБЕЖОМ**

И. М. ЛУРЬЕ

ГОРОД ТЕЛЬ-ЭЛЬ-АМАРНА

(Обзор раскопок)

Очень немногие из производившихся в Египте раскопок были посвящены городам: в подавляющем большинстве случаев раскапываются могилы или некрополи. В этом, конечно, сказывается своеобразие местных условий — на остатках древних поселений обычно расположены современные деревушки феллахов, что сильно затрудняет раскопки и удорожает их стоимость, так как приходится предварительно переселять жителей, тогда как древние некрополи, находившиеся на границе пустыни, необитаемы. Однако не следует преуменьшать и значение элементов кладонскательства в работе археологов. Ведь неразграбленная могила сулит счастливому искателю богатейшую добычу в виде многочисленных, подчас уникальных, памятников — цель стремлений большинства музеев и богатых меценатов,¹ тогда как поселение в исключительно редких случаях может дать сколько-нибудь ценные и эффектные находки. Влияние этого обстоятельства на археологическую работу ясно сказывается в том факте, что ряд поселений, изучение которых представляет большой научный интерес и где раскопки не связаны с необходимостью предварительного переселения жителей (их здесь нет), до сих пор остаются нетронутыми. Мы имеем в виду горняцкий поселок в Уади Олаки, описанный в нескольких словах еще Linant de Bellefonds Bey в 70-х гг.,² поселок в Уади Маамал, где сохранились многочисленные остатки жилищ, форта, большого скотного двора и т. п.,³ египетское поселение у бирюзовых рудников в Уади Магара⁴ на Синае. Наиболее же ярко о полном пренебрежении к такого рода археологическим памятникам говорит тот

¹ Вспомним, например, лорда Карнарвона, многие годы субсидировавшего раскопки в долине царей в надежде обнаружить неразграбленную царскую могилу.

² L'Etbaue, pays habité par les Arabes Bicharieh. Géographie, ethnologie, mines d'ors, p. 69 s.

³ G. Schweinfurt. Auf unbetretenen Wegen in Ägypten, S. 235 ff. — Couyat. La route de Myos-Hormos. BIFAO, t. VII, pp. 27—28.

⁴ F. Petrie. Researches in Sinai. London, 1906, pp. 38, 51—52.

факт, что о группе хижин некропольских рабочих, ютившихся возле гробницы Рамзеса VI и снесенных во время раскопок могилы Тутанхамона, в отчете сказано буквально несколько слов.¹

В силу этого, хотя раскопки в Египте производятся многие десятилетия, и страна археологически изучена лучше многих других, мы все еще плохо представляем себе облик древнеегипетских поселений и городов. Тем большее значение имеют поэтому те немногочисленные раскопки городов, которые производились и производятся в Египте. Особое место среди них безусловно занимают раскопки города Тель-Эль-Амарны, с перерывами производящиеся уже свыше 40 лет. Некоторое представление об этом городе, на основе опубликованного до настоящего времени материала, мы хотели дать в нашей статье.

Развалины Тель-Эль-Амарны известны уже давно: они посещались еще учеными, сопровождавшими Наполеоновскую армию во время Египетского похода,² позднее Лепсиусом³ и другими археологами, путешествовавшими по Египту. Эти развалины расположены на восточном берегу Нила в 287 км к югу от Каира и в таком же, примерно, расстоянии от Фив. В этом месте горная цепь, замыкающая Нильскую долину, несколько отступает к востоку, почему этот пункт оказался пригодным для постройки города. Остатки Тель-Эль-Амарны тянутся вдоль Нила на протяжении свыше чем 12 км — пространство, на котором расположены ныне пять деревушек феллахов; название местности — Тель-Эль-Амарна происходит из соединения названий двух деревушек; Et Till и El Amarna.

Раскопки Тель-Эль-Амарны были начаты Ф. Petrie, который копал здесь сезон 1891—1892 гг.⁴ В 1896 г. здесь работал Barsanti,⁵ начиная же с 1905 г. город начал систематически раскапываться экспедицией Германского археологического общества, возглавлявшейся Л. Borchardt'ом.⁶ Раскопки были прерваны мировой войной и возобновились лишь в 1921 г. Начиная с этого года, здесь производятся работы на средства английского археологического общества Egypt Exploration Society.⁷

¹ H. Carter und A. Mace. Tut-ankh-Amun t. I, p. 102 (V нем. изд.)

² Description de l'Égypte. A, 4 pl., 65, 6.

³ Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen, Bd. I, 63.

⁴ Tell el Amarna.

⁵ Итоги его работ не опубликованы.

⁶ L. Borchardt. Voruntersuchungen von Tell el Amarna im Januar 1907, M.D.O.G., № 34, S. 14—31. — P. Timme. Tell el Amarna vor der Deutschen Ausgrabungen im Jahre 1911 (Wissenschaftlichen Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, H. 31). — L. Borchardt. Ausgrabungen in Tell el-Amarna. 1911; 1911—1912; 1912—1913 и 1913—1914. M.D.O.G., №№ 46, 50, 52, 55, и 57 (№№ 55 и 57 в Ленинграде и Москве нет).

⁷ Excavations at Tell el-Amarna (Preliminary Report). J. E. A., t. VII, p. 169 sqq.; t. VIII, p. 48 sqq.; t. X, p. 289 sqq.; t. X, 299 sqq.; t. XII, p. 3 sqq.; t. XIII, p. 209 sqq.; XIV, p. 143 sqq.; t. XVII, p. 233 sqq.; t. XVIII, p. 143 sqq.; t. XIX, p. 113 sqq.; t. XX, p. 129 sqq. Полный отчет о работах 1921 и 1922 гг.: E. Peet and L. Wooley, The City of Akhenaten, I, а подробный отчет о части работ 1926—1932 гг.: H. Frankfort and J. Pendlebury—The City of Akbenaten, II.

В итоге всех этих работ теперь раскопана уже значительная часть города (рис. 1),¹ и тем досаднее, что опубликованные отчеты не дают ряда сведений, крайне необходимых для того, чтобы характер этого древнего города был бы ясен. Первым и основным недостатком большинства отчетов является то, что они не дают ясного представления о преемственности работ. Так, Peet и Wooley, изложившие в *The City of Akhenaten I* достаточно подробно материалы раскопок 1921—1923 гг. в течение которых были раскопаны участки, непосредственно примыкавшие к площади немецких работ, не дали сводного плана изученной территории. Авторы же второго тома отчетов² не включили в него итоги работ 1923—1924 и 1924—1925 гг., когда не они стояли во главе раскопочных работ.

В предварительных отчетах если и давались планы раскопанных частей города, то опять-таки без увязки с предшествовавшими. Исключение представляет предварительный отчет за 1926—1927 гг.,³ где дан сводный план произведенных ранее раскопок в северной части города.

В настоящее время единственным сводным планом города является тот, который нами воспроизведен на рис. 1: он достаточен для общей ориентировки, но явно не годится для изучения строения города, расположения улиц и т. п.

Однако не всегда даются в предварительных отчетах даже планы раскопок отчетного года и отдельных, наиболее замечательных зданий: какой участок города раскапывался в 1932—1933 и 1933—1934 гг.,⁴ будет, повидимому, ясно лишь когда выйдут последующие тома полного отчета.

Другим недостатком публикуемых предварительных отчетов является то, что в них мало внимания уделяется тем сведениям, которые особенно важны, когда речь идет о городе: в них нет сколько-нибудь подробных данных об улицах, многочисленных мастерских и т. п., зато непропорционально много места посвящено отдельным находкам памятников искусства, которые подробно описываются, фотографии многих из них даются с двух-трех сторон, — сразу заметно, что именно эти вещи для авторов отчетов представляются наиболее интересным результатом раскопок.

Однако опубликованные материалы дают все же известное представление о характере этого древнего города.

Своим возникновением Тель-Эль-Амарна обязана той борьбе, которую вел, опираясь на служилую знать и зажиточное городское население, под видом борьбы с религией Амона, против крупной земельной знати и неразрывно с ней связанной верхушки жречества фараон Эхнатон.

¹ *The City of Akhenaten, II*. План охватывает раскопки лишь до 1932 г.; места последующих работ на нем не отмечены.

² H. Frankfurt and J. Pendlebury.

³ J. E. A., t. XIII, pl. 44.

⁴ J. E. A., t. XIX, p. 133 ss., и XX, p. 129 ss.

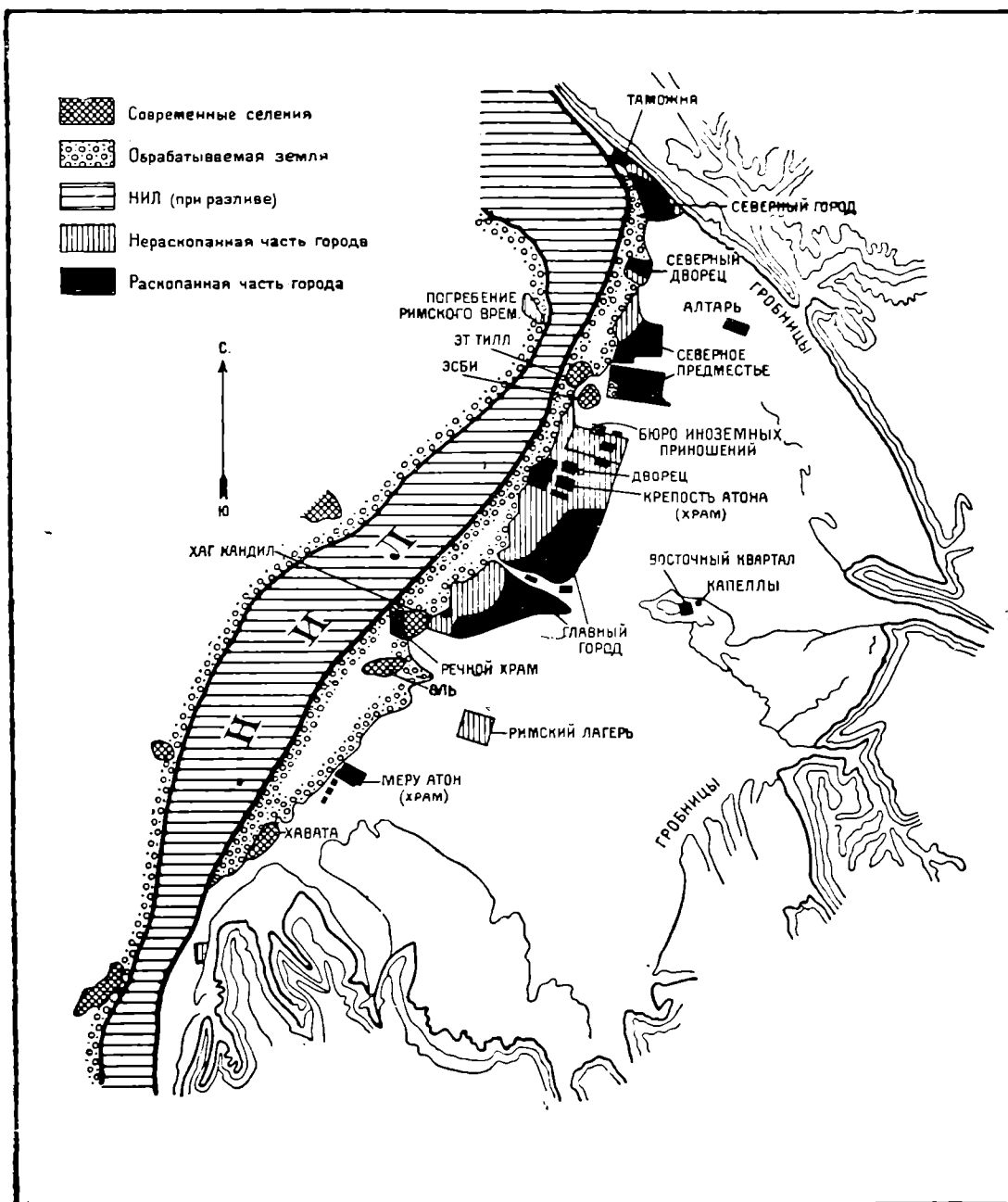

Рис. 1. План города Тель-Эль-Амарны (по данным раскопок до 1932 г. включительно)

Желая освободить государственный аппарат от влияния жречества Амона и создать центр нового культа Атона, в 6-м году своего царствования (1370 г. до н. э.), Эхнатон перенес столицу Египта из Фив в новое место, названное им Ахетатон (горизонт солнца). Город просуществовал около 20 лет и к концу царствования Тутанхатона, под именем Тутанхамона, вернувшегося в лоно амоновской религии и перенесшего столицу обратно в Фивы, был полностью покинут¹ и уже начал разрушаться.² Неудивительно поэтому, что здесь не обнаружено ни одного полностью сохранившегося здания и, наоборот, от очень многих остались лишь нижние ряды кладки стен.

При рассмотрении общего плана города прежде всего обращает на себя внимание отсутствие городских стен, обычно, повидимому, окружавших город.³ Возможно, что это связано с тем, что их за кратковременностью существования города не успели выстроить, хотя, может быть, более правильно объяснять эту особенность Тель-Эль-Амарны тем, что скалы, с трех сторон охватывавшие город, так же, как Нил с четвертой, служили естественной защитой от внезапного нападения.

Что же касается топографии города, то, насколько можно судить по раскопанным частям его, он весь расположен в длину параллельно Нилу. Так же направлены и основные уличные магистрали, которых было, повидимому, три: улица «верховного жреца» (в северной части города она названа раскопщиками «западная» улица), улица «А» (в северной части она названа «восточная» улица), и третья, которая проходила мимо дворца и храма, называлась «царская улица»; она также несомненно шла вдоль всего города, но большая часть ее лежит в еще нераскопанной части города.

В планировке города не чувствуется наличия единого плана: кварталы имеют неправильную форму,⁴ отдельные дома выступают много дальше других, что особенно часто имеет место на боковых улицах.

Наиболее ранняя часть города это та, которая расположена вдоль основных уличных магистралей, на которых выстроены все официальные здания, а также дома вельмож.

¹ Возможно, что в этом районе и до и после амарнского времени существовали какие-либо поселения; однако до сих пор, кроме, разумеется, нынешних селений, здесь обнаружены лишь лагерь и могилы римского времени.

² То, что город был покинут, а не погиб в результате внезапного происшествия, привело к тому, что из него было вывезено жителями все, представлявшее для них какую-либо ценность. В ряде случаев это сильно затрудняет определение назначения того или иного помещения. Это обстоятельство особенно дает себя чувствовать, когда речь идет о торговых помещениях и мастерских, так как «недвижимое» оборудование вроде печей и горнов имелось лишь в некоторых производствах и вовсе отсутствовало в лавках.

³ Не исключена возможность, что они просто еще не найдены.

⁴ Исключение представляет так наз. «восточный квартал», о котором см. ниже, стр. 173—177.

Насколько можно судить по предметам, найденным в различных домах, да и по характеру самих домов, мы здесь не имеем такого четкого расселения по профессиональному признаку, какое намечается из собранных Baillet материалов о делении египетского города Среднего Царства¹ (наличие, например, кварталов художников, медников и др.); однако некоторые элементы такого расселения в Тель-Эль-Амарне имеются. Так, «северное предместье», точнее — его южную половину, следует, повидимому, считать торговым кварталом;² западная часть того же «северного предместья», непосредственно прилегавшая к реке, была сплошь заселена рыбаками;³ в центральной части города была улица, где находились только дома жрецов,⁴ и другая, где жили только писцы;⁵ наконец, «восточный квартал» был целиком заселен ремесленниками, обслуживавшими некрополь.

Не имеем мы в Тель-Эль-Амарне и такой резкой территориальной дифференциации в расселении, какую можно наблюдать в Кахуне⁶ (городе Среднего Царства), где дома знати расположены в одном квартале — рядом с цитаделью, дома ремесленников — в другом, а зажиточных горожан — в третьем. В Тель-Эль-Амарне же (за исключением «восточного квартала») бедные дома непосредственно примыкают к богатым.⁷ Однако дома последнего рода сконцентрированы, главным образом, вдоль основных уличных артерий и еще более резко отличаются от бедных, чем в Кахуне.

Во время раскопок в Тель-Эль-Амарне больше всего, естественно, обнаружено жилых домов, которых имеется собственно два типа: богатые и бедные. В пределах каждого из этих типов дома настолько схожи, что Peet и Wooley с полным правом написали: «Большой особенностью Ахетатона является однообразие планов, по которым построены дома. Знать один большой дом — это значит знать все большие дома, а знать один маленький дом — это значит знать все маленькие дома, так как разница по большей части лишь в деталях. И более того, маленькие дома отличаются по плану от больших лишь опущением несущественного или упрощением того, что усложнено».⁸ Однако в последнем, т. е. в определении того, чем отличаются большие дома от маленьких, авторы указанного замечания, как это мы увидим ниже, не вполне правы.

¹ Division et administration d'une ville égyptienne, Rec. de Trav., t. XI, p. 31 ss.

² The City of Akhenaten, II, p. 2.

³ J. E. A., t. XVIII, p. 234.

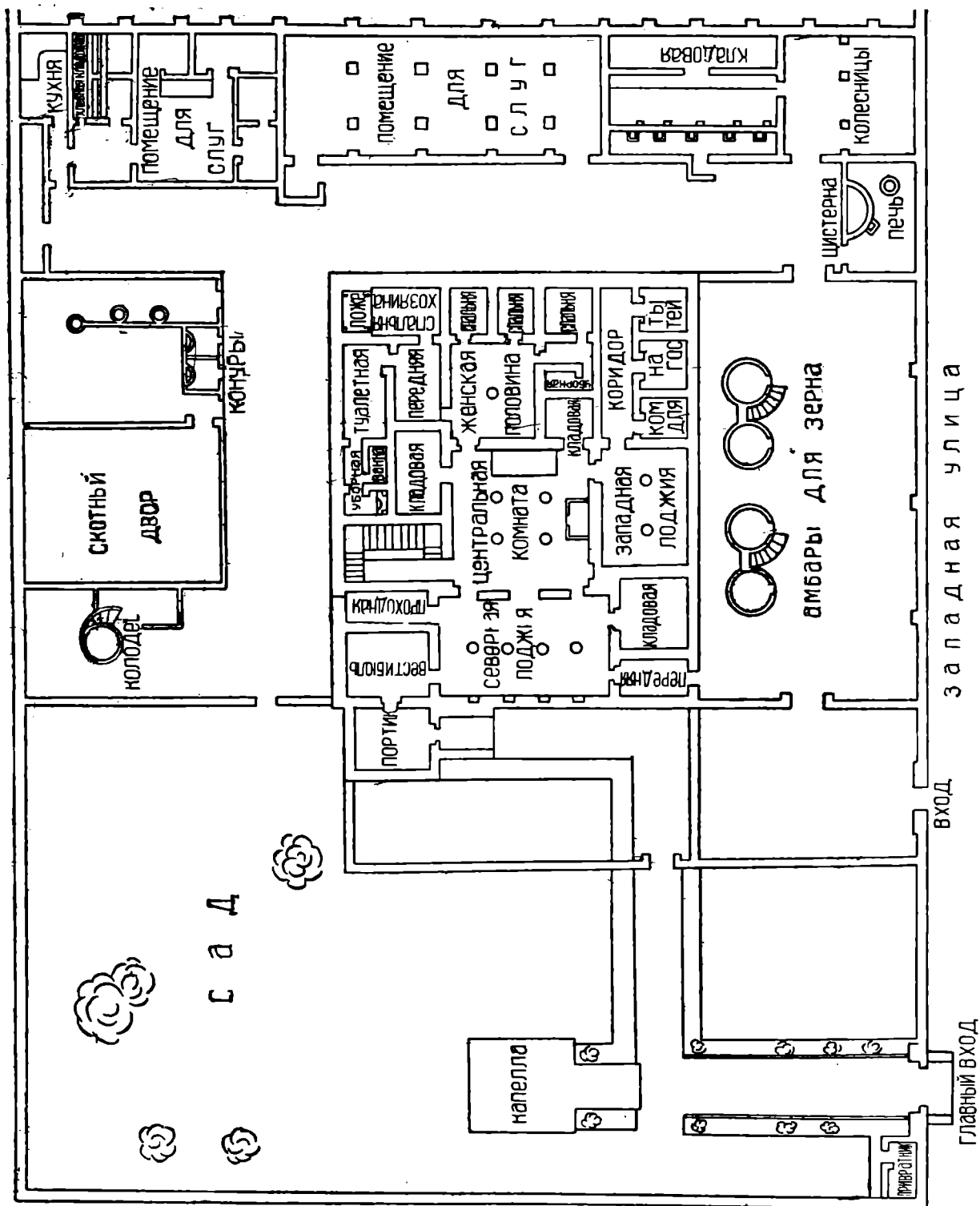
⁴ J. E. A., t. XX, p. 133.

⁵ J. E. A., t. XX, p. 135.

⁶ F. Petrie, Illahun, Kahun and Gurob, pl. XIV.

⁷ Такое расположение домов не было, повидимому, особенностью Тель-Эль-Амарны. Из списка домов, заключающегося в «Описи поселения к западу от Города (Фивы) от храма царя Менмаатра до местности m'iw nhs», приведенного в папруссе Британского музея № 10068 (E. Peet. The Great Tomb-Robberies of the twentieth dynasty, pl. XIV—XVI), мы знаем, что здесь дома жрецов, писцов, кожевников, полицейских, рыбаков и многих других лиц (в списке упомянуто 183 дома) были расположены вперемежку.

⁸ The City of Akhenaten, I, pp. 4—5.

прямая линия.

Рис. 2. План богатого дома-усадьбы.

Для того чтобы познакомиться с богатым домом, для образца возьмем раскопанный в сезон 1928—1929 гг. в «северном предместье» дом Т. 36, 11, занимающий площадь земли около 68×55 м (рис. 2).¹ По плану видно, что само жилье сравнительно невелико (22×25 м), пространство же вокруг него занято службами, жилищами слуг, капеллой и садом. Весь жилищный комплекс обнесен кирпичной стеной, отгораживавшей его как со стороны улицы, так и от соседних домов. Этот жилищный комплекс правильнее называть дом-усадебой.

Усадьба имела два входа — главный (у которого находилась сторожка привратника), предназначавшийся как для членов семьи владельца дома, так и для гостей, и второй, «черный» вход, предназначавшийся, вероятно, для слуг. Оба входа были расположены в восточной стене дома-усадебки. От главного входа дорожка вела, мимо капеллы, в небольшой, окруженный стеной, дворик. Из него, по коротенькой открытой лестнице попадали в крытый подъезд, к которому непосредственно примыкала небольшая комната, — повидимому, вестибюль. Первой от вестибюля была «северная лоджия» — большая длинная комната с четырьмя колоннами, предназначавшаяся как будто для приема гостей, а также для отдыха самих хозяев. Пользовались ею, повидимому, летом, и для того чтобы смягчить жару, в ней с северной стороны имелось большое окно,² через которое проникал свежий северный ветер. В эту же «северную лоджию» через маленький коридор можно было попасть и из второго входа. «Северная лоджия» примыкала к центральной комнате дома, также имевшей четыре колонны. Характерной особенностью этой комнаты являются ниши глубиной в 1—2 кирпича, имевшиеся в стенах,³ и небольшие возвышения на полу у стен, на которых стояли, вероятно, диваны. В полу этой же комнаты всегда имелась плита для омовения или возлияния, со стоком в вазу, расположенную ниже пола (изредка сток шел в соседнюю комнату, рис. 3),⁴ а также жаровня. Это единственная комната, которая отапливалась.⁵

Стены центральной комнаты были всегда выше соседних помещений, что связано с проблемой ее освещения: окна устраивались почти под самым потолком, и их не должны были загораживать остальные комнаты.

¹ The City of Akhenaten, II, pl. XII. Подробное описание этого дома дано в статье S. Lloyd. Model of a Tell-el-Amarna House. J. E. A., t. XIX, p. 1 sqq.

² Возможно даже, что в «северной лоджии» было не окно, а что стена не доходила до крыши, так что комната оставалась открытой, наподобие веранды в современных дачных или южных постройках. Таково мнение F. Petrie. Tell-el-Amarna, pp. 20—21 и L. Borchardt, M.D.O.G., № 34, S. 21, и № 46, S. 20.

³ Вокруг ниш, назначение которых неизвестно, обычно имелась надпись, содержащая молитву Атону, и имена хозяев. Высота ниши равна высоте дверей — 1,5—1,7 м.

⁴ The City of Akhenaten, I, pl. VIII, 6.

⁵ В холодные вечера надобность в отоплении дома несомненно ощущалась, но экономия в топливе (сушеный навоз) не позволяла, очевидно, отапливать несколько комнат.

К центральной комнате примыкала «восточная лоджия», меньшая по размерам, чем «северная лоджия»; ею пользовались зимой.

Эти три комнаты, так же как и запасные комнаты для гостей, составляли парадную часть дома. Остальные помещения дома — это его жилая часть. Сюда относятся: спальня хозяина с умывальной и уборной и женская половина (приемная комната, спальни и уборная), а также различные кладовушки.

Особенностью спальни хозяина, расположенной всегда в наиболее отдаленной части дома, является наличие более узкой, по сравнению с остальной комнатой, части, образующей нечто вроде углубления, имеющего, однако, высоту, равную всей остальной комнате; пол в этой узкой части приподнят — это ниша для постели.

Умывальная и уборная помещаются всегда в непосредственном соседстве со спальней. В глубине умывальной, на полу, находится каменная плита с углублением и стоком; стены этой комнаты защищены от брызг воды вертикально поставленными каменными плитами. Уборная имеет примитивный каменный стульчак; дренажа здесь также нет, и его, как и в умывальной, заменяет сосуд.

Второго этажа дома, повидимому, не имели; лестница же, имеющаяся во всех почти домах, вела на плоскую крышу, где жители дома в летние вечера наслаждались прохладой. Обычно лестницы начинались у центральной комнаты.

Вокруг дома были расположены службы: закрома для зерна, засыпавшегося в них как обычно сверху, сарай, загон для скота, рядом с которым находились две конуры для собак, кухня, цистерна для воды, хлебные печи,¹ жилища для слуг и сад с колодезцем.

Планировка дома Т. 36,11, взятого нами в качестве примера, чрезвычайно типична. Разница между ним и другими богатыми жилищами состоит лишь в месторасположении служб, да в том еще, что не во всех богатых домах имеются две лоджии: в некоторых была только одна.²

Прежде, чем перейти к вопросу о том, какие строительные материалы применялись при постройках, а также к описанию наиболее любо-

Рис. 3. Водосток.

¹ О хлебных печах в Эль-Амарне см. специальную статью в *Ä. Z.*, 68, S. 74 ff.

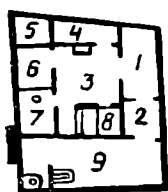
² Имеются, однако, и некоторые другие отклонения, не меняющие общей планировки дома. Так, например, в одном доме было найдено помещение для ткацкого станка. *M. D. O. G.*, № 34 (1907 г.), с. 27 ff.

пытных, по нашему мнению, деталей построек, познакомимся с тем, что представлял собой бедный дом. В качестве образца такого дома возьмем дом М. 50, 16, раскопанный в сезон 1921—1922 гг. (рис. 4).¹

По своим размерам дом весьма невелик: около 10×8 м. Особенностью этого (и подобных ему по типу) дома является полное отсутствие служебных пристроек, амбаров, сада, т. е. всего, что окружает богатый дом. Жители такого дома не имели, следовательно, больших хлебных запасов или сколько-нибудь значительного количества скота, так как для этого здесь нет помещений; не имелось здесь также помещений для слуг.

Вход в дом находился где-то в северной стене помещения 1. Комната 3 играла, повидимому, ту же роль, что центральная комната в большом доме. Помещение 5 было погребом-ларем; вход в него был сверху. Назначение остальных комнат неясно. Из комнаты 3 по лестнице 8 поднимались на крышу дома.

М. 50, 16

0 5 м

Рис. 4. План бедного дома.

При доме имелся небольшой открытый загон для скота (9) с ящичным очагом и хлебной печью.

Такой дом, хотя и имел известное сходство по планировке с богатым домом (центральная зала, лестница), все же сильно отличался от него не только размерами или «опущением несущественного и упрощением того, что усложнено», но тем, что в бедном доме мы не видим всех тех пристроек, которые окружают богатое жилище.

Сама планировка жилищного комплекса богатого дома-усадьбы показывает, что перед нами дом, владелец которого принадлежал к господствующему классу, тогда как бедный дом приспособлен лишь для семьи, чье хозяйство не обслуживается слугами.

Для домов как богатых, так и бедных, точно так же, как и для всех вообще имеющихся здесь построек (в том числе для дворцов и храмов),² основным строительным материалом был кирпич-сырец, изготовлявшийся в деревянных формах.³ Размеры кирпича невелики: 33—36 см длины, 15—16 см ширины и 9 см толщины. Камень применялся в очень незначительном количестве, да и то лишь в богатых или зажиточных домах: он шел для изготовления дверных коробок, баз для колонн, дверных пяток и т. п. Дерево применялось несколько шире: из

¹ The City of Akhenaten, I, pl. I, p. 19. Кто жил в этом доме — неизвестно. Вероятнее всего, что это был ремесленник, который работал? (а, может быть, это владелец?) в очень плохо сохранившейся стекольной мастерской М. 50, 14 (ib., p. 19, pl. I), расположенной подле этого дома.

² В «Северном дворце» только колонны в анфиладе зал перед тронным залом были из камня; в других же помещениях дворца колонны, так же как и все стены, были кирпичные. В храмах же кирпичные стены были лишь облицованы камнем.

³ При этом на кирпичах иногда выдавливалось название здания, для которого они предназначались.

него делались колонны, брусья, вкладывавшиеся в основу лестниц, балки, на которых покоилась крыша, и т. п.

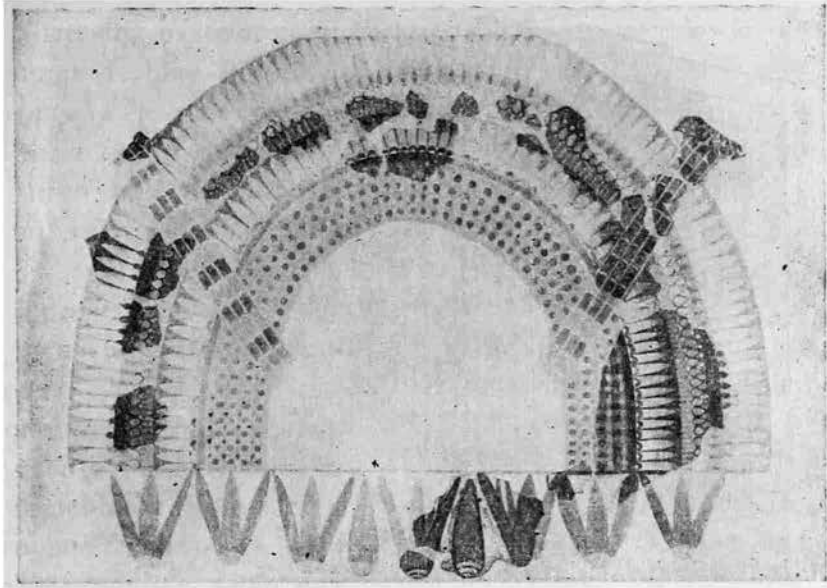

Рис. 5а. Стенная роспись в богатом доме.

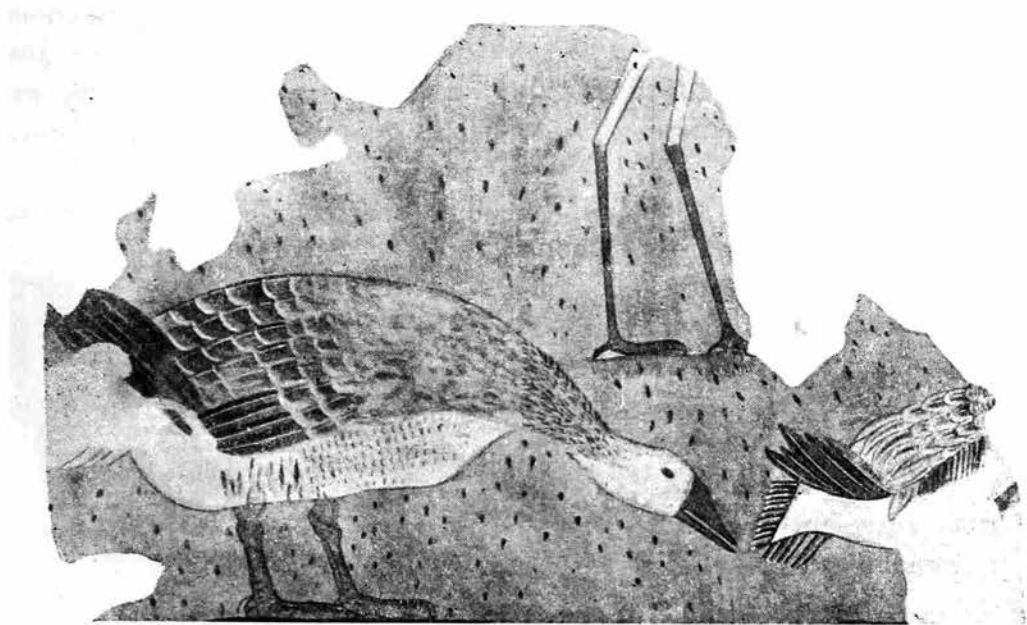

Рис. 5б. Стенная роспись из женской половины «Северного двorca».

Стены комнат, а также потолки, насколько можно судить по имеющимся остаткам их, обычно штукатурились и окрашивались. Центральная зала и лоджии богатых домов окрашивались обычно следующим образом: нижняя часть стен до высоты человеческого роста была белой,

выше по серому фону шли росписи (рис. 5а, 5б).¹ Ниши центральной залы красили в красный цвет или покрывали тремя вертикальными полосами (красная, желтая, красная). Деревянные колонны, так же как и дверные коробки, окрашивались в

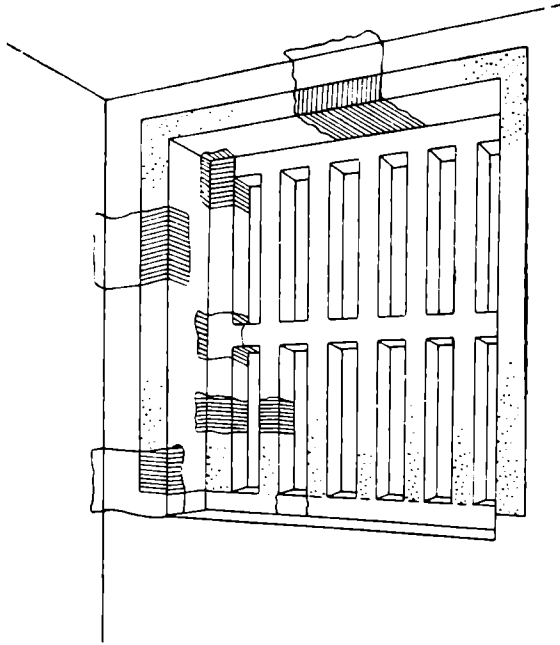

Рис. 6. Окно с решеткой.

коричневато-красный, потолок — в синий цвет. В такие же цвета окрашивались комнаты бедных домов, но здесь, если и бывали орнаменты, то они, как правило, более грубы, беднее узор и гамма цветов.²

В выборе цветов, которыми окрашивались стены, художники, повидимому, руководствовались необходимостью максимально сохранить свет,³ в очень небольшом количестве попадавший в комнаты через маленькие окна, забранные к тому же решетками (рис. 5).⁴

Пол в бедных домах делался из слоя плотно-утрамбованной глины, в богатых же домах

он настился из слоя кирпича (или, весьма редко, из слоя черепиц), поверх которого клали слой глины, покрытой белой обмазкой, расписанной в яркие цвета.⁵

Потолок устраивался следующим образом (рис. 7):⁶ на стены укладывались деревянные балки (А), причем в больших комнатах дополнительной опорой для балок служили архитравы, покоившиеся на колоннах.

Рис. 7. Разрез потолка.

¹ The City of Akhenaten, I, pl. XV, 4; J. E. A., t. X, pl. 32, 2.

² Стенным росписям Тель-Эль-Амарны посвящена специальная работа: *Mural Painting of El-Amarna*, edited by H. Frankfort.

³ См. The City of Akhenaten, I, p. 44.

⁴ Там же, II, стр. 11, фиг. 3. Ср. фото решетки из дома Р. 46, 11 в The City of Akhenaten, I, pl. VI, 4.

⁵ Там же, I, стр. 38.

⁶ Там же, I, стр. 57, фиг. 6.

бованной глины (D). Снизу мотолок штукатурился, а балки окрашивались.

Лестница, которая вела на крышу, выкладывалась из кирпичей, причем в тех случаях, когда под ней имелся проход, она покоилась на трех деревянных балках, верхним концом упиравшихся в стену, а нижним — в первые ряды лестничной кладки (рис. 8).¹

Из служебных пристроек богатого дома рассмотрим отдельно только колодец, откуда брали воду для поливки сада и для нужд жителей дома. Колодец (рис. 9)² представлял собой круглую яму, доходившую до слоя подпочвенной воды.³ В своей верхней части колодец был весьма широк (диаметр 3.4 м) и по его внутренним стенкам шла лестница, заканчивавшаяся площадкой шириной почти в 2 м; отсюда начиналась узкая часть колодца, имевшая в диаметре 1.5 м. В более узкой части стенки колодца ничем не были укреплены, в верхней же их укрепляла витая лесенка. Для предохранения колодца от засорения, вокруг него шла невысокая стенка, а сверху он, может быть, чем-либо покрывался.

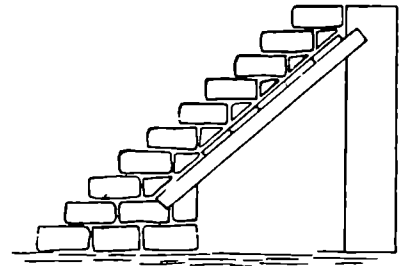

Рис. 8. Лестница.

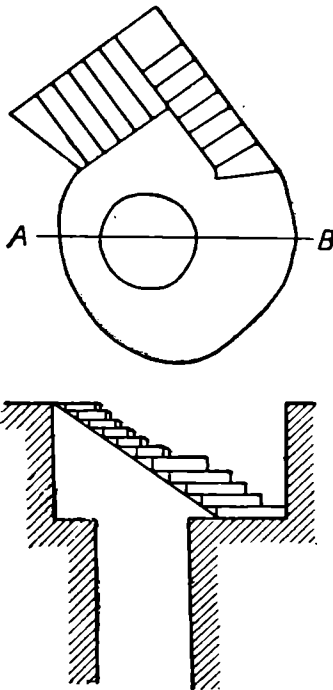

Рис. 9. Колодец.

Жители бедных домов пользовались водой из общественных колодцев, остатки которых найдены в различных частях города.⁴

Что же касается ремесленных мастерских, имевшихся в городе, по всем данным, в большом количестве, о них трудно составить сколько-нибудь полное представление, так как имеющиеся отчеты уделяют им слишком мало внимания. Можно указать, что в ряде пунктов города обнаружены остатки стекольно-керамических мастерских (рис. 10),⁵ а также мастерские скульпторов. Следует отметить, что стекольно-керамическое производство, которое играло, повидимому, в ремесленной промышленности города большую роль,⁶ в отдельных случаях достигает большой концентрированности. Это видно из того, что в одном пункте мы имеем три сте-

¹ Там же, I, стр. 24, фиг. 4.

² The City of Akhenaten, I, p. 11, fig. 3.

³ Колодец, найденный в доме М. 49, 18, имел глубину около 5 м.

⁴ В «Восточном квартале» колодцев не было, и воду сюда возили, видимо, из Нила.

⁵ The City of Akhenaten, II, pl. XXV, 4; такие мастерские были в зданиях М. 50, 14, И. 33, 9 и Р. 43, 1, а также где-то около дома N. 49, 18.

⁶ Об этом производстве имеется специальная работа Н. Д. Флиттер. Стекольно-керамические мастерские Тель-Эль-Амарны (Ежег. Росс. инст. истории искусств, т. I, стр. 137—164).

клообжигательных печи,¹ а в другом — в храмовых мастерских — найдено свыше 20 стеклообжигательных печей и глазуровальных горнов.²

Очень немногое можно сказать и о скульптурной мастерской, принадлежавшей художнику Тутмесу.³ На основании найденных в ней предметов установлено, что одно помещение служило гипсовочной камерой, а другое — модельной. Однако, хотя распределение производственных помещений нам мало известно, план всего участка не оставляет сомнений в том, что дом самого скульптора, его мастерская и хижины работников мастер-

Рис. 10. Печи для плавки стекла.

ской, теснившиеся за оградой дома, территориально связаны. То же самое мы наблюдаем и в отношении стеклодельных мастерских. Это дает нам основание высказать предположение, что территориальная связанность жилища владельца мастерских, рабочих помещений и домов ремесленников являлась правилом.

Из торговых помещений, найденных в Тель-Эль-Амарне, следует указать на дома, расположенные вдоль набережной уади, перерезавшего город.⁴ Рис. 11,⁵ на котором дома Т. 35, 3 и 9 и лестница, спускавшаяся к уади, изображены в реконструированном виде, дают представление

¹ Дом U, 33, 9.

² P. 43, 1, J. E. A., t. XVIII, pl. XVI.

³ M. D. O. G., № 52, S. 30, Abb. 10.

⁴ The City of Akhenaten, II, 37.

⁵ Там же, II, табл. XVII.

о характере этих торговых помещений. Зерновые лавки, расположенные здесь, а в особенности киоск, находившийся против лестницы, сильно напоминают торговые ларьки, изображаемые иногда на стенах египетских могил (рис. 12).¹ Торговые помещения имелись также, повидимому, в домах, расположенных по улице, названной раскопщиками «Греческая улица».² В них были найдены многочисленные фрагменты микенских предметов, на основании чего, а также некоторых иных признаков считается, что это были дома микенских купцов. На этой же «Греческой улице» находилось здание, которое являлось чем-то вроде постоянного двора (рис. 13):³

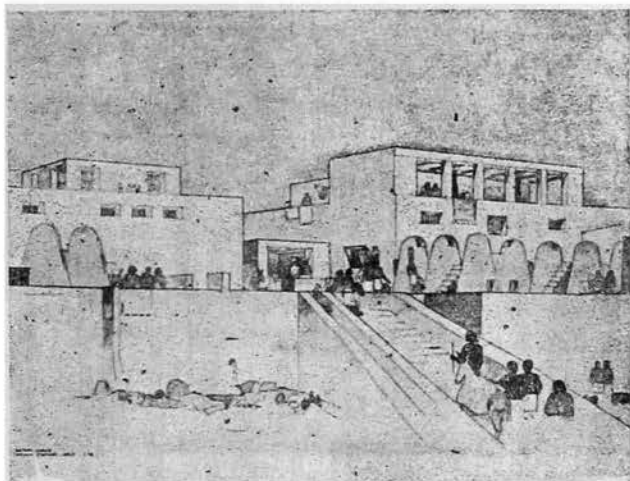

Рис. 11. Торговый квартал (реконструкция).

здесь имелось большое помещение для постояльцев, склады для их товаров, лавка, в которой продавались привезенные предметы, и кухня, которая обслуживала приезжих. Еще один караван-сарай находился по другую сторону уади.⁴

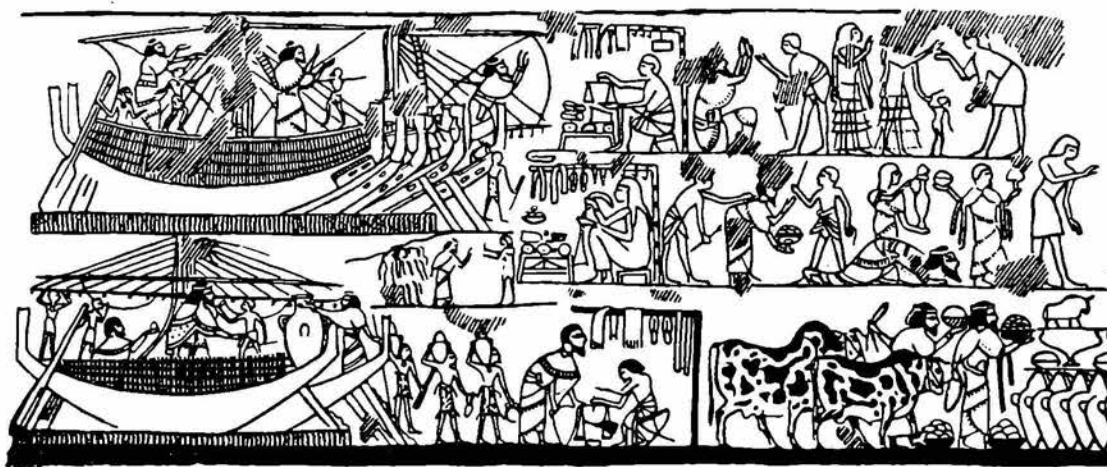

Рис. 12. Торговый ряд у пристани.

Особо следует остановиться на районе, называемом «Восточный квартал». Он выделяется не только своим уединенным положением, —

¹ Revue Archéologique, 1898, II, pl. 15.

² The City of Akhenaten, II, pl. XIV.

³ Там же.

⁴ Там же, II, стр. 70. Дом Т. 33, 9.

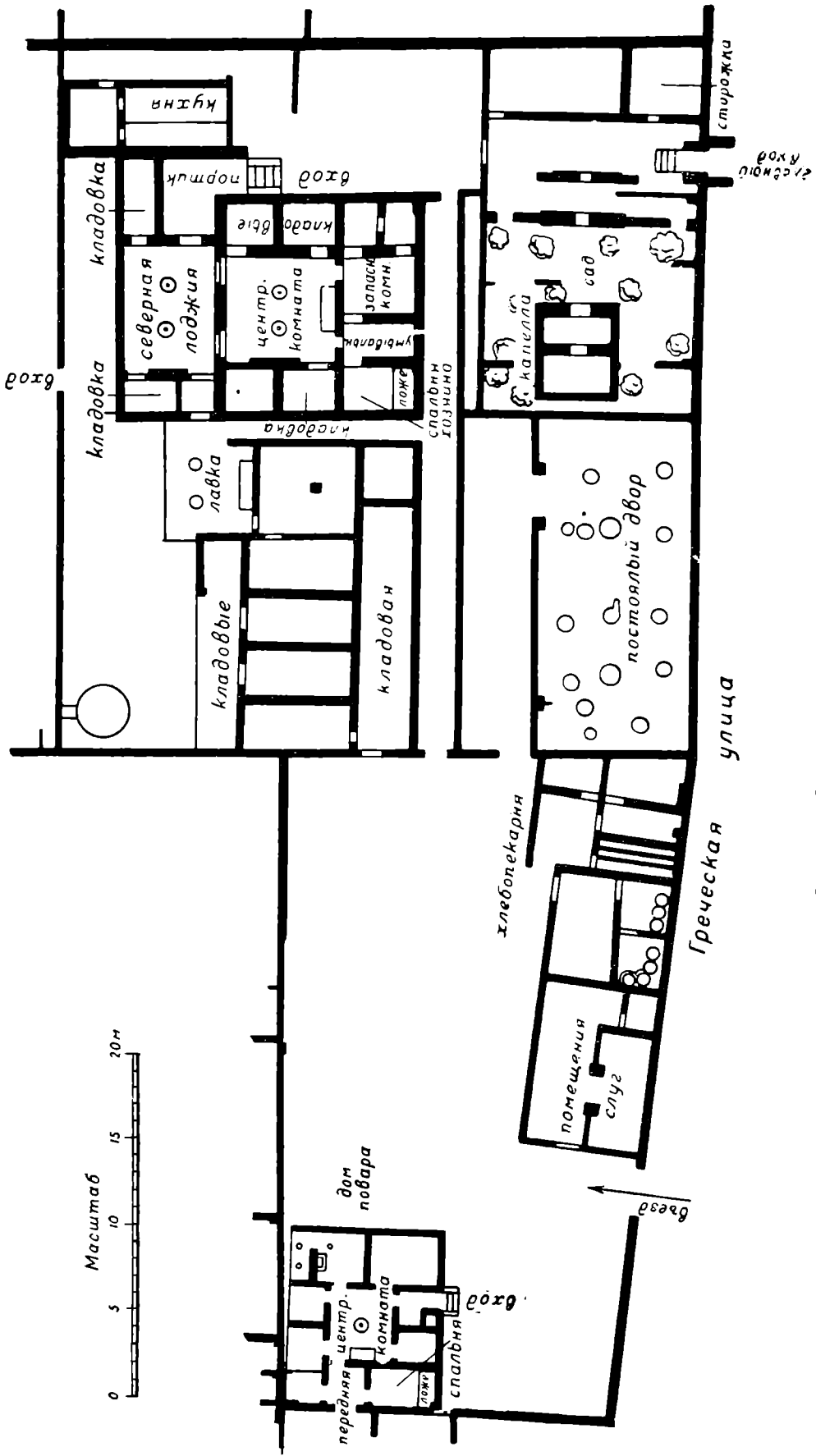

Рис. 13. План «постойного двора».

этот квартал находится возле могил, приблизительно в 1.5 км к востоку от остальной части города, — но, главным образом, тем, что обнесен стеной и исключительно однообразными домами (рис. 14).¹ Внутренняя стена делит квартал на две неравные части — западную с одной улицей и двумя рядами домов и восточную с четырьмя улицами и таким же

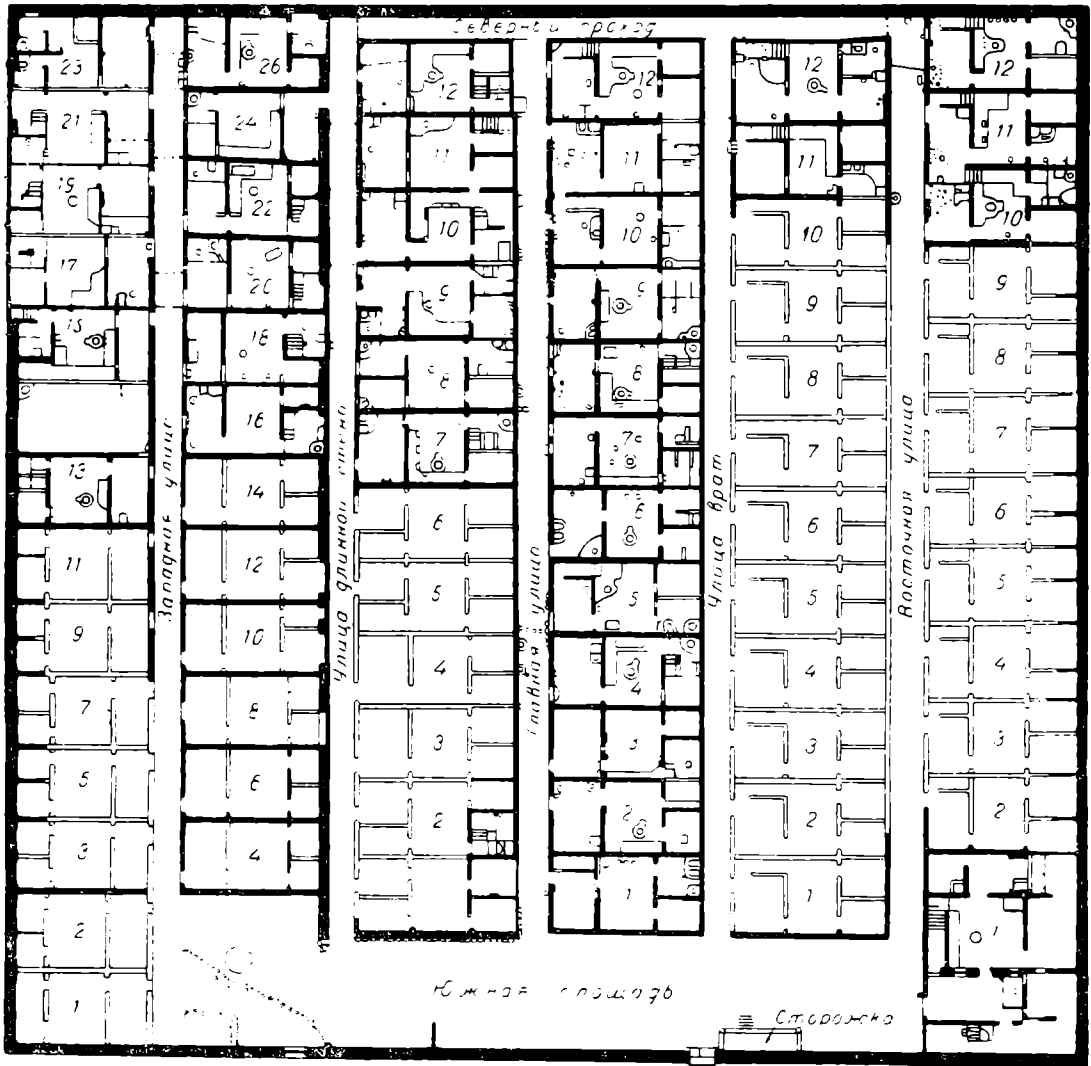

Рис. 14. «Восточного квартала».

количеством рядов домов. Каждая из этих частей квартала (хотя они и сообщаются между собой) имеет самостоятельные ворота в городской стене. Квартал занимает участок земли размером 69×69.6 м. На этой небольшой территории расположено 74 дома. Все имеющиеся здесь дома, за исключением одного, совершенно одинаковы как по размерам (10×5 м),

¹ The City of Akhenatef, I, табл. XVI.

так и по планировке. В каждом из них имелись 4 комнаты. Первая комната от улицы использовалась в качестве загона для скота, для хранения продуктов и т. п. На такой характер этого помещения указывают найденные в них кормушки для скота и маленькие закрома. Следующая комната — это жилая, в центре которой обычно имеется глиняный, вмазанный в пол очаг — жаровня. Из этой комнаты две двери вели — одна в спальню, а другая — в кухню, где обычно имелись печь (рис. 15)¹ и ступка для толчения зерна,² стоявшая в специально отгороженном невысокой глиняной стенкой месте. Это делалось для того, чтобы зерно при дроблении не могло далеко отлететь.

Единственное отличие между этими домишками в планировке заключается в том, что в одних лестница, по которой поднимались на крышу, начиналась в центральной комнате, а в других — у кухни.

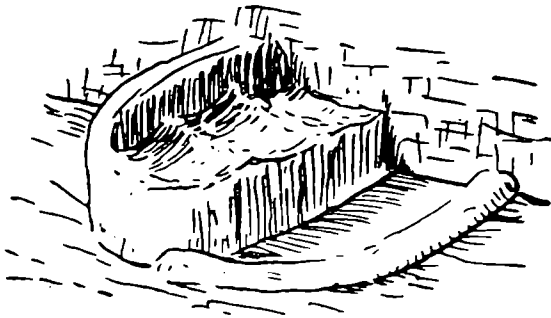

Рис. 15. Печь.

В «Восточном квартале» имеется только один дом, который отличается от всех остальных как размерами, так и планировкой — это дом 1 по Восточной улице. Он приближается к богатым домам центральной части города.

Внутреннее убранство домов «Восточного квартала» достаточно бедно. Стены обычно оштукатурены и побелены. В некоторых сохранились остатки росписи, образцом которых может служить пилястр из 9-го дома по главной улице (рис. 16).³

Однообразие домов, правильность застройки квартала, так же как и то, что стена квартала или дома является вместе с тем стеной соседнего дома — дает основание считать, что весь квартал был выстроен одновременно.

Не ясным является вопрос о том, кто жил в «Восточном квартале». Во всяком случае, это не деревня, так как она расположена очень далеко от земли, годной для обработки, тогда как обычно деревни находились у самой границы пахотной земли. Возможно, что этот квартал, как и предполагают раскопщики, был поселком ремесленников, занятых устройством могил. В этом случае было бы понятно и месторасположение поселка. Если это предположение правильно, то в «Восточном квартале» мы имеем поселение, аналогичное тому, которое находилось при Фиванском некрополе и столь часто упоминается в Туринских папирусах, а также в документах, посвященных процессам об ограблении царских могил.

¹ The City of Akhenaten, I, p. 77, fig. 11.

² Там же, I, стр. 83, фиг. 12.

³ Там же, I, табл. IX 2.

Во всяком случае, как бы ни понимать назначение «Восточного квартала», ясно, что каждый дом предназначался для отдельной семьи, имевшей самостоятельное хозяйство, — хлебные закрома, ступки для зерна и кормушки для скота, имеющиеся в этих домах, красноречиво свидетельствуют об этом. Все жители квартала, кроме владельца дома 1 по Восточной улице (если верно предположение, что квартал был заселен некропольскими ремесленниками, то, может быть, это был их начальник?), принадлежали к одной социальной среде и располагали, примерно, одинаковым достатком.

Помимо жилищ, в Тель-Эль-Амарне были раскопаны также «учреждения». Выражаясь современным языком, здесь обнаружено «податное бюро»,¹ «полиция»,² «таможня»,³ «архив», или, как гласят надписи на кирпичах, из которых выстроено это здание, — «место переписки Фараона»,⁴ «арсенал»,⁵ «университет» — надпись на кирпичах *ḥnḥ* «дом жизни» (школа). В этом здании, пишет в своем отчете Pendlebury,⁶ «было найдено некоторое количество острака со списками царских писцов, — возможно, лекторов этого университета» и др.

Из этих зданий можно остановиться лишь на «податном бюро» (рис. 17).⁷ Оно состоит из жилища начальника бюро, обычного типа хозяйственных пристроек и помещений для слуг, а также официальных помещений. Эти последние состояли из дома с приемной залой и комнатами для писцов, 6 больших кладовых (общим размером около 20×13 м) и такого же

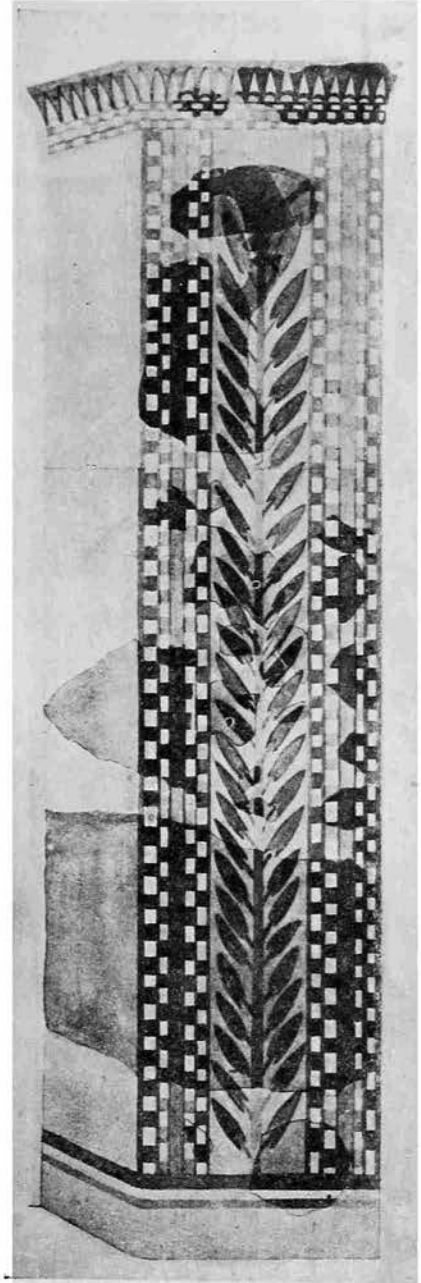

Рис. 16. Росписной пилляр.

¹ Там же, II, табл. XIII.

² Там же, II, стр. 62, фиг. 7.

³ J. E. A., t. XII, p. 10 sqq.

⁴ J. E. A., t. XX, p. 134. Здесь Petrie нашел известный клинописный архив.

⁵ J. E. A., t. XX, p. 135.

⁶ J. E. A., t. XX, p. 134.

⁷ The City of Akhetaten, II, pl. XIII. О зданиях других учреждений говорить что-либо трудно, так как о них не только очень мало сказано в имеющихся отчетах, но и не воспроизведены планы их.

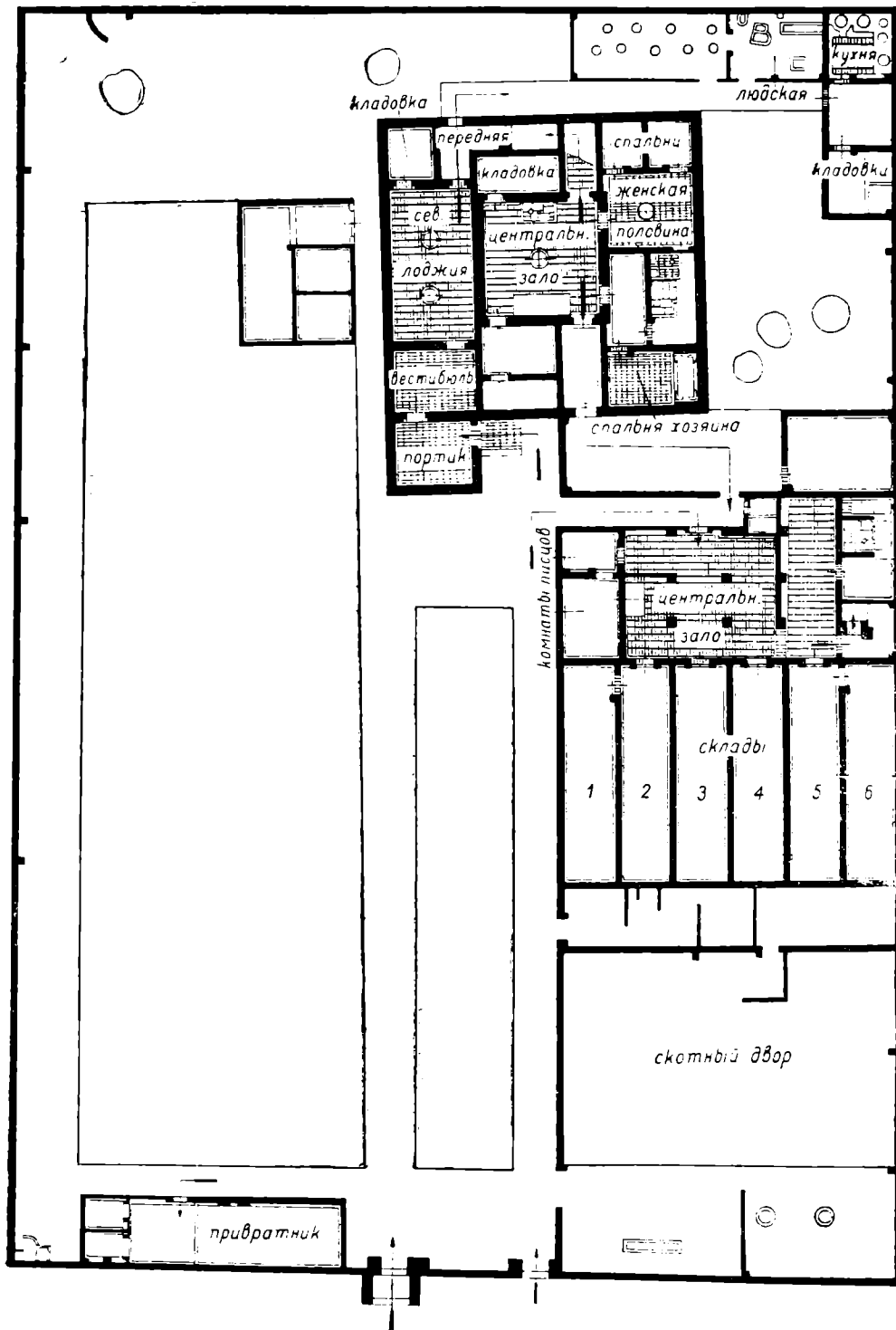

Рис. 17. План «податного бюро».

приблизительно по размерам скотного двора. Размеры кладовых и скотного двора говорят о том, что преобладающее место среди вносимых податей занимали натуральные подати.

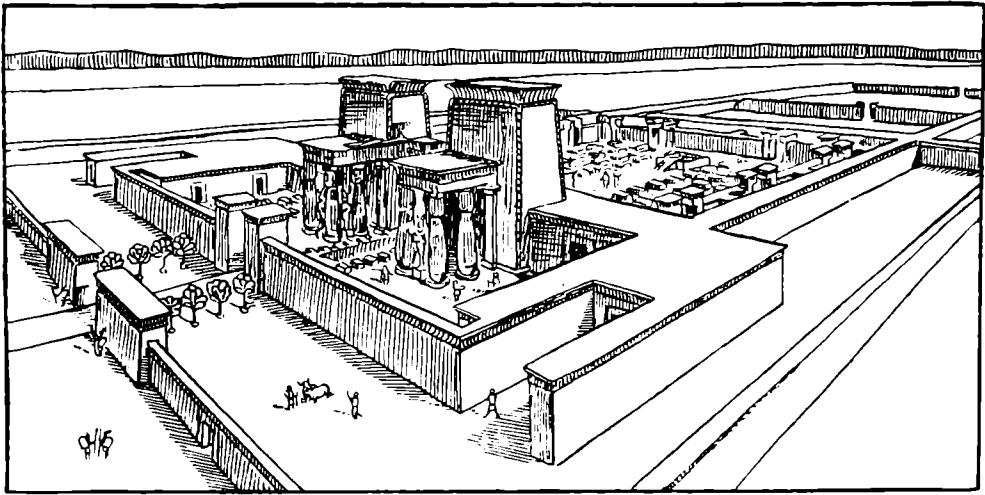

Рис. 18. «Большой Храм» (реконструкция).

Достаточно существенную часть города составляли храмы¹ и дворцы.² Основным отличием храмов Тель-Эль-Амарны (рис. 17)³ от хорошо известных храмов Нового царства является то, что вместо святой святых в них имелся алтарь, стоявший открыто на воздухе. Этим храмы Тель-

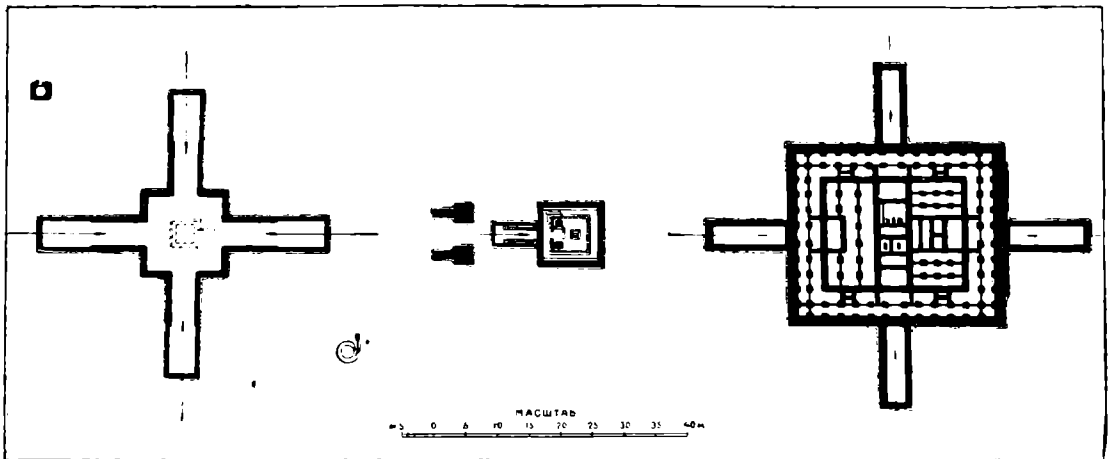

Рис. 19. Алтарь.

¹ Храм «Меру-Атон», The City of Akhenaten, I, pl. 29; приречный храм (от которого раскопана небольшая часть), там же. т. I, табл. 41; храм «Дом Атона», J. E. A., t. XVIII, pl. XVI; храм «Гем-Атон», J. E. A., t. XIX, pl. XIII; Большой храм, J. E. A., t. XX, pl. XVI, и алтарь к северо-востоку от города, The City of Akhenaten, J. II, pl. XXVI.

² Дворец, J. E. A., t. XVIII, pl. XVI, и «Северный дворец», J. E. A., t. XII, pl. II.

³ J. E. A., t. XX, pl. XIV, 2.

Эль-Амарны напоминают солнечные храмы Древнего царства. Алтарь же, находившийся к северо-востоку от города, не похож на известные нам храмы. Он состоит из 3 зданий (рис. 19)¹ — из самого алтаря — квадратная платформа, на которую ведут расположенные с четырех сторон ramпы, из капеллы и из здания, напоминающего павильон, имеющего (так же как и алтарь) четыре ramпы.

Несомненно культовое назначение имеет также здание, названное раскопщиками «Бюро иноземных приношений» (рис. 20);² они видят в нем то здание, которое изображено на Эль-Амарнской гробнице Хеви³ и обозначено на ней как «Великий трон Ахетатона для получения даров каждой страны».⁴ Это здание выстроено рядом с большим храмом Атона и входит

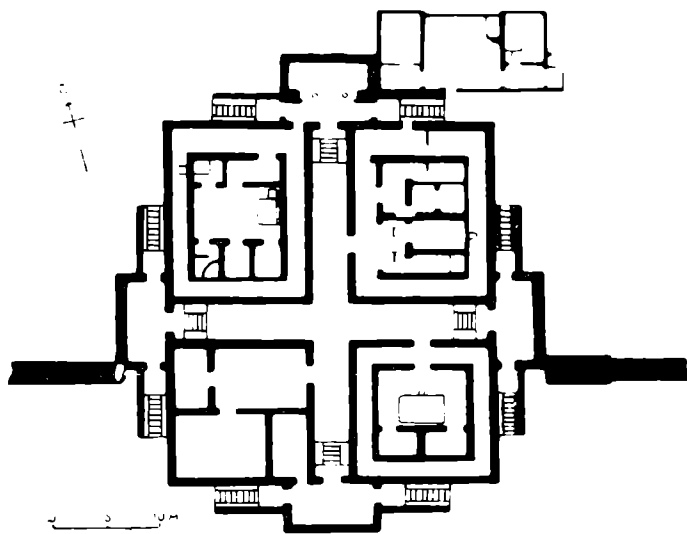

Рис. 20. «Бюро иноземных приношений».

в его ограду, частично сломанную для того, чтобы поместить здесь это сооружение. Оно делится на четыре части двумя перекрещивающимися коридорами. Концы коридоров упираются в платформы, на каждую из которых ведут три лестницы. Pendlebury предполагает, что сюда приносились те иноземные дары, которые предназначались храму Атона. Во время церемонии поднесения даров фараон

находился на северной платформе и перед ним дефилировали иноземцы, нагруженные продуктами своих стран; дары складывались затем на три другие платформы, а также в юго-восточной части здания. В северо-восточной части здания были апартаменты фараона, где он переодевался или отдыхал во время церемонии; северо-западная часть была помещением жрецов.

Царское жилище — дворец — находилось рядом с храмом Атона, с которым он непосредственно сообщался.⁵ Во дворце обращают на себя вни-

¹ The City of Akhenaten, II, pl. XXVI.

² J. E. A., t. XIII, pl. 49, 2.

³ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El-Amarna, t. III, pl. XIV.

⁴ Там же, табл. XIII.

⁵ Это было, повидимому, обычным явлением; ср. дворец Рамзеса III в ограде храма Амона Н. Hölscher. Medinet Habu Studies, 1928/29, p. 3 (Oriental Institut Communication, № 9).

манье 6 спален, все выходящие в один коридор.¹ Большой сад, находившийся при дворце, заканчивался мостиком, перекинутым через «царскую улицу», — одну из главных улиц города. Мостик вел в другую часть дворца.

Другой дворец — «Северный» — (рис. 21)² являлся, повидимому, летней резиденцией фараона. Дворец занимал площадь в 112×142 м, окруженную стеной толщиной в 2 м; высота стен неизвестна, однако, остатки ее местами достигают 2 м.

Главные ворота дворца находились в западной стене его и выходили к Нилу, протекавшему на расстоянии нескольких сот метров от дворца. Из ворот попадали в большой двор, слева от которого, за оградой, находилась капелла; по обеим сторонам дворика, окружавшего капеллу, шло по 9 небольших комнаток и лестница, по которой поднимались на их крышу. Справа от двора, также в ограде, находилась постройка сложной планировки. В этом здании, так же как и в капелле, по мнению Th. Whittemore,³ происходили солнечные мистерии.

За передним двором находился центральный, середина которого занята искусственным прудом. Направо от пруда расположен ряд помещений, вероятно, жилье придворных чинов. Налево от пруда, за оградой с тремя входами, находился зверинец, где содержались различные живот-

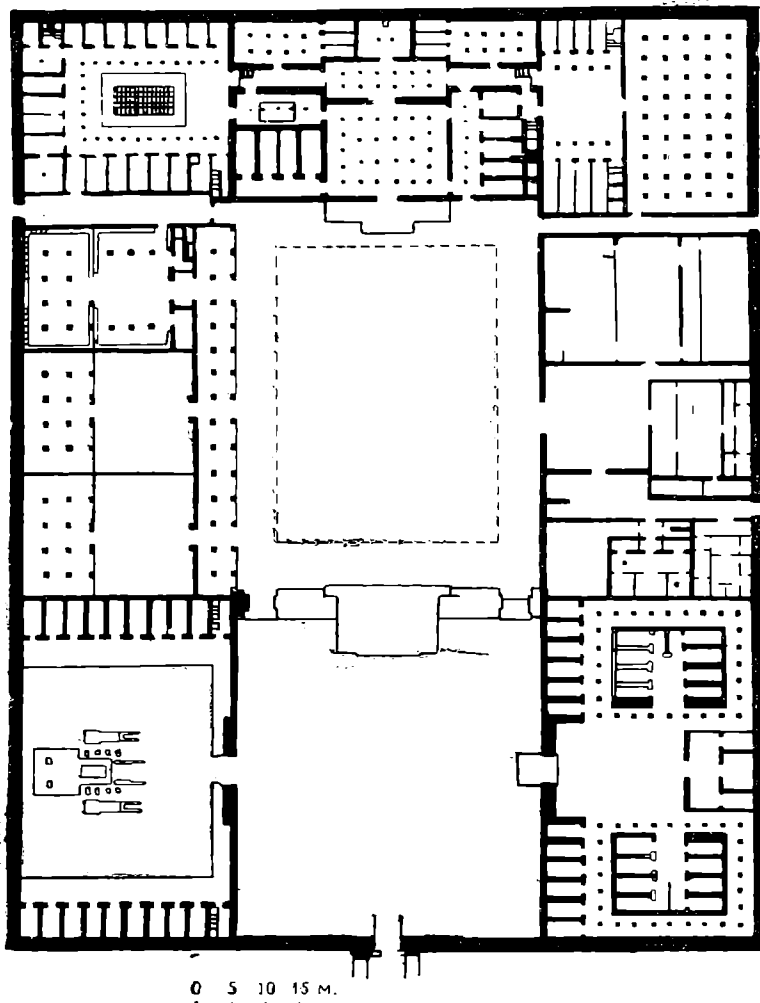

Рис. 21. План Северного дворца.

¹ По мнению Pendlebury это спальни шести молодых дочерей Эхнатона. J. E. A., t. XVIII, p. 147—148.

² J. E. A., t. XII, p. 3 ss., pl. II.

³ J. E. A., t. XII, p. 4.

ные, изображения которых носят имеющиеся здесь кормушки (рис. 22).¹

В восточной части дворца, отделенной коридором от зверинца и помещения дворцовых чинов, находилась царская половина. В северной части царской половины имеется 21 небольшая комната с дверьми, выходящими в сад из цветочных клумб, вокруг которого стояли 27 колонн. Это был царский гарем. В противоположном, южном, конце царской

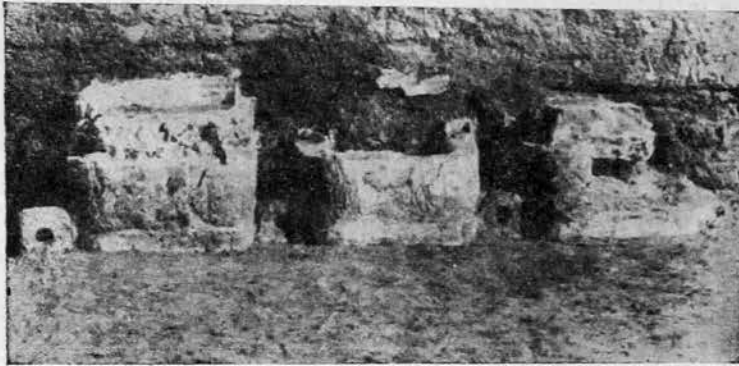

Рис. 22а. Кормушки для животных. Северный дворец.

Рис. 22б. Деталь кормушки.

половины находилась большая, 45-колонная зала, в которой вельможи ожидали начала царского приема. Помещение между гаремом и залой ожидания было занято комнатами самого фараона. Самая большая из имеющихся здесь комнат — это зала с 26 известняковыми колоннами; с одной ее стороны шла терраса, спускавшаяся к большому пруду, а с другой — она примыкала к другой, меньшей 12-колонной зале. За этой последней находилась двухколонная тронная зала.

Все помещения

для царских слуг, амбары и кухня находились вне ограды дворца.

* * *

Раскопки в Тель-Эль-Амарне продолжаются, и каждый год археологи открывают здесь новые здания, каждый год обогащаются наши знания об этом древнеегипетском городе, имеющем, представляется нам, несмотря на свое искусственное возникновение и связанные с этим особенности, много черт, типичных для египетских городов эпохи Нового царства.²

¹ J. E. A., t. X, pl. XXX.

² В нашем кратком обзоре мы совершенно не касались найденных в Тель-Эль-Амарне памятников, поскольку это не входило в нашу задачу — дать представление о самом городе.

I. LOURIÉ

LA VILLE DE TELL-EL-AMARNA

RÉSUMÉ

Tell-el-Amarna est la seule ville de l'ancienne Egypte qui soit aujourd'hui étudiée depuis plus de 40 ans, non sans interruptions il est vrai. Les fouilles qui y ont été faites permettent de compléter dans une certaine mesure les faibles connaissances que nous avons sur la ville dans l'ancienne Egypte. Etant donné que Tell-el-Amarna est l'une des quelques villes peu nombreuses qui soient l'objet d'une étude systématique, il est particulièrement regrettable de constater 1) que les comptes rendus préliminaires publiés, surtout dans les dernières années, ne contiennent pas de plans des fouilles et des bâtiments, 2) que les résultats des travaux de 1923—1924 et de 1924—1925 font défaut dans les comptes rendus détaillés et 3) que dans les matériaux publiés une place insuffisante soit accordée aux ateliers d'artisans et aux habitations des couches inférieures de la population urbaine.

Le présent article donne un aperçu sommaire des fouilles accomplies.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЖУРНАЛОВ

Ä. Z. — Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde.

B.I.F.A.O. — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale au Caire.

J.E.A. — Journal of Egyptian Archaeology.

M.D.O.G. — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin.

Rec. de Trav. — Recueil de Travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. И. ГРОМОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПАЛЕОЛИТУ СССР В 1935 г.

Летом 1935 г. научными учреждениями СССР были произведены исследования по палеолиту в различных местах нашего Союза — в Крыму, на Северном Кавказе и Закавказье, в БССР, УССР, в Северной Азии. Минувший 1935 г. был особенно удачен именно в этой области археологических исследований, однако, в задачу настоящей заметки не входит освещение всех этих исследований, но лишь тех из них, результаты которых принесли новые и существенные данные, позволяющие поставить вопрос о пересмотре общепринятой стратиграфии палеолита. К числу таких исследований следует отнести работы на восточном побережье Черного моря, между Сухуми и Очемчири, изучение мустьерской стоянки Кодак близ Днепропетровска, разведочные работы на Алтае и некоторые находки кремней в террасовых отложениях Азовского побережья.

Прежде чем перейти к изложению главнейших результатов перечисленных исследований, может быть не лишним будет напомнить, хотя бы в двух словах, о том, что наиболее распространенным как у нас, так и в Западной Европе, является представление о сравнительно позднем геологическом возрасте палеолита в целом. Пользуясь общепринятой у нас альпийской схемой и терминологией, весь верхний палеолит (ориньяк, солютре и мадлен) обычно относят к концу последнего, так называемого «вюрмского оледенения» (точнее — ко времени после-максимума этого оледенения и до бюльской стадии его отступления), а нижний — к вюрму и рисс-вюрмскому межледниковью. Следует все же заметить, что такая датировка в отношении палеолита СССР до известной степени является провизорной, так как стоянок старше верхнего ориньяка с хорошей геологической стратиграфией (кроме Ильской на Северном Кавказе, еще слабо изученной) на территории Союза известно до последнего времени не было. Отсюда следует, что стратиграфия палеолита СССР фактического обоснования полностью не имеет. Поэтому находки ашельской и мустьерской стадии, сделанные в самое последнее время, о которых идет ниже речь, представляют большое значение не только для данного района, но приобретают и более широкий общий интерес.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СУХУМСКОМ РАЙОНЕ

Первые находки палеолитических орудий в этом районе были сделаны в 1934 г. С. Н. Замятниным; под руководством его же летом прошлого года

здесь были поставлены Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР обширные археологические работы. Одновременно с этим Геологическим институтом Академии Наук производились в этом же районе геологические исследования под общим руководством Г. Ф. Мирчинка и автора настоящей заметки.

Совместная работа геологов и археологов дала весьма любопытные результаты.

Несмотря на то, что большой археологический и геологический материал, собранный С. Н. Замятниным и его сотрудниками, а также проработкой геологической партии Н. А. Ласкарун-ской и геологом Л. Н. Соловьевым еще не обработан полностью, некоторые существенные результаты, после совместных с Г. Ф. Мирчинком экскурсий, все же могут быть намечены.

В районе Сухуми, от Очемчири к северо-западу вдоль побережья Черного моря до Сочи, прослеживаются более или менее хорошо выраженные террасы. Далее к Новороссийску наличие террас отмечается многими авторами, причем для некоторых мест указывается также и содержащаяся в них фауна беспозвоночных, позволяющих определить геологический возраст некоторых из этих террас.

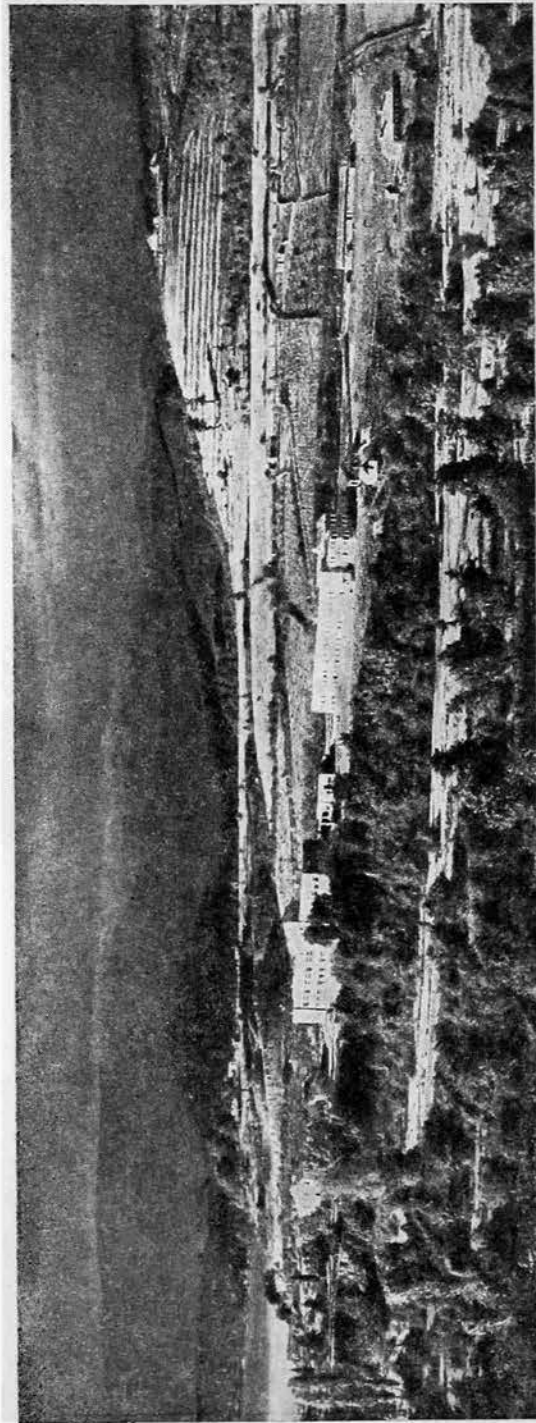

Рис. 1. Террасы в устье реки Келасури.

Нами для района Сухуми и Очемчири констатировано не менее 5 более или менее хорошо сохранившихся террас.

Не считая современного морского пляжа, здесь можно выделить хорошо оформленную I террасу высотой на бровке 2—4 м над ур. м. В толще этой террасы, повидимому, погребены остатки римского времени (IV в. до н. э.). Местами эта терраса на высоте около 1 м над ур. м. имеет уступ, представляющий, может быть, самостоятельную террасу, но пока нами не отделяемую от I террасы.

Следующая по высоте II терраса имеет в среднем отметки в 10—15 м, возрастающие за счет делювия до 20 м и несколько более у внутреннего ее края. Морфологически II терраса хорошо выражена в рельефе и легко отделима от III более высокой 32—40-метровой террасы, так же и по своему геологическому строению. Несколько хуже чем II и III террасы сохранилась IV терраса с отметками в 80—110 м над ур. м. Местами наблюдалась еще промежуточная ступень между III и IV террасами на высоте около 60 м. Однако для выделения этой ступени в самостоятельную террасу в настоящее время достаточных данных пока не имеется. Наконец, на высоте около 450—500 м также имеются, повидимому, остатки очень древней, может быть, плиоценовой, террасы (рис. 1).

Культурные остатки, найденные на этих террасах, по определению С. Н. Замятвина, представлены большим числом кремневых орудий ашэльского, мустьерского и верхнепалеолитического возраста.

Насколько удалось выяснить, древнейшие для данного района палеолитические находки ашэльской (или более ранней) стадии залегают *in situ* на глубине около 0.50 м от поверхности земли в суглинках аллювиально-делювиального происхождения IV 80—100-метровой террасы; наиболее типичным из обследованных местонахождений этого типа является Яштух. Нередко орудия того же «яштухского» типа встречаются как выше IV террасы, так и ниже, на III террасе, но в последнем случае область их распространения ограничивается лишь периферическим краем этой террасы, а самые орудия носят следы более или менее заметной окатки; это свидетельствует об их вторичном отложении. Наконец, отдельные орудия того же типа можно встретить вместе с более поздними среди горных выносов даже на II террасе.

Таким образом, геологический возраст ашэльских орудий можно определить в согласии с Г. Ф. Мирчинком самым концом формирования IV террасы и считать их синхроничными одной из фаз накопления III террасы. Впрочем, для окончательного решения этого вопроса требуются еще дополнительные наблюдения.

В более ясных стратиграфических условиях были найдены остатки мустьерских орудий. Одно из наиболее характерных местонахождений орудий этого типа — Очемчири. Кремневые орудия и отщепы залегают здесь *in situ* в верхней части аллювиальных суглинков III (32—40 м) террасы. В противоположность Яштухскому местонахождению культурные остатки здесь были обнаружены у перифери-

ческой части очень хорошо развитой широкой террасы.

В несколько иных геологических условиях орудия очемчирского типа были найдены под Сухуми, в устье р. Келасури. Орудия этого типа были обнаружены там также *in situ*, но не в аллювии, а в дилuviальном шлейфе, на склоне IV и на поверхности III террасы у ее внутреннего края. Эти наблюдения говорят о том, что геологический возраст очемчирских орудий может быть определен последней фазой формирования III (32—40 м) террасы, причем очемчирский человек жил еще в эпоху начала накопления на этой террасе дилuviальных образований.

Что же касается остатков верхнего палеолита, то условия их залегания таковы, что они не дают возможности судить об их геологическом возрасте. Они были встречены только в современном почвенном слое на III и IV террасах.

Из всего сказанного естественно вытекает вопрос о геологическом возрасте III и IV террас, образование которых в известной фазе их формирования было одновременно поселению на них человека. Ответить сейчас на этот вопрос с уверенностью не представляется возможным, но уже имеются все данные для того, чтобы этот вопрос мог быть разрешен путем дополнительных исследований. В настоящее время можно лишь в форме одного из вероятных соображений высказать предположение о том, что III (32—40 м терраса) будет отвечать древнеэвксинской террасе (с *Didacna crassa*), а II так наз. карангатской (туберкулятовой террасе с *Cardium tuberculatum*). В таком случае орудия очемчирского типа (развитое мустье, по Замятнину) должны быть отнесены к концу миндель-рисса, орудия же яштухского типа (ашель, по Замятнину) окажутся не моложе конца минделя. Нужно, впрочем, сказать, что столь глубокая древность ашеля представляется мало вероятной, если не признать, что в орудиях яштухского типа мы имеем или очень примитивный ашель, или, скорее, одну из стадий шелля (так наз. клеттон).

Однако как бы ни был решен вопрос о геологическом возрасте очемчирских и яштухских находок, мне кажется несомненным, что очемчирские (мустьерские), а тем более яштухские (ашель) орудия не могут быть отнесены (вопреки общепринятой схеме) к рисс-вюрму, не говоря уже о какой-либо стадии вюрма. Последние (Яштух), если справедливо высказанное Г. Ф. Мирчинком заключение об их относительном геологическом возрасте, безусловно окажутся значительно древнее и должны быть отнесены к низам квартера. Не безинтересно подчеркнуть также и значительный интервал во времени, разделяющий оба типа этих находок.

Итак, сухумские находки палеолита не укладываются в общепринятую схему.

В связи с этим представляют интерес находки кремней, сделанные В. А. Хохловкиной и автором в террасах Азовского побе-

режья. Не останавливаясь здесь подробно на геологическом разрезе, укажу, что еще в 1933 г. мною в одном из разрезов у Бессергеновки (близ Таганрога), которые считаются классическими, был найден, безусловно *in situ*, отщеп мустьерского (по мнению В. А. Городцова, С. Н. Замятнина, Г. П. Сосновского) возраста на «миндель-рисской» погребенной почве, в основании «рисского» лёсса,¹ что также не укладывается в общепринятую схему, допускающую наличие развитого мустье только в начале «вюрма». Летом 1935 г. в этом же районе продолжались работы Геологического института Академии Наук и Советской секции АИЧПЕ по палеонтологическому обоснованию азовской толщи; еще раз осмотрено и место нахождения отщепов у Бессергеновки совместно с Г. Ф. Мирчинком, причем первоначальное определение возраста этой находки не вызвало никакого сомнения. Таким образом и этот пункт дал указания на миндель-рисский возраст мустье.

Заслуживают внимания также находки кремней у дер. Лакедемоновки, по определению С. Н. Замятнина верхнепалеолитического облика, сделанные В. А. Хохловкиной в толще рисского лёсса, что также не укладывается в общепринятую схему, согласно которой находки этого типа должны были бы занимать более высокое стратиграфическое положение.

Наконец заслуживают быть отмеченными находки эолитоподобных кремней, сделанные в 1934 г. и значительно дополненные В. А. Хохловкиной в 1935 г. в галечниках у ст. Матвеев Курган. Интерес этих находок, еще требующих однако дальнейшего изучения, заключается в том, что им одновременна типичная верхнеплейстоценовая «хапровская фауна» с *Elephas cf. planifrons*, *Mastodon arvernensis*,² *Machairodus* sp., *Hipparion* sp. etc.

Если в дальнейшем удалось бы доказать действительное участие человека в обработке этих кремней, то мы имели бы новое и весьма существенное доказательство необходимости пересмотра установленной в настоящее время стратиграфии палеолита.

В полном согласии с полученными новыми фактами о геологическом возрасте палеолита стоит также находка стоянки Кодак близ Днепропетровска. Результаты изучения геологических условий залегания культурных остатков этой стоянки привели И. А. Лепикаша к выводу о принадлежности ее ко времени до-днепровского оледенения или к начальным стадиям этого оледенения.³ С таким определением хорошо согласуется и фауна, среди которой оказались остатки *Elephas trogontherii*, типичного представителя так называемой «хозарской» фауны. Таким образом, и здесь мы имеем факт, свидетельствующий о миндель-рисском или ранне-рисском (а не вюрмском) возрасте мустье.

¹ Подробнее см. Бюллетень № 1 Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы за 1935 г.

² Подробнее см. там же, Бюллетень № 2 АИЧПЕ (печат.).

³ Четвертичный период, вып. X, Укр. Ак. Наук, Киев, 1935.

Наконец, о конце рисского времени, если допустима параллелизация максимального оледенения Сибири с европейским, свидетельствуют находки верхне-палеолитического типа, сделанные Г. П. Сосновским в низовьях р. Катунь близ Бийска на верхней 20-метровой террасе, повидимому, в озерно-речном аллювии эпохи самого конца максимального оледенения Сибири.

С. А. ЛОКТЮШЕВ

РЕДКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ И ОСТАТКИ СТОЯНКИ В ДОНБАССЕ

I

В полевой сезон 1933 г., во время наших разведочных археологических работ на магистрали Москва—Донбасс и на ее периферии, производившихся совместно с Харьковским научно-исследовательским институтом истории культуры, нами были открыты вблизи Луганска древнее погребение и остатки стоянки. Погребение залегало в грунте стенки одной траншеи, оставшейся от бывших земляных работ Госстройки 1930 г.

Грунт был покрыт ненарушенным слоем, 32 см мощности, подкурганной, дилювиального характера, степной почвы. Это место занято было раньше курганом. Встретившие его тогда случайно землеробы строительства некоторую часть насыпи при кошке срезали и уничтожили. Для раскрытия погребения нами была заложена прямоугольная, со сторонами 2×2.5 м выемка. Раскопка велась послойно.

Вплоть до погребения, под почвою шел лёссовый суглинок, с редкими выцветами карбоната и сильно изрытый кротовинами. Погребение обнаружилось на глубине 67 см от поверхности и представляло благо-

Рис. 1.

Рис. 2.

даря сказанному, неполно сохранившийся человеческий костяк. Оно занимало 1.46 м в длину и 61 см в ширину. У костяка не доставало черепа, шейных позвонков, лопаток и костей левой руки.

Сохранившиеся кости были сильно фрагментарны. Судя по их положению, было видно, что погребенный помещался здесь вытянуто на спине, ориентированный с ВЮВ на СЗЗ. Площадка под ним была обожжена, отличалась буро-красным цветом, и покрыта слоем мелкого древесного угля.

Обожженность земли с угольным слоем распространялась и за стенки

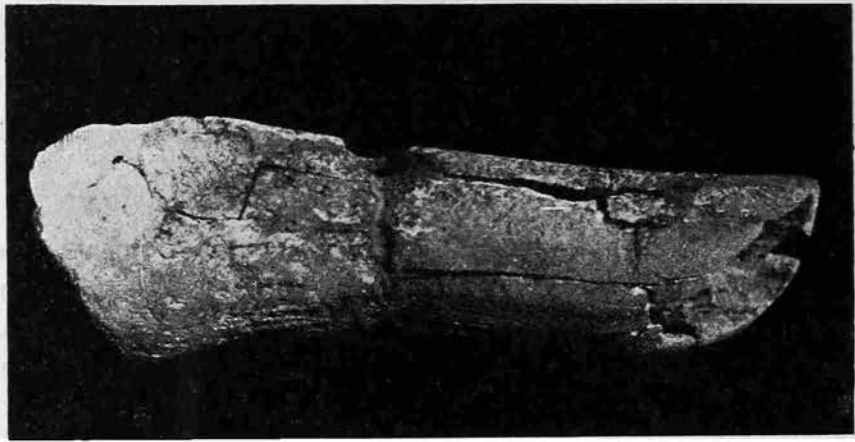

Рис. 3.

произведенной выемки. С костяком находилось: два каменных орудия и одно орудие — роговое. Оба каменных — имеют микролитический облик (рис. 1 и 2).

Кремневое орудие, тронутое темносерой патиной, представляет нуклеус 4 см высоты, лежавший у лучевой кости правой руки (фиг. 1).

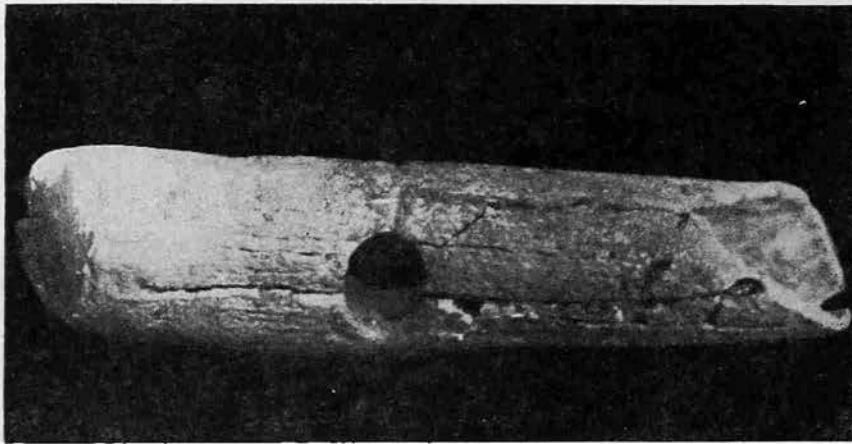

Рис. 4.

Кварцевое орудие представляет отбойник в виде округлой гальки размером $7 \times 6 \times 3.5$ см, имеющий на двух противоположных краях следы долгой утилизации. Он лежал около плечевой кости правой руки на расстоянии 9 см (рис. 2).

Орудие из рога представляет топорovidную кирку длиной 25 см, лежавшую с правой стороны у тазовой кости; она была найдена в сильно фрагментарном состоянии.¹

У этого орудия, почти по середине длины, пробуровлено вертикальное поперечно-расположенное овальное (2 × 3 см) отверстие, сверлина; на одном конце сделан молоткообразный обух, а на противоположном — косо спилено параллельное рукоятке лезвие (рис. 3 и 4). Поверхность местами заглажена.²

В своей форме топорovidная кирка имеет сходные морфологические черты как с ранними неолитическими формами кирок, так и с поздними неолитическими формами, например из стоянок робенгаузенского типа.

II

В этом же месте, еще в 1930 г., при снятии названным строительством кургана, во время наших археологических раскопок могил были нами обнаружены на одной межмогильной небольшой площадке, в нижних частях подкурганной почвы, остатки стоянки. Они представляли небольшой, сохранившийся здесь участок культурного слоя. Содержимое их дало: 11 экземпляров кремневых микролитических поделок, три экземпляра небольших фрагментов глиняной посуды, один зуб оленя и одну остро-обрезанную, на одном конце — 8 см длины, ножную кость кабана. Многие кремневые поделки несут темносерую патину. Среди них имеется 8 экземпляров орудий изготовления орудий труда и три экземпляра орудий труда.

В первые входят: три призматических нуклеуса от 2.5 до 5 см длины; три же экземпляра ножевидных пластинок от 3 до 5 см высоты и два ножевидных и несколько неправильных форм осколков от 1.5 до 2.5 см длины. Во вторые входят: овальный скребок 2.5 см высоты, геометрический трапециевидный наконечник — 2 см высоты, и, наконец, шарообразное, 2.5 см диаметром, неопределенное орудье.

Фрагменты посуды обладают присутствием, в глинистом тесте, толченых раковин; поверхность одного фрагмента сохраняет гребенчатую орнаментацию в виде косых, коротких точечных полосок.

Остаткам стоянки, сочетающей микролитические орудия с фрагментами глиняной посуды, мы не находим аналогий в пределах Донбасса. Аналогии ей усматриваются — одни, например, в правобережье Днепра в стоянках, открытых М. Рудинским¹ и относимых им к началу позднего неолита; затем в одной из приднепровских же стоянок,² открытых

¹ М. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палеолітичних вивчень у межах УССР. К., 1931 (157, 161, табл. 3, 4, 7).

² В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья (754—763 и табл. XVIII, XIX). Тр. XI Археол. съезда Киев, т. I, М., 1901.

В. Хвойко, которые он относил к неолиту, и, наконец, другие отчасти видны в бассейне р. Самары, в стоянке,¹ открытой В. В. Гольмстен в пределах б. Бузулукского у., относимой ею, повидимому, к началу эпохи бронзы.

У перечисленных кремневых микролитов стоянки замечается тождественный, общий характер с теми двумя, которые были найдены в погребении, сказывающийся как на технически одинаковой их изготовке, на размерах, так и на одинаковой сохранности. Особенно это относится к нуклеусам, которые имеют одну и ту же цветность патины. Так как среди микролитического материала, несмотря на его малочисленность и случайность, имеются орудия типа нуклеусов, можно говорить о существовании здесь мастерской. Микролитические орудия погребения — нуклеус с отбойником, являющиеся как раз орудиями для тех же технических целей, несомненно составляли неотъемлемую принадлежность этой мастерской.

Вместе с тем эти орудия могут свидетельствовать о причастности погребенного лица, при жизни, к производству каменных орудий труда, т. е. к мастерской, и, очевидно, и к производству добычи в залежах сырьевого для них материала — мелового кремня.

¹ В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ., стр. 130. Тр. Секц. Археол. IV РАНПОИ, М., 1929.

А. А. МАНСУРОВ

К МАТЕРИАЛАМ ПО ИЗУЧЕНИЮ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ИСКОПАЕМЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Несколько лет тому назад по моей инициативе были проведены химические анализы материалов Археологического отдела Рязанского музея—металлических предметов, добытых путем раскопок. Предполагалось эту работу поставить широко и собрать значительное количество анализов. Но, в силу ряда причин, работа эта не была закончена.

Я считаю целесообразным опубликовать результаты некоторых анализов из числа произведенных. Несмотря на то, что эти сведения имеют случайный и отрывочный характер,—мне кажется, что они, все-таки, могут пригодиться для исследователей соответствующих вопросов, тем более, что до сих пор таких анализов произведено чрезвычайно мало и данных их в литературе почти нет.

Анализы были проведены в Химико-бактериологической лаборатории Касимовского отдела здравоохранения. Для проверки получаемых результатов анализ производился двумя способами: весовым и титрованием. Выводы, если они не совпадали, брались средние.

Перечень подвергнутых анализу предметов и результаты исследований видны из прилагаемой таблицы:

Нагрудные бляхи

Борковской могильник:	а) Sn—6.2%, Cu 93%, Fe 0.8%
	б) Sn—3.8%, Cu 96.2%
Курманский могильник:	а) Sn—4.6%, Cu 95.4%
	б) Sn 14.83%, Cu 85.17%
Шатрищенский (Старо-Рязанский, финский):	а) Sn 14.83%, Cu 85.17%
	б) Sn 49.2%, Cu 50.8%

Спиральные кольца

Тырновский могильник:	Sn 25.6%, Cu 74.4%
Кулаковский могильник:	Sn 22.6%, Cu 77.4%

Гривны шейные

Тырновский могильник:	Sn 9.3%, Cu 90.7%
Курманский могильник:	Sn 14%, Cu 86%
Закапщенский могильник:	Sn 6.25%, Cu 93.75%

Шумящие привески

Курманский могильник:	Sn 7.03%, Cu 92.97%
Закашищенский могильник:	Sn 1.4%, Cu 98.6%
Жабкинский могильник:	Sn 3.81%, Cu 96.19%

Бубенчик

Жабкинский могильник:	Sn 5.25%, Cu 94.75%
-----------------------	---------------------

Семилопастные подвески

Крившинские курганы:	Sn 9.9%, Cu 90.1%
Княжевские курганы:	Sn 1.7%, Cu 98.3%

Дротики

Борковской могильник:	Fe ₂ S ₃ 48%, Fe 52%
Кузьминский могильник:	Fe ₂ S ₃ 16%, Fe 84%

Для сопоставления этих изделий с современными бронзовыми изделиями следует вспомнить, что состав красной современной бронзы содержит: Sn 5%, Cu 95%; желтой — Sn 15%, Cu 85%; белой — Sn 28%, Cu 72%; стально-серой — Sn 65%, Cu 35%.

НЕКРОЛОГ

ГЕНРИ ФЭРФИЛЬД ОСБОРН

6 ноября 1935 г. скоропостижно скончался всемирно-известный американский палеонтолог, создатель отдела позвоночных животных в Американском музее естественной истории, почетный президент названного музея, профессор Колумбийского университета Генри Фэрфильд Осборн.

Осборн родился 8 августа 1857 г. Биографы отмечают его рано выявившийся интерес к естественным наукам, что ставится иногда в связь с проведенными в сельской местности детскими годами. Однако, первым увлечением Осборна в студенческие годы (в Принстоне) являются психология и философия. Глубина этого увлечения доказывается тем, что еще в период 1880—1884 гг., будучи уже вполне законченным палеонтологом, Осборн публикует ряд статей по философским проблемам. Полное оформление активного интереса к занятиям палеонтологией относится у Осборна к 1877 г., когда он выступает в качестве одного из организаторов и деятельных участников Принстонской научной экспедиции, открывшей, в частности, значительное количество остатков малоизвестных эоценовых млекопитающих в Северной Америке.

В 1879—1880 гг. Осборн совершил поездку в Англию, а затем перешел в Лондонский университет, став учеником знаменитого Гексли. Для этого периода жизни Осборна особенно знаменательны его усиленные занятия сравнительной анатомией. Уже в этих ранних исследовательских работах Осборна по сравнительной анатомии (об эмбриологии опоссума, о происхождении *corpus callosum* у млекопитающих, о мозге амфибий) — сказалось умение Осборна ставить и разрабатывать стержневые проблемы науки. Важность этих работ Осборна неоднократно отмечалась впоследствии исследователями, разрабатывавшими аналогичные темы.

В 1883—1887 гг. Осборн занимается весьма энергично сравнительной анатомией.

Однако все более и более его внимание концентрируется специально на вопросах палеоантропологии позвоночных.

В 1888 г. он заканчивает труд по мезозойским млекопитающим. Эта работа окончательно укрепляет за ним славу исследователя, умеющего находить и освещать стержневые проблемы науки.

В 1891 г. Осборн приглашается для работы в Нью-Йорк и становится профессором Колумбийского университета.

Здесь Осборном была, между прочим, основана известная «Биологическая серия Колумбийского университета», одним из первых выпусков которой явилась ставшая знаменитой книга Осборна «От греков до Дарвина», в которой был дан один из наилучших очерков истории развития эволюционного учения.¹ Эта работа весьма способствовала популярности Осборна как ортодоксального дарвиниста.

С 1908 г. по 1933 г. Осборн — президент совета Музея естественной истории.

В 1933 г. — Осборн избирается почетным президентом совета.

За свои выдающиеся научные заслуги Осборн был избран членом-корреспондентом, членом и почетным членом многочисленных научных обществ, университетов, академий и т. д. в различных странах мира. Неоднократно ему присуждались также награды и премии за научные исследования.

¹ From the Greeks to Darwin. An outline of the Development of the Evolution idea. Columbia University, Biological Series, I, B. На русском языке прекрасный реферат этой книги был дан Н. А. Холодковским в 1895 г. См. Н. А. Холодковский. Биологические очерки. Изд., 1923.

Одна из основных и крупнейших заслуг Осборна перед мировой наукой — помимо его ценнейших конкретных исследовательских работ — является созданный им и систематически разрабатывавшийся в течение 45 лет отдел палеонтологии позвоночных в Американском естественно-историческом музее. При учете всех исследовательских и организационных заслуг Осборна не остается сомнений в том, что в его лице наука об ископаемых животных потеряла одного из наиболее блестящих своих представителей.

Следует заметить, однако, что широким слоям советских читателей Генри Фэрфильд Осборн известен, главным образом, не как палеонтолог в тесном смысле слова, а как автор одной из популярнейших в мировой литературе систематических сводок по вопросам антропогенеза¹ и, отчасти, как биолог-теоретик, пытавшийся предложить оригинальную систему взглядов на основные проблемы органической эволюции.

В плане разработки проблем антропогенеза Осборн известен как автор одной из новейших реакционных теорий, оспаривающих основные положения дарвинизма. Теория Осборна может быть названа теорией ранней специализации, «раннего приспособления» предков человека. С формальной стороны его взгляды сводятся к утверждению, что отделение человеческих предков от общего ствола антропидов произошло в самом начале третичной эры, в эоцене и олигоцене, и с той поры развитие человека и обезьян шло совершенно особыми путями. Общность ряда признаков человека и антропидов, противоречащую такого рода представлениям, Осборн склонен объяснять не генетически, а «параллелизмом» развития. Нетрудно видеть, что по существу теория Осборна стремится к тому, чтобы вывести антропоморфных обезьян из числа прямых предков человека, к тому, чтобы опорочить и опровергнуть дарвиновскую «обезьянью теорию» антропогенеза. При учете того обстоятельства, что взгляды Осборна делают практически непознаваемым самый процесс эволюции гоминид, увядает изучение этого процесса из области фактов в область спекулятивных построений — становится понятной глубочайшая реакционность и антинаучность подобного

рода представлений. Не случайным, поэтому, является тот факт, что для «доказательства» своей теории Осборну пришлось согласиться на «признание» и даже заняться пропагандой пресловутой «пильтдаунской фальшивки» — реконструкции мифического пильтдаунского «эоантропа». Неслучайно мы находим в его сводке по антропогенезу пропаганду параллелизма в развитии неандертальцев и кроманьонцев, защиту смехотворной теории о физическом истреблении «нижней» расы неандертальцев «высшей» расой кроманьонцев и т. д.

Реакционность взглядов Осборна неоднократно вскрывалась в советской исторической науке. С разнообразных сторон это делал В. И. Равдоникас,¹ А. Быховский² и мн. др. К сожалению, однако, взгляды Осборна, в известный период времени, получили слишком большое хождение в русской литературе, с легкой руки первых пропагандистов Осборна в СССР — Б. Н. Вишневецкого и Б. С. Жукова — авторов популярных работ по антропогенезу.

Мы имеем бесспорные свидетельства откровенного поворота Осборна к неприкрытому идеализму в последние годы его жизни. Прекрасно свидетельствует об этом хотя бы следующее его мнение об основных движущих силах эволюции: «я принял за основу то, что имеется еще совершенно неизвестный фактор эволюции... действительные причины эволюции неизвестны, и мое убеждение в данный момент таково, что вряд ли они когда либо будут известны» (разрядка моя. Г. П.).³

Отдавая должное заслугам Осборна в деле собственно научных его заслуг, мы не можем не отметить реакционных тенденций Осборна в интерпретации фактического материала и полагаем, что лучшей формой уважения к нему со стороны советских ученых является очищение от метафизической шелухи его огромного научного наследия, которое заслуживает углубленного критического изучения.

Громадное количество работ, опубликованных покойным ученым (до 940), заставляет обратить поставленный здесь вопрос к самым широким кругам советских ученых.

Г. И. Петров

¹ В. И. Равдоникас. Происхождение человека. Сб. Первобытное общество. Изд. ОИМ, 1932, и др. раб.

² А. Быховский. Расы и происхождение человека. Мол. гвард., 1934.

³ Science, vol. 77, № 1991 от 24 II 1933 г.

¹ H. F. Osborn. Man. of the Old Stone age. Переведено на русский язык по инициативе Б. Н. Вишневецкого («Человек древнего каменного века». Л., 1924, изд. «Путь к знанию»).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. С. СТРЕЛКОВ

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ИРАНСКОМУ ИСКУССТВУ И АРХЕОЛОГИИ

Имевший место в Ленинграде и Москве с 11 по 17 сентября 1935 г. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии являлся крупным событием в жизни советского востоковедения. Девять лет отделяют последний конгресс от первого, собравшегося в 1926 г. в Филадельфии. За это время проделана огромная работа, пройден длинный путь. На I конгрессе было представлено всего шесть стран. На III конгрессе присутствовали делегаты 25 государств. В 1931 г. во время II конгресса некоторые иностранные делегаты выступили с предложением созвать очередной конгресс в СССР, в Ленинграде. Это предложение было встречено единодушным одобрением. При этом в большой степени имелось в виду, что в Ленинграде, в стенах Государственного Эрмитажа, к моменту созыва конгресса будет организована выставка, которая, помимо собраний этого музея, покажет также экспонаты из коллекций других музеев Союза.

Открытая 12 сентября 1935 г. выставка иранского искусства, планировавшаяся как всесоюзная, присылом экспонатов из-за границы была превращена в международную. В то же время ее основным материалом является материал, принадлежащий Государственному Эрмитажу, в силу чего, с вывозом из ее состава коллекций, принадлежащих другим музеям Союза и иностранным собраниям, она не распадается, а сохраняется как постоянная. В этом отношении она останется живым свидетельством работы последних лет в области советского востоковедения.

Результаты деятельности конгресса представляют собою подлежащий опубликованию обширный том. Всего было заслушано 55 докладов, из которых 25 приходится на советских ученых. На одиннадцати заседаниях доклады

тематически располагались в основном в хронологическом порядке.

Первыми были заслушаны доклады по «доистории». Член иранской делегации Mohsen Moghadam прочел доклад на тему «Возникновение искусства в Иране». Докладчик, ученик Contenau, старался показать, что в настоящее время, благодаря археологическим работам в Нихавенде, Дамгане, Кашане, Персеполе (ранее были известны Сузы), можно считать установленным, что Иран имеет богатейшую доисторию. Сузы I, предшествующие, как установлено, Сузам II, дают чрезвычайно сложные формы орнаментации. Уже отсюда следует считать, что этому предшествовал длительный путь развития. Вновь исследованный материал вполне подтверждает это предположение. Докладчик отметил далее, что стилизованные орнаментальные изображения на доисторической керамике до сих пор бытуют в современном Иране. Этим самым устанавливается связь современности с отдаленнейшими временами.

Проф. Стокгольмского университета Т. J. Arne доложил конгрессу о результате шведской экспедиции 1932—1933 гг. в иранские прикаспийские степи. Экспедиция велась исследования в районе Астрабада. Американская экспедиция Dr. Wulsin'a работала в Тюрентепе, а Dr. E. Schmidt обследовал тепе Гиссар близ Дамгана. В результате создается более или менее определенное представление о доисторическом прошлом соответствующей части Хоросана. Экспедиция проф. Arne тщательно осмотрела около девяти тепе из общего числа приблизительно двухсот, обнаруженных в данной местности; полностью раскопан был Шах-тепе. Шах-тепе представляет курган размером 165 × 135 м при максимальной высоте

в 11 м. Проф. Агне установил в нем три основных археологических слоя. Первый, датирующийся IX—XI вв. н. э., дал многочисленные мусульманские погребения, расположенные вокруг исламского башенного типа надмогильного сооружения типа известного, находящегося по близости Гумбедн Кубус или башни в Радкане. Во втором слое найдена черно-серая, темносерая и грифельно-серая керамика. Третий слой дал ту же серую керамику и расписную черную и красную по светлому фону. Из 260 обнаруженных в Шах-тепе погребений 90 было мусульманских, остальные — доисторические. Всего, по предположению проф. Агне Шах-тепе должно включать около 4000 погребений. За редкими исключениями, доисторические погребения дали костяки в скорченном состоянии, покоившиеся на правом или на левом боку. Костяки этих погребений принадлежат долинхоцефалам или мезоцефалам, а мусульманские — брахидефалам и гипербрахидефалам. Население занималось по преимуществу скотоводством, но существовало и земледелие, т. е. образ жизни обитателей Шах-тепе весьма походил на таковой одновременного населения степей юга Прикаспия. До сих пор не закончено изучение костей животных, найденных в Шах-тепе, но установлено, что среди собрания имеются кости овцы, козы, свиньи, собаки, коровы и, возможно, мула и верблюда. Не установлено, известна ли была лошадь. Скорей всего, найденные кости, принятые первоначально за лошадиные, принадлежат дикому полуослу, онагру, известному с глубокой древности в Шумере. В противоположность теперешним туркменам-кочевникам, живущим в палатках, древнее население хорасанской степи пользовалось глинобитными строениями. Степь довольно густо была покрыта такими селениями. Так, от Каспийского моря до района Гумбад и Кабус проф. Агне насчитывает до 300 селищ.

Хронологические моменты устанавливаются не только стратиграфическим путем, но и сравнением с находками в Ираке, Сузах и на территории юга СССР. В Шах-тепе были найдены сердоликовые бусы, имеющие в разрезе форму вытянутого овала, покрытые орнаментом из углубленных линий в виде кружков и ромбов. Н. С. Веск считает, что этот тип бус датируется временем не позднее 2700 до н. э., он известен в Месопотамии и обнаружен в Мохенджо Даро. Раскопки 1933—1934 гг. в Уре обнаружили бусы того же типа в погребениях эпохи саргонидов. С. Веск выразил удивление, почему

подобные бусы до сих пор не найдены в Персии — в Сузах или тепе Муссиана. Шах-тепе восполнил этот пробел; подобные бусы найдены там во втором слое. Правда, может быть, этим устанавливается определенная связь с юго-востоком и юго-западом, а внутренний Иран остается обособленным, но это позволяет проверить лишь последующие археологические работы.

В нижнем, 3-м слое серо-черная керамика встречается главным образом двух форм — низкой чашеобразной и очень низкой, напоминающей блюдо. Оба вида близки к хорошо известной сузской керамике. Тонкостенные той же массы кубики встречаются в 3-м слое, но главным образом во 2-м. По мнению проф. Агне, следует поражаться, что расписная керамика типа Тепе Гиссара представлена в Шах-тепе лишь небольшим количеством фрагментов. В то же время Дамган не дал разных образцов серо-черной керамики. Это свидетельствует о том, что в древнейший период связь между степью и плоскогорьем была слабая. Проф. Агне предполагает, что Тепе Гиссар I одновременен Шах-тепе 3, равно как тепе Гиссар II и III хронологически совпадают с Шах-тепе 2.

Большой интерес представляет собой пластика, найденная в различных слоях тепе. На двенадцать изображений животных приходится всего лишь три женских фигурки. Эти последние весьма близки происходящим из Тюрепг-тепе. Они отличаются исключительно резко выраженными бедрами. Это — тип, встречающийся от Амшар в Малой Азии до Шари Джери около Пешавара в Индии. Фигурки животных, по всей вероятности, должны изображать рогатый скот, но сказать это с уверенностью трудно, ибо сохранились лишь одни туловища.

По предположению проф. Агне, конец культуре северохорасанских тепе был положен нашествием какой-то народности, прекратившей в стране оседлую жизнь на долгое время, чуть ли не до исламского времени. Проф. Агне указывает, что точное хронологическое определение культуры Шах-тепе представляется чрезвычайно трудным, однако, подобно культурам других тепе этой местности, она имеет не менее 1000-летней длительности.

Доклад проф. Агне представляется особенно интересным еще тем, что, благодаря присылке правительством Ирана значительного количества экспонатов, в распоряжении членов конгресса оказался большой материал для сопоставления.

Несмотря на успешные работы последних лет, приходится признать, что наше знание в области истории древ-

него Ирана, особенно хронологии, далеко не блестяще. Утверждения касательно распространения того или иного керамического типа следует отложить до момента, пока мы будем располагать большим количеством данных. Однако если мы припомним, что какие-нибудь двадцать — двадцать пять лет тому назад были известны лишь Сузы, то приходится удивляться достигнутым результатам. В настоящее время уже можно установить ряд типов, которые являются более ранними, другие более поздними. Для всех местностей одинаково в раннюю эпоху появляется расписная керамика черным, черно-бурым или бурокоричневым, с геометрическим или стилизованным животным и растительным орнаментом. Это керамика Мохенджо Даро, Белуджистана, Тепе Гиссара I, Анау III, раннего Тепе Сялэка, Ак-тепе. Результаты раскопок в последней местности, произведенных А. А. Марушенко по поручению Научно-исследовательского института Туркменистана, вызывают живейший интерес. Тем же исследователем проделана большая, разведочного характера, работа в окраинах Кызыл-кумов и по Копетдагу. В связи с этим материал из Ак-тепе приобретет еще большую значимость. Намечается связь Средней Азии с Белуджистаном и долиной Инда. Совершенно, однако, неясно, как соответствующий тип расписной керамики под конец своего существования уживается в ряде мест с черно-серой керамикой, лучше всего на выставке, представленной раскопками Тюренг-тепе. Район распространения черно-серой керамики чрезвычайно велик. Она обнаружена на пространстве от озера Урмии до долины Зеравшана, но длительность ее существования опять-таки неясна. Возможно, что в ряде мест Средней Азии она доживет до эллинистического времени.

Материалы выставки дают возможность проследить эволюцию отдельных керамических форм. Особенно это относится к сосудам с шарообразным туловом и носиком — форме, которая встречается в весьма ранних слоях. Путем анализа керамики этого типа (с непомерно длинным носиком), происходящей из Тепе Сялэка близ Кашана, устанавливается подражание формам, созданным в металле. Насколько долго, постепенно вырождаясь, мог держаться определенный тип, доказывает та же керамика Тепе Сялэка, датирующаяся VIII—VII вв. до н. э.

Два зала выставки заняты памятниками Кавказа и юга СССР, позволяющими уяснить развитие и переработку в Иране так наз. «звериного стиля». Здесь же экспонированы и луристан-

ские бронзы. Эти памятники, служившие предметом многих обсуждений на втором конгрессе, на выставке представлены лишь небольшим количеством экземпляров, однако, исключительно характерными. Вплоть до регулярных раскопок вопрос о датировке луристанских бронз остается открытым. Несмотря на то, что найдено значительное количество памятников, на которых имеется клинописный текст легенд, до сих пор неясно, имеем ли мы дело с культурой большой длительности, или же вещи, на которых имеются надписи, попали в луристанские погребения случайно, напр., в результате ограбления какого-нибудь храма, где они являлись вкладами. Наиболее ранняя надпись на луристанской вещи относится ко времени Шаргали шари (2624—2603 до н. э.), сына Нарамсина и, следовательно, внука Саргона старшего; самая поздняя датируется IX в. до н. э. Принимая во внимание, что большинство надписей относится ко времени, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э., можно предполагать, что это и есть период, которым датируются луристанские памятники, а более ранние вещи попали туда как предметы военной добычи.

Неясно, кто были насельники современного Луристана: каситы, как это думает большинство исследователей, или лулубеи, как предполагают некоторые. Может быть, новый свет на луристанский вопрос будет пролит археологическими экспедициями этого сезона, организованными в до сих пор труднодоступную страну луров. Полное разрешение, однако, эта проблема сможет получить лишь после рассмотрения ряда вопросов, связанных с Кавказом и Причерноморьем.

Роли Ирана во всеобщей истории искусства был посвящен доклад венского искусствоведа, проф. J. Strzygowski, «Iran als Kreuzpunkt eiszeitlicher Kunstströme».

Исключительно спорно и для нас методологически неприемлемо J. Strzygowski пытался говорить о доахеменидском искусстве Ирана. Для тех, кто знает работы венского ученого за последние двадцать лет, доклад не явился ни в какой степени чем-то новым. Построения J. Strzygowski за последнее время имеют характер сомнительных схем и отличаются отсутствием анализа материала. Этим страдают его последние книги, этим явно страдал и доклад.

J. Strzygowski все более и более попадает в плен расовых теорий. Для него Иран до-ахеменидской Персии являлся перепутьем последнедиковых художественных течений. Индогерманцы в своем

движении на Восток столкнулись с амеразитами, осевшими, в свою очередь, на номадов Северной Азии, и с атлантиками, покорившими Средиземноморский бассейн. Иран II тысячелетия до н. э., по мнению J. Strzygowski, это Греция доарханки, но наше знакомство с ним подобно представлениям об античном искусстве Винкельмана, в распоряжении которого были лишь римские памятники. По мнению венского ученого, Иран потому не изучался достаточно, что персы были врагами греков и римлян, а идеалом европейской образованности продолжает оставаться «гуманист», человек, воспитанный на классиках. Все это необходимо J. Strzygowski для обоснования взгляда, что спедификским для иранского, вообще индогерманского художественного творчества является пейзаж. Мы его видим впервые, якобы, на майкопской вазе. J. Strzygowski противоречит себе: «древнеиранское» следует искать в скифском искусстве Причерноморья, а, как известно, в данном искусстве пейзаж вовсе отсутствует.

Вся система венского ученого является ложной. J. Strzygowski высказывал утверждения, которые заведомо являются неправильными, вроде «северного» происхождения греческой архитектуры, (имелась в виду двускатная крыша) и т. д.

Докладом, который непосредственно затрагивал вопросы, связанные с луританскими бронзами, являлся доклад А. А. Иессена «К вопросу о значении древнейшей металлургии Кавказа». Докладчик подробно останавливался на проблеме примата Древнего Кавказа в области металлургии на переднем Востоке. Исследования привели А. А. Иессена к выводу, что на территории Кавказа существовало несколько местных центров металлического производства, которые соответствовали всем крупным меднорудным кавказским районам. Однако сопоставление с металлургией более южнолежащих местностей (Курдистан, Иран, Армения, Анатолия) заставляет утверждать, что древняя металлургия Кавказа является периферийной группой переднеазиатской металлургии.

Основная часть выставки, залы, начиная с посвященных ахеменидскому искусству, дана в единой амфиладе, тогда как ее «доисторическая» часть показана отдельно. Центром внимания залы искусства эпохи ахеменидов являются золотая и серебряная доски с надписями. Эти доски были заложены в фундамент здания при возведении царских построек на персепольской платформе. Доски были вложены в ка-

менный ящик, экспонированный тут же. Эта находка была сделана в 1932 г. во время работ ираноамериканской экспедиции. Всего ящичков было четыре; дошло до нас два. Трехязычный текст надписи — на вавилонском, эламском и древнеперсидском — сообщает данные о пределах царства Дария, которые простираются «от саков, живущих за Согдианой, до кушья (нубийцев), от Индии до Сард». В зале наряду с знаменитым серебряным ритоном из 4-го Семибратинского погребения и мелкими золотыми поделками (серьги и подвески) в виде животных, которые рассматриваются в качестве иранских, экспонированы некоторые памятники, происходящие из Причерноморья и Северного Кавказа. Сделано это с целью сопоставления ахеменидского материала с памятниками скифского «звериного стиля». Многие во взаимоотношении скифских памятников к ахеменидским остается, однако, невыясненным. Первый этап изучения ахеменидского искусства пройден, в настоящий момент мы переживаем бесспорно второй этап; собран большой материал, произведены значительные археологические работы, но никто еще не пытался обобщить этот материал и критически оценить накопленное.

Из докладов конгресса лишь один непосредственно имел отношение к ахеменидскому искусству — доклад St. Przeworski: «Achämenidische Kunst in Anatolien». Докладчик пытался показать, что скальные могилы Каппадокии подражают иранским; большинство конструктивных элементов получило здесь чисто декоративный характер. То же имело место в искусстве рельефа. Докладчик видел в этом признаки деградации искусства удаленных центров.

Часть ахеменидского зала занята памятниками искусства Бактрии. Последние давно стоят в центре внимания и востоковедов и специалистов по античности, но до сих пор плохо поддаются определению. Проблема бактрийского искусства был посвящен на конгрессе доклад К. В. Тревер. К. В. Тревер выделены металлические изделия, которые по своим сюжетам могут связываться с Восточным Ираном, но технически никак не могут считаться работой античных мастеров. Балх, древняя Бактрия, крайний восточный эллинистический центр, несмотря на все попытки европейских ученых раскрыть его прошлое, хранит упорное молчание. Французской миссией в Афганистане, работавшей в районе современного Балха, не найдено никаких архитектурных остатков, которые могли бы датироваться II—I вв. до н. э. Причину тому исследовавшие

этот район усматривают в специфических свойствах основного строительного материала — лёсса, который, будучи применен в дело в качестве сырца, т. е. кирпича солнечной сушки, или служа для возведения глинобитных стен, за два тысячелетия, слеживаясь и впитывая весенние воды, слился с лёссовой почвой. Работы были затруднены тем, что местные власти не разрешали производить археологические работы, ссылаясь на недовольство населения. Все же памятники Гандхара и юга современного Афганистана, в особенности Хадда, свидетельствуют о существовании в данном районе мощного древнего очага эллинистической культуры. К. В. Тревер удалось выделить ряд памятников торевтики, которые она считает связанными с Бактрией. Сюда относятся экспонированные на выставке серебряные фалары с изображением слонов. Свое происхождение фалар, по видимому, ведет из искусства тех ковечников, которые появились в приаральских и причерноморских степях в последние три века до н. э. На фаларах имеются изображения лошадей ковечников. Последние изображены на ткани эллинистического происхождения из 6-го Нондулинского погребения раскопок П. К. Козлова. К бактрийскому кругу должны быть отнесены и другие серебряные фалары, выставленные почти рядом с предшествующими. На них имеются стилизованные изображения вписанных в круг грифонов. В позднебактрийском искусстве должны были существовать элементы искусства, созданного кушанами. К подобным памятникам относятся, например, серебряная чаша. На ней изображена сцена пира. Одна из фигур воспроизводит Зевса; рядом — изображение играющей на барабана обезьяны. Последнее повторяет одну из терракотт из Хотана. По видимому, к тому же времени относятся серебряные медальоны (лонца чаш) с изображениями крылатой богини и женщины, стреляющей из лука. Для них характерна схематичность складок одежды и волос, придающая всему изображению долю условности.

Памятникам материальной культуры Ирана эпохи Парфии был посвящен доклад А. А. Марущенко. Последний вел на протяжении нескольких лет археологические раскопки в ауле Багире (18 км к ЮЗ от Ашхабада), местоположении древней Несы. Эти работы велись по поручению Туркменского научно-исследовательского института. Предметы экспонированы в парфянском зале выставки. Покойный академик В. В. Бартольд высказал предположение, что городище «Старой кре-

пости» в ауле Багира представляет остатки одной из столиц аршакидов. В Несе находились царские погребения парфянской династии. А. А. Марущенко был обнаружен в «Старой крепости» комплекс зданий. Среди них выделялось одно квадратное, на высоком цоколе, имевшее два противоположных входа. Перекрытие здания было, очевидно, плоским; оно поддерживалось четырьмя пучкообразными, симметрично расположенными колоннами. Здание построено из кирпича; вся его декорировка выполнена из глины. Внутри строения, между колоннами, друг против друга, помещались две статуи сидящих воинов, от которых сохранились лишь жалкие фрагменты — часть спины одной из статуй, остатки бороды, части руки с рукавом. Оставшееся обнаруживает стилистически эллинистические элементы. Филлаллины аршакиды пользовались в качестве придворных мастеров греками или их выучениками. От того же здания, которое производившими работы условно названо «наус», имеются фрагменты терракотной росписи, часть аканфа, очевидно служившего декоративным украшением капителей колонн, и плита с изображением львиной маски, выполненной в чистой античной манере. В том же «наусе» найдена плита с рельефным изображением дубинки типа палицы Геркулеса.

Другое здание дало целый ряд декоративных деталей. Последние, несмотря на следы сильного воздействия эллинистического искусства, позволяют говорить о местной «переработке». Среди подобных декоративных деталей следует отметить плиты с изображением горита, двенадцатилестниковой пальметты, зубцеобразное венчающее украшение типа вавилоноассирийских зубцов. Последняя архитектурная деталь особенно интересна, потому что недавно откопанная в Персеполе Ирано-американской экспедицией лестница была увенчана подобным украшением. Таких же зубцами венчалось здание в Пайкуле, на котором имелась знаменитая надпись. Говорить о точном назначении строения можно будет лишь после того как раскопки будут произведены на более широком пространстве городища.

Неожиданной оказалась находка в 1935 г. вещей олимпиадой древности на другом городище аула Багира, так наз. «Новой Крепости». Новая Крепость до сих пор датировалась самое позднее VI в. н. э. Здесь были найдены вещи, которые скорее всего относятся к тому же периоду, что и памятники Старой Крепости. Особенно выделяются фрагменты пластинки из слоновой кости. На ней изображены люди в башлыках.

Так изображаются саки и согдийцы на ахеменидских рельефах. Аналогична одежда на фигуре, изображенной на аверсе местной монеты, чеканившейся в Фарсе, после падения ахеменидской империи. Из слоновой кости сделана небольшая статуэтка, изображающая человеческую фигуру. Сохранилась более или менее лишь голова, на которой видна разделка, переданная условными локонами-завитками волос, напоминающими трактовку волос на рельефах ахеменидского времени. Замечательно интересен происходящий из этой же Новой Крепости стеатитовый четырехугольный предмет с цилиндрической уступчатой ножкой, представляющий собой, очевидно, жертвенный столик. В стенках верхней части этого предмета, украшенных орнаментом из концентрических кружков, имеются прямоугольной формы отверстия с пологой нижней стороной; отверстия могли служить для стока. Из стеатита сделаны подставки, технически близкие только что описанному предмету, найденные на городище Старой Крепости.

Автору этих строк приходилось обращать внимание среднеазиатских работников на стеатитовые предметы, находимые на Афрасиабе и в других городищах долины Зеравшана, представляющие собой блюда с высокими вертикальными стенками и отводом, к которому прикреплялась ручка. Мне казалось всегда, что мы имеем дело с курильницами. Датировал я эти вещи, разумеется, доисламским временем. Находки в Несе как-будто подтверждают мое предположение. Интересно отметить, что стенки афрасиабских памятников орнаментированы концентрическими кружками, как и стенки столика из Новой Крепости. На Новой Крепости была также найдена большая коническая морская раковина, завезенная сюда и, очевидно, служившая каким-то культовым целям.

Памятники Неса придают парфянскому залу выставки характерный вид. Бросаются в глаза своеобразная местная переработка и претворение эллинистических элементов, совершенно, однако, отличные от того, что мы наблюдаем на вещах того же времени кавказского происхождения. Среди последних особенно интересна архитектурная часть (квадры, свинцовые скрепы и проч.) и украшения из античного храма в Баш-Гарни (в 40 км от Эривани). Храм в Баш-Гарни на территории СССР является единственным вполне сохранившимся античным храмом. Храм в Баш-Гарни может быть вполне реставрирован, с восстановлением его первоначального вида. Его пропорции

и приземистость отличают его от других античных зданий этого времени.

Среди вещей парфянского зала, происходящих из Кавказа, привлекают внимание металлические изделия в большинстве римского происхождения. Они свидетельствуют о том, что верхушка парфянского общества Кавказа, как и во внутреннем Иране, тяготела к Средиземноморью, к Риму и его культуре.

В зале собрана полноватая и неполноватая керамика парфянского времени. Следует отметить бокалообразные сосуды красной глины, покрытые ангобом, из той же мелкопросеянной глины, поверх которой дано лощение, вернее всего, костью. Керамика эта известна и в Средней Азии и в Закавказье. Она напоминает поздние формы terra sigillata, или, вернее, их византийские дериваты. Время появления этой керамики еще не установлено.

Полноватая керамика парфянского периода представлена изделиями зеленоголубой поливы, происходящими из Ольвии. Оттуда же имеются изделия из тонкой резной кости с изображением парфянского монарха (?), придворных и акробатов. Очевидно, в прошлом между Парфией и Причерноморьем существовала живая постоянная связь.

Из докладов конгресса, которые затрагивали парфянский период, следует отметить доклад уч. спец. Узкомстариса М. Е. Массона «Об археологических работах в Средней Азии за последнее время». М. Е. Массон сообщил об исследованиях последних лет и, в частности, подробно — о своих раскопках в Аиртаме близ Термеза, где им был раскрыт буддийский храм. Главной находкой является каменный фриз с изображением полуфигур музыкантов между листьями аканфа. Фриз шел, как позволяет судить его форма, по внешней стороне строения, которое было сложено из сырца. Одна из плит фриза была ранее случайно найдена в Аму-дарье под водой. Фриз датируется, по всей вероятности, I в. н. э., самое позднее II, хотя он, видимо, доделывался, и некоторые его части могут быть более позднего времени. Находка имеет первостепенное научное значение: с одной стороны, она указывает на роль Парфии в деле распространения эллинистических форм; с другой — важно для понимания «Кушанской Бактрии». Эллинистическая Парфия должна была оказывать сильнейшее воздействие на Среднюю и Центральную Азию и северную Индию.

Докладов, непосредственно посвященных сасанидскому периоду, на конгрессе не было. Зато между участниками конгресса состоялся исключительно оживленный обмен мнениями по поводу

некоторых памятников сасанидского зала. Такого рода обсуждения, носящие в западноевропейской археологической и искусствоведной среде название *симпозиум*, все более и более входят в обыкновение. Одним из предметов обсуждения явилось серебряное блюдо сасанидских времен из собрания Государственного Эрмитажа, с изображением взятия крепости. Убедительной и оригинальной оказалась по поводу этого памятника мысль профессора Ш. Я. Амиранашвили, считающего, что сюжетом данной композиции служит изображение взятия Иерусалима и что блюдо — сирийской работы VI в. н. э.

Сасанидский зал выставки является несомненно центральным. К примечательному собранию торевтики Государственного Эрмитажа прибавилось некоторое количество памятников, среди которых — уступленное на выставку блюдо с изображением Хосроя Парижской Bibliothèque Nationale. В зале экспонировано исключительное собрание разных камней, среди которых пнталиаметист дарицы Динаки, аметист Варахрана I, халцедон (палампсет), ранее находившийся в собрании герцога Орлеанского (все из собрания Эрмитажа). Музей Лувра предоставил штучные рельефы, которые весьма дополняют естественно отсутствующую на выставке пластику. Зал включает памятники не только сасанидского времени, но и памятники последующих веков, восходящие к сасанидским. Такой подбор экспонатов способствует пониманию искусства эпохи Сасанидов.

Между залом Парфии и сасанидским вошел зал ранней Византии. Введение Византии в экспозицию оказалось совершенно необходимым в виду того, что выставка показывает не только искусство одного Ирана, но и связанных с ним территорий. Византия, предел европейского Средиземноморья на востоке, как известно, включает в свою культуру много «восточного». В то же время «Ромейские» мастера работали в Иране.

Проблеме взаимоотношения Византии и Ирана был посвящен доклад David Talbot Rice «Some persian elements in Byzantine art». Докладчик сперва останавливается на текстильном материале, указывая, насколько наименование «иранский» или «византийский» здесь условно. Многие ткани, экспонированные на Лондонской выставке 1931 г., перекочевали на Парижскую выставку византийского искусства. В отношении византийской перегородчатой эмали, которая технически ведет свое начало вернее всего из Ирана, наблюдается приблизительно то же. И, наконец, в составе керамики

имеется определенная европейская группа, представляющая подражание восточной, иранской. Это прекрасно иллюстрируется эрмитажной более поздней (X—XII вв.) керамикой херсонесского происхождения.

Зачитан был доклад отсутствовавшего проф. Ugo Monneret de Villard «The western expansion of Sasanian architectural forms». Ugo Monneret de Villard считает, что в Египте не только всем очевидная скульптура — пластические архитектурные украшения — хранят следы иранского влияния, но и архитектура. Он усматривает иранское влияние в применении поперечного бочарного свода, упрощенного бочарного свода и такого бочарного свода, где поперечная дуга держится на двух фланкирующих сводах. Последний тип встречается также в Египте, но происходит из Ирана. Многие архитектурные формы установились в Испании, откуда были перенесены дальше в Европу.

А. Я. Борпов прочитал доклад «Об одном иллюстрированном астрологическом трактате сасанидского времени». Докладчик говорил о пехлевийском переводе (VI в.) греческого астрологического трактата Тевкра Вавилонского (I в. н. э.) иллюстрированном миниатюрами. Миниатюры до нас не дошли, но арабская версия трактата позволяет восстановить их сюжеты. Упомянутый литературный памятник ценен особенно тем, что позволяет расшифровать ряд символических изображений на памятниках торевтики, на тканях, в глиняном материале.

О сасанидских элементах в брахманском искусстве докладывал проф. J. Hackin, директор Musée Guimet в Париже, глава Французской археологической миссии в Афганистане. В 12 км от Кабула им был раскопан брахманский храм, — первый на территории современного Афганистана, в котором была найдена статуя солнечного божества, несущего «одежду с передником» сасанидского типа. Иранскими являются также обувь божества и его головной убор. Это первый случай ярко выраженного иранского влияния в брахманском, а не в буддийском искусстве. J. Hackin предполагает посвятить названному памятнику очередной том «Mémoires de la délégation française en Afghanistan». В том же томе будет помещено его же исследование о двух спутниках солнечного бога — тема, охватывающая широкое культурные темы Ирана, Индии и Центральной Азии.

На материале памятников парфянского и сасанидского времени был построен доклад А. С. Стрелкова «Об иранских элементах в афрасиабских терракотах». Автор, рассматривая этот многочислен-

ный и с первого взгляда однообразный, а на самом деле разносторонний материал, приходит к выводу, что афрасиабские терракоты отражают все стилистические явления, которые происходили в искусстве Средней Азии. Поскольку это последнее стояло под непосредственным воздействием иранского, имея ряд аналогий в искусстве парфянской и сасанидской эпох, мы в состоянии их восполнить из среднеазиатского материала. Так, например, устанавливается, что в Парфии было два параллельных художественных течения — одно, которое должно быть названо эллинистическим, другое — местным. Это последнее берет верх над первым под конец парфянского периода. Материал терракот доказывает, что Парфия была мощным очагом и проводником эллинистических форм на Востоке.

Следующий зал за сасанидским посвящен искусству Средней Азии VIII—XIII вв. Зал должен показать эволюцию, которую претерпевает туркестанское искусство под влиянием усиления значения города в феодальном обществе. Небольшой город — Шахристан — эпохи господства земельной аристократии, окруженный замками феодалов — кошками, воскресает перед нами, когда мы рассматриваем памятники, открытые экспедицией Таджикской базы Академии Наук, работавшей на горе Муг, близ кишлака Кум в Захмедабадском районе Таджикской ССР. Экспедиция раскопала строение домусульманского времени, которое нам представляется сторожевым сооружением. Найденные здесь согдийские, арабский и китайские документы частично изданы. Ак. И. Ю. Крачковский точно устанавливает время происхождения большинства найденных рукописей прочтением датированного арабского документа — именно время начала арабского господства в Средней Азии. Находка согдийских документов имеет первостепенное научное значение. До сих пор были известны лишь согдийские рукописи из Китайского Туркестана. При раскопках, далее, обнаружен целый ряд предметов, среди которых на первом месте стоит часть росписного щита с изображением согдийского всадника-воина. Всадник одет, вернее всего, в кожаную, стянутую в талии одежду, удивительно напоминающую одежду карашарских и кучарских феодалов. Она знакома нам по пластике и росписям Восточного Туркестана. Поразительно сходен жест держания поводьев, который мы наблюдаем у всадника на щите и у восточно-туркестанских феодалов. Лошадь бесспорно должна быть определена как «сасанидская». Эти находки лишней раз подтвердили

нами ранее высказанную мысль, что Западный и Восточный Туркестан в домусульманское время жил какой-то единой культурной жизнью.

В зале выставлена прекрасная коллекция равней среднеазиатской керамики, среди которой выделяются такие вещи, как блюда Гос. Музея восточных культур с изображениями коня и птицы, несущей венец на голове. Рядом с керамикой удалось показать, благодаря эпиграфической работе Л. Т. Гюзальяна и М. М. Дьяконова, и среднеазиатскую бронзу, кажется, впервые выделенную на выставке из общей массы «мусульманских» изделий. Отметим, что была проделана перед экспозицией большая эпиграфическая работа, благодаря которой, во-первых, удалось определить много вещей, во-вторых, классифицировать ранее зарегистрированный материал, наконец, найти ряд надписей исторической значимости. Стены зала заняты фрагментами штучковой резьбы из Афрасиаба и из Термеза. Последние открыты экспедицией Гос. музея восточных культур, работавшей на городище древнего Термеза в 1926, 1927 и 1928 гг. Не лишено интереса, что пишущим эти строки там же были найдены эллинистического типа архитектурные украшения (части баз колонн, профилированные карнизы), фрагменты буддийской пластики, эллинистической ногой мужской торс. Фрагменты резного штучка относятся к частично откопанному зданию (на плане экспедиции № 1), вернее всего культового назначения. Это резная декорация, о которой был на конгрессе прочтен доклад, проф. Б. П. Денике датируется вернее всего XII в. Отличительной ее чертой является напиче в верхней части декорации небольших панно с изображениями шестирукого дива (явное подражание индийским богествам) и геральдически расположенных фантастических животных.

Конгресс заслушал интересный и содержательный доклад г. Georges Salles о штучковых декорациях в Балисе (современный Мексане на Евфрате), где работала французская экспедиция при участии докладчика и г. Eustache de Logey. Здесь была откопана целая улуда, на которой находилась мечеть. Мечеть и один из частных домов дали наиболее богатые штучковые декорации. Декорации мечети имеют дату 1071 г. и надпись «Сделана и изваяна Мансуром сыном...» Отдельные орнаментальные мотивы имеют весьма архаический характер и, по всей вероятности, восходят к сасанидским образцам (пальметты). В штучках частного дома имеем изображения десарок, обрамленных растительным орнаментом.

Ирану и Кавказу X—XIII вв. на конгрессе было уделено немало внимания. Зал искусства этого периода на выставке является одним из главных. Этот зал дает композиционно ясное и законченное представление об Иране и Кавказе данного периода. Тогда как передовой Иран выступает с поливной декорацией, целиком охватывающей здание и создающей красочную иллюзорность архитектурной оболочки, Кавказ обнаруживает повторения и изживания мотивов и композиций, принадлежащих сасанидской эпохе. Порой кавказские памятники настолько напоминают доисламские, что свободно могут быть отнесены к доарабскому периоду. В зале выставлены архитектурные фрагменты, исключительное собрание рельефов из аула Кубачи. Здесь же показаны кавказские бронзовые котлы. Из них самый большой прислан на выставку из Армении — из Эчмиадзина. Он датируется 1232 г.

О поливных изразцах из мавзолея Пир Гусейна в Ханаке (Азербайджан), экспонированных в данном зале, был прочитан доклад В. А. Крачковской. Упомянутый мавзолей открыт в 1858 г., в 1913 г. он подвергся разграблению. Поливная декорация данного памятника поступила в Гос. Эрмитаж в два приема (1915 и 1926 гг.). Портал имеет дату постройки здания 1243 г., а изразцы датированы 1283, 1284 и 1285 гг. н. э. В. А. Крачковской удалось установить, что изразцы являются работой двух мастеров. С точки зрения содержания орнаментальных мотивов важно отметить, что в растительном орнаменте поместились изображения зайцев, апстов, хищных птиц; из растений изображены ирисы и лилии; имеются китайские изображения облаков. Влияние Китая сильно сказывается в данном памятнике вообще. Не менее интересно, что, помимо обычных изречений из Корана, в надписях изразцов находим четверостишие поэта мистика Джелаль ад-дина Руми. Изразцовая декорация является работой мастеров, уроженцев Верамина и Дамгана, или их выучеников.

В зале собрана первоклассная коллекция иранской керамики XI—XIII вв. Ей было посвящено несколько специальных докладов, из которых отметим доклад проф. А. И. Поре «The classification of Iranian of islamic period», др. R. Ettinghausen «The identification of Katschan pottery», Mehdi Bahrami «La Reconstruction des carreaux de Damghan d'après leurs inscriptions». М. М. Дьяконов сделал доклад «О бронзовом водоеме 1206 г. в форме коровы-зебу». Доклад этот, казалось бы затрагивающий публикацию одного памятника, узкую тему, на деле

ставит целую историко-культурную и художественную проблему. Еще очень недавно на Востоке водоемы не было засвидетельствовано. В настоящее время известен ряд подобных памятников. Памятник Гос. Эрмитажа имеет надпись: «Мухаррем 603 года (1206). Сделал Али сын Мухаммеда сына Абуль Касима, художник. Эти корова, теленок и лев отлиты за один раз с помощью бога, справедливого, всемогущего. Заказ Рузде, сына Афрдуну, сына Бурзину. Слава хозяину вещи шаху Бурзину, сыну Афрдуну, сына Бурзину». Памятник является образцом того искусства, которое возникло в экономически и культурно отсталой среде кавказских (Армения) феодалов, где долго продолжали существовать старые традиции.

Искусству этого времени был посвящен проблемный доклад акад. И. А. Орбели «Искусство в Армении и на Кавказе в эпоху сельджукидов». И. А. Орбели указывал, что термин «сельджукское искусство» предполагает обычно создание нового искусства в результате проникновения новых племен на Передний Восток из Средней Азии. Однако, термин не отражает того, что за ним стоит, и тех корней, из которых это искусство выросло. Термин «возрождение» тоже неприемлем, в виду того, что имеет место не воскрешение и возврат форм, а последовательное развитие форм и явлений, которые никогда не умирали, а продолжали жить и развиваться и на Кавказе, и в Персии, и в Малой Азии и в определенный момент выступили на историческую арену как результат известных социальных явлений. В эпоху сельджукидов, однако, те формы и композиции, которые существовали в искусстве замкнутой феодальной верхушки сасанидского Ирана, вышли из замковых мастерских и распространились вширь. И. А. Орбели приводил в подтверждение своих мыслей интересные примеры. В частности, он обратил внимание на модели, которые перевозились из города в город; этим как бы еще более утверждалась традиция.

Значительное внимание было уделено следующему историческому периоду, эпохе Тимура и Тимуридов, богато представленным на выставке. Проф. А. Ю. Якубовский прочитал доклад об иранских мастерах, работавших в западном Туркестане при Тимуре. Докладчиком был использован исключительной ценности материал, находящийся в залах выставки, а именно котел и подсвечники, имеющие надписи, из мечети, выстроеной по приказанию Тимура в г. Ясы (современном г. Туркестане), а также другие эпиграфические памятники эпохи. На основании надписей А. Ю. Якубовский

установил, что авторами «вкладов» Тимура были иранские мастера, которых вызывали или насильно выводили из Хорасана, Ирака или Азербайджана. Так, котел туркестанской мечети ходжи Ахмеда Ясеви имеет надпись, из которой следует, что он выполнен в 1399 г. мастером Абдал Азизом сыном Шерефаддина из Тебриза, а подсвечники — в 1397 г., мастером Низаддином из Исфохана. На стенках тимуровских мечетей появились шиитские надписи, явно неподходящие для суннитов; иранские мастера маскировали эти надписи трудночитаемым сложным письмом. Тимуровская эпоха с ее стремлением к грандиозному, величественному оказалась и в прикладном искусстве, памятники которого имеют необычайные масштабы.

В залах выставки сосредоточено исключительное собрание памятников тимуровской эпохи. В первую очередь следует отметить резные, с инкрустацией, двери Гур Эмира, поливную наборную надпись над входом в Гур Эмир, нефритовую резную плитку тончайшей работы. Ряд зал занят архитектурными памятниками, вернее их декоративным убранством. Коллекции поливных изразцов различных типов настолько полны для каждого здания, что при наличии фотографии вполне можно себе составить представление о поливной декорации зданий.

Данному периоду был посвящен доклад г-н Robert Vugon «Timurid Monuments in Afganistan». Доклад был основан на материале, собранном лично докладчиком во время его жизни в Герате, но не отличался, несмотря на хорошие фото, глубиной исследования; он имел описательный характер. R. Vugon вовсе не касался исторического материала, весьма необходимого для уяснения ряда вопросов, связанных с тимуровскими памятниками Герата. Зато исключительно ценно было выступление г. A. Godard, главы Service des Antiquités du gouvernement de l'Iran, прочитавшего большой доклад под скромным заглавием «Notes sur les anciennes mosquées de l'Iran». Первоклассный знаток архитектуры Персеп, архитектор A. Godard дал эволюцию плана большой «пятничной» мечети в Иране. Это было сделано с большим умением и мастерством. Построение доклада было просто, а иллюстративный материал четко продуман и умело использован. Фактически доклад A. Godard представлял изложение истории иранской культовой архитектуры с VIII в. н. э.

Блестяще представленная на выставке эпоха сефевидов и культурные связи позднего Ирана с сопредельными с ним странами на конгрессе затрагивались

меньше, нежели другие периоды. Выставка поражает своим богатством миниатюр, керамики, текстиля. Ковры представлены меньше, нежели другие разделы прикладного искусства этой эпохи; однако и здесь следует отметить шедевры, вроде ковра, с изображением охотничьих сцен или ковра из Ардебильской сокровищницы.

Живопись позднего Ирана было посвящено два доклада: E. Kühnel — о знаменитом миниатюристе Бехзаде, и профессора Ш. Я. Амранахвили — об армянской и грузинской живописи XVI и XVII вв., уникальное собрание которой экспонировано на выставке. E. Kühnel дал углубленный анализ творчества Бехзада. Докладчик сделал попытку дать периодизацию вещей великого иранца. Доклад представляет краткое изложение части большой работы, которую E. Kühnel посвящает мастеру.

Из докладов, которые не относятся к материалу упомянутой эпохи, следует назвать сообщение Мусы Сейджанова «О новых реставрационных работах в Самарканде». Докладчик касался, между прочим, выпрямления минарета медресе мирзы Улугбека. Наиболее интересной была часть доклада, посвященная раскрытию надмогильного памятника легендарной могилы Кусамы ибн Абааса в Шах и Зинда, который оказался первоклассной работой иранских мастеров XIV в. н. э.

С большим докладом «Iranische Tradition» выступил президент конгресса, проф. Fr. Sarré, старейший из специалистов по искусству Ирана. Проф. Fr. Sarré говорил об устойчивости композиционных принципов в иранском искусстве. С ахеменидского времени до настоящего дня иранское искусство развивается, видоизменяя и творчески обновляя, созданные им навыки и традиции. Проф. Fr. Sarré доказывал это примерами, в частности демонстрировал трон ахеменидов в рельефах Накш и Рустема, трон гилжуйстанского двора в Тегеране, выполненный в Ширазе в XVIII в. Далее он приводил пример Бостанских Накш и летящих ангелов одной рукописи Британского музея. В последнем примере в обоих случаях идентичен и растительный орнамент, обрамляющий изображение летящих гениев.

Доклады конгресса теснейшим образом увязывались с материалом выставки. Сама выставка является как бы своеобразным заступником докладом, посвященным истории иранского искусства и культурно связанным с Ираном стран. Если учесть, что в смежных с выставкой помещениях находятся памятники древнего Востока, центральной Азии и Китая, то станет ясно, какая картина

открывается перед посетителем. В залах Эрмитажа создан крупнейший музей культуры и искусства Востока. В основу его положены новые методологические принципы. Отбор экспонатов для вы-

ставки иранского искусства производится не только по линии их качественности, а ставилась задача максимально полного показа истории материальной культуры Ирана.

С. А. ТРУСОВА

ПЛЕНУМ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОЙ СЕКЦИИ INQUA

С 21 по 24 декабря 1935 г. в Ленинграде состоялся пленум Комиссии по изучению ископаемого человека при Советской секции INQUA. В задачу пленума входило подытоживание археологических исследований в СССР за последние три года, а также постановка методологических проблем, открывающих новые пути к освещению накопленных материалов. Работы пленума ставились в общем плане подготовки к Международной конференции по изучению четвертичного периода в г. Вене в 1936 г. На пленуме были представлены делегаты Академии Наук СССР, Украинской Академии Наук, Белорусской Академии Наук, Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Гос. Исторического музея в Москве, Крымского Научно-исследовательского института и других учреждений.

Открывая пленум, член президиума П. А. Лепикаш в краткой речи охарактеризовал современное состояние изучения ископаемого человека и окружающих его физико-географических условий на ранних этапах исторического развития. П. А. Лепикаш подчеркнул, что методология классиков марксизма-ленинизма обеспечила новый подход к памятникам прошлого. Комплексное исследование, основанное на объединении общественников с представителями естественных наук, открывает новые перспективы для целостного познания как истории социальных и хозяйственных форм древнейших обществ, так и той внешней природной обстановки, в которой складывались эти формы.

Выступивший вслед за П. А. Лепикашем председатель Комиссии по изучению ископаемого человека П. П. Ефименко обрисовал профиль дальнейших занятий пленума, указав, что в последние годы достижения в области накопления материалов позволяли перейти к разрешению зловых вопросов доклассового общества.

К числу докладов общего значения относятся также доклады Г. Ф. Мирчинка «Значение археологии для четвертичной истории и геологии» и В. И. Громова «Ископаемый человек как элемент стратиграфии».

Г. Ф. Мирчинк начал изложение с тех еще недавних представлений, которые связывались с четвертичными отложениями. Последние обычно рассматривались как наносы, не представляющие интереса, особенно с точки зрения наличия в них полезных ископаемых. Дальнейшие наблюдения заставили отвергнуть подобный взгляд. Они поставили вопрос о разработке новой методики изучения этих образований. Последние исследования палеолитических местонахождений в долинах рек Дола и Днепра делают возможной увязку культурных горизонтов с ледниковыми отложениями, чем вносят некоторые коррективы в ранее сделанную геологическую датировку этих отложений. Приуроченность палеолитических местонахождений в районе Кавказо-Черноморского побережья к определенным террасам может оказать в дальнейшем существеннейшую помощь в определении их возраста. Рекогносцировочные обследования летом 1935 г. в Крыму также намечают пути к разрешению проблемы относительной датировки некоторых палеолитических местонахождений в скалистых убежищах. Специальный доклад Г. Ф. Мирчинка, посвященный истории современного рельефа в районе стоянки Шан-Коба, ставил задачей показать, что анализ формирования рельефа иногда способен дать некоторые прогнозы для поисковых археологических работ, с точным указанием возраста стоянок, которые могут быть встречены на исследуемой территории.

В. И. Громов подчеркнул в своем докладе две группы вопросов: 1) что может дать изучение палеолитических

стоянок для стратиграфии отложений четвертичного периода и 2) что дает интерпретация имеющегося фактического материала. Остатки фауны, флоры, так же как и остатки деятельности человека, встречаемые в стоянках, составляют важные элементы стратиграфии и представляют особый интерес, так как приурочиваются к определенным горизонтам и составляют одновременные комплексы. Основным вопросом остается определение возраста палеолитических стоянок. Анализ фауны из палеолитических стоянок не выявляет смены холодного и теплого комплексов, а показывает непрерывность ее развития до самого конца четвертичного периода, и только в конце последнего, когда действительно проявляются признаки похолодания, увеличивается преобладание арктической фауны, которая по времени совпадает с верхним палеолитом. При сопоставлении датировок в определении геологического возраста некоторых стоянок получают расхождения, которые происходят не из неправильности общей стратиграфической схемы, а скорее из неправильной интерпретации геологических разрезов. Поэтому сейчас возникает вопрос о пересмотре некоторых опорных разрезов.

Итоги изучения сибирского палеолита за последние три года были даны в обзорном докладе Г. П. Сосновского, показавшего исключительный рост интереса к древнейшим памятникам прошлого в Сев. Азии в послереволюционное время. Выше шестидесяти стоянок палеолитического возраста известны на территории Сев. Азии. Среди этих памятников имеются местонахождения мирового значения.

Разведки 1935 г. открыли новые местонахождения. На высокой, 80-метровой террасе у сел. Сроетки на р. Катунь обнаружена стоянка, в которой наряду с верхнепалеолитическим инвентарем имеются орудия более архаического облика. Геологические условия залегания позволяют ее ставить в один ряд с Томской стоянкой. Кроме того, открыт еще ряд позднепалеолитических памятников по р. Белой и у оз. Байкала.

В дополнение к докладу Г. П. Сосновского, с краткой характеристикой геологического возраста некоторых сибирских стоянок выступил В. П. Громов. Как показывают наблюдения, сообщил В. П. Громов, вся северная часть Западно-Сибирской равнины была покрыта большим ледниковым пластом рисского времени. Затем, после таяния ледника, в Омско-Барабинском районе формируется основной рельеф. Здесь установлены две

основные террасы: 40—60 м и 15—20 м. Интересно, что все сибирские стоянки верхнего палеолита одновременны накоплению 15—20-метровой террасы, следовательно они моложе максимального оледенения. Ко времени образования ледникового покрова в Западно-Сибирской равнине относятся образования озер, связанных с запруживанием рек ледяными массами. Поэтому для периода образования ледяного покрова на этой территории вряд ли возможны находки палеолитических стоянок. И только к концу таяния ледника, когда освобождались более высокие большие участки равнины, можно отметить первые следы человека, например, стоянка Томская и стоянка у сел. Сроетки, о которых сообщил Г. П. Сосновский.

Пользуясь материалами, собранными в бассейне р. Ангары, геолог Д. П. Соколов поделился результатами исследования геологических условий залегания палеолитических стоянок. Докладчик отметил, что, вероятно, наиболее благоприятные географические условия устья рр. Белой и Иркуты привлекли сюда древнейших обитателей, стоянки которых тяготеют к этим районам и связываются с распространением кремнистых пород в этом районе. Все стоянки палеолитического возраста приурочиваются к террасе 18 м. Ниже террасы 18 м стоянки палеолитического возраста не встречаются. Исключением может служить лишь стоянка Рогатка, датированная эппалеолитом. Это обстоятельство служит доказательством того, что отложения, залегающие ниже террасы 18 м, представляют собой послеледниковые образования.

Обзору эппалеолитических памятников бассейна рр. Верхней Волги и Оки были посвящены доклады П. И. Борисковского, П. Н. Третьякова и М. В. Воеводского.

П. И. Борисковский ознакомил пленум со своими работами на эппалеолитической стоянке Елси-Бор в 1934 г., где им во время разведочных работ был собран интересный кремневый инвентарь. В петролитном слое были обнаружены следы жидля, по видимому, землянки. П. И. Борисковский обследовал стоянку близ сел. Карачарово, известную по раскопкам 1877—1879 гг. Уварова и Полякова. Раскопные работы на этой стоянке не дали результатов. П. И. Борисковский полагает, что раскопки Уварова исчерпали культурные остатки деятельности человека на стоянке. Небезинтересным является новое местонахождение кремней у сел. Ясаково (Троице-Пеленицы) на р. Оке. Это местонахождение из-

вестно по находкам костей древних животных. Из собранных здесь же кремневых осколков некоторые носят следы обработки. Не вполне уточненными остались геологические условия залегания кремней, которые необходимо выяснить специалистам-геологам.

П. Н. Третьяков посвятил свой доклад обзору некоторых памятников, близких по формальным признакам находимого кремневого инвентаря к типу так наз. свидерских. Оперпруа большим фактическим материалом, собранным экспедицией, и привлекая литературные источники, П. Н. Третьяков ставит своей задачей показать, что те памятники, которые М. В. Воеводский был склонен относить к свидерским, по существу не являются таковыми. Так, например, в стоянках Золоторучье и Коприно вместе с кремневым инвентарем эппалеолитического облика отмечаются находки сетчатой керамики и шлифованных орудий. Геологические наблюдения также противоречат датировке М. В. Воеводского.

Утреннее заседание 22 декабря было посвящено вопросам изучения крымского палеолита за последние три года. Заместитель директора Центрального музея Тавриды проф. Н. Л. Эрнст выступил с обширным докладом, резюмирующим работы по исследованию одной из интереснейших пещерных стоянок близ Симферополя — Чокурча. Обильный кремневый инвентарь, собранный в этой пещере вместе с остатками древней фауны (мамонт, песец, пещерный медведь, глена и т.д.), относится, по мнению Н. Л. Эрнста, к позднему ашелью. К сожалению, отмечает докладчик, никаких геологических изысканий в районе этого местонахождения до сих пор не производилось, поэтому целый ряд вопросов не может быть разрешен при помощи лишь археологических сборов. Кроме обзора работ на стоянке Чокурча Н. Л. Эрнст наметил те большие перспективы, которые должны быть открыты плановыми, систематическими исследованиями палеолитических стоянок и широким использованием разведочных работ в Крыму. Выступивший в прениях П. П. Ефименко, ссылаясь на убедительные факты, свидетельствующие о более позднем возрасте стоянки в пещере Чокурча (как, например, наличие обработки кости), датирует ее эпохой мустье.

В. И. Громов в докладе «Итоги изучения крымской фауны» поделился теми выводами, которые явились следствием совместного с В. И. Громовой пересмотра фаунистических остатков из пещерных местонахождений в Крыму. По мнению докладчика, крым-

ская палеолитическая фауна настолько однообразна, что может быть отнесена только к одной геологической эпохе, связанной с явлением значительного похолодания. Холодолюбивые формы встречаются не только в ориньякских слоях Сюрень I, но и в ранне-мустьерской стоянке Кшик-Коба, где определены остатки костей северного оленя и песца. Крымская палеолитическая фауна представляет лишь формальные отличия от фауны более северных русских стоянок и связана с одной ледниковой эпохой, по видимому, русской, но с различными ее фазами. Лишь в азийско-тарденуазское время происходит резкое изменение в составе фауны, вызванное смягчением климатических условий и пестреющей деятельностью человека. К этому времени в азийско-тарденуазских слоях впервые отмечаются находки костей домашней собаки.

С. А. Трусова сделала информационное сообщение о раскопках нового палеолитического местонахождения на восточной окраине Караби-яйлы в пещере Аджик-Коба. В пещере обнаружены два культурных горизонта. Верхний горизонт, судя по кремневому инвентарю, относится к ориньяку, нижний — к эпохе мустье (?). В обоих горизонтах отмечается присутствие холодолюбивой фауны: северный олень, песец паравне с благородным оленем, быком, сайгой, медведем, гленой и др. В мустьерском слое найдены остатки носорога.

С. Н. Бибиков ознакомил пленум с итогами работ экспедиции, работавшей летом 1935 г. в скалистом навесе Шан-Коба (Байдарская долина). Под навесом сохранились остатки культуры позднего палеолита азийской и тарденуазской стадий. Стратиграфия пещерных отложений вместе с культурными остатками *in situ* отличают стоянку Шан-Коба от всех других стоянок, датированных тем же временем. В результате 1½-месячной работы экспедицией собран обильный материал. Кроме того, в процессе работы были раскрыты интересные бытовые детали из области хозяйственной деятельности обитателей навеса. Докладчик привлек для сравнения аналогичные западноевропейские пещерные стоянки, причем указал на неправомерность некоторых сопоставлений и выводов, в частности, например, не соглашаясь с интерпретацией азийско-тарденуазской ступени развития как показателя регрессивного состояния в технике обработки камня и кости. В заключение докладчик пытался доказать, пользуясь аналогиями и предварительным изучением добытого в Шан-

Коба материала, принадлежность Крыма к так наз. каспийской области.

В заключение заседания было заслушано сообщение Т. Ф. Гелаша о сборах кремневого инвентаря на стоянках Балви-Кош, на Яйле и близ сел. Зуя в 18 км к востоку от Симферополя.

На объединенном заседании Советской секции и Института истории доклассового общества Гос. Академии истории материальной культуры были заслушаны доклады П. П. Ефименко, К. М. Полкарповича (Белоруссия) и А. Я. Брюсова.

П. П. Ефименко в докладе «Что дают раскопки в Костенках для изучения палеолита» осветил исключительно важные проблемы исследования палеолитических памятников вообще. Взяв за основу материалы палеолитических местонахождений в Костенковско-Боршевском районе, П. П. Ефименко проложил сущность той целеустремленности, которой должен руководствоваться исследователь в работе над памятником. Раскопки большими площадями, с оставлением всех находок деятельности человека в культурном горизонте на месте, наблюдения над остатками жилых сооружений, планировка их внутри и относительно друг друга, осмысление памятника с точки зрения не только его бытового, но исторического значения, — вот те пути, которые подводят исследователя к постановке социологических проблем. Новые методологические приемы исследования памятников уже сейчас опровергают некоторые выводы западноевропейских ученых. Широко распространенный взгляд на первобытную орду в верхнем палеолите как на бродячую группу охотников отвергается докладчиком. Он считает эти группы, напротив, оседлыми ордями, использующими соседние местности в качестве охотничьих угодий. П. П. Ефименко указал, что советская историческая наука как бы открывает палеолит заново как историческую область знания. В заключение он подчеркнул, что задачи по изучению палеолита настолько разрослись, что требуют широкой кооперации труда исследователей.

С большим интересом пленум прослушал доклад К. М. Полкарповича. Осенью 1933 г., во время раскопок у дер. Елизеевичи, к западу от г. Брянска, на правом берегу р. Судость, докладчику удалось раскопать стоянку, давшую богатейший материал, который открывает новые страницы истории доклассового общества. Помимо обширных сборов кремневого инвентаря маленского типа и костяных изделий в виде шильев и иглок, К. М. Полкарповичем

вскрыто скопление черепов мамонта, образующих круг. Внутри этого круга найдены расколотые бивни молодых мамонтов, некоторые из них с нарезками, пластины из мамонтовой кости, покрытые геометрическим орнаментом и гравировкой, напоминающей изображение жилища. Тут же были найдены две костяные пластины с изображением рыбьей чешуи, которая выполнена с поразительной реалистичностью, и резная статуэтка женской обнаженной фигурки. Докладчик полагает, что скопление черепов вместе с находимыми внутри него предметами относится к культовой сфере деятельности человека. Раскопки в Елизеевичах представили еще и остатки двух жилищ. Первое жилище типа стоянки Гагарина, второе же, только частично затронутое раскопками, имеет любопытнейшее ограждение из стоящих вертикально крупных костей мамонта (тазов, лопаток), некогда укреплявших основание жилища. Фауна, которую удалось собрать, дает следующие виды: мамонт, песец, северный олень, волк, медведь и различные грызуны. Кроме стационарных раскопочных работ на стоянке Елизеевичи, К. М. Полкарпович предпринял ряд поисковых маршрутов, в результате которых найдены следы палеолитического местонахождения в две стоянки эпилеполитического возраста.

Работы последних трех лет на территории Украинской ССР были представлены в докладах А. Я. Брюсова, П. А. Лепикаша, Т. Т. Тесли, и И. Г. Пидоплички.

А. Я. Брюсов сообщил о результатах экспедиции, работавшей под руководством П. Ф. Левинского по исследованию Гондовской палеолитической стоянки в Харьковской области. Раскопки позволили установить, что площадь, занимаемая стоянкой, значительно больше, чем предполагалось раньше, и что стоянка имеет несколько культурных горизонтов с находками. Вскрытые раскопками остатки жилища, с полом из плотно-утоптанного лёсса, смешанного с глиной, составляют важное открытие экспедиции. Ниже пола залегает еще один культурный горизонт, отделенный от верхнего 40-см стерильной прослойкой, заключающей в себе остатки кострищ с многочисленными костями животных. Среди собранного фаунистического материала, обработанного И. Г. Пидоплички, определены следующие виды: мамонт, бизон, северный олень, медведь, рысь, россомаха, волк, байбак, суслик, заяц, песец и некоторые другие. С дополнениями к докладу А. Я. Брюсова выступил И. Г. Пидопличка, производивший

геологические наблюдения на стоянке Гонцы. Между прочим, наличие дислокации слоев на этой стоянке (микроскладчатость) докладчик склонен объяснять присутствием ледяных вечной мерзлоты в то время и оползновыми явлениями по склону.

Т. Т. Тесля сделал сообщение о находках древнейшего мустьерского местонахождения у сел. Кодак на правом берегу Днепра, в бассейне которого до сих пор не было указаний на присутствие столь древних стоянок. Обработанные кремни и кости животных находятся здесь в переотложенном состоянии, в основании древнего овражного аллювия.

И. А. Лепикаш относит этот аллювий к озеро-речным отложениям, синхроничным с начальной фазой Днепровского оледенения. Собранная фауна представлена следующими видами: слон — трогантерий, носорог, бизон, лошадь, гигантский и благородный олень, северный олень, медведь, лев, которые вполне подтверждают геологическую датировку. Т. Т. Тесля считает необходимым начать планомерные исследования древнеовражных аллювиальных отложений, в которых должны быть находки наиболее древних остатков человеческой культуры.

С докладом о новом местонахождении палеолитического возраста близ сел. Чулатово в Ново-Северском районе выступил И. Г. Пидопличка. Остатки деятельности человека в виде кремневого инвентаря, костяных изделий и костей животных приурочены здесь к древней террасе р. Десны. Культурный слой залегает на высоте 20—25 м над уровнем реки, на размытой аллювиальными процессами морене. Геологические условия залегания культурных остатков весьма схожи с известными местонахождениями в Мезине и Пушкарях. Типологически кремневый и костяной инвентарь также близок к собранному в Мезинской стоянке. Особенно любопытна находка лобно-теменной кости человека, несущей следы преднамеренной обработки. Докладчик полагает, что эта часть черепа служила древнему человеку в качестве сосуда. По своему строению обломок черепа не имеет морфологических отличий от современного. Собранная на стоянке фауна дает следующие виды животных: северный олень, песец, медведь, волк, лошадь и мамонт. Остатки костей мамонта, по предположению И. Г. Пидопличка, занесены на стоянку человеком для утилитарных целей в ископаемом состоянии, тогда как самих животных в этом районе в живом виде уже не существовало.

Геологические наблюдения показывают определенную стратиграфическую однородность в стоянках Мезин, Пушкари и Чулатово, что дает основание ориентироваться в дальнейших поисковых работах главным образом на террасовые образования.

И. А. Лепикаш, изучая просверленные раковины моллюсков из стоянок Кайстрова балка, Дубовая балка и Мезин, пришел к интересным выводам, которые и представлены им для обсуждения на пленум. В указанных стоянках определены следующие моллюски: *Cerithium vulgatum* Brug. и *Nassa reticulata* L. Из нижней прослойки на стоянке Кайстровая балка определена *Didacna* sp. Ископаемые моллюски *Cerithium vulgatum* Brug., вероятно, происходят из тирренских (карангатских) отложений южного берега Черного моря (Судак, Керченский полуостров). *Didacna* sp. известна из находок в древнеэвксинских или чаудинских отложениях. Пытаясь установить места, откуда эти моллюски могли попасть на стоянки, докладчик пришел к следующим выводам.

1. Нахождение моллюсков *Cerithium vulgatum* Brug., *Nassa reticulata* L. и *Didacna* sp. в стоянках верхнего палеолита свидетельствует о каких-то сношениях между областями Днепра и Крымско-Кавказского побережья. 2. Находки одинаковых моллюсков в стоянках Мезин, Кайстровая балка и Дубовая балка свидетельствуют о том, что эти стоянки имеют близкие возрасты. 3. Моллюски из карангатских отложений Черноморского побережья могли попасть в палеолитические стоянки во время существования карангатского бассейна,¹ будучи собиравыми на берегу моря, или несколько позже. Следовательно, стоянки Мезин, Дубовая балка и Кайстрова балка не старше карангатских отложений, а, наоборот, либо моложе их, либо синхроничны им.

С большим интересом пленум заслушал доклады С. Н. Замятина и Г. Ф. Мирчинка об исследованиях палеолитических стоянок на Кавказе.

В первом докладе С. Н. Замятин ознакомил пленум с находками в Имеретии. Экспедиция 1934 г. значительно расширила наши представления о палеолите на территории Имеретии. Найден ряд новых местонахождений верхнепалеолитического возраста, причем в одной из пещер сохранились следы гравировки на поверхности скалы, бесспорно одновременной с остатками культуры в этой пещере, весьма напоминающей по типам кремневых изделий

¹ Карангатская терраса большинством исследователей относится к рисс-вюрмскому времени. С. Т.

собранные ранее в Девис-Хврели. В «навесе № 5» обнаружены следы искусственных насечек на скале, расположенных по краю навеса. Пользуясь сопоставлениями с рисунками из грота Романелли и других местонахождений, например, Константине (Малая Африка), С. Н. Замятин относит эту стоянку к капсийскому времени.

Во втором докладе «Палеолитическая памятник восточного побережья Черного моря» С. Н. Замятин ознакомил пленум с результатами работ экспедиции в 1935 г. в Абхазии. Еще из разведок 1934 г. имелись некоторые указания на присутствие в районе Сухуми — Михайловское обработанных кремней архического облика. Обследование 1935 г. установило наличие около 20 местонахождений палеолитического возраста, которые размещены не только на территории Абхазии, но и выходят в Мингрелию. По хронологическим группам местонахождения разбиваются следующим образом: 8 пунктов имеют кремневый инвентарь типа ашэльской эпохи; 7 пунктов связываются с мустьерской эпохой; 4—5 пунктов определяются верхне-палеолитическими местонахождениями. Кроме того, имеют место и отдельные, не вполне выясненные палеолитические находки. К наиболее исследованным ашэльским местонахождениям относятся Яштухское, в котором найдены впервые в Союзе типичные древне-палеолитические ручные рубила. Кроме ручных рубил в большом количестве собраны кремневые отщепы грубой треугольной формы, многие со следами употребления, а также различные скребла. Мустьерские местонахождения (наиболее исследовано Очемчир), доставившие кремневый инвентарь, типологически схожий с инвентарем из Ильской стоянки и крымских пещерных стоянок, характерные остроконечники, скребла, треугольные тонкие пластины — составляют основные находки из мустьерских стоянок. Верхне-палеолитические стоянки имеют довольно обычный кремневый инвентарь, известный из стоянок Кавказа, Крыма и других областей.

Анализ геологических условий, в которых залегают некоторые палеолитические стоянки Абхазии, был дан в докладе Г. Ф. Мирчинк. Докладчик отметил в районе Сухуми четыре террасы, которые ясно вырисовываются в условиях местного ландшафта: I терраса высотой до 2 м, II — высотой 10—12 м, III — 30—35 м и IV — 80—100 м. К последней террасе приурочиваются находки ашэльского типа, как, например,

Яштух. С третьей террасой связываются находки мустьерского времени. Возраст террас, по мнению Г. Ф. Мирчинк, определить сейчас трудно, так как геологические данные не дают достаточного материала.

Процесс почвообразования в условиях субтропического климата, приводящий к распаду костных остатков, исключает возможность нахождения фаунистических остатков. Следовательно, руководящее значение при определении возраста приобретают археологические находки. В. И. Громов, выступая в прениях, высказал мысль, что ашэльские местонахождения в Яштухе и мустьерские стоянки в Очемчир не могут быть отнесены к рисс-вюрму, не говоря уже о вюрме. По датировке В. И. Громова, яштухские орудия не моложе конца мицделя, если признать, что они представляют тип примитивного ашэля или одну из стадий шелля (так наз. клетон). Мустьерские находки из Очемчир относятся к концу мицдель-рисса.

Вопросу о так называемом арктическом палеолите — на побережье Ледовитого океана в районе северной оконечности Кольского полуострова (полуостров Рыбачий) был посвящен доклад Б. Ф. Землякова. Докладчик совместно с П. Н. Третьяковым летом 1935 г. обследовали ряд местонахождений со следами стоянок древнего человека, аналогичных по ряду признаков со стоянками Норвегии и Финляндии, относимыми зарубежными учеными к так наз. «арктическому палеолиту». Неблагоприятные геологические условия залегания культурных объектов не сохранили фауны и других органических остатков. Находки представлены лишь грубыми кварцитовыми орудиями. Основным датировочным критерием остаются геологические данные. Стоянки, расположенные на террасовых уступах побережья Ледовитого океана, образовавшиеся в результате колебаний береговой линии, дают две группы памятников. Первая группа — более поздние неолитические поселения — совпадает с уровнем 12—15-м террасы. Вторая группа занимает более высокие террасы, с наибольшей отметкой — 72 м, и связываются с так наз. арктическим палеолитом. На основании анализа рельефа и условий, в которых залегают остатки культуры на стоянках второй группы, Б. Ф. Земляков полагает, что возраст их не может быть мадленским, как определяют его норвежские ученые, а относится к послеледниковому времени. Это — наиболее древние стоянки для данного района. Сопоставление этих стоянок с близкими к ним онеж-

скими, возможно, решит вопрос о путях заселения северных районов нашего Союза.

* * *

Заслушав и обсудив доклады, пленум принял резолюцию, которая должна послужить основой для планомерной работы в области изучения ископаемого человека в ближайшие годы. В резолюции отмечены плодотворные результаты комплексного исследования отдельных палеолитических памятников. Соответствующие приемы требуют дальнейшего применения в экспедиционной и камеральной исследовательской работе. Пленум считает необходимым отметить большие успехи, достигнутые в СССР в деле изучения ископаемого человека и окружающей его среды, и отобразить их на предстоящей Международной конференции в Вене.

Одновременно пленум подчеркнул, что «комплексное изучение археологических памятников, осуществляемое совместными усилиями представителей различных специальностей, — нашло свое наиболее яркое выражение в форме организации пленума комиссии по ископаемому человеку». В дальнейшем «пленум считает целесообразным закрепить этот опыт: поставив перед Президиумом Советской секции INQUA вопрос об объединении всех научных и хозяйственных организаций, работы которых могут быть использованы для проведения привидов широкой плановости и комплексности в изучении ископаемого человека».

Организованная к пленуму, совместно Советской секцией INQUA, Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода Академии Наук, выставка археологических материалов отображала богатство коллекционных сборов, добытых за последние годы на территории Союза. Множество фотографий, чертежей и рисунков документировали остатки деятельности ископаемого человека на местах исследования. Выставленные коллекции были расположены по районам и служили наглядной иллюстрацией к тем докладам, которые были заслушаны на пленуме.

Экспонированные материалы представляли следующие районы и стоянки.

Крым — раскопки в гроте Чокурча, в пещере Аджикоба, в скалистом навесе Шан-Коба и открытая стоянка Балли-Кош на Яйле.

Кавказ был представлен сборами экспедиции в 1935 г. из местонахождения Яштух (апшэль), Очемчпри (мустье), и некоторыми другими.

Украина — стоянки Кодак, Чулатово и Гонды. Последняя стоянка была представлена материалами И. Ф. Левцкого.

Среднерусская равнина представлена стоянками Костенки I, Тимоновка, Елисеевичи, Елин-Бор, Ясаково (р. Ока), Золоторучье и Коприно (Верхняя Волга), Деркульская макролитическая стоянка (по раскопкам Локтюшева).

Сибирь — Мальтинская стоянка и стоянка у сел. Сростки (Алтай).

Арктический палеолит с Кольского полуострова был представлен сборами в районе Рыбачьего полуострова.

В. И. СЕЛИВАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА в 1935 г.

Археологическая работа Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г. проходила по трем основным направлениям: 1) археолого-экспедиционные работы, связанные с научно-исследовательской тематикой Академии, 2) археолого-экспедиционные работы, проводимые Академией в порядке охраны памятников на новостройках, и 3) издание материалов, получаемых в результате экспедиционной деятельности Академии в предше-

ствующие годы. Археолого-экспедиционная работа на новостройках в некоторой своей части была увязана с исследовательской тематикой Академии.

Из экспедиций, проводимых Академией в порядке выполнения своего тематико-производственного плана, наиболее крупной являлась Саркелская экспедиция, продолжавшая работы 1934 г. Осуществлялась она совместно с Азово-Черноморским краевым музеем коммунального хозяйства под руководством

действ. члена Института истории феодального общества академии М. И. Артамонова.

Работа экспедиции проводилась в районе станицы Цымлянской на Дону, на месте предполагаемого нахождения крепости Хазарского государства г. Саркела. Здесь производились раскопки курганного могильника, находящегося возле городища, раскопки девяти малых курганов и одного из больших в составе могильника, а также раскопки городища и поселения у Красного Яра.

Курган оказался насыщенным погребениями: в раскопанной его части было обнаружено 124 погребения. Все погребения большого кургана датируются XI в. Совершенно очевидно, что курган этот сложился в порядке постепенного прибавления все новых и новых погребений и, в связи с этим, подсыпания насыпи. Первоначальное предположение, что в основе кургана находится более древнее погребение, не подтвердилось. Погребения представляют интерес по тому инвентарю, который в них обнаружен. Найдено большое количество украшений, оружия; в числе украшений — разнообразные бусы, подвески, браслеты, золотые височные кольца и др.

Раскопки дали отчетливое представление о Саркеле в эпоху конца X—XI вв., т. е. о времени, слабо освещенном предшествующими работами. В слоях XI в. выступает совершенно отчетливо русский материал. Интересный материал получен по части конструкций и строительной техники позднейшего периода существовавшего городища.

Раскопки городища у Красного Яра дали также весьма интересный материал. Здесь были обнаружены остатки сложного сооружения, представлявшего, по всей вероятности, землянку с круглой основой на столбах; на месте стоянки найдены остатки очагов, громадное количество кремня и костный материал. Расчистка ямы раскопа предшествующего года дала новый интересный материал: несколько серпов и др.

Азово-Черноморский краевой музей коммунального хозяйства получает в результате проведенной экспедиции значительный строительный материал, а также бытовой.

В экспедиции принимали участие 18 практикантов — студентов ИИФЛИ, ИИФФА ЛГУ и др.

В 1935 г. Академией совместно с Институтом истории материальной культуры Всеукраинской Академии Наук были возобновлены раскопки в Ольвии. Возобновление археологических работ в Ольвии, прерванных в 1932 г., было сильно затруднено из-за отсутствия отчетов

о раскопках за предшествующие годы: 1927—1932.

Ольвийская экспедиция по числу вовлеченных в нее научных работников и по суммам, затраченным на полевую работу, была самой крупной из всех археологических экспедиций 1935 г. Во главе экспедиции стояло бюро в составе: начальника экспедиции директора ИМК, заместителя начальника Л. М. Славина (ученый секретарь Института истории рабовладельческого общества ГАИМК) и ученого секретаря Ф. Н. Молчановского. Полевая работа продолжалась всего 1 месяц 7 дней, с 9 сентября по 16 октября. Работы в основном были сосредоточены на двух участках: на раскопе «И», где работы ведутся уже в течение трех лет, и в нижней части Ольвии. Удалось закончить работу по открытию и изучению квартала города эллинистической эпохи. Здесь было открыто несколько зданий, из которых одно, находящееся на север от улицы, ведущей от места главных ольвийских ворот вниз, в гаванную часть города, определяется как храмовое, а другое, расположенное на юг от улицы, — как общественное жилье.

В истекшем году была проведена большая работа не только по раскрытию этих двух зданий, но и по описанию их как в части, раскрытой в этом году, так и в части, раскрытой в предшествующие годы. Проведена также работа по открытию и изучению северной оборонительной стены города, имеющей ширину от 2 до 3 метров. На протяжении, примерно, 100 м обнаружена глиняная подтрамбовка, сооруженная как субструкция для стены.

Раскопки 1935 г. дали богатейший материал для разрешения многих вопросов истории Ольвии.

Раскопки в нижней, гаванной части города производились на площади в 700 кв. м. Здесь экспедиция успела исследовать только римский слой, имеющий мощность от 2 до 3 м. Найдено большой культурный комплекс, относящийся к II—III вв. н. э.; можно предполагать, что это остатки от пекарни: открыты две большие печи с чрезвычайно большими подлами.

Кроме того, были проведены работы на некрополе, где были вскрыты 2 склепа, в которых обнаружено много интересных вещей, в том числе золотые изделия. Количество золотых вещей доходит до 100, причем среди них 63 лепестка от венка.

Для работников, работающих в Ольвии впервые, был организован семинар, в котором проводились занятия по методике и технике раскопок, по технике обмеров и т. п.

На месте работ было организовано до

25 экскурсий, преимущественно колхозников и совхозников из ближайших колхозов и совхозов, а также экскурсий школьников, студентов и профессоров Исфаха Одесского университета, учителей и т. п.

Из экспедиций, организованных на места новостроек и увязанных с исследовательской тематикой институты Академии, следует прежде всего остановиться на Керченской экспедиции, Камской и Алтайской.

Керченская археологическая экспедиция состояла из двух отрядов, из которых один производил раскопки древнего города Мирмикия, в 5 км к северо-востоку от Керчи, а другой — раскопки в районе Камышбурнустройа — в 10 км к югу от Керчи. Раскопки в этих местах велись Академией уже третий год и имели своей научной задачей изучение социально-экономической истории древнего Боспорского царства, в состав которого входила город Мирмикия и Дия.

Экспедиция работала сначала под руководством действительного члена Академии О. О. Крюгера, а затем — ст. научного сотрудника В. Ф. Гайдукевича.

Работа в Камыш-Буруне, на месте строительства железнодорожного Камышбурнского комбината, велась и на ранее раскапывавшихся и на новых участках. В результате раскопок этого года и предшествующих двух лет открыта мощная оборонительная стена в 100 м протяжением. Толщина сохранившихся стен местами доходила до 3 м. В связи со стенами выявлены канализационные каналы для отвода сточных вод из города за его пределы.

Расширение площади раскопок привело к открытию стены V в. до н. э. Рядом с оборонительными стенами открыты интересные хозяйственные комплексы позднего времени, т. е. того времени, когда стены были уже уничтожены.

Раскопки городища дали целый ряд памятников, связанных с рыбопромышленным делом: почти каждый из раскопок открывал рыбозасолочные цистерны. В центральной части города в этом году обнаружен еще один крупный комплекс рыбозасолочных ванн, построенных из каменных цементированных плит. Раскопки этого года вскрыли и ранний средневековый период жизни городища. Обнаружены остатки большого дома, в котором оказалось 15 жерновов, несколько зернохранилищ с остатками пшеницы, много костей животных, хозяйственной посуды и т. д.

Результаты работ другого отряда, производившего раскопки г. Мирмикия, в основном сводятся к интересным открытиям на раскопе «Е»: там открыты еще две большие винодельни. Основное ме-

сто в этих винодельнях занимает слегка наклоненная цементированная площадка, состоящая из трех отделений. Каждое из этих отделений имело свой резервуар, куда стекал виноградный сок. В боковых отделениях виноград подвергался сортировке, и затем его давили ногами; для окончательной выжимки сока он поступал на среднюю площадку, где подвергался механическому давлению посредством пресса, от которого сохранилось нижнее каменное основание. При раскопках виноделен обнаружено много глиняной римской посуды. Исследованиями прекрасно сохранившейся штукатурки, покрывающей те части виноделен, которые соприкасались с жидкостью, говорит за то, что применявшиеся для нее строительные растворы отличались большой прочностью.

Данные раскопок этого года чрезвычайно интересны и позволяют внести ряд очень существенных поправок и дополнений в историю Боспора.

Камская археологическая экспедиция, работавшая под руководством старшего научного сотрудника Института истории доклассового общества Академии Н. А. Прокошева, продолжала раскопки в районе строительства Камской гидроэлектростанции по договору Академии с Гидроэлектропроектом на охрану памятников.

Раскопки производились в нескольких местах. У оз. Грязного продолжались начатые в 1934 г. раскопки у хутора Астраханцева. Здесь была вскрыта площадь около 400 кв. м и были обнаружены остатки четырех неолитических жилищ. Жилища эти, четырехугольной формы, врезаны в землю на 50—60 см; имеются следы очагов, следы столбов, найдено много керамики, кремня и большое количество орудий.

После работ у хут. Астраханцева экспедиция разделилась на две партии, из которых одна проводила работы у Турбино, а другая на Конегорском селище.

В Турбино в этом году вскрыта площадь в 250 кв. м. В результате проведенных работ удалось установить, что та группа погребений, которую обнаружил здесь во время своих раскопок покойный А. В. Шмидт, может считаться исчерпанной, так как никаких новых погребений на протяжении 10—20 м не обнаружено. Раскопки в Турбино дали интересный материал: найдены также вещи, как нефритовые кольца, скребки, много кремневых вкладышей, удочки и т. п. Материал этот поможет определить облик верхнего селищенского слоя.

В дальнейшем экспедиция произвела пробные раскопки на Родановом городище. Здесь вскрыты остатки одного

жилща, довольно хорошо сохранившегося.

Здесь же обнаружен небольшой клад (бронзовые перстни, серебряные колокольчики, хрустальные и сердоликовые бусы и др.), который вместе с другим материалом позволяет датировать это городище XI в.

Кроме того, экспедицией произведены небольшие раскопки стоянки у ручья Гремачего и разведки по течению р. Чусовой, давшие много новых памятников: зарегистрировано около 20 городищ, селищ и могильников.

Полученные Камской экспедицией материалы представляют большой научный интерес для изучения истории Прикамья.

Алтайская экспедиция, организованная Академией по договору с Цудортрансом с целью обследования трассы строящегося Чуйского тракта, работала под руководством действ. члена Московского отделения Академии — С. В. Киселева. Экспедиция работала двумя отрядами, причем второй отряд состоял исключительно из местных научных работников (начальник отряда — директор Бийского музея т. Сергеев).

Первым отрядом обследовано 570 км трассы Чуйского тракта и зарегистрировано до 700 различных памятников. Основные раскопочные работы проводились в районе Курайской степи. Здесь были открыты интересные памятники: небольшие каменные курганы, содержащие в себе каменные ящики, в которых были скорченные костяки. Никаких вещей, позволяющих датировать эти памятники, обнаружено не было.

Оба отряда экспедиции затронули несколько курганов сибирско-скифского типа, типа Пазырык. Раскопки одного большого кургана дали погребение с тремя лошадьми, причем одна лошадь была вынесена на крышу погребения. Курган этот оказался разграбленным, и украшения в нем не сохранились. При раскопках погребений скифского типа собран большой антропологический материал.

Другую значительную группу погребений, вскрытую экспедицией, составляют погребения, условно называвшиеся погребениями Танской эпохи. Здесь был раскопан ряд небольших каменных курганов, расположенных в 8 группах около с. Курай и содержащих погребение с конем. Они дали интересный материал, причем обнаруженная здесь керамика относится к эпохе от VII до IX вв. В одном из погребений обнаружен прекрасно сохранившийся колчан, содержащий стрелы; в двух погребениях найдены прекрасно сохранившиеся сложные вместе жернова мельницы. Эти находки приобретают особый интерес. Курайская

степь носит следы оросительных сооружений; в настоящее время орошение рассчитано на луговоеводство; находка же эта подтверждает мнение работающих там сейчас механизаторов, что все это старое оросительное сооружение было рассчитано на полевое хозяйство.

В урочище Тадпла экспедицией раскопано 3 кургана. Здесь расположено большое количество могильных сооружений самых различных эпох: каменные курганы типа Пазырык, мелкие так называемые танские курганы, и, наконец, каменные курганы, оказавшиеся принадлежащими к той же эпохе, что и погребения с конем. В одном из курганов урочища Тадпла при вскрытии могильной ямы, находившейся в центре погребения, на специальном уступе, всего только на 40 см ниже уровня почвы, был открыт склад вещей, положенных здесь, повидимому, в заключительной стадии погребального обряда. Склад состоял из серебряного кубшинчика, на донышке которого обнаружена орхонская надпись, поясного серебряного набора из 65 блях с прекрасным рисунком и трех — с орхонской надписью на обороте, серебряного уздечного набора, ножа, костяной рукоятки резной скульптуры с великолепным рисунком и др. В основном погребении, в восточной части могилы, находились три лошади, одна из них с хорошими украшениями; покойник лежал в деревянной колоде и имел колчан и лук монгольского типа; здесь же найдены остатки прекрасной шелковой одежды, пояс, серебряные серьги; в ногах стоял котел скифской формы, в голове, за колодой — пара прекрасных стремян.

В другом кургане, близко напоминающем первый, найдены были две лошади, но весь инвентарь лежал не непосредственно при погребенном. Покойник был одет в шелковую зеленую одежду; среди тканей была обнаружена часть пояса, состоявшего из золотых штампованных блях; при лошадях найден сбруйный набор.

Всего первым отрядом Алтайской экспедиции вскрыто 9 курганов, 2 больших кургана и 18 погребений, так называемых танских; вторым отрядом — одно большое погребение скифского времени и 6 танских курганов.

Терская экспедиция, работавшая по договору с Гидроэлектропроектом под руководством ст. научного сотрудника А. П. Круглова, имела своей задачей закончить разведочные изыскания, начатые в 1934 г., и провести более углубленное изыскание в районе сел. Казбек. Подробнее см. заметку А. П. Круглова в следующем номере.

Маньчжурская экспедиция, работавшая под руководством действ. члена

Института истории феодального общества М. И. Артамонова, сосредоточила свое внимание на раскопках одного большого кургана, исследование которого было начато еще в 1934 г., и двух новых курганов меньших размеров, сохранность которых находилась под угрозой в связи с работами по сооружению Манычского канала. Под насыпью первого кургана было найдено погребение, несколько катакомб и одно ямное погребение. В двух других курганах найдено несколько погребений в насыпи и несколько погребений в материке. Погребения катакомбного типа представляют большой интерес. Найдены кремни, каменные изделия, деформированные черепа и др. Раскопки дали чрезвычайно богатый и интересный материал.

Моздокская экспедиция работала под руководством профессора М. А. Миллера в районе строительства Северо-Кавказской ж. д. в Моздокском карьере. Экспедицией было произведено детальное исследование обреза карьера, обнажающих культурные слои и древние погребения и ряд раскопок северного обреза. Затем было исследовано 3 кургана в прилегающей к карьере степи и 1 курган на площади карьера. Всего было обнаружено 22 погребения, из которых 12 в курганах и 10 в грунтовых могилах. Был исследован также культурный слой участка древнего поселения площадью около 30 кв. м. Путем разведки была обследована вся окружающая местность и правый берег р. Терек, где производится разрушение курганов в связи с работами кирпичного завода.

Исследованный участок древнего поселения представлял собою культурный слой довольно редкого насыщения, начинающийся на 30 см ниже поверхности и охватывающий толщину свыше 1 м. Материал, определяющий культурный слой, состоял из фрагментов керамики и обломков костей домашних животных. Керамика, насыщающая культурный слой, однородна и датируется VI—IV вв. до н. э.

Вторая группа памятников, исследованных экспедицией, очень многочисленна и состоит только из погребений I—IV вв. н. э., причем в одном из погребений был обнаружен деформированный череп очень типичной формы для Приволжских степей.

Третья группа памятников, охватывающих так называемых поздних кочевников и относящихся к VI—X вв., также представлена погребениями в курганах.

Таким образом, памятник в целом, расположенный на возвышении, огибаемом древним руслом Терека и разрабатываемом железнодорожным карьером,

представляет собою исключительное насыщение предметами материальной культуры различных эпох на протяжении не менее 15 столетий. Памятник этот представляет исключительную историческую ценность особенно остатками древне скифского поселения.

Работа Ярославской экспедиции (начальник — ученый секретарь Института истории доклассового общества Академии П. Н. Третьяков) являлась продолжением работ 1934 г. в районе строительства Ярославской гидроэлектрической станции, но ее начало следует отнести к 1933 г., когда большая Средневожская экспедиция провела обследование огромного участка по обоим берегам Волги, по Шексне, Мологе и по ряду притоков Волги, т. е. на том участке, которому угрожало затопление в результате сооружения двух гидроэлектростанций.

Задачей Ярославской экспедиции 1935 г. являлось окончание исследования памятников, раскопка которых была начата в предыдущие годы. Работы производились на городище IV—V вв. н. э., половина площади которого была вскрыта в 1934 г. Этот памятник представляет большой интерес. Жизнь на этом поселении продолжалась в течение очень короткого промежутка времени, и поэтому в нем не было никакого смещения слоев. В 1935 г. была вскрыта оставшая половина городища, и, таким образом, это городище является первым, раскопки которого закончены целиком.

Задняя сторона городища оказалась менее насыщенной культурными остатками, а большая площадь его была вообще лишена их. Основная часть культурных остатков располагалась в пределах передней части городища и затем в вале. Памятник этот в целом чрезвычайно интересен. Это поселение с родовой патриархальной общиной, содержащее ряд жилых домов, погребальных урн, мельничных и ткацких помещений и пр.

Помимо этого, экспедиция производила раскопки селнца того же времени, расположенного ближе к Ярославлю. Это селнце не содержит остатков жилых сооружений, и задачей экспедиции было собрать дополнительный материал, что и было ею выполнено.

Под руководством того же П. Н. Третьякова работала Угличская экспедиция, имевшая своей целью обследование и изучение памятников в районе проектирования Угличской гидроэлектростанции.

В районе проектирования Калужской гидроэлектрической станции работала небольшая Окская экспедиция под начальством научного сотрудника Ин-

ститута истории доклассового общества М. М. Герасимова. Этой экспедицией была обследована траса выше г. Белева и зарегистрировано 120 курганов поздних славян, 3 неолитические стоянки, 6 поздних неолитических стоянок; обследовано 3 городища. Все обнаруженные стоянки оказались распаханными. В районе было зарегистрировано 20 больших курганов, группа курганов у Добропоровского. Здесь были произведены раскопки 6 курганов, но они все оказались крайне бедными, и только в одном из них было обнаружено ненарушенное погребение. Кроме того, экспедицией был зарегистрирован еще целый ряд курганов, попадающих в зону затопления при строительстве гидроэлектростанции.

С конца октября до середины ноября в районе строительства Сухумской гидроэлектростанции работала Сухумская экспедиция под руководством действ. члена Института исторической технологии А. А. Иессена. Экспедицией обследован весь район строительства и проверены имевшиеся ранее сведения о находках памятников во время строительных и дорожных работ.

Были подвергнуты подробному обследованию курганообразные насыпи на III участке строительства, большая пещера и расположенные вблизи меньшие пещеры на восточном склоне ущелья Зап. Гумисты; сделан ряд раскопок до скалистого дна пещеры; в отложениях пещеры найдены многочисленные кости животных, расколотые человеком, а также угли, зола, точильные камни и отдельные обломки горшков, позволяющие отнести все эти находки к средневековью или к еще более позднему времени, и др. Обследованы две стоянки бронзового века.

В зоне строительства Сухумской ГЭС памятников, целостности которых угрожают работы строительства, экспедицией не обнаружено.

Кольская экспедиция, организованная Академией совместно с Советской секцией АИЧПЕ под руководством ст. научного сотрудника Б. Ф. Землякова, имела своей задачей произвести разведку в районе Рыбачьего полуострова с целью производства там археологических работ в связи с возможностью нахождения следов так называемого арктического палеолита. Главным районом работы экспедиции был район Мотовской губы, граничащий с территорией Финляндии. Здесь было обнаружено 3 стоянки, две из них на западном берегу залива и одна на восточном. Самая высокая — 60 м над уровнем моря, затем 42 м и 35 м, т. е., примерно, на тех же высотах, что и находки арктического

палеолита норвежцев и финнов. Кроме этого, были обнаружены стоянки на более низком уровне, которые можно датировать временем арктического неолита. Были обнаружены еще две стоянки, давшие материал несколько иного типа: здесь оказался кремьен. Одна из стоянок дала небольшое количество орудий — несколько наконечников, довольно грубо обработанных, и, наряду с этим, целую серию пластинок, скребков. Третья стоянка, расположенная к северу от поселка Озерки, дала материал, примерно, такой же, как обе первые стоянки. Экспедицией был собран некоторый кварцевый материал, кремневый и наконечники из халцедона и, наконец, обломки шлифованных орудий.

Кроме того, при обследовании береговых линий встречался в большом количестве разрозненный материал. Обнаружены также землянки, принадлежащие лопарям: ямы, располагающиеся группами и имеющие более или менее выдержанные формы вытянутого эллипса.

Специальная небольшая экспедиция под руководством действ. члена Академии В. В. Данилевского работала в Феодосийском районе Крыма по изучению истории древнего водоснабжения. Экспедиция получила богатый материал по технике средневекового водопровода. В результате ознакомления с материалами экспедиции местные крымские организации вынесли решение о восстановлении двух водопроводов. Проведено археологическое обследование и раскопки на Тепе-Оба и в балке Джан Кутаран (остатки армянского монастыря XV в. и его водопровода).

Совместно с Военноинженерной академией им. т. Куйбышева, Академией была осуществлена еще одна небольшая экспедиция в Крым, под руководством того же В. В. Данилевского, с целью произвести специальное обследование военноинженерных памятников. Экспедицией произведено обследование памятников Феодосии, Судака, Чабак-Кале, Арабата, Балаклавы, Гераклея, Херсонеса, Инкермана, Эски-Кермена и Мангуп-Кале.

По договору с Союзникельоворазведкой Академией была организована Казахская экспедиция под руководством действ. члена Института исторической технологии А. А. Иессена, в составе которой работала Калба-Нарынский отряд. Экспедицией обследовано 15 древних разработок металлической руды зоны Калбинского и Нарынского хребтов.

Всего, таким образом, Академией проведено в 1935 г. 15 археологических экспедиций, давших богатый археологи-

ческий материал. Кроме того, академия принимала участие в работах Карельской экспедиции, организованной Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук и Этнографическим музеем, а также руководила большими раскопками в Новгороде, организованными Новгородским гос. музеем.

Московским отделением Академии в 1935 г. проведены экспедиции: Харакская (нач. — Ю. В. Сергиевский), Суварская (нач. — А. П. Смирнов), Коломенская и Калужинская (нач. — Н. П. Милонов), Истринская (нач. — К. Я. Виноградов), Вауловская (нач. — Д. А. Край-

нов), Гонцовская (нач. — А. Я. Брюсов), совместно с Институтом истории материальной культуры ВУАН — Трипольская (Т. С. Пассек); а также оно приняло участие в Кубанской экспедиции ИАЭ АН СССР (н-к В. А. Городцов).

В течение 1935 г. Академией подготовлены к печати материалы Керченской археологической экспедиции 1933—1934 гг., материалы всех экспедиций 1934 г. и материалы Тимоновской палеолитической стоянки (раскопки В. А. Городцова). Все эти материалы издаются в серии «Материалы по археологии СССР».

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ «АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА»

Геологическими и археологическими исследованиями последних лет, проведенными на севере Фенноскандии, получены чрезвычайно интересные данные, касающиеся древнейшего населения этой отдаленной области. Прежде всего было установлено, что северное побережье этой страны в эпоху, последующую за максимальным оледенением, сравнительно рано освободилось от ледяного покрова. Дальнейшие исследования сделали известными здесь остатки культуры, исключительно архаичной по своему облику и, несомненно, весьма древней по геологическим данным. Эти культурные остатки, впервые обнаруженные в 1926 г. А. Нуммедалем, получили название «арктического палеолита».

В настоящее время на севере Норвегии и Финляндии, в результате работ ряда исследователей, установлено несколько десятков пунктов с подобными находками. Они располагаются в совершенно определенных условиях у древних береговых уступов или на древних береговых валах на высоте от 30—35 до 70—75 м над современным уровнем моря, что соответствует морским уровням эпохи (по балтийской схеме) моря Иольдия и начала Англового озера. В слоях галечника или на поверхности здесь залегают осколки и отщепы кварца, кремнистых или зеленокаменных пород, а также грубые каменные орудия, напоминающие скребки или режущие остря, изготовленные из этих материалов. По форме своих орудий «арктический палеолит» является совершенно оригиналь-

ным и не имеет ничего общего с памятниками верхнего палеолита или эппалеолита Европы. Это обстоятельство немало способствовало тому недоверию, которое проявил к «арктическому палеолиту» многие исследователи как в Западной Европе, так и у нас в СССР.

Результаты работ экспедиции, организованной летом 1935 г. Советской секцией АИЧПЕ и Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра на север Кольского полуострова с целью обнаружить там остатки «арктического палеолита», могут быть изложены здесь лишь в самом предварительном виде, так как полученные материалы, геологические и археологические, еще не закончены обработкой. Местом работ экспедиции являлась территория Рыбачьего полуострова, на финляндской части которого, вблизи советской границы, остатки «арктического палеолита» были обнаружены финляндским исследователем Таннером. Работы экспедиции, руководство которой было осуществлено Б. Ф. Земляковым, носили по преимуществу рекогносцировочный характер. Они имели своей задачей обнаружить памятники и установить пути и возможности их углубленного изучения в этом крае, трудном по своим климатическим условиям (70—71° сев. шир.) и благодаря отсутствию удобных путей сообщения.

Местонахождения «арктического палеолита», как это было установлено Нуммедалем, Таннером и другими исследователями, располагаются преимуще-

ственно в местах, защищенных от действия холодных северных ветров, т. е. в глубине бухт, в фиордах, а не на открытом берегу моря. Исходя из этого обстоятельства, работы экспедиции были сосредоточены в глубине Мотовской губы, представляющей собою глубокий залив, защищенный с севера скалистым массивом Рыбачьего полуострова. Произведенные исследования показали, что экспедиция не ошиблась в своих расчетах — побережье Мотовской губы оказалось буквально усеянным древними памятниками, среди которых были открыты и местонахождения «арктического палеолита».

В итоге своих относительно кратковременных работ экспедицией были выявлены три пункта с находками «арктического палеолита», три неолитических стоянки, до десяти пунктов со следами обработки кремня и кварца, относящихся, повидному, также к неолитическому времени, и, наконец, шесть пунктов с остатками древних «лопарских» землянок.

Наибольший интерес представляют, несомненно, древнейшие памятники. Стоянки «арктического палеолита», давшие большое количество расколотого кварца и ряд орудий из этого материала, преимущественно в виде скребков, были обнаружены на гребнях береговых валов на высоте 33—60 м над уровнем моря. Следует думать, что стоянки были расположены не на самом берегу и, следовательно, уровень моря в ту эпоху был несколько ниже указанной высоты. Это позволяет относить стоянки ориентировочно к эпохе Анцилового озера, или несколько более поздней поре. Сле-

довательно, по времени они должны соответствовать древнейшим памятникам Скандинавии, таким, как Маглемозе или Кьеккенмоддинги.

Неолитические стоянки были обнаружены на низких морских террасах на высоте 10—15 м над уровнем моря. По характеру своих находок они заметно отличаются от предыдущих. Кроме орудий из кварца, здесь встречены изделия из кремня и халцедона: скребки, наконечники стрел и копий, массивные остря. Заслуживает внимания присутствие шлифованных орудий, повторяющих формы орудий «арктического палеолита» Скандинавии, хорошо известного по работам Брёггера. Следов глиняной посуды не было обнаружено ни на одной из обследованных стоянок. Любопытно, что все стоянки отличаются исключительно небольшой протяженностью. Их площадь исчисляется лишь несколькими десятками кв. метров.

Остатки древних «лопарских» поселков также весьма интересны. На некоторых из них были сняты точные планы расположения землянок и сделаны промеры самих полуподземных жилищ. Поселки состояли из 20—30 жилищ, размером преимущественно 4 × 7 м. Наиболее характерной формой остатков землянок являются овально-прямоугольные ямы с примыкающими к ним со всех четырех сторон канавообразными спусками. Глубина ям достигает 1 м. Подобные землянки были исследованы в Финляндии Таннером и дали находки, состоящие из каменных и костяных орудий, близких «арктическому палеолиту». Время этих памятников более точно пока не является выясненным.

Э. В. ЗИБЕРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА АЛЯСКЕ

В конце 1933 г. президентом колледжа земледелия на Аляске и горной школы в Фербанксе С. Е. Bunnel и его спутниками во время полевых работ был сделан случайно ряд археологических находок. Об открытии сообщили Американскому музею естественной истории. В июле 1934 г. Jack Dorsh под руководством Dr. Bunnel произвел раскопки на указанном участке. Было найдено около 400, большей частью разбитых, предметов. В числе найденных предметов имеются каменные мо-

лотки, тесаные наконечники для металлических орудий, многочисленные отщепы, около двадцати полуконических кремневых ядер и значительное количество небольших концевых скребков. Весь материал был обработан в палеонтологической лаборатории; судя по сообщению в апрельском номере за 1935 г. журнала «Natural History», он относится к концу палеолита или к аляско-тарденуазской стадии.

Особенный интерес представляют собою кремневые ядра и концевые скребки,

которые во многих отношениях сходны с предметами, найденными в 1925—1928 гг. Центральной Азиатской экспедицией в пустыне Гоби.

Это открытие впервые дает нам кон-

кретный археологический материал по Аляске, относящийся к столь раннему периоду. Этот материал имеет большое значение для выяснения взаимоотношений древних народов Азии и Америки.

Н. ЗАХАРОВ

ПОГРАНИЧНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И КРАСНОБАТАРЕЙНОЕ ГОРОДИЩЕ

Территориально Боспорское государство на Северном Кавказе упиралось в обширные болотистые пространства, расположенные от берегов Азовского моря до течения р. Кубани и сохранившиеся до последнего времени под именем «плавень». Далее к югу шла узкая полоса твердой земли на пространстве нескольких километров на левом берегу Кубани от этой реки до гористых гряд Кавказа. Затем шли покрытые густым лесом с болотами в долинах отроги Кавказа, труднопроходимые еще в начале XIX в., как известно из истории военных походов на завоевание Анапы, и, наконец, Черное море.

Указанная выше полоса земли шириной до 3—4 км в районе хутора Красная Батарейка была покрыта лесом, теперь вырубленным. В результате сведения леса обнаружили следы вала, являвшегося укреплением, видимо, вместе с указанными естественными препятствиями, закрывавшими доступ на территорию Боспорского государства из Северокавказских степей. Этот район обследован в течение 3 лет Н. А. Захаровым вместе с науч. работником Новороссийского музея Г. Ф. Чайковским и научным работником Адыгейского музея Г. А. Мартюхиной. Вал, ясно сохранившийся на пространстве более 1 км, имел ров, наполнявшийся водой из реки, в которую он упирался. В систему его входила высокая «Батарейка» — курган высотой свыше 30 м с широким кольцевым рвом, видимо, также наполнявшимся водой.

За валом сохранилась высокая насыпь цитадели со рвами (рис. 1). Вскрытиями здесь обнаружены: большой камень со знаком боспорского правителя Тиберия Юлия Эвнатора (154—173 г. н. э.), замок античного времени и много остатков строительного материала, в том числе прямоугольные кирпичи, плоская чере-

пца, глиняные обожженные трубы, коинтеры, железные гвозди и, наконец, фрагменты штукатурки на мелкой толченой морской ракушке, окрашенной в красный цвет, характеризующие присутствие здесь богатого строения.

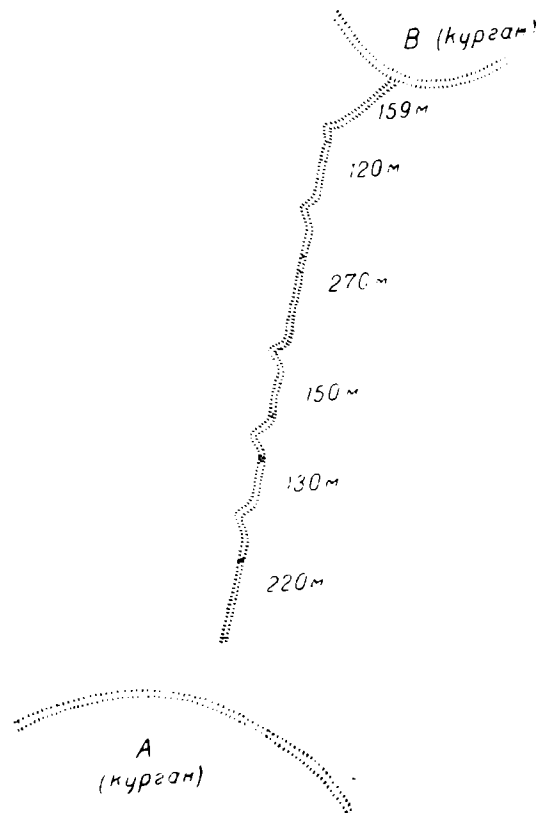

Рис. 1. План расположения следов вала

На месте входа в цитадель, рядом с камнем со знаком были найдены остатки пшеничных зерен в разбитом сосуде. Зерна эти типа *Triticum vulgare*, описанные Фляксбергером в Архиве истор. науки и техники, вып. 2, стр. 175—176, известны руководителю

работ из находок его на Краснодарском городище. Цитадель, обложенная на склонах мелким камнем, выходила одной стороной в существующее поныне болотистое пространство. Поверх этой высокой каменной кладки были, видимо, деревянные палисады, принятые здесь и известные еще ранее из описания Диодора Сицилийского.

Пребывание здесь боспорских воинов, охранявших этот важный пункт связи Северокавказских степей с городами

курган) с остатками костяка со следами красной охры принадлежит, видимо, представителю этого населения (рис. 2). Найдены здесь также сосуды с бусами и сожженными костями, характеризующие принятый здесь обряд трупосожжения.

Кроме того, обследовано еще 3 некрополя, различные по своему характеру.

Присутствие указанных выше зерен пшеницы говорит о том, что эта пшеница являлась, видимо, запасом для

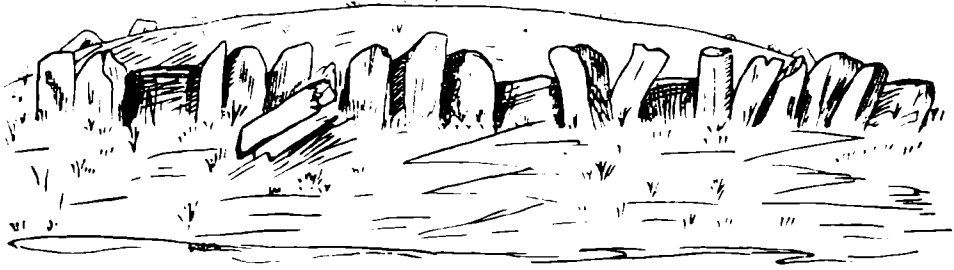

Рис. 2. Курганчик с кромлехом из «Красной Батарейки».

Таманского полуострова и Горгишией, дает основание предполагать наличие большого количества обращавшихся здесь денег, так как, как известно, период с I по III в. был периодом возвышавшейся оплаты римских воинов. И действительно, находки здесь боспорских монет, начиная с I в. и до 1-й четверти III в., исключительно обильны. Следы пребывания здесь автохтонного населения являются ямы, в которых оно, видимо, жило. Обследованное погребение с кромлехом (около 300 камней, окружавших невысокий

питания воинов. Если находки на среднем течении р. Кубани дают основание видеть здесь производство пшеницы рядом с культурой проса, то на Красной Батарейке нет еще оснований видеть у местного населения, жившего в этом болотисто-лесном предгорном районе, следов занятия им культурой пшеницы.

Среди обильного керамического материала бытовой утвари можно отметить найденное изображение человека в 7 см, рельефно сделанное на серой глине, по-видимому, древними аборигенами.

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ЗА 1934—1935 гг. В СССР ПО ГАЗЕТНЫМ СООБЩЕНИЯМ

Составила М. З. ПАНЧКИНА

Многочисленные археологические находки, постоянно обнаруживаемые случайно, далеко не всегда попадают в руки специалистов, еще реже, попав в провинциальные хранилища, немедленно делаются предметом специального изучения и публикации. Очень часто сообщения в местной газете являются единственным следом, оставленным в печати, но эти сведения почти не доступны специалисту. Поэтому систематический учет и составление обзоров газетных сообщений, могущих быть весьма полезными при картировании археологических находок, составлении планов исследований, и т. д., является насущной необходимостью. Редакция считает полезным давать их систематически на страницах «Советской археологии».

I. Случайные археологические находки

Европейская часть СССР

● В 12 км от Зарайска местные колхозники обнаружили два бивня мамонта, длина которых около 1 м каждый.

Находка передана в Москву, Музейному управлению Наркомпроса.

«Комсомольская правда», 16 января 1935 г.

● На участке строительства завода в с. Чагино Ленинского района, у ст. Люблино, Моск. обл., по сообщению техника завода «Можерез» Канна найдены кости мамонта. На месте находки обследование костей произвел сотрудник Института эволюционной морфологии и палеозоологии Беляев, которым установлено, что одна из найденных костей является плечевой костью мамонта. Длина ее 80 см. Другая из найденных костей является лобной частью со стержнями рогов ископаемого быка. Эта кость найдена на территории завода.

«Известия» ЦИК СССР, 24 июня 1935 г.

● Рыбаки Зобнинского колхоза, Кинешемского района, вытащили сетями со дна реки Елнати нижнюю челюсть мамонта с двумя коренными зубами.

Находка передана в Городской музей.

«Рабочий край» (Ив.-Возн. обл.), 20 июля 1935 г.

● В Рыбинский музей доставлен клык мамонта, найденный в Рыбинском районе. Обследованием Краеведческого музея обнаружено 6 «кладбищ» мамонтов, расположенных в 5 км от Рыбинска между Волгой и Мологой.

На оз. «Холман» возле фарфоровой фабрики обнаружено городище IX-X вв.

«Рабочий край», 29 сентября 1935 г.

● Рабочий ст. Тула Гребес доставил в Краеведческий музей бивень мамонта, найденный им на перегоне Ревякино-Заптево, на полотне железной дороги. Длина обломка бивня 87 см.

«Коммунар», 22 февраля 1935 г.

● В береговых обрывах рр. Иргиза, Камелика и Сестры Саратовским местным музеем найдены остатки ископаемых жи-

вотных — мамонтов, носорогов, зубров, нижней челюсти пещерного медведя. Кроме того, обнаружены остатки растений в виде торфяных прослоек, мощностью в 15 м. Выше слоя болотных отложений лежат желто-бурые глины, в которых найдены кости степной лошади, быка, косули, оленя.

«Правда Саратовского края», 23 октября 1934 г.

● Работники Хвалынского музея обнаружили недалеко от г. Хвалынска, на берегу Волги, «кладбище» ископаемых животных — мамонта, зубра, носорога, пещерного медведя, древнего верблюда, — кости человека и его орудия.

На меловых горах возле Хвалынска обнаружено 17 городищ, внутри которых найдены жертвенники, очевидно, принадлежавшие финнам и относящиеся к периоду за 3—4 столетия назад.

«Коммунист», Саратов, 4 сентября 1935 г.

● В Большебяском районе, Куйбышевского края, на берегу реки найдены два бивня мамонта. Каждый бивень весит 25 кг.

Ц. О. «Правда», 31 июля 1935 г.

● Близ хутора Колпачки в Калачевском районе (Поволожье), в речке Карповке найдена лопатка мамонта.

Находка хранится в правлении Колпачевского колхоза.

«Поволжская правда», 15 октября 1934 г.

● На левом берегу р. Урала, против речки Каргалки, колхозник поселка Чернореченского Д. А. Кузнецов нашел рог оленя.

Находка передана в Музей.

«Оренбургская коммуна», 8 июля 1935 г.

● Агент Таныпского Леспромхоза, Калтасынского района, Миронов на правом берегу р. Таныпа нашел часть зуба мамонта, а на левом берегу — часть рога неизвестного доисторического животного.

«Красная Башкирия», 22 марта 1935 г.

● В Мраковском, Мишкинском, Благоевщенском, Сопорнинском и Бурзянском районах Башкирии обнаружены в большом количестве кости мамонта.

На строительстве Демского моста, на железной дороге Уфа — Ишимбаево также найдены кости мамонта.

Находки переданы в Башкирский музей.

«Красная Башкирия», 3 февраля 1935 г.

● В деревне Тянгин-Тамак, Ворошиловского района (колхоз «Магариф»), найдены кости мамонта.

В окрестностях Казани на р. Сумга в 1934 г. также найдены кости мамонта.

В с. Мысах, Лаишевского района, и на р. Меше, Казанского района, найдены бивни и зубы мамонта.

В с. Савине на Каме, близ Чистополя, обнаружены позвонки, лопатки и тазовые кости мамонта.

На песчаной косе Волги у В. Услона и на Красновидовской косе обнаружены вымытые водой ребра мамонта, кости бизона и носорога.

«Красная Татария», 20 мая 1935 г.

● На торфоразработке «Пустовский мох» (Западная область), на глубине 3 м обнаружена часть скелета мамонта.

«Рабочий Путь» (Смоленск), 12 марта 1935 г.

● В с. Любоши, Дятьковского района (Зап. область), был найден зуб мамонта. Подобные находки к Любоши повторялись неоднократно.

На железнодорожной линии Вязьма—Брянск в г. Дятьково при рытье котлована найден череп носорога.

«Рабочий путь», 9 марта 1935 г.

● В с. Манюково, Новозыбковского района (Зап. обл.), гр. Рубан найден рог лося. Рог имеет 4 отростка, 2 длинных и между ними 2 коротких.

Находка передана в Новозыбковский музей.

«Рабочий путь», 24 июля 1935 г.

● В р. Путь, в урочище Каменка Новозыбковского района, гражданином с. Новые Бобовичи найден сустав ноги мамонта.

Находка передана в Новозыбковский музей.

«Ударник», 10 января 1935 г.

● На р. Вологде между затоном Векса и Лимендинскими заводами рыбаки вытащили неводом с речного дна часть нижней челюсти мамонта.

На р. Сухони около Наземских Исал найдены также кости мамонта.

«Северный комсомолец», 23 октября 1935 г.

● Близ с. Лая, Тагильского района, на глубине 9 м артелью старателей найден клык мамонта длиной в 2,9 м.

Там же найден и зуб мамонта.

Находки переданы в Тагильский краеведческий музей.

«Колхозный путь», 30 октября 1934 г.

● На берегу р. Лозьвы, в 7 км от с. Шабурова (Урал) краеведы из Таборинского Леспромхоза обнаружили в воде скелет мамонта. Часть скелета оказалась вымытой из двухметрового слоя торфа, покрытого глинной.

«Уральский рабочий», 29 сентября 1935 г.

— В Зимнянском логу (Урал) на глубине 8 м А. Д. Власов нашел два коренных зуба и копытную часть ноги древней лошади.

«Уральский рабочий», 28 апреля 1935 г.

● В районе р. Сосьвы, близ деревни Артюшки (Урал), рабочий Химлесхоза Князев нашел череп мамонта. В этом же месте Князевым в 1934 г. найдена часть скелета мамонта, переданная им в музей Дворца культуры.

«Уральский рабочий», 15 января 1935 г.

● В колхозе «Красный Восток», Комбулатовского сельсовета, Бишкильского района, старателями золотых приисков Циквиним и Замотаевым на участке Медведевского зерносовхоза (бывш. Тимин Лог) найдены кости мамонта.

«Челябинский рабочий», 27 сентября 1935 г.

● В дер. Алешуниной, Боровицкого сельсовета, Фоминского района (Поволжье), на небольшом увале, на берегу оз. Виша, на поверхности земли найдены обломки керамики, глиняные сосуды, кремневое орудие и обломок кремневой трехгранной стрелы.

Находки переданы в Горьковский краевой музей.

Местные жители сообщают, что в 3—4 км от дер. Алешуниной, на берегу о. Виша, также встречаются подобные находки.

«Горьковская коммуна», 21 октября 1935 г.

● В с. Рыбном, Вольского района (Поволжье), на значительной глубине найдена челюсть человека, обломки керамики и следы очага.

«Коммунист» (Саратов), 20 августа 1935 г.

● В песках среднего бассейна реки Оскода, в Валуйском и соседних с ним районах, местными краеведческими кружками, главным образом валуйскими школьниками, собрана коллекция, содержащая кремневые наконечники стрел, ножи, скребки, ядрища, обломки глиняной посуды с орнаментом из отпечатков пальцев, шлифованные молоты, крупные глиняные бусы. В меловых обрывах рр. Оскода и Валуя краеведами обнаружен ряд пещер с признаками древнего обитания.

«Оренбургская коммуна», 17 ноября 1935 г.

● На берегу р. Свяги, в песке, механиком кирпичного завода Киселевым найден костяной гарпун.

Находка передана в местный музей.

«Волжская коммуна», 26 сентября 1934 г.

● В г. Ливны, на улице, на глубине полуметра, найден каменный топор с опоясывающим желобком-шейкой, для привязывания его к рукоятке.

Находка известна краеведу т. Шилу.

«Бурская правда», 15 ноября 1935 г.

● По р. Болве, от г. Песочни до впадения Болвы в Десну, бежедскими краеведами найдены: зуб мамонта, обломки кремневых орудий, керамика, курганы, селища и городища, значительной сетью разбросанные по выступам над Болвой.

«Рабочий путь», 25 декабря 1934 г.

● На усадьбе Кармановской МТС, Западной области, на глубине 1 м от поверхности земли, найдено 5 кремневых шлифованных молотков разной формы и разного размера, два каменных долота, с шлифованными, острыми, ровными лезвиями, и 2 сосуда.

Находки переданы в Смоленский исторический музей.

«Рабочий путь», 17 июля 1935 г.

● На берегу р. Пинеги, Северного края, около колхоза им. Сталина, Пинежского района, колхозниками дер. Сомполье найдены каменные топоры, наконечники стрел и копий.

Находки переданы в Архангельский музей.

«Ленинградская правда», 14 ноября 1934 г.

● На строительстве Орского Лocomотивстроя при рытье котлована обнаружено погребение с сохранившимися костями человека, оружием и другими бронзовыми и каменными предметами.

О находке сообщено местным краеведам.

«Волжская коммуна», 26 ноября 1934 г.

● В районе Поволжья, на территории Куйбышевского Дома отдыха водников, обнаружен могильник, в котором вскрыты отдельные погребения. В них найдены женские и мужские скелеты. С женскими скелетами обнаружены бронзовые, орнаментированные браслеты, застежки, пряжки, бусы, кольца, родовые знаки, вырезанные на бронзе. Возле мужских скелетов найдены стрелы и секиры. Рядом с одним скелетом находились кости лошади.

Кроме того, найдены монеты с татарскими надписями.

«Горьковская коммуна», 28 сентября 1935 г.

● В поселке Боженкуль, Байнетковского района, найден каменный наконечник стрелы.

По определению проф. Дравера находка относится к андроновской культуре.

«Прикаспийская правда», 24 мая 1935 г.

● В Дувалинском районе, Южной области, при постройке шоссеиной дороги найдены древние кувшины, блюда, ручные жернова. Большинство предметов хорошей сохранности.

Находки переданы Областному краеведческому музею.

«Прикаспийская правда», 8 июня 1935 г.

● В окрестностях г. Издешково краеведом Фроменковым из дер. Яковино, Каблуковского сельсовета, Издешковского района, обнаружены курганы и 2 городища.

«Рабочий путь», 29 декабря 1934 г.

● В дер. Артемьево, Домгатыковского сельсовета, Александровского района, при земляных работах обнаружен глиняный сосуд с серебряными монетами XVI—XVII вв.

Находки переданы в Ивановский музей.

Ц. О. «Правда», 3 октября 1934 г., см. также «Ленинец» (Иваново), 30 сентября 1934 г.

● В Коврпийский краеведческий музей доставлены медные монеты чеканки XVIII в., которые секретно хранились в деревне с. Малые Всегодичи.

«Рабочий край» (Ив.-Возн. обл.), 12 сентября 1934 г.

● В г. Казани против Кремля, на ул. Баумана при проводке канализации найдены древние монеты и оружие.

На Банковской улице обнаружено скопление скелетов, относящихся к XVI в.

О находках сообщено в Центральный музей, который взял на себя наблюдение за дальнейшими работами.

«Красная Татария», 4 октября 1935 г.

● Близ с. М. Барышка (Поволжье) сурскими краеведами в разрушенном могильнике найдена сабля татарского типа.

«Волжская коммуна», 17 ноября 1935 г.

● В районе Средней Волги местными краеведами, на основании архивных материалов, найдено около 100 древних рудников, из которых 10—меднорудные, 9—железные и 5—серные. При обследовании рудников, расположенных в Оренбургском районе, под обвалом земли найдены человеческие скелеты, кожаные сумки, набитые рудой.

Местное бюро краеведения предпринимает составление карты расположения рудников, а также разрабатывает исследовательские маршруты.

И. О. «Правда», 21 декабря 1934 г.

● Под Орском, в районе новостроек, между двумя казахскими аулами, обнаружена кольчуга, сделанная из железных колечек, диаметром в 1 см и толщиной в 1—1½ мм каждое. Внизу передней половины кольчуги впаяна медная бляха с надписью на арабском языке и цифрой 304.

Находка передана в Оренбургский областной музей.

«Горьковская коммуна» 23 августа 1935 г.

● В Оренбургском районе геолого-разведочной партией обнаружен могильник, X в. н. э., содержащий стрелы, шлемы, нарукавники.

«Горьковская коммуна», 23 августа 1935 г.

● Колхозником Липаниным артели «Путь Ленина», Бугурусланского района, найден в поле железный наконечник

стрелы, повидимому относящийся к XII—XIII вв.

Находка передана в Бугурусланский музей.

«Оренбургская коммуна», 20 июня 1935 г.

● В 10 км от Куйбышева обнаружен могильник XIV—XV вв., в котором найдены оружие, а также золотые, бронзовые и серебряные украшения.

И. О. «Правда», 10 июля 1935 г.

● В колхозе «Канаш», Куйбышевского пригородного района, колхозник Е. Белов на огороде нашел чугунный сосуд с серебряными монетами, выпуска времени Петра I, Елизаветы и Екатерины II.

«Волжская коммуна», 24 мая 1935 г.

● В лесах Дубинского и Zubovo-Полянского районов Мордовской республики обнаружено пять городищ-крепостей XVI—XVII вв.

В с. Пимбуре найдено около 1000 серебряных монет, арабских, персидских и древнерусских.

И. О. «Правда», 10 февраля 1935 г.

● В дер. Кромки, Горно-Марийского района, крестьянин Кирилл Кузмич Лихачев в земле обнаружил глиняный сосуд, в котором оказалось 250 медных монет 1784—1786 гг. Почти все монеты копеечного достоинства, из них 8 штук трехкопеечные и 4—двухкопеечные. Монеты весят до 50 г каждая.

«Марийская правда», 15 августа 1935 г.

● В поселке Зеленый Борок, Перевозского сельсовета, Западной области, Мария Абросимова нашла на своем огороде 125 серебряных богемских монет XIV и начала XV вв.

Абросимова передала находку в Ново-зыбковский музей.

«Известия» ЦИК СССР, 3 апреля 1935 г.

● В г. Смоленске, на территории строительства Лыскокомбината (на площади, где прежде был базар) землекопы обнаружили погребения в дубовых гробах, относящиеся к XV—XVI вв. Гробы выдолблены из целого дуба. Там же найдено каменное ожерелье.

«Рабочий путь», 30 июня 1935 г.

● В г. Смоленске, на обрыве городского вала, учеником Георгиевым найден железный топор, грубой кустарнойковки, с закругленным лезвием, с высеченным знаком «XII», длиной 40,4 см, весом 3,4 кг.

«Рабочий путь», 3 июля 1935 г.

● В дер. Заэран, Кадуйского района, Ленинградской области, А. К. Мишенькин из колхоза «Новый путь» нашел 1958 серебряных монет, возле которых обнаружен глиняный сосуд. Монеты относятся к эпохе «Великого Новгорода».

О находке Мишенькин сообщил в районное отделение милиции.

«Красная газета», 26 марта 1935 г.
«Ленинградская правда», 23 апреля 1935 г.
Ц. О. «Правда», 25 апреля 1935 г.
«Портовская правда», 25 апреля 1935 г.

● В дер. Подборовка, Старорусского района, у впадения р. Ловать в Ильменское озеро кр. Лохина нашла в земле сосуд с медными персидскими монетами, гириями и весами.

О находке было сообщено в Гос. Эрмитаж, сотрудник которого Ф. М. Морозов собрал у крестьян лишь разрозненные части находки.

«Комсомольская правда», 11 марта 1935 г., с.м. также «Красная газета» 11 июня 1935 г.

● В лесу, недалеко от р. Вихлис — притока р. Паши (Ладожский район), на глубине 30 см от поверхности, местным охотником найден медный котел, в котором оказалось 11 000 целых серебряных монет, 1000 обломков и серебряный слиток. Монеты являются немецкими, датскими, саксонскими, чешскими, итальянскими, а также входят восточные с куфическими надписями халфатов, месопотамские, персидские, монеты Центральной Азии и т. д.

Находка передана в Гос. Эрмитаж.

«Смена», 3 ноября 1934 г.; с.м. также «Ленинградская правда», того же числа 1934 г.

● В г. Кирове, по ул. Халтурина, в огороде д. № 33, на месте бывшего рва, окружавшего посад города, Вл. Пономаревым найдено 14 медных византийских монет.

Находка передана Владиславом Пономаревым в Исторический отдел Кировского краевого музея.

«Кировская правда», 24 сентября 1935 г.

● В г. Кирове, в районе строительства Дома Крайисполкома рабочие обнаружили древнее кладбище, относящееся к XVII—XVIII вв., на котором сохранились остатки костей человека, медные кресты, монеты начала XVIII в., изразцы XVII в., слюда, ручные каменные жернова.

«Кировская правда», 28 сентября 1935 г.

● На Малой Северной Двине, между Котласом и Великим Устюгом, в местечке Городок, в насыпном вале кольце-

образной формы, обнаружена железная дверь. О находке сообщено местным учреждениям.

«Вечерняя Москва», 11 ноября 1935 г.

● В Свердловский краеведческий музей доставлена серебряная монета, относящаяся к началу первого тысячелетия н. э.

Монета найдена на побережье Черного моря.

«Труд» (Свердловск), 6 апреля 1935 г., с.м. также «Смена», 6 апреля 1935 г.

● В 3 км от Тагила, на Ланиной горе, на глубине 2 м, группа рабочих обнаружила горшок, наполненный 70 серебряными монетами, достоинством в 1 рубль каждая, времени Петра I и Екатерины II. Общий вес монет около 4 кг.

Монеты переданы в Тагильский краеведческий музей.

«Известия» ЦИК СССР, 17 октября 1934 г.; с.м. также «Лен. правда», 18 октября 1934 г.

«Колхозный путь», 18 октября 1934 г.
«Уральский рабочий», 20 октября 1934 г.
Украинская ССР

● В Днепропетровске, в карьере завода на Аптекарской балке, на глубине 8—12 м, в песчано-глинистых наносах найдены кости мамонта — нижняя челюсть с зубами и кости конечностей, зубы первобытной лошади, челюсть небольшого хищника, а также значительное количество древесного угля.

«Звезда» (Днепропетровск).

● При земляных работах, на строительстве Днепрогэса обнаружены шиферные каменные плиты.

Находки переданы в Харьковский исторический музей.

«Известия» ЦИК СССР, 15 мая 1935 г.

● В Киевский институт материальной культуры доставлен древний челн, найденный в торфяной массе близ с. Червоного, Андрушевского района. Челн хорошей сохранности. Длина его 11½ м, ширина 0,70 м.

Древность челна ориентировочно определяется в 2000 лет.

«Известия» ЦИК СССР, 17 ноября 1934 г.

● В с. Александровка, Днепропетровского района на огородах колхоза им. Карла Либкнехта, на глубине около 1 м, найдена большая глиняная амфора, вместимостью около 2 ведер.

Находка передана в Днепропетровский исторический музей.

«Звезда», 6 июня 1935 г.

● На горе Карачун, близ р. Славянска, рабочие меловых карьеров нашли 2 сосуда, покрытые орнаментом, и череп человека.

«Соц. Донбас» (Сталино), 15 октября 1935 г.

● Рыбацкая артель «Красный маяк» вытянула неводом в р. Конка греческую амфору.

Находка передана в местный Исторический музей.

«Известия» ЦИК СССР, 17 апреля 1935 г.

● В с. Кочкаревке, близ Никополя, найден железный орнаментированный шлем, с изображениями на нем женщин, животных и растений. В нижней части шлема расположены надписи.

Находка передана в музей Днепро-Днепростроя.

«Челябинский рабочий», 14 апреля 1935 г.

● В Троянове колхозник артели «Большевик» Андрей Прилипко нашел сосуд с 562 польскими серебряными монетами.

Прилипко передал находку Бердичевскому историческому музею.

«Всеукраинский пролетарий», 25 мая 1935 г.;

с.м. также «Коммунист», 27 мая 1935 г.

● В с. Райки, Бердичевского района, во время раскопок обнаружена литейная и кузнича, относящиеся к XIII столетию.

«Рабочая Москва», 23 мая.

● В Киеве, при прокладке водопроводных труб по ул. Короленко, обнаружены остатки ворот древнего города. По мнению Института материальной культуры Украинской Академии Наук это фундамент «Батыевых ворот».

И. О. «Правда», 17 мая 1935 г.; с.м. также «Известия» ЦИК СССР, 21 мая 1935 г.

● В Киеве, на правом берегу Днепра, при земляных работах, найдены остатки деревянной стены, представляющие частокор из крупных сосновых бревен. Стена идет вокруг Киево-Печерской лавры.

«Вечерняя Москва», 21 июня 1935 г.

● В Киеве во время земляных работ обнаружены древние памятники: 1) остатки «Ярослава вала»; 2) в парке Дворца пионеров и октябрят, над обрывом Днепра, обнаружены погребения в два яруса. В двух погребениях найдены глиняные сосуды; один из них орнаментированный.

«Пролетарий» (Киев), 18 июля 1935 г.

● Колхозники Ново-Петриковского сельсовета, Старо-Каранского района, (Донбас) во время земляных работ обнаружили подземный ход, идущий по направлению к кургану.

О находке сообщено Украинской Академии Наук.

«Пролетарий», 8 июня 1935 г.

● В дер. Тралесин, Белыничского района, найден глиняный кувшин с монетами XVII в. Большинство монет — польские, остальные — московские, немецкие, испанские.

Находка передана в Могилевский музей.

И. О. «Правда», 23 декабря 1934 г.

Северокавказский край и ЗСФСР

● Таганрогскими краеведами найдено на месте раскопок курганов, близ завода им. Андреева, скопление костей ископаемых животных — южного слона, первобытного быка, оленя, верблюда.

И. О. «Правда», 18 ноября 1934 г.

● На Малкисских золотоприсках в районе Нальчика найден бронзовый топор, имеющий вид пластины, со слегка закругленным лезвием; длина топора 19 см. Находка относится к бронзовому веку. Передана в Областной музей г. Нальчика.

«Комсомольская правда», 10 мая 1935 г.

● В совхозе «Южные культуры», Адлерского района, при закладке нового питомника цитрусовых растений найдены обломки глиняной посуды, кинжалы и ряд других предметов.

«Армавирская коммуна», 14 февраля 1935 г.

● В с. Ново-Михайловке, Туапсинского района, найдено погребение, состоящее из 6 высеченных каменных плит, внутри которых обнаружен человеческий скелет, сабля длиной в 1¹/₂ м, сосуды, пять металлических наконечников стрел.

«Молот» (Ростов н.Д.), 5 ноября 1935 г.

● В с. Ново-Грековка, Матвеево-Курганского района, в 50 км от Таганрога, во время земляных работ, у подножия большого кургана, на глубине 1 м найден двухсторонний железный топорик.

Находка передана ростовскому археологу Миллеру.

«Молот», 10 октября 1935 г.

● Вблизи Моздока рабочие железнодорожного карьера обнаружили несколько погребений, в которых найдены большие глиняные сосуды овальной формы до 80 см высотой, большое количество маленьких сосудов с орнаментом, бронзовые наконечники стрел и кости животных.

Находки переданы в Пятигорск.

«Северо-Кавказский большевик», 30 мая 1935 г.; см. также «Волжская коммуна», 6 июня 1935 г.

● В г. Анапа и его окрестностях найдены чеканенные монеты, металлическая статуэтка воина, обломки надписей, сосуды и другие предметы.

Близ здания бывшей электростанции найдены фрагменты расписного чернолакового сосуда с двумя ручками хорошей сохранности. На обломках сосуда сохранились изображения человеческих фигур и головы животного с открытой пастью. Здесь же найдены черепицы, причем на некоторых имеются клейма.

«Молот», 16 июля 1935 г.

● В районе ст. Гостегаевской, недалеко от Анапы, обнаружены 3 погребения, в которых найдены античные бусы, сосуды, покрытые черным лаком, и другие предметы.

Находки переданы в Анапский музей.

«Молот», 17 октября 1935 г.

● На территории керосинопровода, близ станции Мухет (Грузия), во время земляных работ обнаружено погребение в форме ящика из обтесанных каменных плит, в котором найдены: глиняные сосуды, украшения и серебряная монета, относящаяся к I в. до н. э.

О погребении сообщено в Тбилиси. (Тифлис).

«Тифлисский рабочий», 22 ноября 1934 г.

● В с. Тьварчели в районе Сухума при постройке Акармарской дороги, учеником Сухумской образцовой школы найден бронзовый топор.

В с. Лечкоп, близ Сухума, членом коллегии защитников Жуковским найден бронзовый топор, тяжелый, массивный, колдского типа.

В Гаграх найдено 9 бронзовых топоров.

Находки переданы в Абхазский музей краеведения.

«Коммунист» (Ереван), 20 апреля 1935 г.

● В окрестностях Еревани, в садах Козда, при рытье оросительного канала обнаружены остатки гробницы, которые, по определению работника Института истории культуры Армении Кафаджяна, относятся к дохристианской эре.

«Коммунист», 9 марта 1935 г.

● В татском поселке «Красная слобода», Кубинского района, на старом кладбище в земле найдены — бронзовая фигура оленя, оказавшаяся внутри полой, длиной 15 см, светильник и спица с накопечником. На всех предметах имеются обрывки тонких депочек. По времени находки относятся к последним векам до н. э.

Вещи переданы в Сектор истории материальной культуры Азербайджанского филиала Академии Наук.

«Бакинский рабочий», 4 октября 1935 г. см. также «Коммунист», 14 октября 1935 г.

● В с. Хач-Булаг, в Достафюрском районе (Азербайджан), при рытье фундамента обнаружена в земле каменная мопла, в которой оказались человеческий череп и костяк, 8 сосудов, расставленных по длине могилы (из них 2 были заполнены водой), орнаментированная глиняная миска красного обжига, бронзовый наконечник копья и обломок бронзового кинжала. В земле, окружающей моплу, было много круглых сердоликовых бус. Находки относятся к бронзовому веку.

Вещи переданы в Азербайджанское центральное управление охраны памятников революции, искусства и старины. *«Бакинский рабочий», 20 октября 1934 г.*

● В Ваке, предместье Тбилиси, (Тифли), обнаружена могила, сложенная из обожженных глиняных плит в форме ящика, в которой заключались кости мужского скелета и кости лошади.

«Молодой рабочий» (Тбилиси), (Тифлис) 26 декабря 1934 г.

● В Нагорном Карабахе, в районах нового строительства обнаружены находки: в с. Доладар найдены монеты времени римского императора Августа, оружие и золотые украшения. В с. Мадагиз найден орнаментированный эфес шашки, выточенный из слоновой кости. В с. Балудгва обнаружены большие каменные сосуды с частично сохранившимися костями человека, золотые и бронзовые серьги, браслеты и другие предметы.

«Красная газета» (веч. вып.), 25 мая 1935 г.

● В Шпракской степи (Грузия) во время мелиоративных работ обнаружены древние глиняные сосуды.

Находки переданы в Музей Грузии. *«Тифлисский рабочий», 17 февраля 1935 г.*

● В м. Архенлос-Кало (Спнахский район), на высоте 740 м во время рытья Шпракского водопровода обнаружены

гончарные изделия, человеческие кости, бусы, бронзовые бляхи и другие предметы. По определению археолога Нюпрядзе предметы относятся к 1—2 вв. н. э.

«Тифлисский рабочий», 23 июля 1935 г.

● В дер. Агаани, Горийского района, во время земляных работ обнаружено погребение в глиняном гробу, в котором находился скелет женщины, золотые украшения — кольца, бусы и 2 золотые монеты. Одна из них имеет на лицевой стороне изображение императора Константина Великого, а на обороте — битву и двух побежденных. На этой же стороне надпись: «Виктор Омниум Гентум» (победитель всех народов). Другая монета — местной чеканки, имеет на лицевой стороне изображение императора в профиль, а на обороте — ангела победы.

Находки переданы в Музей Грузии.

«Коммунист», 6 января 1935 г.; см. также «Заря Востока», 18 января 1935 г.

«Вечерняя Москва», 20 января 1935 г.

● На берегу озера Палеостом, недалеко от Лоти, найден овальной формы камень с надписью по-гречески «Елена — Константин»; камень относится к первым векам н. э.

«Вечерняя Москва», 14 февраля 1935 г.

● В Николаеве, близ станции Абаша, крестьянином с. Сепиети найден небольшой глиняный сосуд с 500 монетами, относящимися к первым векам н. э.

Находка передана в Музей Грузии.

«Заря Востока», 1 ноября 1934 г.; см. также «Тифлисский рабочий», 10 ноября 1934 г.

● Близ с. Тагелони на правом берегу р. Ингура найдены остатки мужского погребального инвентаря, в числе которого серебряная посуда, обломки золотой отделки оружия, конские удила, остатки кольчуги.

Находки относятся к первым векам н. э.

«Тифлисский рабочий», 25 сентября 1935 г.

● В Музей Грузии в 1934 г. переданы 77 серебряных монет, которые найдены крестьянином Джибуа при ремонте Зугдидского шоссе, в 2 км от Зугдиди. Монеты хранились в глиняном сосуде.

Две монеты являются дидрамами колхидского типа с изображением лежащего льва. На трех монетах с одной стороны изображена голова льва, с другой — голова львицы.

По определению работника Музея Грузии Макалатпя, монеты относятся к IV—V вв. до н. э.

«Молодой рабочий», 17 ноября 1934 г.; см. также «Известия» ЦИК СССР, 16 апреля 1935 г.

● В с. Двин, Камарлинского района (Армения), колхозница Егнар Худоян нашла золотой крест весом 18,4 г. Крест покрыт орнаментом; посреди креста на красном камне изображена птичка. По времени крест относится к средним векам н. э.

Находка передана в Гос. Музей Армении.

«Заря Востока», 3 июня 1935 г.; см. также «Комсомольская правда», 12 июня 1935 г.

● С каменистого дна Каспия рыбаками вынут медный литой котел, весом в 26 фунтов. Широкие с вырезами края котла украшены орнаментом. Основную часть орнамента составляет надпись на древнеарабском языке. На противоположной стороне котла по обе стороны сливного желобка изображены два крылатых льва. Эта часть орнамента связана рисунком вьющегося стебля. С двух сторон котла пмеются ручки.

Находка передана в Дагестанский музей. По определению работников Музея, котел относится к средним векам н. э.

«Дагестанская правда», 3 апреля 1935 г.; см. также «Известия ЦИК СССР», 6 апреля 1935 г. и «Дагестанская правда», 10 апреля 1935 г.

Крымская АССР

● На горе Митридат близ Керчи на месте старых раскопов Пантикапей, после обвала осыпи, найдена мраморная плита, высотой 0,43 м, с художественными рельефными изображениями Силены, относящаяся к IV в. до н. э.

«Красный Крым», 26 июня 1935 г.

Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальневосточный край

● У дер. Ганпхиной, Невлевского сельсовета, на р. Тоболе, местные рыбаки вытащили из воды два бивня, позвонки и зубы мамонта. Часть находки хранится в колхозе «Красный хлебороб».

О находке сообщено в Тюменский музей.

«Советский Север», 24 октября 1934 г.

● На Бугрянском гравийном карьере (левый берег Оби, против Новосибирска) найден зуб мамонта и часть рогов оленя.

Здесь же, в 1934 г., в гравийной толще, на глубине около 3 м были найдены несколько зубов мамонта и череп ископаемого быка.

«Советская Сибирь», 5 марта 1935 г.

● Жители с. Екатериновки, Таврицкого района, в р. Туи (приток Иртыша) на протяжении ряда лет извлекают из воды хорошей сохранности части скелетов мамонта и других ископаемых животных.

«Омская правда», 16 сентября 1935 г.

● Как сообщает Сухобузимская районная газета «Ударник», в 2 км к юго-востоку от с. Нахвального, учащиеся местной школы на глубине 2 м нашли бивни мамонта и еще какие-то кости доисторических животных.

Находка направлена в Краевой музей.

«Красноярский рабочий», 28 сентября 1935 г.

● Недалеко от г. Тулуна строители овощехранилища при рытье ям встретили кости мамонта; кости находились на глубине 2 м. Найдены: зуб мамонта, ребра, голень и часть позвоночника. Кости хорошо сохранились под слоем плотной почвы. Местные жители сообщают, что им и раньше приходилось часто находить громадные кости каких-то неизвестных животных.

«Восточно-Сибирская правда», 4 октября 1935 г.

● В Глубокой пади на Якомовском участке Саватеевского сельсовета Иркутского района золотискателем П. Г. Крестиковым найдены часть зуба и клык мамонта.

«Восточно-Сибирская правда», 6 августа 1935 г.

● Местными жителями — юкагирами на р. Корколдон (приток Колымы) найден скелет мамонта, полностью сохранившийся.

И. О. «Правда», 25 июня 1935 г.

● При слиянии р. Анадыря и Майи заведующий Анадырским музеем Селько обнаружил «кладбище» мамонтов. Под льдом в разрушенных водой и ветром древних береговых отложениях отчетливо видна масса мамонтовых скелетов.

«Ленинградская правда», 24 марта 1935 г.

● В Педжинском районе, Дальне-Восточного края, найдено «кладбище» мамонтов. Собрано много бивней.

«И. О. «Правда», 15 января 1935 г.

● В районе Маратовского предместья, в выемках земли на кирпичном заводе, в пластах лёссовидных глин, на глубине около 3 м, обнаружены многочисленные кости мамонтов, носорогов, оленей, ископаемого быка и каменные орудия. По устному сообщению А. Окладникова, аспиранта археолога Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, осмотревшего эти находки, каменные орудия аналогичны с верхоленискими палеолитическими находками.

Находки переданы в Краевой музей.

«Восточно-Сибирская правда», 3 сентября 1935 г.

● По р. Омь, недалеко от ст. Барбинск, членами кружка при Куйбышевской детской технической станции обнаружена стоянка, при обследовании которой найдены остатки костров, кости животных и обломки глиняной посуды.

«Советская Сибирь», 15 июля 1935 г.

● На расстоянии полуклометра от ст. Угольной Уссурийской ж. д., со стороны Владивостока, по левую сторону железнодорожного полотна, археологической секцией юнатов при Приморском областном музее найдены каменный топор, керамика и другие предметы.

В долине р. Песчанки, между ст. Угольной и с. Угловым, секцией же юнатов найдена глиняная жировая лампа с длинной ручкой, каменные грузила, керамичка, каменные наконечники стрел, наконечник из кости и другие каменные орудия.

«Красное знамя», 11 августа 1935 г. и 16 сентября 1935 г.

● На берегу р. Шим, вблизи от Васьюганских болот, учениками дер. Усть-Куренга, Сырбаминского сельсовета, Седельниковского района, найдены череп и кости человека, каменные орудия и костяные украшения. В составе находок имеются зубчатый нож из глинистого сланца, шлифованный кинжал из глинистого сланца и пика из глинистого сланца.

Находки доставлены колхозником Лисовским в редакцию Тарской окружной газеты «Ленинский путь», откуда переданы в Омский музей.

По сообщению Лисовского, на месте, где найдены кости человека и другие предметы, в 1934 г. найден кремневый наконечник стрелы.

«Омская правда», 5 июля 1935 г.

● В 3 км от Бердска, вверх по течению Оби, на правом берегу реки учениками новосибирских школ Е. Оболенским и Б. Еременко найдено городище на высоте 8 м над уровнем воды. На

месте городища обнаружены рвы, следы костров, кости и керамика с колотым и вычерченным орнаментом.

О месте находки сообщено в Бюро краеведения.

«Советская Сибирь», 2 августа 1935 г.; см. также «Пионерская правда», 26 октября 1935 г.

● На берегу р. Томи, ученица Старо-Кузнецкой школы Повернинова нашла бронзовый подсвечник, изображающий борьбу дракона со зверем, обвитый цепями лотоса.

По художественному оформлению подсвечник можно отнести к VII—VIII вв. и считать принадлежащим уйгурам.

«Комсомольская правда», 10 апреля 1935 г.

● В местности «Шаманский мыс», на левом берегу р. Васьюгана, у с. Васьюганского найдены медные, бронзовые и костяные изделия, изображающие животных, птиц и человеческие фигуры. Здесь же найдены бронзовые и каменные стрелы, бронзовый котел, обломки глиняной посуды и кострище.

Ряд стоянок и городищ находится по верхнему и среднему течению р. Васьюгана — у Кильсина, Калганак, Сологичи и других местах, а также по р. Час, у устья р. Иксы, на горе Кулайке.

Из предметов, найденных у горы Кулайка, следует отметить бронзовые ажурные изделия с изображением животных, птиц и человеческих фигур.

Разнообразные бронзовые изделия найдены при раскопках городищ по рр. Бокчару, Нюрсе, Парабелу и Бундюру. «Советская Сибирь», 2 августа 1935 г.; см. также «Советская Сибирь», 14 октября 1935 г.

● Восточносибирскому краевому музею гр. Грюнбергом передана коллекция, в состав которой входят древние литые вещи из металла, резьба по дереву, кельты, кинжалы, лопашки, бронзовые серьги, кольца, долота и ряд других предметов.

«Комсомольская правда», 2 мая 1935 г.; см. также «Вост.-Сибирская правда», 29 мая 1935 г.

● На Канчалском барптовом руднике, в долине р. Уйбата (Хакасия), инженером Казанцевым во время земляных работ найдены деревянные статуэтки, кованый браслет и сбруйные украшения.

Находки переданы Казанцевым в Минусинский музей.

«Красноярский рабочий», 30 декабря 1935 г.

● На пригородном хозяйстве Петропавловского рыбного комбината Даль-

крайсоюза, на Петропавловском озере, при раскорчевке пней на новых участках, на сопках, на глубине от 1 до 2 м, обнаружены обломки кинжалов и другое оружие, конская сбруя, паззды с надписями и другие предметы. Вещи найдены на твердом грунте, поверх которого лежал толстый слой чернозема.

«Тихоокеанская звезда», 6 декабря 1934 г.

Среднеазиатские республики

● На правом берегу Аму-дарьи, возле развалин Термеза, термезский уполномоченный Узкомстариса т. Парфенов нашел каменные орудия и фрагменты керамики.

«Правда Востока», 25 ноября 1935 г.

● В г. Алма-ата, на углу улиц Дунгайской и Пастера, при проведении траншеи водопровода на строительстве табачной фабрики, рабочие на глубине 1 м обнаружили глиняную водопроводную трубу, состоящую из нескольких колен с наружным диаметром 8 см и длиной 35 см. Труба состоит из строго цилиндрических отрезков, соединенных цилиндрическими же гончарными муфтами.

«Казакстанская правда», 18 апреля 1935 г.

● В г. Исфаре (Сев. Таджикистан) при прокладке новой мостовой найден небольшой кожаный мешочек с медными монетами.

Находка передана в Таджикскую базу Академии Наук.

Ц. О. «Правда», 2 августа 1935 г.

● В г. Ташкенте при очистке арка Чаули найдена медная монета, на которой сохранились арабские надписи религиозного значения.

По определению археолога Массона, монеты относятся к IX в.

«За коммунистическое просвещение», 24 марта 1935 г.; см. также «Комсомольская правда», 24 марта 1935 г.

● На Чирчикстрое, около Комсомольского поселка (Узбекистан), во время земляных работ на глубине 5 м обнаружены сводчатые гробницы VIII в. и начала XIV в. Длина каждой равняется 3 м.

Находки переданы в Узкомстарис.

«Правда Востока», 11 октября 1935 г.; см. также «Звезда», 28 октября 1935 г.

● Вблизи пос. Бурно-Октябрьское (Казахстан) при постройке шоссе на дороге колхозниками в земле обнаружены различные предметы древнего происхо-

ждения, среди которых найдены сосуды, блюда, ручные жернова.

«Правда Южного Казахстана», 3 июня 1935 г.

Б. РАВИНОВИЧ

РАБОТА СЕКТОРА ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА в 1935 г.

Сектор существует всего лишь пятый год. В течение первых трех лет сектором получен из разных музеев Ленинграда и Москвы ряд крупных археологических собраний. Освоение этих собраний, часто находившихся в запущенном состоянии в прежних местах их хранения, явилось первоочередной необходи-

мостью. Кроме того, в числе экспонатов памятников следует также упомянуть недавно вывезенный с Онежского озера массивный камень с петроглифами, который будет в ближайшее время помещен на выставке Северо-Восточной Европы.

На ряду с музейно-организационной работой, велась и экспозиционная работа.

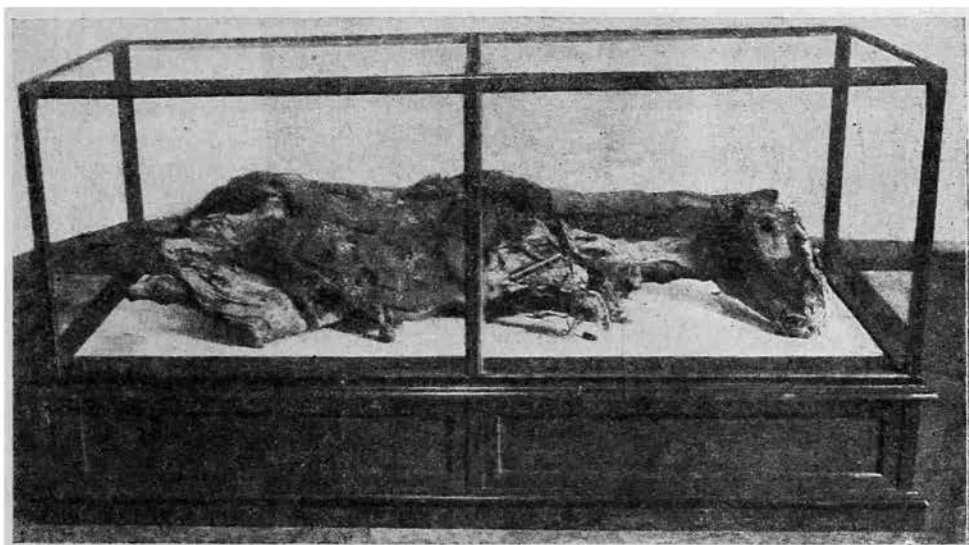

Рис. 1. Эрмитаж. Пазырыкское погребение. Труп лошади.

мостью, без чего нельзя было полностью приступить к подготовке экспозиции. Поэтому основная работа сектора в истекшем году была направлена на приведение в порядок и организацию хранения своих обширных запасов. Много проделано по разбору коллекций по первоначальным комплексам и по очистке предметов и их реставрации.

Кроме первых поступлений, Сектор продолжает пополняться за счет материалов из последних раскопок, произведенных ГАИМК, по особой договоренности между этим учреждением и Эрмитажем. Из поступивших в Сектор

и в конце прошлого года Сектор дал свои первые выставки.

Из подготовляемой выставки «Первобытно-коммунистическое общество и его разложение в Южной Сибири», организатором которой является Г. П. Сосновский, закончен и открыт участок «Разложение первобытно-коммунистического общества» (Минусинский край и Алтай), занимающий четыре зала. В трех залах расположено Пазырыкское погребение, представляющее основную часть выставки. Этот исключительный по своей сохранности, ценный по содержанию, крайне ценный для науки памятник

экспонирован с возможной полнотой, с тщательным подбором комплексов конского убора и с значительной рекон-

шенпй и кожаных аппликаций и местами на них восстановлены золотые наклейки (рис. 1).

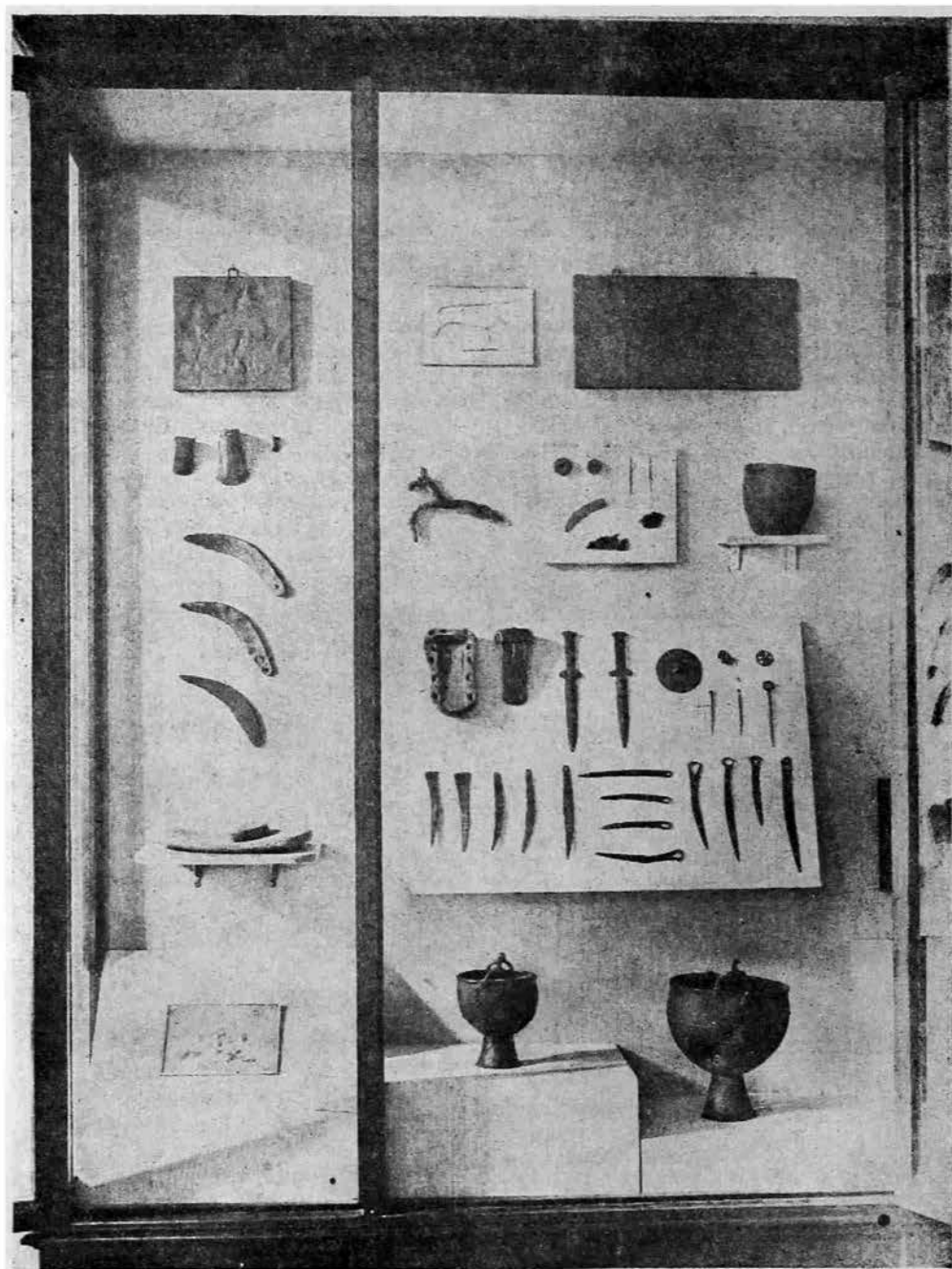

Рис. 2. Эрмитаж. Минусинский край. Показ производства на стадии разложения доклассового общества.

струкцией их отдельных элементов. Выставлены два трупа лошадей, все десять уздечек, семь седел целиком и части трех остальных; при этом заново смонтировано много деревянных укра-

В качестве противопоставления богатому погребению вождя показаны тут же в одном шкафе рядовые погребения предгорья Алтая, около начала н. э., с выявлением, в свою очередь, на их

могильном инвентаре имущественной дифференциации.

В зале, ведущем к экспозиции Пазырыка, представлено разложение рода в Минусинском крае, по тематическому принципу, по разным видам хозяйственной и идеологической деятельности общества, причем использованы как материалы случайных находок, так и ряд научно добытых комплексов.

В примыкающей к этим четырем залам галерее дана к ним вводная часть, где сжато показаны все основные стадии развития доклассового общества в Южной Сибири в их последовательности — от палеолита (Афонтова гора) до среднего периода эпохи бронзы (Карасукские погребения).

Эта вводная часть используется только при ведении экскурсий; для широкого же посещения она пока закрыта.

Сибирская выставка, открытие которой было приурочено к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, привлекла особое внимание иностранных гостей. В частности, виднейший делегат Конгресса, проф. Сарре, отмечал сильное впечатление, производимое Пазырыкским погребением как памятником уникальным в своем роде.

Выставка заняла сейчас заметное место среди других выставок Эрмитажа, и посещаемость ее растет.

Кроме того, к Иранскому конгрессу Сектором доклассового общества была развернута экспозиция «Скифского звериного стиля», вошедшая в состав выставки по иранскому искусству и археологии и имеющая поэтому временный характер.¹

На 1936 г. намечено дальнейшее развертывание экспозиции Сибири и устройство следующих выставок по юго-восточной Европе: Родовое общество в северном Причерноморье и на Северном Кавказе (скорченные костяки); Разложение родового общества, в тех же районах (скифы), и Ранний феодализм — там же (сарматы, готы и поздние кочевники) (рис. 2).

При Секторе работает научный кружок, на котором в истекшем году было зачитано несколько докладов.

Доклад Ю. В. Подгаецкого «Археологическое исследование М. П. Юргенсон

в 1912—1913 гг. в Воронежской обл.». Докладчик, на основании неопределенных архивных материалов, относит рассматриваемые памятники к позднему периоду эпохи бронзы и определяет их принадлежность родовому обществу — стадии становления патриархально-семейных отношений.

Б. З. Рабинович прочел доклад: «О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья».¹

Оживленные обсуждения вызвал доклад Л. А. Мацулевича: «Германский ли могильник городка Николаевки?»

На основании тщательного изучения характера погребений, содержащихся в них вещей и антропологических данных докладчик опровергает взгляд исследовавшего этот могильник буржуазного ученого Эберта, будто перед нами памятник, свидетельствующий о пребывании германцев в Нижнем Приднепровье.

Второй доклад Л. А. Мацулевича был посвящен: «Изображениям на умбоне из бывш. усадьбы Абдул-Керима (Керчь)». Два петуха на этом умбоне П. в. н. э. связаны не с ролью петуха в римской религии, а отражают представления, восходящие к стадии культовокосмического мышления и должны быть рассматриваемы как расщепление образа неба-птицы. Прения шли, главным образом, по вопросу о непосредственном значении изображений петухов на умбоне в их новом переосмыслении.

Своих собственных археологических экспедиций Эрмитаж в истекшем году не имел, но часть сотрудников Сектора доклассового общества приняла участие в экспедициях других учреждений. Г. П. Сосновский возглавлял Алтайскую экспедицию от Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода на Алтае, предпринимаемую в связи с подготовкой к третьей сессии Ассоциации в 1936 г. Исследования экспедиции впервые обнаружили памятники верхнего палеолита в районе Алтая.

Г. П. Грозднов и Н. Н. Гурина участвовали в Новгородской экспедиции ГАИМК (исследование Рюрикова городища). Н. Н. Гурина работала также в экспедиции по изучению петроглифов Карелии Академии Наук.

А. П. Манцевич участвовала в Ольвийской экспедиции ГАИМК.

Б. З. Рабинович участвовал в Моздокской экспедиции ГАИМК.

¹ См. каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии, вып. I, Ленинград, 1935, Зал 213, стр. 43.

¹ Напечатано в Сов. арх., № 1.

СОДЕРЖАНИЕ № 1 «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

	Стр.
Задачи «Советской Археологии»	1
С т а т ь и	
В. И. Равдоникас (Ленинград). К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря	9
М. В. Воеводский (Москва). К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР	51
Б. Рабинович (Ленинград). О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья	79
М а т е р и а л ы	
В. А. Городцов (Ленинград-Москва). Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура	105
П. С. Рыков (Саратов). Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.	115
М. В. Покровский (Краснодар). Пашковский могильник № 1	159
В. А. Городцов (Москва-Ленинград). Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.	171
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1930 г. в Новгородской земле	187
С. Н. Бибиков (Ленинград). Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г.	195
Я. П. Гумель (Азербайджан). О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-Чая	213
А. П. Окладников (Ленинград). Каменные рыбы	215
С. В. Киселев (Москва). Кузнецовские курганы	247
Н. А. Прокошев (Ленинград). Камская экспедиция 1935 г.	255
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К А Я Х Р О Н И К А	
А. М. Золотарев. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)	273
П. Р. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье	274
А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре	275
В. А. Адрианов. Раскопки у Сале-Харда в 1935 г.	278
Г. П. Гроздилов. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г.	279
Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея)	280
С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г.	282
Т. Ф. Геллах. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935 г.)	285
Т. Ф. Геллах. Новые коллекции археологического отдела музея ИАЭ АН СССР	286
Т. Ф. Геллах. Приобретение коллекций по трипольской культуре	287
Т. Ф. Геллах. Политпросветительная работа археологического отдела музея ИАЭ	288
К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я	
А. В. Мачинский. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки	291
А. А. Иессен, Д. Н. Лев. К истории горного дела	302

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция сборника «Советская Археология» предлагает авторам в отношении присылаемых рукописей придерживаться следующих правил:

1. Размер статьи не должен превышать 2 авт. листов.
2. Рукопись должна быть перепечатана на машинке через два переката на одной стороне листа с полями на левой стороне в 4 см. Ни в коем случае недопустимы в статье вставки от руки чернилами и карандашом, кроме знаков транскрипции.
3. К статье следует прилагать краткое резюме, исходя из расчета 1 стр. на 1 авт. лист.
4. Рукопись должна быть тщательно выправлена с литературной стороны.
5. Необходимо внимательное отношение к географическим названиям (придерживаться современной номенклатуры). Требуется единообразное, принятое в «Советской Археологии», сокращение названий метрических единиц (м, см, км, кг и т. д.) и румбов (СЗ, ЮВ и т. д.).
6. Цитаты должны быть сверены с источниками.
7. В ссылках должны быть точно указаны: год, место издания, том, выпуск, страницы.
8. Иллюстративный материал должен быть тщательно выполнен (особенно фотоснимки) и рассчитан на формат полосы текста «Советской Археологии» (при возможном уменьшении иллюстраций). Мелкие рисунки должны быть смонтированы в табллицы. Необходимо указывать масштабы. При монтаже указывать уменьшение. К иллюстрациям необходимо прилагать подписи и размечать в тексте рукописи их размещение. Желательно указывать, какие рисунки могут быть, в случае необходимости, сокращены. Плохо оформленный иллюстративный материал приниматься не будет.
9. По всем вопросам, связанным с рукописями, можно обращаться в редакцию «Советской Археологии» по адресу: Ленинград, Университетская набережная, д. 3, Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В моей заметке «Саяно-Алтайская Археологическая экспедиция 1935», помещенной в № 1 «Советской Археологии», выпало указание, что экспедиция проводилась Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.

7 декабря 1936 г.

С. В. Киселев.

Технический редактор Д. С. Бабкин.
Ученый корректор С. М. Даннин.
Сдано в набор 28 января 1936 г.
Подписано к печати 11 марта 1937 г.
4 стр. + 248 стр. (78 рис.) + 5 вкл. Формат
бум. 72×110 см. 16²/₃ печ. л. 51600 печ.
зн. 21.93 уч. авт. л. Тираж 2200 Ленгорлит
№ 851. — АНИ № 1266—Заказ № 2284.
Типография им. Володарского, Фонтанка, 57.